

ИР 54
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Е. С. Кулябко

М. В.

ЛОМОНОСОВ
и
УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ
НАУК

A decorative flourish consisting of a scalloped border with a central scrollwork element, framing the bottom of the title text.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

Е. С. Кулябко

М. В.
ЛОМОНОСОВ
и
УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ
НАУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1 9 6 2

АННОТАЦИЯ

В монографии исследуется одна из наименее освещенных сторон деятельности М. В. Ломоносова, связанная с его борьбой за преобразование Университета и Гимназии при Петербургской Академии наук. В ней раскрывается состояние учебного дела в России в конце XVII и первой половине XVIII столетия, состояние учебной работы в Академии наук до 1747 г. и Университета за 1747—1765 гг., выясняется роль Ломоносова в формировании русской интеллигенции. Самостоятельную ценность представляет биографический словарь студентов Академического университета за 20 лет его существования, приложенный к монографии. Исследование основано на документальных материалах Архива Академии наук и впервые вводит в научный оборот ряд новых ломоносовских документов.

Ответственный редактор

А. В. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ

М. В. Ломоносов.

Литография по рисунку А. И. Лебедега.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебные заведения Академии наук были любимым детищем Ломоносова. «Мое единственное желание состоит в том, чтобы привести в вожделенное течение Гимназию и Университет, откуда могут произотти многочисленные Ломоносовы», — писал он И. И. Шувалову в 1760 г.¹ вскоре после перехода этих учебных заведений в его единоличное заведование. Ломоносов считал эти два «департамента» Академии наук «наинужнейшими в приращении наук в отечестве».

В своих упорных попытках переустройства академических учебных заведений Ломоносов исходил из мысли, что Академия наук должна быть центром русского просвещения, а состоявшие при ней Университет и Гимназия должны готовить не только академических деятелей, но и различных специалистов-практиков, необходимых стране. В просветительных идеях Ломоносова нашли отчетливое отражение насущнейшие потребности экономического развития тогдашнего общества. Это развитие было невозможно без помощи отечественной науки, тесно увязанной с производственной практикой, и без своих национальных научных кадров. «Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний»,² — так формулировал Ломоносов основную задачу своей просветительной программы.

Ломоносов был, однако, чужд национальной ограниченности. Известно, с каким уважением он относился к передовым зарубежным ученым, с каким почтением он отзывался о своем марбургском учителе Христиане Вольфе, как рекомендовал в Академию наук хорошо ему известного марбургского профессора И.-К. Шпангенберга и поддерживал кандидатуру профессора Галльского университета И.-П. Эбергарда, как ценил добросовестного лектора Академического университета профессора И.-А. Брауна, как настойчиво хлопотал о пенсии вдове трагически погибшего профес-

¹ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 539.

² Там же, стр. 141—142.

сора Г.-В. Рихмана и о зачислении его сыновей на казенное содержание в Академическую гимназию.

Просветительная программа Ломоносова была построена в расчете на демократические силы общества. Ломоносов энергично поддерживал выходцев из народа, стремившихся овладеть наукой, и настаивал, чтобы к научной работе был открыт доступ «всякого звания людям», вплоть до тех, которые по дворянским понятиям того времени считались самыми низшими и которых называли «подлейшими». Особенно возмущало Ломоносова недопущение в академические учебные заведения лиц податного состояния.

Иных взглядов на задачи образования держалось большинство членов Академии, настаивавших на том, чтобы «не всем без разбору в одних училищах обучаться» и чтобы круг предметов преподавания, даже начального, был различен в зависимости от социального происхождения учащихся.³ Академия наук предпочитала выписывать из-за границы студентов и профессоров, вместо того чтобы готовить их у себя из «природных россиян». В итоге такого разномыслия положительно каждое организационное предприятие Ломоносова по учебной части встречало отпор и требовало борьбы. Столь же мало были заинтересованы в успехе академических учебных заведений имевшие влияние при дворе высокопоставленные вельможи И. И. Шувалов и М. И. Воронцов, через которых Ломоносов пытался осуществить свой замысел о преобразовании Академического университета.

Учебная деятельность Ломоносова в Академии наук, которой сам он придавал серьезнейшее значение, до настоящего времени не подверглась достаточно внимательному изучению. Если о роли Ломоносова в истории основания Московского университета написан целый ряд работ и монографий, то о Ломоносове, как деятеле Академического университета, сказано очень мало. Не имеется даже ясного представления и о самом Академическом университете.

Единственная большая работа на эту тему, выпущенная 75 лет тому назад одним из самых реакционных деятелей того времени графом Д. А. Толстым,⁴ основана на тенденциозно подобранном архивном материале и создает неверное понятие о первом русском университете, о его преподавателях и студентах. В другой работе — «Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г.»⁵ — Д. А. Толстой делает вывод, что так называемый Ака-

³ См. мнения, представленные членами Академии наук на запрос И. И. Шувалова от 7 декабря 1760 г. об учреждении гимназий и школ (Сухомлинов, вып. III, стр. 328—335).

⁴ Д. А. Толстой. Академическая гимназия в XVIII в. Записки имп. Академии наук, Приложение к т. LI, № 2, СПб., 1885, стр. 32—47; Академический университет в XVIII столетии. Там же, Приложение к т. LI, № 3, СПб., 1885, стр. 47—51.

⁵ Д. А. Толстой. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. СПб., 1883, стр. 10, 12.

демический университет был только фикцией. Просветительная работа Ломоносова недостаточно верно освещена и в статьях А. К. Бороздина «Академический университет в XVIII веке»,⁶ И. Бутова «Административно-педагогическая деятельность М. В. Ломоносова»⁷ и М. В. Владимирского-Буданова «Первая гимназия в России».⁸ В. К. Бобровникова — автор статей о педагогических взглядах Ломоносова и о влиянии его идей на развитие педагогической мысли в России во второй половине XVIII в., напечатанных в журнале «Советская педагогика»,⁹ — была незнакома с теми, недавно отысканными архивными документами, в которых педагогические воззрения Ломоносова нашли наиболее полное выражение.

Вопросу о борьбе Ломоносова за переустройство учебных заведений Академии наук уделено внимание в юбилейных монографиях и статьях по истории Московского университета.¹⁰ Однако этот вопрос затрагивается авторами только попутно, в связи с участием Ломоносова в создании Московского университета.

Настоящая работа имеет целью возможно более полно осветить участие Ломоносова в жизни академических Университета и Гимназии и показать его истинную роль в истории указанных учебных заведений.

Работа основана преимущественно на документальных материалах Архива Академии наук СССР. Изучены «Портфели служебной деятельности Ломоносова», заключающие в себе его многочисленные проекты переустройства Академии и ее учебных заведений; дела и документы, касающиеся Ломоносова, хранившиеся в академическом Архиве до образования фонда Ломоносова и поступившие позднее от разных учреждений и лиц; «Портфели академика Г.-Ф. Миллера», в которых сохранились материалы об академических Университете и Гимназии за период его ректорства (1748—1750 гг.). Ценным источником явились «текущие дела», «журналы» и «определения» Канцелярии Академии наук, протоколы Исторического собрания и Академической конференции, не

⁶ А. К. Бороздин. Академический университет в XVIII веке. Исторический вестник, 1886, № 4, стр. 124—125.

⁷ И. Бутов. Административно-педагогическая деятельность М. В. Ломоносова. Журнал «Гимназия», 1892, январь, стр. 40—54.

⁸ М. В. Владимирский-Буданов. Из истории русского просвещения. Первая гимназия в России. «Педагогический музей», СПб., 1878, № 1—3, стр. 17—27, 91—112, 183—194.

⁹ В. К. Бобровникова. 1) Педагогические взгляды М. В. Ломоносова — великого русского просветителя XVIII в. Советская педагогика, 1950, № 5, стр. 11—21; 2) Влияние М. В. Ломоносова на развитие педагогической мысли в России во второй половине XVIII века. Советская педагогика, 1954, № 8, стр. 113—121.

¹⁰ История Московского университета, т. 1. Изд. МГУ, М., 1955; М. Т. Белявский, М. В. Ломоносов и Московский университет (к 200-летию МГУ). Исторические записки, т. 47, 1954, стр. 93—123; Н. А. Пенчко. Основание Московского университета. Изд. МГУ, М., 1952.

привлекавшая внимания исследователей переписка инспектора Академической гимназии С. К. Котельникова с членом Академической канцелярии И. И. Таубертом, которая свидетельствует о попытке академической администрации изъять учебную часть Академии из рук Ломоносова.

Изучение архивных материалов дало возможность ввести в научный оборот остававшиеся до сих пор неизвестными тексты ломоносовского регламента Академической гимназии и составленного Ломоносовым же проекта регламента Московской гимназии.¹¹ Опубликованная Н. А. Пенчко копия московского гимназического регламента относится к более позднему времени и является переработкой ломоносовского проекта.¹² По возможности использованы и другие исторические источники, иллюстрирующие учебную деятельность Ломоносова и воссоздающие необходимый фон академической жизни того времени.

В «Приложении» даются составленные по архивным источникам краткие биографии студентов Академического университета за период его существования (1748—1766 гг.). Составление таких биографий было долгом исторической справедливости по отношению к памяти многих забытых и неизвестных воспитанников первого русского университета. Вместе с тем приведенные биографии академических студентов свидетельствуют о том, что Академический университет «не был фикцией» и что под непосредственным педагогическим воздействием Ломоносова и под влиянием его идей выросло целое поколение «природных русских ученых», продолжателей ломоносовских просветительных традиций.

За ряд ценных советов и указаний при подготовке монографии выражаю свою искреннюю признательность старшему научному сотруднику Института русского языка Академии наук СССР Г. П. Блоку, старшему научному сотруднику Института истории Академии наук СССР М. М. Штранге, действительному члену Академии педагогических наук Б. Е. Райкову, профессору Ленинградского университета В. В. Мавродину и доценту того же университета С. Л. Пештичу. Глубокую благодарность приношу доктору исторических наук А. В. Предтеченскому, взявшему на себя большой труд по редактированию монографии.

¹¹ Опубликованы впервые: Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 443—461, 477—523; Комментарии, стр. 853—855, 866—875. См. также: Е. С. Кулабко. Ломоносовский регламент московских гимназий. Вестник Академии наук СССР, 1955, № 5, стр. 58—62.

¹² Н. А. Пенчко. Основание Московского университета, стр. 163—169.

ГЛАВА I

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В РОССИИ ДО ОСНОВАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

Социально-экономическое и культурное развитие Русского государства к концу XVII—началу XVIII в. со всей остротой поставило вопрос об организации учебных заведений и о подготовке отечественных кадров.

В XVII в. в России существовали два высших учебных заведения — Киево-Могилянская академия и Славяно-греко-латинская академия в Москве. Кроме того, было устроено немало правительственных и частных школ. Школы были открыты в Чудовом (1653 г.) и в Спасском (1665 г.) монастырях. Ф. М. Ртищев завел школу в Андреевском монастыре (1668 г.). В этой школе обучали латинскому и греческому языкам, грамматике, риторике и философии. В 1668 г. прихожане церкви Иоанна Богослова в Москве в Китай-городе пытались даже устроить при ней «гимназион» для преподавания грамматики, славянского, греческого и латинского языков и «прочих свободных учений».

Основанная в 1631 г. по типу иезуитских католических коллегий Киевская академия стремилась стоять на уровне латино-польской образованности, представляя собой школу не только духовную, но и общеобразовательную. Наряду с детьми духовенства в ней учились дети «малороссийского казачества».¹ Данное царской грамотой 11 января 1694 г. разрешение «принимать детей российского народа всяких чинов и из иных стран приходящих»² сделало Киевскую академию притягательным центром для юношества всех сословий, стремившегося к науке. Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, свидетельствуют о том, что в начале XVIII в. учеников духовного звания стало меньше, чем разночинских детей и «заграничных», т. е. выходцев из западно-русских областей Польши.³ В Киевской академии были классы:

¹ Киевская старина, 1886, январь, стр. 6.

² Грамота опубликована в кн.: Памятники, изданные Временною комиссиею для разборки древних актов, т. II. Киев, 1846, стр. 317—324.

³ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, т. I, ч. 2. Киев, 1904, стр. 268—269 («Сводная перечневая ведомость о студентах Киевской академии за десять лет»).

грамматики, пиитики, риторики, философии, богословия. В XVIII в. курс обучения расширился включением новых учебных предметов. Против церковно-схоластической традиции школьного преподавания, идущей из иезуитских коллегий, выступил Феофан Прокопович, активный поборник передового просвещения.⁴ Он быстро освоил смысл и направление деятельности Петра I в преобразовании России. Уже в 1706 г., приветствуя в Киеве Петра, он отмечал его заслуги в насаждении светского образования,⁵ а в знаменитом «Слове памяти Петра», произнесенном над гробом царя, он подчеркнул необходимость для России усваивать начала нового естествознания.⁶ Окончив Киевскую академию и Коллегиум св. Афанасия в Риме, где преподавали иезуиты, Феофан Прокопович сумел самостоятельно восполнить свое образование в области истории и классической литературы, а также основательно изучить математику. Он ознакомился с новейшими достижениями естественных наук, и притом не только по книгам, но и путем экспериментальным. Став учителем, а затем ректором Киевской академии, Феофан Прокопович расширил круг учебных предметов преподавания и выделил светские науки. Он объединил в самостоятельный курс отдельные части математики, входившие в отдел натуральной философии, и взял на себя преподавание геометрии, а также физики.⁷ Преподавая теорию поэзии, он показывал ученикам преимущество произведений классических авторов перед образцами латино-польских учебников. Феофан Прокопович проводил строгое разграничение между светской ораторской речью и проповедью, предавая и последнюю освободить от церковной опеки, сделать живой, откликающейся на современные события.⁸ В курсе теологии для обоснования богословских положений он использовал свои познания в области зоологии, ботаники и геологии.

Киевская академия сыграла большую роль в подготовке образованных людей, владевших языками, особенно латинским. Многие воспитанники считали академию подготовительной ступенью к высшему образованию, и по окончании академии «ходили» за границу, чтобы доучиться в западноевропейских университетах. Так, много лет странствовал по европейским университетам воспитанник академии Иоаким Богомолевский, ставший потом профес-

⁴ См.: И. А. Чистович. Феофан Прокопович и его время. Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. I, СПб., 1868.

⁵ Ф. Прокопович. Слова и речи. ч. I. СПб., 1760, стр. 5.

⁶ Там же, ч. II. СПб., 1761, стр. 147.

⁷ См.: Д. Вишневский. Киевская академия в первой половине XVIII столетия, т. I, ч. 1. Киев, 1903, стр. 183—184. О курсах физики, читавшихся в Киевской академии, см.: В. П. Зубов Ломоносов и Славяно-греко-латинская академия. Труды Института истории естествознания и техники, т. I, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 46.

⁸ См.: И. А. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 3—8, 603—606.

сором Московской славяно-греко-латинской академии, где излагал учение знаменитого алхимика XVII в. Раймонда Луллия.⁹ Симеон Годорский по окончании академии изучал восточные языки в Галльском университете.¹⁰ Константин Иванович Щепин слушал лекции в Болонском и Падуанском университетах.¹¹ Воспитанники Киевской академии служили переводчиками¹² и посылались в русские миссии при иностранных дворах,¹³ некоторые стали впоследствии студентами и адъюнктами Петербургской Академии наук.

Большим просветительным центром являлась и Славяно-греко-латинская академия, основанная в 1685 г. в Москве. Инициатором создания ее был известный писатель и педагог XVII в. Симеон Полоцкий. Он составил «Привилегию» (учредительную грамоту) академии, в которой были определены ее задачи и права. Целью академии объявлялась подготовка образованных людей для государства и церкви. По свидетельству первых наставников — ученых греков братьев Лихудов,¹⁴ в «Эллино-славянских школах», как называлась первоначально академия, учились не только дети духовенства, но также «князи мальчишки, стольники и всякого чина сего царствующего града».¹⁵ Таким образом, Московская академия, как и Киевская, являлась всесословной образовательной школой. На первых порах эта школа была очень невелика, занятия шли в кельях самих Лихудов, а с декабря 1685 г. — в особом здании для школы в Богоявленском монастыре. Преподавательская деятельность Лихудов в академии началась в 1687 г. Преподавание велось на греческом языке по учебникам, составленным и переработанным самими Лихудами, в которых они удержали все особенности распространенных в то время схоластических руководств. Коренное преобразование академии последовало при Петре I, который, ознакомившись с общепринятой на Западе формой обуче-

⁹ См.: С. И. Вавилов. Ломоносов и русская наука. М., 1947, стр. 6—7.

¹⁰ См.: Д. Вишнеvский. Киевская академия в первой половине XVIII столетия, т. I, ч. 1, стр. 349.

¹¹ См.: В. В. Куприянов. К. И. Щепин — доктор медицины XVIII в. Медгиз, М., 1953, стр. 18.

¹² Так, например, в 1708 г. к канцлеру графу И. Г. Головкину были посланы «для переводу нужных дел государских» Павел Черняховский и Андрей Волянский (см.: Д. Вишнеvский. Киевская академия в первой половине XVIII столетия, т. I, ч. 1, стр. 103).

¹³ В 1727 г. был послан к полномочному министру А. Г. Головкину в Голландию Иероним Копецкий, в 1731 г. в Константинополь — Константин Политанский, в 1737 г. в Лондон — Вениамин Григоревич, в 1742 г. в Пекин — Гервасий Линцевский, в 1749 г. в Варшаву — Антоний Почека, в 1750 г. в Венгрию — Григорий Савич, Сковорода и др. (см.: Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, т. I, ч. 1. Киев, 1904, стр. 365; ч. 2, стр. 312).

¹⁴ Лихуды Иоанникий и Софроний — виднейшие деятели в истории русского просвещения XVIII в. Образование свое они начали в Венеции, а затем поступили в Падуанский университет, в котором получили докторские дипломы. См. о них: М. Сменцовский. Братья Лихуды. СПб., 1899.

¹⁵ С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 25.

ния, указом от 7 июня 1701 г. «повелел завести в Академии учения латинские».¹⁶ Руководствуясь этим указом, проректор академии Стефан Яворский, бывший воспитанник Киевской академии, пригласил из нее преподавателей, которые в скором времени перестроили Славяно-греко-латинскую академию в Москве по киевскому образцу.¹⁷ Во время обучения в ней М. В. Ломоносова все ректоры, префекты и наставники были из Киевской академии.¹⁸

Специальные исследования о жизни и творчестве М. В. Ломоносова, основанные на проверенных исторических материалах, освещающая вопрос о том, что вынес великий русский ученый из Московской академии, указывают, что пребывание в ней было для него несомненно плодотворным.¹⁹ Кроме основательного изучения латинского языка, который был в то время преддверием всех наук, Ломоносов в словесных классах пиитики и риторики познакомился с лучшими образцами античной литературы. Памятником школьных занятий Ломоносова риторикой служит сохранившийся в Архиве Академии наук рукописный ее курс на латинском языке, читанный в 1733—1734 учебном году монахом Порфирием Крайским и переписанный частично рукой Ломоносова.²⁰ Порфирий Крайский рекомендовал своим ученикам для заучивания и подражания — Вергилия, Овидия, Ювенала, Горация, Марциала, Сенеку, Плавта и Теренция. Книжное богатство монастырской библиотеки позволило Ломоносову пополнить его образование. Несмотря на школьную схоластику, он сумел пробиться к живым истокам античной философии и приехать в Марбург достаточно подготовленным, чтобы критически отнестись к метафизической натуральной философии Лейбница — Вольфа.

Контингент учащихся Московской академии в первой четверти XVIII в. состоял преимущественно из разночинцев, вследствие того, что духовенство считало излишним высшее богословское образование для своей профессии, дворянским же недорослям предписывалось учиться в специальных училищах. Социальный состав

¹⁶ История Москвы, т. II. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 145.

¹⁷ См. «Список профессоров, проповедников и начальствующих лиц Московской академии из воспитанников Киевской академии»: Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, т. I, ч. 2, стр. 314—326.

¹⁸ Ломоносов был принят в Славяно-греко-латинскую академию при ректоре Германе Концевиче, за которым следовали Софроний Мигалевич и Стефан Калиновский, выбравший Ломоносова для определения в Академию наук. Префектами при Ломоносове состояли: Иннокентий Неронович, Стефан Калиновский и Антоний Кувичинский. Наставниками Ломоносова были: учитель грамматики Данилевич, учитель пиитики Феофилакт Кветницкий и учитель риторики Порфирий Крайский (см.: Г. В. Воскресенский. Ломоносов и Московская славяно-греко-латинская академия. М., 1891, стр. 14).

¹⁹ См.: В. П. Зубов. Ломоносов и Славяно-греко-латинская академия, стр. 51—52; Г. В. Воскресенский. Ломоносов и Московская славяно-греко-латинская академия, стр. 67—68.

²⁰ ААН, ф. 20, оп. 6, № 64 (фотокопия); подлинник хранится в Государственной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

учеников академии обусловил в значительной мере пренебрежительный отзыв о ней, оставленный старшим современником Ломоносова В. Н. Татищевым. По его словам, «в сем училище не токмо шляхтичу, но и подлomu научиться нечего, паче же, что в оной больше подлости, то шляхетству и учиться не безвредно».²¹

До второй половины XVIII в.²² Славяно-греко-латинская академия выполняла роль общеобразовательной школы и служила гражданским интересам. Ее ученики, знавшие латынь, до окончания курса отзывались целыми партиями для разных специальных обучений и служб — в госпитали, в аптеки, в типографии, в Монетную контору, в Иностранную коллегию, в Навигацкую школу и впоследствии в Петербургскую Академию наук.²³ Кроме М. В. Ломоносова, из Московской академии вышли такие деятели, как создатель русского фарфора Д. И. Виноградов, академик-астроном Н. И. Попов, академик-натуралист С. П. Крашенинников, академические переводчики В. И. Лебедев, И. И. Голубцов и А. С. Барсов.

Наряду с Киевской и Московской академиями, выделялись сравнительно высоким уровнем преподавания и другие общеобразовательные духовные школы, как например школа Дмитрия Ростовского²⁴ и знаменитая Новгородская школа, организованная братьями Лихудами после направления их в 1706 г. в Новгород. Эта школа приобрела громкую репутацию, как оплот «еллино-славянского» направления в противоположность новому латинскому образованию, центром которого сделалась Московская академия. Таким образом, высшие духовные заведения несомненно сыграли немаловажную роль в развитии образования. Без соответствующей школьной подготовки были бы невозможны успехи ака-

²¹ В. Н. Татищев. Разговор о пользе наук и училищ. Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 1, М., 1867, стр. 117.

²² Со второй половины XVIII столетия Московская академия превратилась в высшую богословскую школу. После указа 1769 г., дозволившего принимать в Академию из светских лиц только детей типографских служителей, известен лишь один случай поступления в Академию светского лица, но и то на правах вольнослушателя (см.: С. В. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках, т. I. СПб., 1912, стр. 64).

²³ См.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862. В списке лиц, вышедших в светское звание «в прошлых годах», значатся следующие воспитанники Академии: Иван Ильинский — переводчик у князя Кантемира, Петр Сафонов — переводчик Иностранной коллегии в Москве, Иван Кременецкий — переводчик в Петербургской типографии, Степан Гембицкий — справщик на Печатном дворе в Москве, Иван и Федор Голятины — справщики на Печатном дворе в Петербурге, Иван Яблонов и Лука Воейков — при полномочном посланнике Савве Рагузинском в Китайском государстве, Павел Габинский — учитель при г. Собакине в Москве, Иосиф Ананьев — в доме А. Л. Нарышкина, Иван Горлецкий — переводчик в Петербургской Академии наук и др. (см.: там же, стр. 111—112).

²⁴ Об этой школе см.: И. А. Шляпкии. Св. Дмитрий Ростовский и его время. Записки Историко-филологического факультета Петербургского университета, ч. XXIV, СПб., 1891, гл. VIII.

демических воспитанников, которые за сравнительно короткое время пребывания за границей с отличием заканчивали лучшие западноевропейские университеты того времени. Однако, несмотря на свое большое просветительное значение, духовные заведения находились под преобладающим влиянием церкви и не отвечали запросам перестраивающегося государства.

Петровские реформы, направленные на усиление военной мощи и ликвидацию экономической отсталости Русского государства, поставили новую задачу в области образования. Острая необходимость в собственных отечественных кадрах для преобразуемой армии, создаваемого военно-морского флота и государственного аппарата потребовала подготовки специалистов по разным отраслям государственной службы. Целые партии дворянских недорослей были направлены Петром I за границу для обучения кораблестроению и мореходству.²⁵ Сам Петр I во время заграничного путешествия в 1697—1698 гг. и сопровождавшие его в «великом посольстве» волонтеры изучали морское дело и военные науки. Ближайший сотрудник Петра I Я. В. Брюс обучался математике под руководством англичанина Джона Колсуна,²⁶ майор «выборного Преображенского солдатского полку» А. А. Вейде и сержант бомбардирской роты Преображенского полка В. Д. Корчмин с успехом изучали в Европе военно-инженерное и артиллерийское дело,²⁷ бомбардир Г. Г. Скорняков-Писарев учился в Италии и в Берлине механике и «инженерному искусству»,²⁸ первый русский врач П. В. Постников вращался в обществе врачей в Лондоне и изучал анатомию в Италии.²⁹ Дневник «великого посольства» 1697—1698 гг., так называемый «Юрнал», свидетельствует о приглашении Петром в Россию во время его пребывания в Англии «многих ученых людей, также архитекторов гражданских и воинских».³⁰ Среди приехавших на русскую службу был профессор Эбердинского университета Эндрию Фарварсон и математики Стефан Гвин и Ричард Грайс, воспитанники одного из колледжей Оксфордского университета.

²⁵ См.: М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. II. Соцгиз, 1941.

²⁶ См.: Н. А. Бакланова. Великое посольство за границей в 1697—1698 гг. В кн.: «Петр Великий», сборник статей, Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 46.

²⁷ См.: П. П. Епифанов. Воинский устав Петра Великого. В кн.: «Петр Великий», сборник статей, стр. 171—172.

²⁸ См. его биографию, написанную Н. П. Павловым-Сильванским: Русский биографический словарь, том «Сабанаев—Смыслов», СПб., 1904, стр. 603—608.

²⁹ См.: Д. В. Цветаев. Медики в Московской России и первый русский доктор. Варшава, 1896, стр. 23—24.

³⁰ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. II, стр. 381; А. И. Андреев. Петр I в Англии в 1698 году. В кн.: «Петр Великий», сборник статей, стр. 89.

По возвращении из-за границы Петр I приступил к организации специального образования в России, так как попытка решить проблему подготовки специалистов посылкой дворянских недорослей для обучения наукам за границу не дала нужных результатов. Первая специальная школа «цифири и землемерия» была создана в 1698 г. при Пушкарском приказе под ведением «надзирателя при артиллерии Андрея Андреевича Виниуса. Учителем был определен специальный «мастер» Ивашка Зерцалов, который обязан был доносить в приказ — «принимают ли ученики то-де учение внятно».³¹ Около того же времени была основана и другая артиллерийская школа в Иноземском приказе, находившаяся в ведении майора А. А. Вейде. Более полные сведения сохранились об основанной по указу Петра от 10 января 1701 г. артиллерийско-инженерной школе. В списке недорослей, вызванных в Приказ артиллерии для зачисления в школу, значились дети дворянские, подьяческие, пушкарские, посадские, солдатские, иноземческие, слуг монастырских, конюшенного чина и вольных людей; против некоторых фамилий было приписано, что «до школы-де кормилися они Христовым именем».³²

Преобладанием разночинского элемента можно объяснить тот факт, что очень долгое время ученики первых военных школ выпускались только унтер-офицерами и уже службою достигали офицерства, солдатские же и так называемые «пушкарские дети» определялись преимущественно в мастеровые и полковые писаря.

Первое время артиллерийско-инженерной школой и школьными делами ведал упомянутый выше А. А. Виниус и дьяки Артиллерийского приказа. На содержание учеников была положена чрезвычайно скудная сумма — по две деньги на человека в день. Одна деньга назначалась на покупку хлеба и харчей, другая шла на одежду — «обувь, кафтанишки и рубашонки». Контроль над школой отсутствовал. Школьники жили на частных квартирах и иногда самовольно бросали науку, отправляясь партиями на заработки — красить пушечные и мортирные станки или же надписывать пороховые бочки. Случалось, что и само начальство отрывало учеников на очень длительное время от занятий, посылая их за новокупленными табунами лошадей или провожатыми с рекрутами.

Уровень организации обучения заметно повысился после передачи школы в ведение Я. В. Брюса. При нем школа была разделена на верхнюю, или инженерную, и две нижних — цифирную и словесных наук. Эти подразделения имели значение классов. В верхней школе изучали геометрию, тригонометрию и занимались черчением пушек и мортир; в нижних школах обучали цифири, т. е. арифметике, чтению часослова и псалтыри, а также письму.

³¹ Сведения взяты из «Записной книги документов и переписки по делам Пушкарского приказа в Москве». Цит. по кн.: Д. П. Струков. Московская Пушкарская школа. Военный сборник, т. ССIII, 1892, стр. 141—164.

³² Там же, стр. 144.

Для преподавания в верхней школе был приглашен иноземец Яган Адлер, которого сменил Питер Гран, в нижних школах обучали четыре русских учителя. Брюс добился значительного увеличения средств на содержание школы, благодаря чему упорядочилась выдача «кормовых денег» учителям и ученикам и школа была снабжена книгами и учебными пособиями. В то же время Брюс стремился пополнить подведомственную ему школу дворянскими детьми и предписывал обер-комиссару Артиллерийского приказа Е. И. Зыбину «как ни есть добиваться, чтоб из дворянских детей для науки в нашу школу записывались».³³

После Прутского похода 1711 г. Петр I обратил внимание на улучшение инженерного образования, что явилось поводом к выделению верхнего инженерного класса Артиллерийской школы в совершенно самостоятельную Инженерную школу. Указ от 16 января 1713 г.³⁴ об обосновании Инженерной школы, предписывающий содержать в ней «две трети дворянских детей», свидетельствует о попытке правительства сделать эту школу дворянской. Школа была организована в Немецкой слободе и обучать инженерству было поручено пленному полковнику Штоку, которого потом заменил военный инженер Рейтер.³⁵ Инженерные ученики обучались арифметике, геометрии, тригонометрии, гидравлике и фортификации.³⁶ Окончившие курс наук получали звание кондукторов в инженерной команде или назначались сержантами и капралами в минерную роту; знающие практику производились в инженерные прапорщики и им поручалось руководство военно-инженерными работами. Изданный в 1716 г. воинский устав,³⁷ определяя обязанности всех военнослужащих, указывал и обязанности инженеров. Значение, которое придавал устав военным инженерам, требовал дальнейших мер по поднятию инженерного образования в России. Поэтому в марте 1719 г. была организована Санкт-Петербургская инженерная школа, под руководством одного из образованнейших инженеров того времени Де-Кулона,³⁸ а в 1723 г. последовал указ «Московскую и Инженерную школы свести в одно место», на основании чего ученики Московской инженерной школы были переведены в Петербург.

В первые годы Петровской эпохи было положено основание и морскому образованию. Сохранились сведения, согласно которым учебный курс первой морской школы был составлен самим Петром

³³ Сведения взяты из кн.: Н. Е. Бранденбург. Материалы для истории артиллерийского управления в России. СПб., 1876; М. Денисьевский. Специальная школа «инженерная и артиллерийская». Инженерный журнал, 1904, № 6—7, стр. 1013—1040.

³⁴ ПСЗ, т. IV, № 2467.

³⁵ Доклады и приговоры Сената, т. IV. СПб., стр. 230—231.

³⁶ ПСЗ, т. VII, № 4427.

³⁷ О воинском уставе 1716 г. см. статью П. П. Епифанова «Воинский устав Петра Великого», в кн.: «Петр Великий», сборник статей, стр. 167—213.

³⁸ ПСЗ, т. V, № 3330.

еще в 1699 г. вместе с приглашенным им на русскую службу англичанином Фарварсоном³⁹ и состоял из следующих предметов: арифметики, геометрии, тригонометрии с их практическими приложениями к геодезии и в особенности к мореплаванию, астрономии и навигации. Школа была открыта в Москве 14 января 1701 г. в Сретенской, или так называемой Сухаревой, башне.⁴⁰ Но так как указанная школа, предназначенная собственно для «математических и навигацких, т. е. мореходных хитростно искусств учения», возникла в период, когда в России еще не было общеобразовательных школ, она в силу необходимости стала готовить учеников не только для морской, но и для военной службы, а также просто грамотных людей для различных государственных учреждений. Первоначально школа находилась под надзором весьма близкого к Петру переводчика Посольского приказа англичанина Кравета, а затем была передана в ведение Оружейной палаты, во главе которой стояли Ф. А. Головин и дьяк А. А. Курбатов.⁴¹ Первыми преподавателями были англичане Фарварсон, прозванный Андреем Даниловичем, Гвин и Грайс. Кроме них, по предложению А. А. Курбатова был принят русский математик Леонтий Филиппович Магницкий, воспитанник Московской славяно-греко-латинской академии. Несмотря на занимаемую им скромную должность учителя арифметики, он стал вскоре самым влиятельным лицом в школе. По отзыву Курбатова, из английских учителей «истинно дельным» был только один Фарварсон, а другие два — Гвин и Грайс, «хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтия Магницкого наукою не дошли».⁴²

Школа разделялась на «русскую», в которой обучали чтению, письму и начальному счету; «математическую», где обучали арифметике, геометрии и прямолинейной геометрии, и « навигацкую», ученики которой изучали навигацию, ведение корабельного журнала, тригонометрию плоскую и сферическую, морскую астрономию, элементарную геодезию и географию, преимущественно математическую. Общее обозрение всех частей света преподавалось в самом кратком объеме. Наглядным пособием на уроках Фарвар-

³⁹ См.: И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. I. М., 1837, стр. 604.

⁴⁰ Здание это состояло из трех частей: ворот, над ними палат из трех ярусов и восьмигранной башни в четыре пояса, с четырьмя башенками вокруг нее. В третьем ярусе были размещены классные комнаты Навигацкой школы и находился «рапирный» зал для занятий фехтованием. В школе существовала и астрономическая обсерватория (см.: Русские достопримечательности, вып. I, Сухарева башня в Москве. М., 1862, стр. 4).

⁴¹ В 1706 г. школа перешла в ведение Приказа морского флота, а в 1712 г. — в подчинение Адмиралтейской канцелярии, которую возглавлял Ф. М. Апраксин.

⁴² Очерк русской морской истории, т. I. СПб., 1875, стр. 595; Жизнеописание Л. Ф. Магницкого см.: В. Берх. Опыт истории российского флота, ч. I. СПб., 1831, стр. 50—56; жизнеописание Фарварсона см.: там же, стр. 71—78.

сона и Гвина служил большой звездный голландский глобус, привезенный в Москву еще при царе Алексее Михайловиче.⁴³

Навигацкая школа была одной из первых, где к обучению предъявлялись новые требования. Однако и в ней методика преподавания страдала характерным для того времени недостатком: учеников заставляли заучивать массу ненужных сведений, и степень успеваемости измерялась количеством заученного наизусть. Учебники, написанные учителями Навигацкой школы, служили долгое время распространенными школьными руководствами. Л. Ф. Магницкий составил в 1703 г. учебник арифметики, представлявший собой целую энциклопедию прикладных математических знаний не только по арифметике, но и по алгебре, геометрии и тригонометрии. По характеру изложения «Арифметика» Магницкого принадлежала к широко распространенной в европейских школах начала XVIII в. практико-математической литературе, лишенной доказательств и обоснования правил действий и решения задач.⁴⁴ Тем не менее учебник Магницкого имел большое значение для повышения интереса учеников к точным наукам. М. В. Ломоносов называл его «вратами своей учености».⁴⁵ Кроме создания учебника арифметики, Магницкий участвовал вместе с Фарварсоном и Гвином в переводе на русский язык логарифмических и тригонометрических таблиц А. Влакка, изданных в 1703 г. Во втором издании этой книги пояснено, что она напечатана «во употребление и знание математико-навигационным ученикам».⁴⁶ Для них же Фарварсон и Магницкий перевели с голландского языка таблицы по мореходной астрономии под заглавием «Таблицы горизонтальные северные и южные широты».⁴⁷ Из других трудов Фарварсона известны «Евклидовы элементы, из двенадцати Ньютонových книг выбранные и в восемь книг... сокращенные» и «Тригонометрия плоская и сферическая».⁴⁸ Эти труды служили также руководствами для учащихся морских училищ.

Сословный состав учащихся Навигацкой школы на всем протяжении ее существования оставался преимущественно разночинским. Малое число поступавших дворян заставляло Морской приказ применять строгие меры против уклонявшихся: не являвшихся на смотр приказывалось «назначать на урочные годы в каторжную

⁴³ См.: В. Л. Ченакал. Очерки по истории русской астрономии. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 68—69.

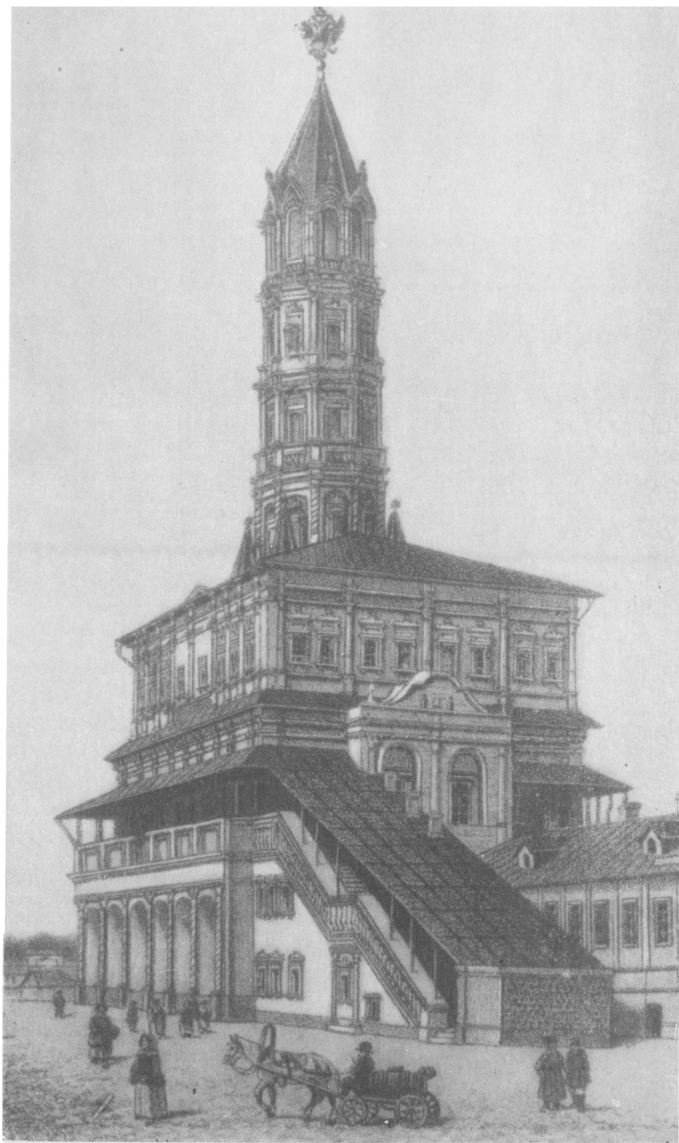
⁴⁴ См.: А. П. Юшкевич. Из истории первой петербургской математической школы. Труды Института истории естествознания, т. III, Изд. АН СССР, 1949, стр. 54.

⁴⁵ Б. Н. Меншуткин. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 16.

⁴⁶ Описание этой книги см.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 271.

⁴⁷ Там же, стр. 271.

⁴⁸ Труды Фарварсона переведил на русский язык академический переводчик М. П. Сатаров (см.: там же, стр. 272).

Сухарева башня в Москве, где помещалась
Школа математических и навигацких наук.
Литография М. Барышева середины XIX в.

работу и к битью свай».⁴⁹ На содержание Навигацкой школы и «посланных за море» было назначено 22 459 руб. в год.⁵⁰ Неимущим школьникам были положены кормовые деньги в зависимости от успеваемости: успевающим «по 5 алтын в день, иным же по гривне и меньше». Интересно, что материальное обеспечение учеников Навигацкой школы было значительно лучшим, чем студентов Московской славяно-греко-латинской академии. Как известно, М. В. Ломоносов, учившийся в этой академии, получал всего лишь «один алтын в день».⁵¹ Режим в школе был строгий: за упорные прогулы и леность учеников наказывали плетью на школьном дворе, а с достаточных дворян брали штрафные деньги. За побегι судили как дезертиров, а за неуспеваемость отправляли простыми матросами во флот.

Навигацкая школа положила начало созданию первых кадров русских навигаторов и геодезистов, исследования которых послужили источником для последующих картографических работ.⁵² Воспитанники Навигацкой школы направлялись также в Инженерную школу, определялись к архитектурным делам, назначались учителями в цифирные школы,⁵³ а наиболее способные посылались (до 1715 г.) для продолжения образования за границу. После основания в 1715 г. Морской академии в Петербурге туда были переведены старшие и лучшие ученики Московской навигацкой школы вместе с преподавателями Фарварсоном и Гвином; в Москве же остались только приготовительные классы под надзором Л. Ф. Магницкого, в которых велено было содержать 500 человек.⁵⁴ С 1739 г. после смерти Леонтия Магницкого, Навигационная школа стала рядовой цифирной школой и в 1752 г. была закрыта.⁵⁵

Перенесение Петром I столицы Российского государства на берега Невы привело не только к укреплению политического значения Петербурга, но и к превращению его в просветительный центр страны. К началу второго десятилетия города в нем окончательно обосновался двор, переехала из Москвы часть дипломатического корпуса и Сенат, были организованы центральные правительственные учреждения. Вместе с дипломатическим корпусом в Петербург приехало много иностранцев, число которых возросло по мере укрепления его экономических связей с заграни-

⁴⁹ Очерк русской морской истории, т. I, стр. 594.

⁵⁰ ПСЗ, т. V, № 2798.

⁵¹ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 479.

⁵² О первых геодезистах см.: В. Ф. Гнучев а. Географический департамент Академии наук XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 12—13.

⁵³ Первый именной указ о посылке в губернии математических учителей в так называемые цифирные школы был издан 20 января 1714 г. (ПСЗ, т. V, № 2762).

⁵⁴ См.: Материалы для истории русского флота, ч. III. СПб., 1866, стр. 330.

⁵⁵ См.: Н. И. Барбашев. К истории мореходного образования в России. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 16.

цей. Руководящую роль в жизни Петербурга стало играть переселившееся в него дворянство. Учебные заведения новой столицы должны были отвечать интересам главенствующего сословия и предназначаться преимущественно для дворянства. Это проявилось уже в характере первой академии, учрежденной в Петербурге, — Морской.

В основу положения о Морской академии от 1 октября 1715 г. был положен проект француза барона Сент-Илера.⁵⁶ Морская академия устраивалась по образцу французских морских училищ и должна была состоять исключительно из «молодых шляхтичей» до 24 лет. Указом 20 декабря 1715 г. повелевалось: «которые есть в России знатных особ дети, тех всех от 10 лет и выше выслать в школу Санкт-Петербургскую, а в чужие края не посылать».⁵⁷ Морская академия разместилась вблизи Адмиралтейства, в доме Кикина на набережной Невы, рядом с домом адмирала Ф. М. Апраксина.⁵⁸ Воспитанники должны были получать не только специальное, но и широкое общее шляхетское образование.

Однако, ввиду того, что установленный комплект учащихся не мог быть пополнен одними только детьми, принадлежавшими к высшим слоям дворянства, правительство вынуждено было вскоре допустить в академию и детей из самого «подлого шляхетства», за которыми не числилось земли и крестьян, а также лиц из других сословий. Этому способствовало и комплектование Морской академии учениками Московской навигацкой школы, среди которых, как указывалось выше, преобладали разночинцы. Не была в полной мере осуществлена и предложенная Сент-Илером учебная программа, включавшая широкий круг общеобразовательных предметов и современных языков. Программа академии приобрела конкретно-профессиональный характер, ориентируя на углубленную и расчлененную по специальностям подготовку военно-морских кадров.

В академии было устроено несколько подразделений: арифметическое, геометрическое, меркаторское, астрономическое и геодезическое. Кроме английских учителей Фарварсона и Гвина, в штате были русские учителя — навигаторы и «подмастерья» из Навигацкой школы. Преподавание велось тем же методом, что и в Навигацкой школе до 1715 г. По геометрии и алгебре давались теоремы для решения задач из морских наук, по астрономии — по определению широты места по меридиальной высоте солнца, склонению компаса, по определению времени прилива и отлива моря. Эти задачи сопровождалась многочисленными аксиомами, сложными определениями и длинными «короллариями», или присово-

⁵⁶ ПСЗ, т. V, № 2937.

⁵⁷ Там же, № 2968.

⁵⁸ См.: Очерки истории Ленинграда, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 211.

куплениями, которые затрудняли усвоение. Ученики геодезического класса,⁵⁹ кроме математических и морских наук, знакомились с существовавшими тогда простейшими способами съемки. Военное обучение включало артиллерию, фортификацию, ружейные приемы. Для желающих преподавалось фехтование и «для поштурмы», т. е. для выправки, танцы. Военным обучением занимались поручики, сержанты и капралы. Преподавателем артиллерии и механики был Г. Г. Скорняков-Писарев. При директоре А. Л. Нарышкине воспитанники Морской академии ходили в походы на эскадрах и изучали корабельную архитектуру на моделях кораблей, имевшихся в академии.⁶⁰ Пособием по математическим наукам оставались учебник арифметики Л. Ф. Магницкого и записи Фарварсона. Фортификацию изучали по переведенным с французского языка трудам инженеров Франсуа Блонделя и Себастиана Вобана, механику — по книге Г. Г. Скорнякова-Писарева «Наука статическая, или Механика», а артиллерию по книгам Эрнеста Брауна и Иоганна Бухнера. Навигационные науки проходили по переведенному на русский язык учебнику Иоганна Мансона «Книга морская» и по руководствам К. Н. Зотова, излагавшим в форме вопросов и ответов правила управления кораблем. Впервые было введено изучение истории по книге Пуфендорфа «Введение в историю европейскую».

Академия являлась закрытым военно-учебным заведением. Воспитанники были разделены на 6 отделений по 50 человек и должны были жить в академии. Во всем соблюдался строгий военный порядок. По ночам вокруг здания обходил дозор. Наказания соответствовали нравам времени. За нарушение дисциплины в классе отставным солдатам, исполнявшим роль дядек, предписывалось бить хлыстом, «не смотря какой бы ученик фамилии ни был».⁶¹ За более тяжелые провинности предлагалось «сечь по два дня нещадно батогами или кошками».⁶² В 1731 г. в связи с сокращением морского бюджета «по случаю мирного времени» Сенат, по представлению адмирала П. И. Сиверса, сократил петровский комплект учащихся в морских училищах. В Московской навигацкой школе вместо 500 было утверждено по штату только 100 человек, а в Петербурге в Морской академии — только 150 человек.⁶³

Военные школы новой столицы, артиллерийская и инженерная, имели первоначально ту же цель — давать высшее образование дворянству. В 1712 г. генерал-майору Гинтеру было поручено организовать артиллерийскую роту и в ней обучать 20 молодых

⁵⁹ Специальный класс геодезии в Морской академии состоял из 30 человек.

⁶⁰ См.: Очерк русской морской истории, т. I, стр. 602—603.

⁶¹ ПСЗ, т. V, № 2937, резолюция Петра на л. 8.

⁶² См.: Очерк русской морской истории, т. I, стр. 608.

⁶³ См.: В. К. Сергеев. Московская математико- навигацкая школа. Вопросы географии, сборник 34, Гос. Изд. географической литературы, М., 1954, стр. 159.

дворян.⁶⁴ Для детей «знатных фамилий» была предназначена и Петербургская инженерная школа, устроенная, как говорилось выше, в 1719 г. Однако государственные интересы заставляли правительство привлекать к специальному военному обучению способных людей всяких званий. В 1716 г. велено было набрать для обучения артиллерии «добрых людей из низших пород» и взять из Морской академии детей бедного шляхетства. Вследствие этого в непродолжительном времени в Петербургской артиллерийской школе стали учиться дети незнатного дворянства и сыновья артиллерийских служителей и арсенальных мастеровых. Значительно изменился состав инженерных учеников и после указа Военной коллегии 1721 г., разрешавшего учиться инженерному искусству обер- и унтер-офицерам и тем рядовым — драгунам и солдатам полевых и гарнизонных полков, — которые желали быть офицерами.

Первоначально Артиллерийская и Инженерная школы⁶⁵ помещались отдельно: Артиллерийская на Литейном проспекте против артиллерийского двора, а Инженерная на Петербургском острове в Инженерном дворе. Артиллерийская школа делилась на две части — арифметическую и других наук. Кроме того, имелась при школе чертежная, в которой было три класса; ученики получали жалованье: старшие 24 руб. в год, второго класса 18 руб. и третьего класса 12 руб. В чертежную школу разрешалось поступать и сверх комплекта на своем содержании. Теоретические занятия по артиллерии состояли «в искусстве набирать масштабы и оборотами циркули поверять; чертить пушки, мортиры и гаубицы». Практические занятия происходили на специальном полигоне, находившемся на Выборгской стороне. Школа имела специальную артиллерийскую лабораторию, помещавшуюся на левом берегу Невы, недалеко от Смольного двора. Большое внимание уделялось изготовлению зажигательных снарядов и потешных огней. Для этого в распоряжение школы был предоставлен пороховой погреб, устроенный при Петре у берега Невки на Аптекарском острове. Ученики Артиллерийской школы всегда участвовали в устройстве фейерверков и иллюминаций, без которых не обходились столичные празднества. В известных записках воспитанника Артиллерийской школы М. В. Данилова говорится, что «повышение по службе не редко зависело от более или менее удачного горения потешных огней».⁶⁶

Инженерная школа, кроме изучения арифметики и геометрии «сколько до инженерства надлежит», обращала большое внимание на практическое обучение. Это было указанием самого Петра гене-

⁶⁴ См.: Очерки истории Ленинграда, т. I, стр. 212.

⁶⁵ См.: П. Глебов. Артиллерийская школа в царствование имп. Анны Иоанновны. Артиллерийский журнал, 1862, № 11, стр. 619—643.

⁶⁶ Русский архив, 1883, кн. 2, стр. 39.

рал-фельдцейхмейстеру Брюсу. По фортификации изучались системы известных иностранных инженеров: Вобана, Пагана, Блонделя, Кугорна, Римплера, Фрейтага, а также способы атаки и обороны крепостей.⁶⁷ Инженерные ученики занимались также съемкой при помощи астролябий, теодолита и других инструментов. Учеников Инженерной школы посылали в разные командировки и охотно принимали почти на все должности. Некоторые из них по поручению Миниха наблюдали за работами по постройке укреплений в Кронштадте, другие были отправлены с В. Н. Татищевым в Сибирь и там определены в должности шихтмейстеров. Инженерных учеников вызывали на Охтенский пороховой и Сестрорецкий заводы для черчения проектов мастерских.

Замкнутый сословный характер обе школы — Инженерная и Артиллерийская — приняли при преемниках Петра в эпоху расцвета дворянских привилегий, с того момента, когда они соединились в 1758 г. «под особенной дирекциею» П. И. Шувалова. По его ходатайству в 1760 г. учеников обеих школ стали выпускать сразу в офицерских званиях.

Проекты юридических школ начали составляться по мере проведения реформы центрального управления и формирования новых государственных учреждений — коллегий. Одним из ранних проектов был известный «проект о учреждении в России Академии политики для пользы государственных канцелярий», относимый к 1715 г.⁶⁸ Автором его признают одного из переводчиков Коллегии иностранных дел, хорошо знавшего положение западноевропейских университетов;⁶⁹ по образцу последних автор по существу предлагал учредить Академию политики. Того же вопроса — о подготовке ученых людей для вновь создаваемых коллегий — касался в 1718 г. Генрих Фик. По его мнению, устройство коллегий вызывало необходимость позаботиться «о нетрудном обучении и воспитании российских младых детей, чтоб оных в малое время в такое совершенство поставить, дабы... все гражданские и воинские чины в коллегиях, губерниях, судах, канцеляриях, магистратах и протчая своими природными подданными наполнить».⁷⁰ 11 июня 1718 г. Петр положил на докладе Фика резолюцию: «Зделать академию, а ныне приискать из русских,

⁶⁷ См.: В. Ф. Шперк. Военно-инженерное образование в России в XVIII в. Вестник Военно-инженерной академии РККА им. В. В. Куйбышева, юбилейный сборник, М., 1939, стр. 39.

⁶⁸ Проект опубликован в кн.: С. В. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках, т. I. СПб., 1912, Приложение 1, стр. 3—6.

⁶⁹ См.: А. И. Андреев. Основание Академии наук в Петербурге. В кн.: «Петр Великий», сборник статей, стр. 288.

⁷⁰ Там же, стр. 289; о Генрихе Фике см. статью Н. Павлова-Сильванского в кн.: Русский биографический словарь, том «Фабер-Павловский», СПб., 1901, стр. 73—75.

кто учен и к тому наклонность имеет. Также начать переводить книги: юриспруденцию и протчии к тому».⁷¹

Однако эти и другие проекты, столь широко ставившие вопрос о приготовлении гражданских чиновников, остались невыполненными. Устроенная в 1721 г. школа подьячих должна была обучать лишь тому, «что доброму подьячему надлежит»: арифметике, формам книг, табели, стилю письма и пр. Дворян предписывалось обучать в коллегиях так же, как и подьячих, начиная от самых простых приказных дел. После указа 1724 г., которым повелевалось: «В секретари не из шляхетства не определять, дабы потом могли в ассесоры, советники и выше происходить»,⁷² отчетливо обозначилась тенденция правительства обратить гражданскую службу в сословную привилегию дворянства. В связи с этим обучение коллежских дворян стало возвышаться до уровня юридического образования. Вместе с тем были введены и предметы общего образования.

В Петровское время было обращено внимание и на развитие медицинского образования, что вызывалось, в частности, потребностью в полковых врачах. Подготовка врачей из русских при Петре началось первоначально с отправления для обучения за границу. Так, в 1692 г. был отправлен в Падую питомец Московской славяно-греко-латинской академии Петр Васильевич Постников, который получил от совета Падуанского университета диплом доктора медицины и философии с правом преподавать эти науки и удостаивать ученых степеней.⁷³ В 1695—1696 гг. Постников, как это видно из его писем Петру I, проводил по несколько месяцев в Венеции, Париже и Лейдене «для большего совершения в медицине».⁷⁴ После нескольких лет изучения медицины Постников не получил, однако, возможности работать по специальности: Петр I, нуждавшийся в образованных людях, знающих языки и знакомых с европейской жизнью, использовал Постникова на дипломатическом поприще.

Первая медицинская школа на 50 человек была основана в Москве в 1706 г. при первом русском госпитале,⁷⁵ устроенном приглашенным на русскую службу выдающимся врачом Николаем Бидлоо, сыном лейденского анатома Говарда Бидлоо. В школе преподавались анатомия, аптекарская наука и хирургия. Бидлоо яв-

⁷¹ ПСЗ, т. V, № 3208.

⁷² Там же, т. VII, № 4449.

⁷³ См.: Д. В. Цветаев. Медики в Московской России и первый русский доктор, стр. 26.

⁷⁴ См.: С. Л. Соболев. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 28. См. также: А. А. Бычков. Новые материалы для биографии первого русского доктора П. В. Постникова. М., 1912.

⁷⁵ См.: А. Н. Алелеков. История Московского военного госпиталя. М., 1907.

лялся первое время единственным преподавателем школы. Наглядным пособием при изучении анатомии был привезенный им прекрасный анатомический атлас с гравюрами на меди, составленный его отцом. Тесная связь с госпиталем способствовала приобретению учащимися практических навыков. Этой цели служил также устроенный при госпитале анатомический театр, куда правительственными указами предписывалось полиции доставлять подобранные трупы бездомных людей. Разрешалось также вскрытие умерших в госпитале. Аптекарская наука преподавалась госпитальным аптекарем. Для облегчения изучения ее при госпитале был учрежден «аптекарский огород», кроме того летом аптекарь ходил с учениками за город по окрестностям Москвы для сбора лекарственных растений. Помимо медицинских наук, в школе преподавали латинский язык и рисование, при этом ученики обучались не только копировать анатомические рисунки из атласа, но и рисовать с натуры анатомические и хирургические препараты. Закончившие курс получали звание подлекарей и прибавку жалованья, но продолжали учиться до тех пор, пока не приобретали достаточных знаний и опыта для самостоятельной практической деятельности. При выпуске из школы учащиеся производились в лекари и назначались в полки и на корабли военного флота.

Николай Бидлоо руководил новой школой до своей смерти. Готовя первый выпуск, он сообщал в 1712 г. Петру I, что не постыдится рекомендовать своих учеников на любую службу, «ибо они не токмо имеют знание одной или другой болезни, которая на теле приключается и к чину хирургии надлежит, но и генеральное искусство о всех тех болезнях, от головы, даже до ног, с подлинным и обыкновенным обучением, как их лечить».⁷⁶ Выпуски из школы Бидлоо были произведены в 1713, 1718, 1723 и 1730 гг.⁷⁷ С чувством обиды Бидлоо сообщал Петру I о том, что иноземные медики принимают присылаемых в войско воспитанников госпитальной школы «за слуг, а не за лекарей». Результатом этого сообщения было указание Петра не отдавать никакого предпочтения ни в чести, ни в жалованье иностранным медикам и категорическое запрещение, «чтоб никто из оных иностранных лекарей и подлекарей никакой обиды в чести или в поношении чина российского народа им (Бидлоо) выученным хирургам являть не дерзал».⁷⁸

⁷⁶ Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, стр. 60.

⁷⁷ Постоянное комплектование школы при Московском госпитале учениками Московской славяно-греко-латинской академии подавало даже повод к жалобам начальства академии «аки бы она, академия, устроена была ради единой оной госпитали и оной же в определении учеников подчинена» (Полное собрание постановлений по ведомству православного исповедания, т. I, № 139).

⁷⁸ Я. Чистович. История первых медицинских школ в России, стр. 59.

При Петре был приглашен в Россию и другой известный врач шотландец Роберт Эрскин (Арескин), учившийся в Оксфорде, а затем в Париже у Дювернуа. О широте его эрудиции в области медицины и естествознания можно судить по его замечательной библиотеке, которая содержала несколько сот превосходно подобранных сочинений по медицине, физиологии, эмбриологии, зоологии и ботанике начала XVIII в. и каталог которой хранится в Ботаническом институте Академии наук. Арескин сыграл важную роль при основании Аптекарского огорода в Петербурге, положившего прочное начало медицинской ботанике в России.⁷⁹

До открытия Петербургского военного госпиталя был поставлен вопрос об определении к нему некоторых учащихся Морской академии для «лекарской науки». Петербургский генеральный сухопутный госпиталь с хирургической школой, организованной по образцу школы Бидлоу, был открыт в 1716 г. на Выборгской стороне. Госпитальным врачом был назначен иноземец фон дер Гульт, прозванный Захаром Захаровичем. Он преподавал ученикам анатомию. Оператором и учителем «накладывания бандажей» был второй иноземец — Вилим Горн. Число учеников доходило до 50 человек. В отличие от Московской школы, где медицинские науки излагались на латинском языке, преподавание в Петербургском госпитале велось преимущественно на немецком языке.⁸⁰ В 1719 г. был основан генеральный Адмиралтейский госпиталь, в котором также давалось медицинское образование.

Наряду с основанием специальных училищ в первой четверти XVIII в. были сделаны попытки ввести всеобщее элементарное обучение. С этой целью 20 января 1714 г. велено было учредить во всех губерниях так называемые цифирные школы для обучения арифметике и первоначальной геометрии детей от 10 до 15 лет всех сословий.⁸¹ Учение было бесплатное и обязательное: не прошедшим курса запрещалось жениться.⁸² Цифирные школы состояли под ведомством Адмиралтейств-коллегии в непосредственном ведении капитана-поручика Скорнякова-Писарева; учителя набирались из учеников Навигацкой школы. Но постепенно от обяза-

⁷⁹ См.: В. И. Д и п с к и й. Исторический очерк имп. С.-Петербургского ботанического сада. Глава III, Аптекарский огород в С.-Петербурге в XVIII веке. В кн.: Имп. С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования, ч. 1. СПб., 1913, стр. 50—204.

⁸⁰ Учениками госпитальной школы были люди всякого звания. Условием приема в школу являлось элементарное знание латинского и немецкого языков. С этой целью дети петербургских ремесленников посылались в латинские и немецкие классы гимназии при Академии наук.

⁸¹ ПСЗ, т. V, № 2762.

⁸² По мнению некоторых историков, петровский указ об учреждении школ для обучения детей дворян и приказных «цифири и геометрии» и запрещении жениться без экзаменационного свидетельства был вызван проектом Ф. С. Салтыкова (см.: А. И. А н д р е е в. Основание Академии наук в Петербурге. В кн.: «Петр Великий», сборник статей, стр. 287.

тельства посещать школы были освобождены сначала дети дворян (в 1716 г.), затем купцов и, наконец (с учреждением Синода), дети духовенства.⁸³ Цифирные школы были обращены в элементарные общеобразовательные школы для разночинцев, правительство перестало ими интересоваться, и они влачили жалкое существование, пока в 1744 г. не были соединены с гарнизонными (солдатскими) школами.⁸⁴

Одним из типов государственных начальных общеобразовательных школ, возникших в соответствии с указом Петра I от 28 ноября 1717 г., были так называемые русские школы для детей адмиралтейских и низших морских служителей. В эти школы направлялись после смотра и неграмотные дворянские дети. Общее руководство русскими школами осуществляла Адмиралтейская коллегия, окончивших учеников предлагалось определять только к корабельному мастерству. В 1721 г. был определен также учебный план начальных горнозаводских школ, заведенных В. Н. Татищевым при горных заводах Урала для детей рабочих и мастеровых в возрасте от 6 до 12 лет.⁸⁵

Нельзя не упомянуть еще об одной попытке — создать немецкие общеобразовательные школы, так называемые разноязычные школы. Их основали последователи Шпенера и Франке, известных германских теологов-пиелистов.

Вопрос об отношении крупнейшего деятеля немецкого пиетизма А.-Г. Франке к русскому просвещению до сих пор не привлекал надлежащего внимания. Архивные материалы «учреждений Франке», опубликованные в 1955 г. профессором Э. Винтером,⁸⁶ свидетельствуют, что установление связей А.-Г. Франке с нашей страной восходит к началу XVIII в. Основанный им «Педагогий» в Галле — воспитательное заведение для детей из «хороших семейств» — представляет собой типичный образец немецкой школы для подготовки ученых (Gelehrtenschule), к которому стремились школы Германии в первой половине XVIII в. Основными предметами изучения в этой школе были языки и религия. Главное внимание обращалось на усвоение латинского языка, являвшегося языком науки того времени. Однако чтению и письму, а также общим основам грамматики детей обучали сначала на родном немецком языке, причем в преподавание вносилась возможная наглядность. Письменные и устные упражнения по-латыни, начинаясь с небольших предложений, должны были привести в конечном счете к овладению искусством свободно писать латинские

⁸³ ПСЗ, т. V, №№ 2979, 3578.

⁸⁴ Там же, т. XII, № 9054. Гарнизонные школы были учреждены по указу от 21 сентября 1732 г. «для собрания и обучения солдатских детей, дабы впредь польза и государству в рекрутах облегчение быть могло».

⁸⁵ См.: Записки имп. Академии наук, СПб., 1887, № 4, стр. 75—76.

⁸⁶ Edward Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1955, стр. 369—390.

письма, произносить речи и участвовать в публичных диспутах на латинском языке. Греческий язык был не обязательным для всех учеников и изучался не в таком объеме, как латинский. Задачей преподавания немецкого языка ставилось искусство писать «тонким немецким стилем». С этой целью в программу вводился краткий теоретический курс риторики и практические упражнения по ней. Изучение немецкой литературы не входило в учебные планы. Из общеобразовательных предметов в программу обучения в школе входили математика, естествознание, история и география; в их преподавание также вносилось как можно больше наглядности. Ботаникой занимались летом на лугах или в «Hortus Medicus», анатомией — по гравюрам атласа. Из исторических предметов изучалась прежде всего библейская и церковная история, затем история династий императоров и новых европейских государств. Наглядным пособием служили картины исторического содержания и хронологические таблицы. Географию преподавали по весьма популярному учебнику Гюбнера, славившегося в свое время умением легко и понятно сообщать географические сведения учащимся. Наглядным пособием являлся его же малый школьный атлас из раскрашенных карт. Религия была главным основанием программы: даже в промежутках между уроками учителя обязаны были беседовать с детьми на поучительные темы; в преподавании «закона божьего» выдвигалась практическая сторона — воспитание учеников в духе религии. Для завершения образования в программу старших классов включалось догматическое богословие.⁸⁷

В истории немецкого просвещения А.-Г. Франке известен также как основатель учительской семинарии, откуда выходили сведущие и опытные педагоги и наставники, воспитанные в духе пиетического благочестия.⁸⁸

При содействии А.-Г. Франке пастор Глюк в 1703 г. организовал известную в Москве школу, именованную «Академической гимназией».⁸⁹ Московская академическая гимназия была задумана как образцовая государственная школа для подготовки к научной деятельности «благородного» юношества. Петр I предоставил гимназии исключительную привилегию: ее учащиеся освобождались от военной службы и получали большие «суточные деньги». Штат преподавателей предусматривал 5 профессоров и 5 учителей, которые должны были жить вместе с учениками в отведенном для школы дворце В. Ф. Нарышкина. Директором школы был определен Глюк с жалованьем в 3000 руб. в год, профессорам был установлен оклад в 600 руб. (сумма, которую 20 лет спустя получали

⁸⁷ См.: Фридрих Паульсен. Исторический очерк развития образования в Германии. М., 1908, стр. 132—142.

⁸⁸ См.: G. Kramer. August Hermann Francke. Ein Lebensbild. Halle, 1881—1882.

⁸⁹ Eduard Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18 Jahrhundert, стр. 161.

действительные члены Академии наук), а учителям — от 150 до 250 руб. в год. Франке содействовал приглашению в помощь Глюку студентов Галльского университета. Из Галле высылались и учебные руководства в соответствии с каталогом, посланном Глюком Франке.⁹⁰

Как и в немецких «Gelehrtenschulen», главное внимание в Академической гимназии было уделено изучению языков, но в более обширном объеме, чем в Германии. Наиболее основательно изучались немецкий и латинский языки, о чем Глюк информировал в своих письмах Франке.⁹¹ Преподавание немецкого языка Глюк связывал с изучением библии и лютеранского катехизиса, учебный день в гимназии начинался с чтения библии на немецком языке. Латинский язык преподавал галльский пиетист Иоганн Рейхмут. Широко была задумана и программа общеобразовательных предметов, она предусматривала даже преподавание картезианской философии. Гимназия Глюка была в центре внимания немецких пиетистов, что видно из переписки И. Ю. Брейтгаупта и Ф. Я. Спенера.⁹² После смерти Глюка гимназия перешла в ведение Иоганна-Вернера Паузе, приехавшего в Москву с рекомендательным письмом от Франке.⁹³ Московская гимназия существовала до 1711 г., когда она была преобразована в школу изучения языков.⁹⁴ За короткий период своего существования, как свидетельствуют документальные материалы, она насчитывала 240 учеников, из которых многие приобрели известность образованных деятелей своего времени: А. П. Бестужев-Рюмин, Г. И. Головкин, В. В. Голицын, И. И. Бутурлин, П. Б. Лефорт, Н. М. Зотов, П. П. Шафиров, Исаак и Федор Веселовские, Лаврентий Блюментрост и др.⁹⁵

По типу немецких школ пиетистов была организована также школа в Тобольске пленным шведским офицером фон Врехом. Руководимая, как и Московская академическая гимназия, немецкими пиетистами для пропаганды лютеранства, эта школа оказалась нежизнеспособной и закрылась уже в 1720 г., вероятно, со смертью ее основателя или возвращением его из плена на родину.⁹⁶

⁹⁰ Там же, стр. 163.

⁹¹ Там же, стр. 165.

⁹² Там же, стр. 165.

⁹³ О И. В. Паузе см.: В. Н. Петец. Историко-литературные исследования и материалы, т. III. СПб., 1902, стр. 142—254.

⁹⁴ Eduard Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18 Jahrhundert, стр. 174.

⁹⁵ О Московской гимназии, основанной Глюком, см.: С. А. Белокуров. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII века. Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете, М., 1907.

⁹⁶ См.: Шведская школа в Тобольске в царствование Петра Великого. Журнал Министерства народного просвещения, СПб., 1857, июль, отдел III, стр. 30—50.

В Петербурге существовали в 1711 г. четыре «разноязычные немецкие школы». Сведений об их устройстве не сохранилось, но несомненно, что они имели характер не начальных, а средних учебных заведений. Это видно из того, что в школе, состоящей в ведении Павла Веселовского, на 38 учеников было 9 учителей.⁹⁷

Из числа общеобразовательных частных школ большую роль сыграла устроенная Феофаном Прокоповичем в 1721 г. в Петербурге школа для сирот и бедных детей.⁹⁸ В ней преподавали не только языки — славянский, русский, латинский, греческий, но и риторику, логику, историю, римские древности, географию, арифметику, геометрию, рисование и музыку.⁹⁹ В числе учителей были такие ученые, как например академик Э.-Т. Байер. Здесь преподавал также Г.-Ф. Федорович, принятый впоследствии М. В. Ломоносовым в Академический университет. После смерти Феофана Прокоповича его школа перешла в ведение высшего государственного учреждения — императорского Кабинета, по распоряжению которого в 1738 г. старшие воспитанники были определены к делам, а остальные отосланы для дальнейшего обучения в Александро-Невскую семинарию. Из воспитанников этой школы вышли академики А. П. Протасов и С. К. Котельников.¹⁰⁰

Созданная в первой четверти XVIII в. система школ профессиональной подготовки, предназначенная для укрепления дворянско-крепостнического абсолютного государства, была во многом несовершенной, что отнюдь не умаляет ее большого прогрессивного значения в истории просвещения в России.

⁹⁷ ПСЗ, т. III, № 2389.

⁹⁸ Устав школы, написанный Феофаном Прокоповичем, напечатан в книге: И. А. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 723—727, Приложение 8.

⁹⁹ ААН, р. I, оп. 1, № 95, л. 110.

¹⁰⁰ Список учеников за последний год существования школы опубликован: И. А. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 634.

ГЛАВА II

ПЕРВЫЕ ГОДЫ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИИ НАУК

Важнейшим мероприятием Петра I для развития науки и просвещения явилось основание Академии наук. Петербургская Академия, по мысли ее основателя, создавалась для всенародной пользы и должна была стать научным и просветительным центром страны. При составлении проекта Петербургской Академии были учтены взгляды наиболее передовых русских деятелей того времени¹ и тщательно изучено устройство западноевропейских академий.²

Проект вновь учреждаемой Академии наук, рассмотренный 22 января 1724 г. в Сенате,³ подчеркивал ее отличие от иностранных академий. В проекте говорилось, что задача Петербургской Академии заключается не только в «размножении наук», но и в обучении, в подготовке кадров русских ученых и образованных людей. Для выполнения учебных функций ей придавался Университет.

В утвержденном проекте факультеты Академического университета не совпадали с классами Академии. Университет делился на факультеты: юридический, медицинский и философский,⁴ а Академия на классы: математический, физический и гуманитар-

¹ См.: Н. П. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897, стр. 52—53.

² История составления проекта Академии наук изложена в работах: А. С. Лаппо-Данилевский. Петр Великий — основатель императорской Академии наук в С.-Петербурге. СПб., 1914, стр. 20—39; А. И. Андреев. Основание Академии наук в Петербурге. В кн.: «Петр Великий», сборник статей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 284—333.

³ Копия текста проекта с дополнениями Петра I находится в ААН, ф. 3, оп. 1, № 1, лл. 131—140; немецкий перевод — там же, ф. 1, оп. 3, № 2, лл. 165—174 об.

⁴ На Юридическом факультете предполагалось преподавать политику, этику и натуральное право; на медицинском — анатомию, химию и ботанику; на философском — логику, метафизику, «генеральную» и экспериментальную физику, математику, а также красноречие, древности и историю (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1, лл. 137 об.—138).

ный.⁵ Преподавание на Юридическом и Философском факультетах Университета поручалось академиком первого и третьего классов, а на медицинском — академиком второго класса. Помимо ежедневного чтения лекций, академиком вменялось в обязанность обучать «под своей директорией» одного или двух студентов,⁶ которые получали бы жалованье и «имели бы надежду со временем наследовать своим учителям, если хорошо себя поведут и некоторые пробы искусства своего объявят». Обучавшиеся студенты должны были в свою очередь преподавать «первые фундаменты наук начинающим учиться» с тем, чтобы и они «со временем учениями академическими пользоваться могли».⁷ Проект разрешал академиком иметь за особую плату «партикулярные коллегии», т. е. читать частные лекции, но только запрещал злоупотреблять ими во вред своим основным занятиям.⁸ Кроме того, академики должны были составлять на латинском языке для обучающихся «системы» по своей науке. Эти курсы, как необходимо нужные «российскому народу», предлагалось переводить на русский язык академическим переводчикам. Об Академической гимназии проект упоминал только как о «нижней» школе и не указывал ее программу. Проект не ставил никаких сословных ограничений для поступления в академические учебные заведения; призванные «расплодить науки в народе», Университет и Гимназия должны были быть всесословными. В последующих документах, дополнявших первоначальный проект, было дано разъяснение, на каких языках должно вестись преподавание.⁹

«Краткий экстракт» из академического проекта, составленный в феврале 1724 г., для оповещения русских резидентов за грани-

⁵ В первый класс Академии входили все математические науки, а также астрономия, география, навигация, механика; во второй — физика, теоретическая и экспериментальная, анатомия, химия и ботаника, а судя по «Краткому экстракту» из проекта — и история натуральная; в третий — красноречие, древности, история древняя и нынешняя, право натуральное и публичное, политика и этика (там же, лл. 133 об.—134 об.).

⁶ К этой статье Петр I собственноручно приписал: «Надлежит по два человека еще прибавить, которые из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить, а каких наук приписано имянно» (там же, л. 139). В «Кратком экстракте» из академического проекта, составленном Л. Л. Блюментростом, пояснялось, что такое распоряжение было сделано для того, «чтобы впредь упалые места академиком домашними наполниться могли» (там же, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 177 об., § 15).

⁷ Там же, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 139. В «Кратком экстракте» из академического проекта пояснялось, что обучившиеся наукам студенты обязаны заниматься преподаванием в благодарность за свое обучение (там же, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 178, § 16).

⁸ Там же, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 138 об. В «Кратком экстракте» из академического проекта редакция этого пункта изменена, и он изложен так: «Аще же знатные младые люди пожелают у академиком особливые коллегии иметь, то можно им, ежели время допустит, тоже чинить, — за договоренную плату» (там же, ф. 1, оп. 3, № 2, л. 177, § 11).

⁹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 1, лл. 118—119.

цей и иностранных ученых об основании Петербургской Академии наук, был напечатан в апреле того же года в лейпцигских газетах¹⁰ и вызвал оживленную переписку немецких ученых с Л. Л. Блюментростом и секретарем Академии И.-Д. Шумахером.¹¹ Сообщение об Академическом университете вызвало вопросы, что видно из сохранившегося письма лейпцигского ученого И.-Б. Менке, который запрашивал 19 апреля 1724 г. Блюментроста: «Привилегированный ли университет император намерился восстановить, где градусы даются и особливые факультеты чинятся? Оный в Санкт-Петербурге ли, куда немногие для нездорового воздуху ехать охоту показывают, или в Москве быть имеет?». ¹² На этот вопрос Блюментрост отвечал 23 августа того же года, что «еще за недостатком студентов не намеренось университет восстановить, но токмо собрание ученых, которые бы в науках про себя обращались и по малу юных обучали». ¹³ В доношении Сенату, представленном в декабре того же года, Блюментрост объяснял, что Академия «имеет состоять в трех ступенях: в первом Академия наук, где все учения, кроме богословия и юриспруденции собственно будут; во втором гимназии, где будут обучения первых элементов наук; в третьем нижние школы, в которых обучение языков». ¹⁴

Таким образом, вследствие возникшей сложности главным образом из-за недостатка студентов, первоначально предусмотренное устройство Академии еще при жизни Петра I получило значительное изменение: учебные функции предполагавшегося Университета были возложены на Академию, и ученые, именовавшиеся в проекте 1724 г. академиками, были названы профессорами, которым вменялось в обязанность читать по своей специальности всем желающим публичные лекции. Кроме того, помимо Академической гимназии, были намечены еще подготовительные школы для изучения языков. ¹⁵ Соответственно новому устройству Академии, представленному Л. Л. Блюментростом Сенату в сентябре того же 1724 г., обучение располагалось уже по «классам» Академии (математическому, физическому и гуманитарному), а не по намечавшимся факультетам Университета (юридическому, меди-

¹⁰ Neue Zeitungen von Gelehrten Sachen, Leipzig, 1724, № 31, 17 April, стр. 311—312.

¹¹ См. иностранную корреспонденцию 1724—1725 гг.: ААН, ф. 1, оп. 3, № 2.

¹² Там же, № 8, лл. 245—246.

¹³ Там же, ф. 3, оп. 1, № 582, л. 38. Разрядка моя, — Е. К.

¹⁴ Там же, № 1, л. 118.

¹⁵ Очевидно, Блюментростом было учтено указание Петра I от 21 мая 1724 г.: «Пока Академия заведетца, школы языков зачать» (ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, I, № 53, л. 600).

динскому и философскому).¹⁶ С середины 1725 г. приглашенные иностранные ученые¹⁷ и рекомендованные ими для преподавания в Академической гимназии немецкие студенты¹⁸ стали прибывать в Петербург, а в январе 1726 г. в Академии были объявлены публичные лекции, приглашавшие «всех любителей добрых наук, а наипаче рачителей к учению».¹⁹ Однако предлагавшаяся программа лекций,²⁰ излагаемых по-латыни, была доступна лишь для ограниченного подготовленного контингента слушателей, поэтому, несмотря на готовность профессоров делиться своими знаниями со всеми желающими, академическими наставлениями могли пользоваться только немногие.

Было бы, однако, серьезной ошибкой делать вывод, будто первые академические профессора не занимались обучением юношества, как это утверждают некоторые буржуазные историографы. Так, например, Д. А. Толстой, основываясь на свидетельстве Г.-Ф. Миллера, указывает, что «после 1726 года, когда вывезенные из Германии немецкие студенты получили разные назначения, в академических протоколах не встречается ни упоминания о студентах, ни определений о выдаче им содержания. Несмотря на это, составлялись программы лекций, чтобы показать, что не вина

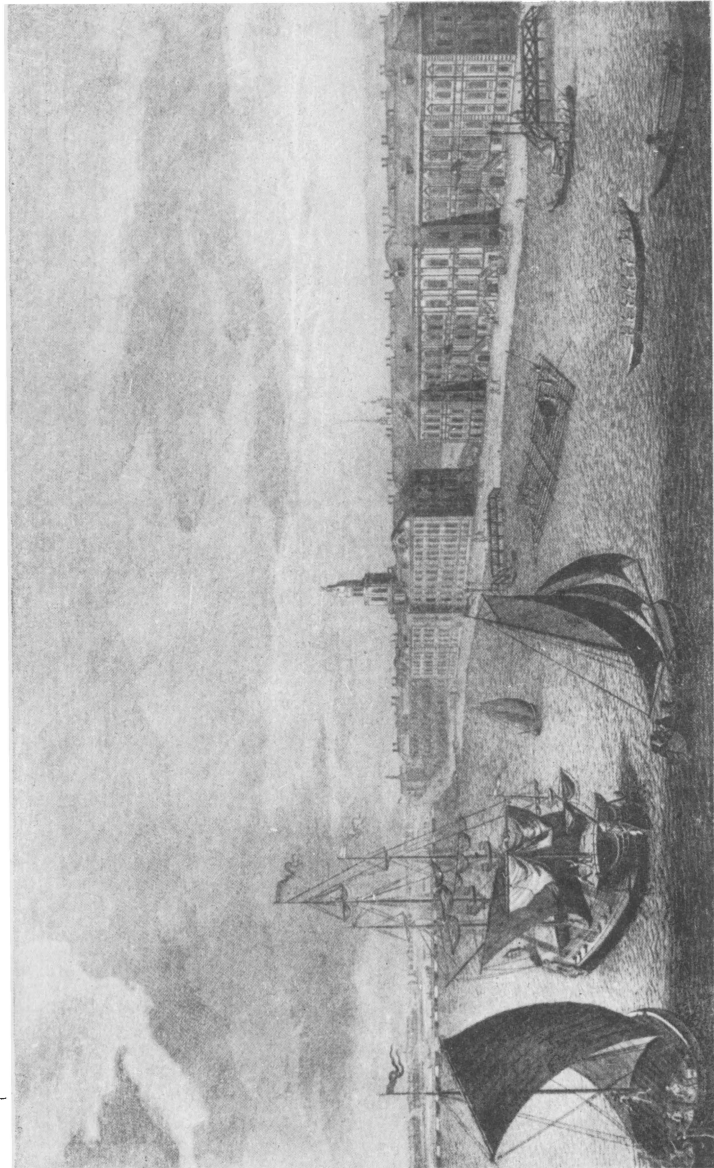
¹⁶ Новая система обучения обстоятельно изложена в Академическом регламенте, составленном Бюментростом и представленном в 1725 г. на утверждение Екатерине I (напечатан: *Материалы*, т. I, стр. 297—324). Как известно, этот первый Академический регламент не был утвержден, но предусмотренная в нем система академического обучения осуществлялась до утверждения регламента 1747 г.

¹⁷ В списках первых приглашенных профессоров значатся 14 человек: Я. Герман — первый профессор математики; Д. Бернулли — профессор физиологии, после 1727 г. — математики; Н. Бернулли — профессор математики; Ф.-Х. Мейер — профессор математики; Г. Б. Бюльфингер — профессор физики; И.-Н. Делиль — профессор астрономии; И.-Х. Буксбаум — профессор ботаники; И.-Г. Дювернуа — профессор медицины, анатомии и хирургии; М. Бюргер — профессор древностей; И.-С. Бекенштейн — профессор юриспруденции; И.-П. Коль — профессор элоквенции; Х. Мартини — профессор логики и метафизики; Х.-Ф. Гросс — профессор правоучительной философии; Х. Гольдбах — советник юстиции (ААН, ф. 3, оп. 1, № 791, л. 131).

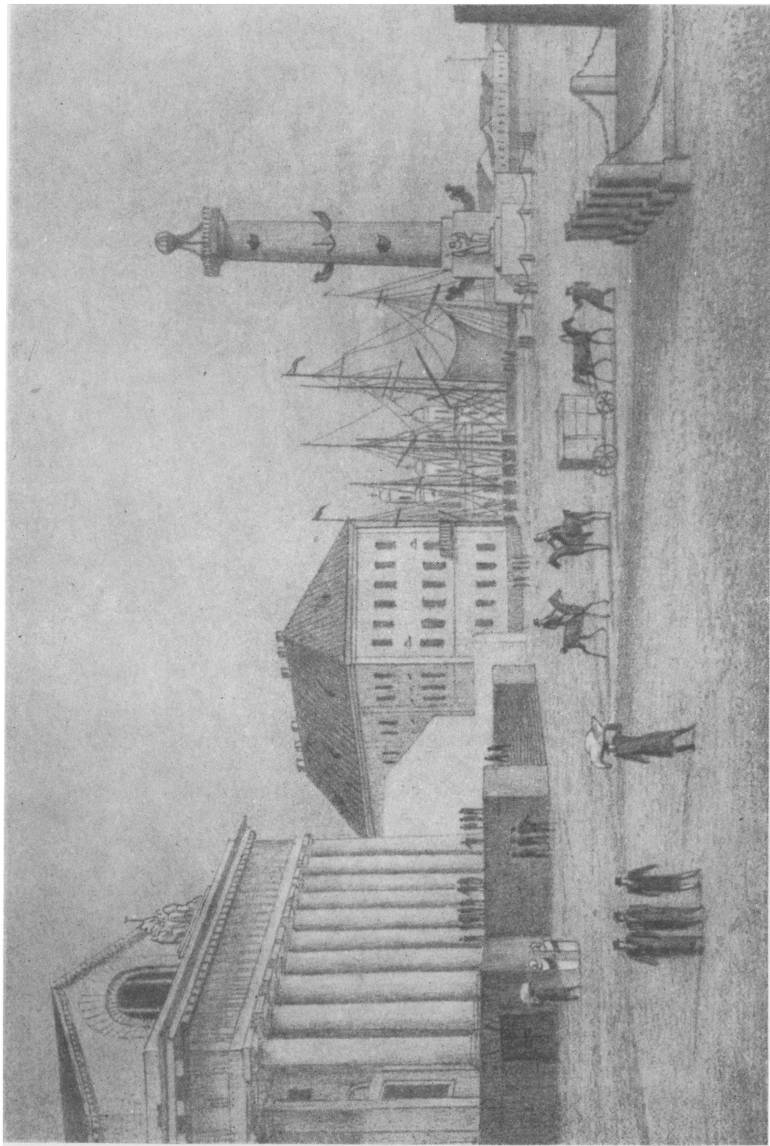
¹⁸ Иностранные студенты, изъявлявшие желание ехать в Россию, предъявляли чрезвычайно большие требования, что видно из сообщений русского посланника в Берлине гр. Головкина, через посредство которого происходили сношения Академии наук с иностранными учеными. Так, в письме из Берлина от 17 февраля 1725 г. он писал в Академию наук: «Студенты, которых эти профессора должны привезти с собой, больше всего беспокоят меня, так как они просят слишком большое обеспечение, на что я ответил им, что они могут полностью положиться на все то, что Вы им обещали» (там же, ф. 1, оп. 3, № 11, л. 13). Из прибывших 8 немецких студентов двое — Мейер и Гросс — через несколько месяцев были определены профессорами (см.: Пекарский, т. I, стр. 211, 214).

¹⁹ *Материалы*, т. I, стр. 169.

²⁰ Первое печатное объявление о публичных лекциях см.: там же, стр. 170—172.

Академия наук во времена М. В. Ломоносова.
Деталь гравюры М. И. Магара (1753).

Строганов дом (второй слева), где помещались академические Университет и Гимназия.

С литографии художника А. Е. Мартынова. (Начало XIX в.).

Академии, что она не может приносить пользы посредством устного преподавания».²¹

Находящиеся в Архиве Академии наук мало изученные дела «Следственной комиссии о советнике Шумахере»,²² содержащие сведения о начале деятельности Академии, позволяют сделать иные выводы и иначе осветить педагогическую работу первых академических профессоров. В этих делах сохранился список студентов, обучавшихся с 1726 по 1733 г.,²³ в нем значится 38 человек, фамилии и имена которых мы приводим ниже:

1. Кантемир Антиох	21. Фон Ягужинский Христиан-Готфрид
2. Гамильтон	22. Алзинг
3. Фельтен Петр-Александр	23. Стехман
4. Пашке Готфрид	24. Сатаров
5. Кондонди Павел	25. Шнейдер
6. Адодуров Василий	26. Ремезов Петр
7. Эйхлер Генрих-Вольфганг	27. Горленко Андрей
8. Энс Аврам	28. Папельбаум
9. Шиллинг	29. Буцковский
10. Крамер Адольф-Бернгард	30. Геце
11. Ильинский Иван	31. Лев
12. Мюкс	32. Ланге Н.
13. Надоржинский Денис	33. Клейнфельд Мартин
14. Овенс Н.	34. Фон Ренненкампф Яков-Густав
15. Фаренгейт Мельхиор	35. Фон Ренненкампф Ганс-Дитрих
16. Клейнфельд Готфрид	36. Воль
17. Фон Вольф Карл	37. Пост
18. Фон Вольф Фридрих	38. Матесон Андрей
19. Фон Фиттингоф Вольфганг-Петр	
20. Магницкий Иван	

Число первых академических студентов было несомненно больше, чем упомянутые И.-Д. Шумахером 38 человек, так как некоторые профессора, например И.-С. Бекенштейн, сообщали, что не «упомнили» имена всех тех, кто у них обучался, «понеже в чужестранных академиях профессора имена учеников своих редко записывают».²⁴ Все же на основании сохранившегося списка можно иметь понятие о составе учащихся за обозреваемый период и о характере преподавания.

Главный контингент первых академических студентов составляли дети иностранцев, находившихся на русской службе, и при-

²¹ Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии. Записки имп. Академии наук, Приложение к т. LI, № 3, СПб., 1885, стр. 7—8.

²² О следственном деле, возбужденном против И.-Д. Шумахера, см. стр. 40—42 настоящей работы.

²³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 791, лл. 63—66 об.

²⁴ Ср. показания профессора Даниила Бернулли от 21 ноября 1732 г.: «... також были у меня в обучении некоторые лекари, а как их зовут — того не упомяну», или показание И. Г. Дювернуа о том, что имена некоторых студентов он «никогда не ведал» (Материалы для истории образования в России. Атеней, 1858, № 14, М., стр. 384).

бывшие из-за границы немецкие студенты. С этими последними не надо смешивать тех, кто под именем «студентов» был выписан из Германии в 1725—1726 гг. для преподавания в Академической гимназии. По социальному происхождению состав первых студентов был чрезвычайно пестрым. Наряду с детьми богатых знатных отцов — князем Антиохом Кантемиром, бароном Гамильтоном, племянником советника Синода Панаиотой (Павлом) Кондонди, сыновьями бывшего вице-канцлера государственной Юстиц-коллегии фон Вольфами, сыном рижского «регирунгсрата» фон Фиттингфом, лифляндскими шляхтичами Ренненкампами и другими — обучались сын обер-кухмейстера Фельтен, сын капитана «от флота» Шиллинг, сын архангельского купца Мюкс, сын лекаря Семеновского полка Энс и другие малоизвестные иноземцы, преимущественно лекари и лекарские ученики из госпитальной армии и флота. Из русских студентов упоминаются сын дворянина Василий Адодуров, сын духовника императрицы Екатерины I Денис Надоржинский, сын учителя математики Иван Магницкий, академический переводчик Иван Ильинский, сын академического секретаря Петр Ремезов, сын полкового писаря Андрей Горленко и брат академического переводчика лекарь Сатаров. Таким образом, в первые годы основания Академии наук число русских студентов было совсем невелико, составляя только 16% от общего количества. Это были в основном сыновья служащих не высокого ранга. Большинство из них прибыло из духовных академий, где получило знания латинского языка, а некоторые подготовлялись в Академической гимназии.²⁵ Программа и содержание публичных лекций определялись научными интересами академиков и не ставили своей задачей систематическое изложение какой-либо отрасли науки. Метод академического преподавания сводился к текстологическому толкованию книг. Вследствие преобладания в составе академиков математиков и физиков, основными предметами программы были физико-математические науки. По гуманитарным наукам были объявлены лекции профессора З.-Т. Байера по древностям греческим и римским, Хр. Мартини по логике и метафизике, «следуя философии Тумика»,²⁶ Хр. Гросса по этике, «следуя книге Пуфендорфа», и И.-С. Бекенштейна о праве публичном и об истории нынешнего времени, «также и о институциях права Юстиниана цесаря, буде слушателям полюбится».²⁷

²⁵ Магницкий брал частные уроки латинского языка у профессора И. С. Бекенштейна, о чем последний упоминает в своих показаниях: «Магницкий из Москвы или Киева, сын одного математика, прибыл сюда из Киевской академии; как он был еще весьма слаб в латинском языке, то я приватно упражнял его в стиле» (Материалы для истории образования в России, стр. 385).

²⁶ Тьюммиг Людвиг-Филипп (Thümmig Ludwig-Philipp, 1690—1728) — немецкий физик и философ, последователь Вольфа.

²⁷ Материалы, т. I, стр. 170—171.

Несмотря на преобладание в программе математических дисциплин, большинство первых студентов занималось гуманитарными науками. При этом наибольшее число учеников было у профессора Байера, преподававшего, кроме древностей, «приватно» ораторское искусство.²⁸ Постоянный контингент слушателей имел молодой профессор Гросс, обучавший «нравоучительным наукам».²⁹ Из гуманитарных наук менее всего привлекали студентов лекции первого профессора прав в России И.-С. Бекенштейна, что он отмечал и сам: «Из так называемой российской нации никто у меня не обучался, и никто для этой цели даже не являлся ко мне. Но из детей иностранцев, родившихся в России, некоторые воспользовались моими уроками... Сколько могу припомнить, в числе слушателей моих были молодой Фельтен, сын обер-кухмейстера, и молодой Эйхлер. Спрашивают еще у меня, сколько иностранных студентов ходили ко мне на лекции. Могу из числа их указать на Пашке из Пруссии и на Крамера из Вестфалии, потому что они занимались весьма усердно и действительно успели в науке весьма усердно, особенно первый, уехавший потом в Германию, где и далее себя усовершенствовал».³⁰

Анатомические и хирургические лекции доктора медицины профессора Дювернуа посещались главным образом немецкими врачами и лекарскими учениками. Из русских учеников у него обучались Василий Адодуров и два брата Сатаровы.³¹ Математическими науками студенты занимались преимущественно у Д. Бернулли, а также у Леонарда Эйлера и Г.-В. Крафта, назначенных профессорами в 1731 г.³²

Вследствие того, что контингент первых академических студентов составляли дети обеспеченных родителей, в Академии стали преобладать частные, платные занятия с профессорами на дому

²⁸ У него обучались Василий Адодуров, Павел Кондоиди, Денис Надоржинский, Иван Магницкий, братья Карл и Фридрих фон Вольфы, Вольфганг-Петр фон Фиттингоф, Готфрид Пашке, Мельхиор-Фридрих Фаренгейт и Н. Ланге.

²⁹ Лекции профессора Гросса слушали Антиох Кантемир, барон Гамильтон, Петр-Александр Фельтен, Н. Овенс, Иван Магницкий и Иван Ильинский.

³⁰ Материалы для истории образования в России, стр. 386.

³¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 791, лл. 63 об.—65 об. В 1731 г. были назначены профессорами И. Вейтбрехт и Г.-В. Крафт, которые стали читать студентам «медицие наставления» по руководству Бургаве. Слушателями И. Вейтбрехта были хирурги русской армии Алзинг, Лев, Стехман, Паппельбаум, Буцковский, Геце, Мартин Клейнфельд и русский ученик Сатаров. Слушателями И.-Г. Гмелина были Шнейдер, Энци. Стехман, Паппельбаум и Сатаров. В 1732 г. Гмелин объявил курс химии, который слушали Пост, Вохе, Буцковский и Паппельбаум. Кроме студентов, у Гмелина занимался химией профессор Делиль де-ла Кройер. (Там же, лл. 63—65 об.).

³² Учениками Д. Бернулли были Адодуров, Кондоиди, Шиллинг и Мюкс. У Л. Эйлера обучались Адодуров, Мюкс, Надоржинский, Энци и Готфрид Пашке. У Г.-В. Крафта обучались те же Адодуров и Г. Клейнфельд и, кроме них, Кондоиди, Эйхлер, Фиттингоф. (Там же, лл. 63—66 об.).

по предметам, избираемым студентами. В непродолжительном времени из-за малочисленности студентов уже не все профессора обязывались читать бесплатные публичные лекции и многие (например пожалованный в 1731 г. профессором истории Г.-Ф. Миллер)³³ стали заниматься только доходным частным преподаванием. Для довершения образования некоторые студенты уезжали в заграничные университеты, где имели возможность получить ученую степень; так, студенты Кондонди и Шиллинг были удостоены степени доктора медицины в Лейденском университете.³⁴

О результате педагогической деятельности первых профессоров Академии можно судить по судьбе их учеников. Из 38 студентов, упомянутых в рассмотренном нами списке, 4 человека были оставлены при Академии: В. Е. Адодуров — первый русский адъюнкт высшей математики (с 1733 г.), Мартин Клейнфельд — адъюнкт анатомии (с 1748 г.), А.-Б. Крамер — адъюнкт истории (с 1732 г.), впоследствии академик, Иван Ильинский — академический переводчик (с 1725 г.). 13 человек определились на государственную службу в России: Антиох Кантемир, видный дипломат первой половины XVIII в., писатель-сатирик; Панаиота (Павел) Захарович Кондоиди, придворный медик, директор Медицинской канцелярии, организатор медицинской службы русской армии, почетный член Академии наук; Готфрид Пашке, консультант Юстиц-коллегии; П. А. Фельтен, «состоящий при государственном вице-канцлере» и первом кабинет-министре А. И. Остермане; Шиллинг, вице-президент Коммерц-коллегии, впоследствии придворный врач; Г.-В. Эйхлер, геодезист; Иван Магницкий, учитель Кадетского корпуса. Братья Карл и Фридрих Вольфы определились на военную службу, хирурги Алзинг, Стехман и Сатаров вернулись на медицинскую службу в армию. 6 человек покинули Россию и возвратились в свое отечество: барон Гамильтон, Н. Овенс, М.-Ф. Фаренгейт, Шнейдер, Г. Клейнфельд, В.-П. Фиттингф. 9 человек остались продолжать свое образование, из них семеро в Академии — Буцковский, Воль, Пост, Папельбаум, братья Ренненкампы и Ягужинский, и двое в Лейденском университете — сын хирурга гвардии Семеновского полка Энс и купеческий сын Мюкс. Судьба троих осталась неизвестна и трое умерли до 1732 г.³⁵

Таким образом, хотя в первые годы основания Академии наук организованных форм университетского образования и не было, первые академические профессора приложили немалый труд к обучению юношества, правда преимущественно иностранного. Это подтверждается официальными документами, в которых сооб-

³³ Г.-Ф. Миллер преподавал древнюю и новую историю, географию, латинскую и немецкую словесность двум лифляндцам — братьям Ренненкампам и Х. Г. Ягужинскому (Материалы, т. II, стр. 212).

³⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 791, лл. 63 об.—64.

³⁵ Там же, лл. 63—66 об.

щается, что «молодых людей они, профессоры, всегда с начала Академии иметь желали и таковое обучение за истинную академическую к государству пользу признавали»³⁶ и что отданных к ним в обучение учеников и тех, «которые и сами к ним в обучение дались», они «радетельно» обучали, но «понеже оных учеников числом зело мало бывало, того ради и не такая польза принесена, какова быть могла б».³⁷

Вместе с тем в Академии наук еще не было необходимых предпосылок для осуществления задач, которые имелись в виду при ее основании, и прежде всего далеко не благополучно обстояло дело с подготовкой отечественных кадров. И.-Д. Шумахер, которому была доверена в Академии вся административная власть, не мог способствовать развитию отечественного просвещения. Он пользовался неограниченным влиянием на президента Л. Л. Блюментроста и приобрел такое его доверие, что последний, уезжая в начале 1728 г. в Москву, официально уполномочил его «все дела академические и канцелярские управлять и крепить».³⁸ Жалобы академиков на самовластие Шумахера и на вмешательство его в дела ученого собрания не имели успеха, а осмелившиеся открыто восставать против него впадали в немилость у президента. Ответ, последовавший от Л. Л. Блюментроста на письмо профессора Г.-Б. Бюльфингера о самовольстве Шумахера, свидетельствует, каким влиянием пользовался последний в Академии. «Позвольте сказать вам, — отвечал президент, — что в мое отсутствие я могу поручать кому хочю заведование академическими делами. Сверх того г. Шумахер не есть секретарь Академии, но самый старший из членов ее и секретарь его величества по делам Академии, назначенный по особому повелению с самого начала учреждения ее».³⁹ Большинство приглашенных при Петре I профессоров спешили уехать из Петербурга, как только кончался срок их контрактов,⁴⁰ и причиной почти во всех случаях были недоразумения с Шумахером, который не только не пытался удержать наиболее даровитых ученых в академическом штате, а наоборот, всячески ускорял увольнение их в отставку, опасаясь, чтобы через них не умалилась его собственная власть.⁴¹ Тем более не был Шумахер заинтересо-

³⁶ Там же, л. 137.

³⁷ Материалы для истории образования в России, стр. 392.

³⁸ Материалы, т. I, стр. 345.

³⁹ П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 13.

⁴⁰ Контракты с профессорами обыкновенно заключались на 5 лет, по истечении которых они имели право выходить в отставку или заключить новый контракт.

⁴¹ В «Мнении об отпущении профессоров», составленном Академической канцелярией, т. е. Шумахером, для представления в Сенат, сообщалось, что профессоров «по силе сочиненных с ними контрактов держать невозможно и на их место другие свободно определены быть могут» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 10, л. 134 об.).

ван в том, чтобы Академия стала поприщем для деятельности русских ученых, и всеми мерами препятствовал допустить к «совершенству учения» русских учеников. В 1732 г., когда профессора указывали на недостаток слушателей, Шумахер не воспользовался разрешением Сената выбрать учеников из Киевской и Черниговской семинарий,⁴² а из двенадцати студентов, прибывших в том же 1732 г. из Московской славяно-греко-латинской академии, пятерых послал в Камчатскую экспедицию, а остальных определил в «подьячие» и к «ремесленным» делам.⁴³ Аналогичное отношение было проявлено и к двенадцати лучшим ученикам той же Славяно-греко-латинской академии, присланных в 1736 г. Все они, за исключением Ломоносова и Виноградова, посланных для обучения за границу, оказались в чрезвычайно неблагоприятных условиях, из-за которых они, по показанию надзиравшего за ними адъюнкта Адодурова, принуждены были оставить свое учение. За жалобу, поданную ими 16 ноября 1736 г. в Сенат, Шумахер жестоко расправился с жалобщиками, отдав распоряжение «за оболгание Правительствующего сената» и за другие «самовольные, продерзостные, без ведома Академии учиненные поступки при собрании всех учеников бить батожем нещадно».⁴⁴

Неблагоприятные толки о Шумахере и об игнорировании им возложенных на Академию наук по проекту Петра I обязанностей по «утверждению знаний в России» стали распространяться после отъезда приглашенных при Петре I ученых.⁴⁵ Следствием этого явился сенатский указ, присланный в Академию 2 ноября 1732 г., с предписанием профессорам рассмотреть академические штаты, составленные Шумахером, и представить сведения: «Сколько учеников российской науки и иностранных с начала Академии у профессоров в обучении были, и что выучили, и куда вышли, и сколько и на сколько лет контракты заключены».⁴⁶ Шу-

⁴² Там же, № 791, л. 8.

⁴³ Из пяти учеников, посланных в Камчатскую экспедицию, получил известность С. П. Крашенинников, первый русский этнограф, профессор ботаники и натуральной истории Академии наук. Кроме него, обратил на себя внимание Л. П. Горланов, автор труда о народных лекарствах в Сибири, состоявший по возвращении из экспедиции до 1750 г. копиистом при Г.-Ф. Миллере, а затем ставший учителем латинского языка в Академической гимназии. В. Третьяков — чучельник, был отрешен от Академии в 1743 г., Ф. Попов — способный молодой астроном, был отдан в солдаты. Геодезист Лука Иванов не вернулся из Сибири. В «подьячие» и к «ремесленным» делам были определены Алексей Страшевский, Григорий Абумов, Петр Брызгалов, Андрей Поляков, Петр Пагнин и Афанасий Волков. Андрей Матвеев вскоре по приезде из Москвы был убит ракетой во время фейерверка 1732 г. (см.: Дело о высланных в Санкт-Петербург из Славяно-греко-латинской московской академии учениках — ААН, ф. 3, оп. 1, № 10, лл. 399—457).

⁴⁴ Материалы, т. III, стр. 243.

⁴⁵ Из 14 профессоров, прибывших в Петербург в 1725—1726 гг., шестеро выбыли из состава Академии на протяжении первых пяти лет ее существования (ААН, ф. 3, оп. 1, № 791, л. 131—131 об.).

⁴⁶ Там же, № 942, л. 210.

махер, осведомленный не только о подаче на него жалоб,⁴⁷ но и об их содержании, старался отвести наиболее серьезное для него обвинение в том, что благодаря ему Академия пренебрегает своими основными просветительными обязанностями. Он ускорял замещение вакантных должностей профессоров и только публиковал широковещательные объявления⁴⁸ о том, что Академия наук возобновляет «публичные и private в науках наставления». Опубликованные им в 1734 и 1738 гг.⁴⁹ объявления публичных лекций были составлены с учетом значительных изменений, происшедших в академическом составе. Наряду с учеными, достойными профессорского звания, как Леонард Эйлер, И.-Г. Гмелин, Г.-В. Крафт и И. Вейтбрехт, профессорами назначались по представлению Шумахера такие лица, как домашний учитель Бирона француз Пьер Леруа,⁵⁰ прославившийся сочинениями девизов и фейерверков Я. Я. Штелин и академический стихотворец Г.-Ф. Юнкер. Последнему без всяких оснований в печатном объявлении о лекциях 1734 г. было присвоено звание профессора политики и морали.⁵¹ В том же объявлении упоминались уехавшие в Камчатскую экспедицию профессора Делиль де-ла Кройер, Гмелин и Миллер с указанием, что «они исполняют обязанности профессоров по отношению к тем студентам, которые с ними отправились». Прерванные фактически в 1732 г. лекции возобновились в 1738 г., но читались с перерывами и прекратились осенью 1740 г. после «определения к делам» восьми обучавшихся студентов.⁵²

⁴⁷ См.: Пекарский, т. I, стр. 10; П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова, стр. 16.

⁴⁸ Объявления публиковались для сведения Сената, Синода, Сухопутного шляхетного корпуса, Канцелярии Главной артиллерии и фортификации и Армиральтской коллегии.

⁴⁹ Печатные экземпляры объявлений сохранились в фонде академика Г.-Ф. Миллера (ААН, ф. 21, оп. 7, №№ 38, 41).

⁵⁰ Вследствие занятий с сыном Бирона Леруа был освобожден даже от обязательного присутствия на академических собраниях (Пекарский, т. I, стр. 570).

⁵¹ ААН, ф. 21, оп. 7, № 38.

⁵² Это были московские семинаристы «второго призыва», находившиеся долгое время «без учения и определения». В конце 1736 г. они были зачислены в Академическую гимназию, «дабы времени б напрасно не препровождали» (Материалы, т. III, стр. 721—722). В 1736 г. этим ученикам была дана следующая аттестация: «По летам сих людей о дальнем успехе в науках никакой надежды иметь не можно. Сверх того Никита Попов (будущий академик, — Е. К.) с Михаилом Гавриловым с природы тупы и к наукам неспособны» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 18, л. 129). В 1738 г. они были произведены в студенты и об их производстве сообщалось даже официально в печатном объявлении о возобновлении публичных лекций с 1 июня 1738 г.: «Понеже в бывшем пред недавним временем в обретающейся при Академии Гимназии экзамене не малое число таких учеников нашлось, которые к слушанию профессорских лекций и довольною способность имеют». В сентябре 1740 г. московские студенты, как называл их Сенат, были проэкзаменованы в присутствии всех профессоров и в сентябре того же года по представлению Академии, утвержденному императорским Кабинетом, определены к делам: трое

8 июня 1741 г. из-за границы в Петербургскую Академию наук вернулся Ломоносов. Это было напряженное, беспокойное время. Яркая вспышка национального воодушевления, последовавшая после свержения Бирона, продолжала разгораться, все громче раздавался ропот против иностранцев, игравших руководящую роль в русской политической и культурной жизни. Учитывая обстановку, Шумахер стал оказывать видимое покровительство русским студентам. 17 ноября 1741 г. в протоколе Академического собрания было записано: «... г. советник Шумахер снова настаивал на том, чтобы Конференция высказала свое мнение насчет представленных и читанных диссертаций студентов Теплова и Ломоносова, так как это и для него, и для студентов очень важно, чтобы сделать свои распоряжения»,⁵³ а 8 января 1742 г. последовала резолюция Шумахера о назначении Ломоносова адъюнктом физического класса «до дальнего указа Правительствующего сената и нарочного Академии определения».⁵⁴

Воцарение Елизаветы Петровны, про которую шла молва, что она не жалуется иностранцев, не могло не найти отклика в Академии наук; долго сдерживаемое недовольство Шумахером прорвалось наружу. Борьбу против Шумахера возглавили профессор И.-Н. Делиль⁵⁵ и советник А. Н. Нартов, вступивший в штат Академии наук в 1735 г. одновременно с передачей в Академию инструментов и машин из бывшей мастерской Петра I.⁵⁶ В январе 1742 г. Делиль представил донесение в Сенат, в котором указывал, «что профессора власти не имеют Академиию по намерению Петра Великого управлять, притом же не старались русских обучать и произвестъ в науках».⁵⁷ В феврале того же года в Сенат подал жалобу и Нартов. По рассмотрении этих донесений Сенат в августе 1742 г. командировал Нартова в Москву, где тогда находился императорский двор. Здесь Нартов и подал императрице взятые им с собой жалобы на Шумахера ряда младших академи-

из них (Василий Лебедев, Иван Голубцов и Никита Попов) назначены переводчиками, один (Алексей Барсов) типографским корректором, а четверых (Прокофья Шишкарева, Александра Чадова, Семена Старкова и Михайлу Коврина) оставили в Академии, «дабы они могли быть впредь геодезистами». (Материалы, т. IV, стр. 396—397, 468—469).

⁵³ Протоколы Конференции, т. II, стр. 707. Разрядка моя, — Е. К.

⁵⁴ ААН, ф. 20, оп. 3, № 69. Во время следствия над Шумахером последний использовал производство Ломоносова и Теплова в адъюнкты для своего оправдания. В докладе Следственной комиссии от 4 марта 1743 г. по делу Горлицкого имеется следующая запись: «А Шумахер показал, что для произведения в профессора русские адъюнкты имеются — Ломоносов и Теплов» (там же, ф. 3, оп. 1, № 794, л. 346).

⁵⁵ Делиль жаловался Сенату на самоуправство Шумахера еще в 1733 г., а при вступлении в управление Академией И.-А. Корфа в 1734 г. в приветственной речи открыто высказал ему, какой вред для Академии от того, что ученые находятся в полной зависимости от Канцелярии, т. е. Шумахера (Пекарский, т. I, стр. 27).

⁵⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 2332, л. 23.

⁵⁷ Пекарский, т. I, стр. 34.

ческих служащих. Среди жалобщиков было и несколько прежних однокашников Ломоносова из Славяно-греко-латинской академии: Прокофий Шишкарев, Никита Попов, Семен Старков и Михаил Коврин. Таким образом, обличителями Шумахера стали представители русского демократического меньшинства, на долю которых в Академии достались лишь низшие должности переводчиков, граверов, канцеляристов, подмастерьев и их учеников. Эта полная творческих сил молодежь, негодовавшая оттого, что академическая администрация в лице Шумахера оттесняет их от занятий науками и обрекает на одну только подсобную работу, осмелилась подать свой голос в защиту своих прав и русской культуры. Жалобы их сводились главным образом к тому, что благодаря Шумахеру Академия пренебрегает своими основными просветительными обязанностями и что «Университета при Академии и поныне нет совершенно».⁵⁸

Когда началось следственное дело,⁵⁹ Ломоносов, в то время уже адъюнкт, член Академического собрания, открыто примкнул к сторонникам Нартова. Он внимательно следил за следствием, о чем свидетельствуют сохранившиеся в его «Служебном портфеле» бумаги, имеющие отношение к этому делу: копии доношений Нартова в Правительствующий сенат,⁶⁰ копии разных доношений и «экстрактов» (на русском и немецком языках), касающихся неправильных действий Шумахера,⁶¹ «Экстракт из судейского журнала», заведенного в Академии со дня вступления в управление академическими делами Нартова,⁶² и др. Ломоносов собирал и материалы, касающиеся состояния Академии наук, чтобы критически судить о действительном положении. В том же портфеле деловых бумаг имеются «Экстракт из плана академического, установленного Петром Первым»,⁶³ копия доклада президента И.-А. Корфа в Кабинет ее императорского величества о состоянии Академии наук с резолюциями канцлера А. И. Остермана и вице-канцлера А. М. Черкасского от 30 июля 1737 г.,⁶⁴ генеральный штат и сведения о расходах Академии в 1740 г.⁶⁵ и т. п.

⁵⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 791, л. 249 об.

⁵⁹ В Следственную комиссию по делу Шумахера, назначенную указом императрицы Елизаветы 30 сентября 1742 г., входили действительный камергер и президент Камер-коллегии кн. Б. Г. Юсупов, петербургский комендант генерал-лейтенант С. Л. Игнатьев и в качестве председателя — адмирал Н. Ф. Головин (см.: Пекарский, т. I, стр. 35). Комиссия начала свои заседания 7 октября 1742 г. и кончила 14 сентября 1743 г. (см.: там же, стр. 40).

⁶⁰ ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 22—28, 73—76.

⁶¹ Там же, лл. 34—71.

⁶² Там же, лл. 30—33. Академические дела были поручены Нартову после ареста Шумахера, последовавшего 7 октября 1742 г.

⁶³ Там же, лл. 2—3.

⁶⁴ Там же, лл. 4—6.

⁶⁵ Там же, лл. 6—21.

Наиболее серьезное обвинение, предъявленное Шумахеру в том, что он сознательно тормозил просветительную и педагогическую деятельность Академии наук, рассматривалось Следственной комиссией в конце февраля 1743 г., когда следственное дело приняло для Шумахера благоприятный оборот. В Следственную комиссию стали поступать материалы, порочащие Нартова и призывающие к восстановлению Шумахера.⁶⁶ Недовольство высказывали почетные академики, лишенные Нартовым государственной пенсии, и профессора, действовавшие сначала против Шумахера, а потом воспринявшие необходимость подчиниться распоряжениям Нартова, как оскорбление своего достоинства. Внимание Следственной комиссии обращалось и на социальный состав лиц, подавших жалобы на Шумахера. Заступничество его академических сторонников⁶⁷ встретило полную поддержку со стороны правящих реакционных кругов, прямыми поддателями которых были члены Следственной комиссии. Правящему дворянству, возведшему на престол императрицу Елизавету и охранявшему свое исключительное положение, было гораздо выгоднее иметь Академию с Шумахером, проводящим угодную реакционным верхам политику, чем «Российскую Академию, из сынов российских состоящую», дерзость которых испытали на себе представители этих верхов в Следственной комиссии.

28 декабря 1742 г. Шумахер был освобожден из-под стражи, а жалобщики оказались обращенными в обвиняемых, и семеро из них были 13 января 1743 г. арестованы.⁶⁸ Репрессивные меры были приняты и в отношении Ломоносова, которому 21 февраля того же года предложили воздержаться от посещения академических собраний до тех пор, пока не станет известно решение Следственной комиссии по жалобам, поданным на него за оскорбление профессоров в декабре 1742 г.⁶⁹

24 февраля 1743 г. Следственная комиссия решила специально рассмотреть вопрос — «есть ли Университет и честные и славные науки происходят ли и процветают ли?».⁷⁰ По этому вопросу Комиссия предлагала «взять известие от академических профессоров, у доктора Кондоиди, у асессора Адодурова и у адъюнктов Ломо-

⁶⁶ Пекарский, т. I, стр. 41.

⁶⁷ Наиболее деятельно хлопотали о возвращении Шумахера к прежней власти И. И. Тауберт, Г.-Ф. Миллер и Г.-В. Крафт (там же, стр. 40, 336—338, 459). В «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» Ломоносов упоминает еще о заступничестве «сильного тогда при дворе человека иностранного», т. е. И.-Г. Лестока, который на правах лейб-медика императрицы пользовался в ту пору действительно большим влиянием при дворе и с которым Шумахер был несомненно связан (см.: Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 277).

⁶⁸ Материалы, т. V, стр. 578.

⁶⁹ Протоколы Конференции, т. I, стр. 729.

⁷⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 796-а, л. 1.

носова и Теплова».⁷¹ Предвидя исход дела, академические профессора, а также Теплов и Адодуров ответили на заданный вопрос утвердительно, указав, что в Академии процветают науки и без сомнения имеется и Университет, потому что профессора читают публичные лекции, когда находятся охотники слушать их.⁷²

Среди документов Следственной комиссии отсутствует ответ Ломоносова. Трудно допустить, что Ломоносов мог обойти молчанием столь важный вопрос, имевший большое значение в деле Шумахера, тем более, что есть сведения, согласно которым он, несмотря на запрещение, явился 23 февраля 1743 г. в Академическое собрание, где подлежал обсуждению вышеупомянутый запрос Следственной комиссии, и, когда ему предложили удалиться, «дал понять, что и ему, может быть, придется отвечать на ту же тему, которая сегодня разбирается нами».⁷³ Предпринятые нами настоячивые поиски этого несомненно существенного документа в Архиве Академии наук СССР остались безуспешными, но в ходе поисков мы обратили наше внимание на неподписанную и недатированную копию, находящуюся в Центральном Государственном архиве древних актов в Москве и озаглавленную: «В высокоучрежденную Следственную комиссию Академии наук нижайшее доказательство о том, что здесь, при Академии наук, нет университета».⁷⁴ Хотя В. И. Ламанский в 1863 г. опубликовал этот документ (без указания источника) и о нем имеется даже литература, ни один из писавших почему-то не привел доказательств того, что составителем текста указанного документа был Ломоносов.

Публикация В. И. Ламанского вызвала серьезные возражения П. С. Билярского. Не видев документа, он выразил сомнение в его существовании, а следовательно, и в его значении как исторического источника.⁷⁵ Опубликованный документ привлек внимание и П. П. Пекарского, который установил его местонахождение.⁷⁶ С. И. Пономарев в библиографических разысканиях о Ломоносове⁷⁷ и А. С. Будилович в указателе научных и литературных работ Ломоносова⁷⁸ повторили, не вдаваясь в исследования, догадку Ламанского о принадлежности отзыва об Университете Ломоносову. Изучение этого безупречного по исторической спра-

⁷¹ Там же, № 2324, л. 66 об.

⁷² Там же, № 794, лл. 328 об., 331, 336, 337 об.—338.

⁷³ Протоколы Конференции, т. I, стр. 730.

⁷⁴ ЦГАДА, фонд Госархива, разр. XVII, № 17, лл. 262—265.

⁷⁵ Билярский, стр. 0102—0103.

⁷⁶ Документ был обнаружен в ЦГАДА в делах, переданных из бывшего при императрице Елизавете Петровне Кабинета (см.: Пекарский, т. II, стр. 337—338).

⁷⁷ С. И. Пономарев. Материалы для биографии литературы о Ломоносове. Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, т. VIII, № 2, 1872, стр. 31.

⁷⁸ А. С. Будилович. Ломоносов как писатель. СПб., 1871, стр. 8.

ведливости документа дает основание признать, что составителем его действительно является Ломоносов.⁷⁹

Доводы, приведенные в документе для доказательства того, что при Академии наук нет Университета, свидетельствуют о большой осведомленности автора об организационном устройстве заграничных университетов. Такая осведомленность несомненно могла быть результатом трехлетнего обучения Ломоносова в Марбургском университете.⁸⁰

Основные привилегии заграничных университетов, дарованные им светской и духовной властью, заключались в следующем: во-первых, университеты имели право давать ученые степени бакалавра, лиценциата, магистра и доктора; во-вторых, они имели автономию, т. е. право самим выработать свои уставы и правила; в-третьих, они имели право сами судить своих членов, которые были изъяты из ведения обычного суда. Кроме того, члены университетской корпорации освобождались от налогов и податей. (Это право предоставлялось им территориальной или городской властью). В целях самоуправления и осуществления права суда учащие и учащиеся делились на нации (*nationes*), т. е. корпорации и землячества, в состав которых входили обыкновенно уроженцы одной местности или подданные одного государства. Каждая нация имела свой особый устав, организацию и привилегию. Во главе всего университета стоял выборный ректор. В средневековых университетах одно из высших духовных лиц назначалось канцлером университета, о чем давала себя чувствовать связь, соединяющая университетскую ученую корпорацию с церковью как верховной владычицей всей науки.⁸¹

Университеты, как правило, делились на четыре факультета. Общенаучное образование давал Философский факультет, кроме него были три специальные факультета: богословский, юридический и медицинский. Во главе факультета стоял декан — «*saput facultatis vindex disciplinae et custos legum*», избираемый на 1—2 года. Переход профессоров с одного факультета на другой был обычным явлением, к тому же профессора вели не по одному, а по несколько предметов, например Христиан Вольф во время пребывания Ломоносова в Марбурге вел занятия по 16 предметам.⁸²

⁷⁹ Протоколы Конференции, т. I, стр. 730.

⁸⁰ Ломоносов был записан в университетскую книгу Марбургского университета 17 ноября 1736 г. и покинул Марбург 20 июля 1739 г. (см.: М. И. Сухомятин. Ломоносов — студент Марбургского университета. Русский вестник, т. XXXI, № 1, 1861, стр. 131.

⁸¹ Об устройстве и быте немецких университетов см.: Karl von Baumer. Die deutschen Universitäten. Stuttgart, 1854; Л. Модзалевский. Быт студентов в Германии. (Из заграничных писем). СПб., 1865.

⁸² Вольф преподавал логику, философию, естественное право и право народов, политику, географию, хронологию, астрономию и курс математических наук, включая теоретическую физику, механику, оптику, гидравлику, военную и гражданскую архитектуру, пиротехнику.

Лекции разделялись на общие, частные и специальные (*publicae, privatae, privatissime*).⁸³ Лекции дополнялись диспутами, задача которых заключалась в том, чтобы приучить студентов свободно оперировать материалом, сообщенным на лекциях, и внедрить известный канонический запас знаний. Экзамены и присуждение ученых степеней обставлялись большими церемониями. В торжественной обстановке канцлер говорил речь, затем оглашал список выдержавших испытание и предоставлял им право преподавать науку по всему миру — «*hic et ubique terrarum*». В Париже эта церемония происходила в архиепископском доме под председательством канцлера собора «*Notre Dame*». Западноевропейская университетская традиция считала эти пышные процедуры обязательными: учреждение университета сопровождалось всегда устройством «инавгурации», т. е. праздника, на котором оглашалась даруемые университету привилегии. Без инавгурации никакой университет не признавался университетом, и присужденные им ученые степени ставились ни во что.⁸⁴ Внешняя организация университетов Германии не изменялась и в XVIII столетии, но с возросшим значением математических и естественных наук переменился метод университетского преподавания. Христиан Вольф — профессор математических, физических и философских наук в Галле и в Марбурге, куда ему пришлось на время (с 1723 по 1740 г.) уйти из Галле, первый ввел в немецких университетах преподавание новой философии, основанной на математике и естествознании.

Вернувшись в 1741 г. из-за границы, Ломоносов отдал себе ясный отчет о состоянии учебного дела в Петербургской Академии⁸⁵ и на потребованный от него Следственной комиссией запрос — «имеется ли при Академии наук Университет» — не мог ответить утвердительно. «Нижайшее доказательство о том, что здесь, при Академии наук, нет университета» по своему изложению и доводам соответствует известным нам более поздним высказываниям Ломоносова на ту же тему. Ломоносов считал необходимыми организацию предусмотренного в петровском проекте Академического университета и устройство пышной его инавгурации для того, чтобы создать ему положение, равноправное с иностранными университетами. Впервые он заявил об этом в 1743 г. в своем ответе Следственной комиссии: «Всем университетам

⁸³ См.: М. И. Сухомлинов. Ломоносов — студент Марбургского университета, стр. 154.

⁸⁴ См.: Karl von Baumer. Die deutschen Universitäten.

⁸⁵ Об этом Ломоносов сообщает в своей «Записке о необходимости преобразования Академии наук» (1758—1759 гг.): «Хотя академическое состояние прежде нового штата было по большей части в мою при Академии небытность, однако имею об этом немалое знание, которое отчасти чрез достоверные известия, отчасти по приезде из-за моря в немалое время собственным искусством сведал» (Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 36).

бывают инаугурации, или публичные учреждения, которые наперед, за несколько месяцев, по ученым собраниям и университетам программу опубликованы бывают, к чему из разных мест профессора и студенты съезжаются, при котором публичном собрании, по благодарственной божией службе, читается государева грамота и отдаются новоизбранному ректору надлежащие к университету признаки и привилегии о вольности с церемониями, а потом рассылаются по другим университетам о том печатные известия, чтобы оные новоучрежденный университет за университет почитали; а здесь, при Академии наук, такой публичной инаугурации университета не было; и не токмо иностранные академии и университеты, но и здешние обыватели, о ни каком С.-Петербургском университете не слыхали и не знают, и о том никакие печатные известия никуда не рассыланы и здесь не раздаваны».⁸⁶

О необходимости инаугурации Академического университета Ломоносов говорил во всех известных нам документах, касающихся переустройства Академии наук. В черновой собственноручной записке 1755 г., озаглавленной «Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской императорской Академии наук», он писал: «... здешний Университет не токмо действия, но и имени не имеет. Но когда бы здешнему Университету учинена была инаугурация, то есть торжественное учреждение, как то в других государствах водится, и на оном бы программу всему свету объявлены были вольности и привилегии, которыми Университет пожалован... то конечно Университет Санктпетербургский был бы доволен и вольными студентами, которые купно с содержащимися на жалованье могли вскоре не токмо Академию удолговольствовать, но и по другим командам распространяться».⁸⁷ Об инаугурации Академического университета Ломоносов говорил и в «Записке о необходимости преобразования Академии наук» (1758—1759 гг.),⁸⁸ и в «Предположении об устройстве и уставе Петербургской Академии» (1764 г.),⁸⁹ и в последнем документе по тому же вопросу — «Проекте привилегии Академии наук» (1764 — не позднее марта 1765 г.).⁹⁰

Необходимость инаугурации Университета очень убедительно доказывается Ломоносовым и в проекте речи в Академическом собрании, которая была составлена им в 1760 г.,⁹¹ и в «Определении Канцелярии Академии наук о переустройстве Университета»,⁹² и в представлении на имя императрицы, содержащем просьбу о рассмотрении в Конференции при императорском дворе

⁸⁶ Цит. по кн.: Ламанский, стр. 20—21.

⁸⁷ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 20—21

⁸⁸ Там же, стр. 41.

⁸⁹ Там же, стр. 104, 123.

⁹⁰ Там же, стр. 160.

⁹¹ Там же, т. 9, стр. 549—552.

⁹² Там же, стр. 556—561.

проекта университетских привилегий.⁹³ Программа инаугурации Университета и перечень даруемых ему привилегий, изложенные Ломоносовым в 1743 г., соответствуют его черновым собственноручным наброскам 1759 г.: «Порядок инаугурации» и «Привилегии».⁹⁴

Описание внутренней организации иностранных университетов — выборов ректора, порядка чтения лекций, составления их каталогов, публичных диспутов, производства в ученые степени — легло в основу всех более поздних докладных записок Ломоносова о переустройстве Академического университета, что видно из приводимых ниже примеров:

Ни жайшее доказательство

«В каждом университете выбирают ежегодно ректора или проректора, из профессоров, поочередно; а из здешних профессоров ни ректоры, ни проректоры поочередно и погодно никогда не выбирались». (Пункт 5).

«Здешние профессеры лекции читать во всю бытность только два раза начинали, а так как в университетах обыкновенно, беспрерывно оных не продолжали и новыми каталогами по всякой год дважды не объявляли». (Пункт 3).

«Тех студентов, которые три, четыре, или много что пять лет, на университете с прилежанием учились, по публичных диспутах для произведения от них же сочиненных и по экзамене, от всех профессоров учиненном, производят в докторы, лиценциаты и магистры той науки, которой они обучались, на что им даются грамоты за университетской печатью, а в здешней Академии ни российский ни иностранный студент еще и поныне в докторы, лиценциаты, или

Определение Канцелярии
АН о переустройстве
Университета, 1760 г.

«По доброму примеру иностранных университетов выбирать повсягодно проректора из университетских профессоров, также и из академиков, которые отправляют должность университетского профессора». (Пункт 2. Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 557).

Роспись сочинениям
и трудам советника
Ломоносова

«Лекции были так запущены через несколько лет, что и каталоги не были издаваны, как водится. А по вручении ему, Ломоносову, в единственное смотрение Университета... учредил порядочные лекции и издавал их каталоги, как в университетах водится». (Раздел VII. Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 402).

Проект привилегии
Академии наук

«Дозволяем и повелеваем нашей Академии и Университету производить нашим именем и указом всех достойных студентов в ученые градусы по примеру европейскому, то есть в юридическом и медицинском факультете в лиценциаты и в докторы, а в философском — в магистры и в докторы с такою отменою, что 1) не брать за произвождение в казну

⁹³ Там же, стр. 565—566.

⁹⁴ Там же, т. 9, стр. 539—540.

магистры не произведен, и произведен быть не может, для того, что такого доктора, лицензиата, или магистра, в других университетах и Академиях признавать не будут». (Пункт 7).

нашу ни малейшая платы, 2) кто из наших подданных в градусы произведен будет, тех награждать рангами лицензиатов и магистров — поручическими, докторов — капитанскими, хотя кто из них и не был в нашей службе действительно». (Пункт 6. Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 162—163).

Определение Канцелярии
АН о переустройстве
Университета, 1760 г.

«Дипломы производимым в ученые градусы и узаконения для вступающих в Университет студентов давать по приложенному при сем и подписанному формуляру за университетскою печатью, которую для того сделать нарочно». (Пункт 5. Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 558).

Следует обратить внимание и на текстуальное сходство известных нам документов Ломоносова об Академическом университете с текстом «Нижайшего доказательства». Ограничимся приведением наиболее характерных мест, выделяемых в тексте разрядкой.

«Ни жайшее
доказательство»

При здешней Академии наук не токмо настоящего Университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетского не видно.

В каждом университете выбирают ежегодно ректора, или проректора, из профессоров поочередно... а здешние профессора лекции читать по всю свою бытность только два раза начинали, а так как в университетах непрерывно оных не продолжали и новыми каталогами во всякой год дважды не объявляли... а здешние профессоры никогда в публичных диспутах студентов обучать не старались... а в здешней Академии ни российский, ни иностранный студент еще и поныне в докторы, лицензиаты или магистры не произведен, и произведен быть не может... а здесь, при Академии наук, такой публичной инаугурации Университета не было; и не токмо иностранные академии и университеты, но и здешние обыватели, о никакком С.-Петербургском университете не слышали и не знают.

Записка о необходимости
преобразования
Академии наук

В Университете, хотя по статусу недоставало только одного профессора математики и физики, однако не было в нем ни подобия университетского по примеру других государств. Не было факультетов; ни ректора, по обычаю выборного повсягодно, не было студентов, ни лекций, ниже лекциям каталогов, ни диспуты, ниже формальные промоции в лицензиаты и в докторы, да и быть не могут, затем, что Санктпетербургский университет и имени в Европе не имеет, которое обыкновенно торжественною инаугурациею во всем свете публикуется. (Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 41).

въ высочайшеуказанномъ случаѣ, а именно
наимѣнѣе ни какъ не допускать по отпуску его
присудить на имя иже Университета

Т.

Всѣмъ Университетамъ бывающимъ
империализмъ или публичныя Училища
дѣла, по поводу матеріаловъ Записки
по имени Публичнаго Собранія
Имперіи петербургскаго
Публичнаго Собранія и
Всѣмъ именамъ профессоровъ
и студентовъ съездомъ, лично
по поводу публичнаго Собранія
Поблагодарительно въ силу
судебнаго указа Государства
Гранота и даются по поводу
наимѣнѣе Репорта надлежащимъ
персоне тридцати и тридцати
ишлюности сиренонными, а по
толку, какъ и даются по поводу
Университетамъ отъ
записки Репорта, даются онѣ
по поводу Репорта Университетовъ
Записки Репорта Погибшимъ
а также присудить на имя
публичнаго империализма
Имперіи Петербурга и
статуса студента и
статуса студента и
статуса студента и

Начальный лист докладной записки М. В. Ломоносова «Нижайшее мнение о том, что здесь при Академии нет Университета» (1743).

Копия, писанная неизвестной рукой.

Центральный Государственный архив древних актов.

(К стр. 45).

Reglement des academischen Gymnasii

Das Gymnasium ist der erste Grund als
der höchsten Klasse und Wissenschaften
und soll daher nicht nur eine gute Schule se-
yn und vornehmlich: darinnen nicht nur einige
Gymnasien zu einem ordentlichen Unterrichte,
Acht und zehn Klassen angestrichelt sein,
den Unterricht zum Höchsten und Besten
des Schickes, der Bekandtheit und Fleißes
auch, absonderlich aber die Erziehung der
Gottes dienst als die Artung des Lebens
nicht in halben, aber so merklich, als
die Lage der Sache. Darin hat nicht anders
als eine sehr große Grundregeln in dem
gemeinen Erbauung in die Erfüllung in
dem ordentlichen Lauf mit vornehmlichen ge-
folg gebracht werden. Angesehen zum ge-
samtigen Erfüllung sowohl: und die
Vorsicht des Schicksals nicht so wohl in
Vertraut ihrer Munde, als nicht so sehr
gemein Verfassung kräftig.

Начальный лист проекта регламента Академической гимназии,
составленного М. В. Ломоносовым.

Немецкий перевод, писанный неизвестной рукой (1759).
Архив Академии наук СССР.

Таким образом, из всех запрошенных профессоров и адъюнктов только один Ломоносов изложил в 1743 г. «Высокоучрежденной Следственной комиссии» справедливое мнение о состоянии учебного дела в Академии, в которой «душу прямого Университета оставили и уничтожили».

К этому же периоду относятся и первые известия о лекциях Ломоносова. В опубликованной программе публичных лекций, объявленных с 1 сентября 1742 г., в числе других лекторов значился «Михайло Ломоносов, адъюнкт Академии», который «руководство к географии физической, чрез г. Крафта сочиненное, публично толковать будет; а приватно охотникам наставление давать намерен в химии и истории натуральной о минералах, також обучать в стихотворстве и штиле российского языка».⁹⁵ Объявленные лекции были отложены до окончания следствия по делу Шумахера. Не читались они и в 1743 г.

Ломоносов рассчитывал широко развернуть свою педагогическую работу и готовился к предстоящим занятиям. Составленное им в 1742 г. руководство для своего первого слушателя Мартина Клейнфельда, озаглавленное «Первые основания горной науки», или, как он называл его иногда «Горная книжица»,⁹⁶ претворилась в большую работу «Первые основания металлургии, или рудных дел», вышедшую в 1763 г.⁹⁷ Подготовка к лекции натолкнула Ломоносова на мысль о составлении руководства по риторике. Находясь под арестом в 1743 г., Ломоносов написал «Краткое руководство к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненное».⁹⁸ Уже в последних числах января 1744 г. Ломоносов стослал рукопись в Москву для поднесения великому князю Петру Федоровичу, которому он посвятил свое руководство, очевидно, с целью избежать представления рукописи в Академическое собрание, чтобы добиться скорейшего ее напечатания.⁹⁹

⁹⁵ ААН, ф. 21, оп. 7, № 52, л. 1 об.; в числе лекторов были указаны профессора Г. Гейнзиус, Хр. Винсгейм, И.-Х. Вильде, Г.-В. Крафт, И. Вейтбрехт, Г.-В. Рихман, И.-Г. Сигезбек и адъюнкты Г. Н. Теплов, Хр. Крузиус, Х.-Э. Геллерт, Ф. Мула. За отсутствием слушателей Шумахер предписал посещать лекции четырем академическим переводчикам — Лебеву, Голубцову, Попову и Фрейгангу, шести определенным к делам студентам — Шишкареву, Чадову, Коррину, Старкову, Милю, Клейнфельду и двум ученикам, перебранным в 1741 г. из Невской семинарии, — Протасову и Котельникову. Переводчики, привлеченные к занятиям Шумахером, не имели возможности слушать лекции. Так, например, переводчик Лебев подал следующее заявление: «Вышеписанный указ и расписание слушал, а исполнять по оному мне никоим образом не можно, потому что в самое то время, когда лекции бывают, необходимо принужден я отправлять переводы и типографские дела». Аналогичное заявление подал и Голубцов, сообщая, что будет ходить на лекции, «ежели свободное время от переводов будет» (Материалы, т. V, стр. 337).

⁹⁶ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 869.

⁹⁷ Там же, т. 5, стр. 397—631.

⁹⁸ Там же, т. 7, стр. 19—79.

⁹⁹ См.: там же, стр. 791.

Публичные лекции, не читавшиеся в 1743 г.,¹⁰⁰ не возобновились и после восстановления Шумахера в должности советника Академической канцелярии.¹⁰¹ Настойчиво хлопотавшим о продолжении своего обучения студентам А. П. Протасову и С. К. Котельникову, переведенным в Академию в 1741 г. из Невской семинарии,¹⁰² Шумахер разрешил заниматься по избранной ими специальности на дому у профессора медицины и анатомии И.-Х. Вильде и у адъюнкта Х. Крузиуса и Ф. Мулы. Но летом 1744 г. профессор Вильде (он так и не приступил к занятиям) и адъюнкт Мула уехали на родину,¹⁰³ и Протасов с Котельниковым были определены к Ломоносову, «пока в Конференции о слушании им, студентам, у других профессоров приличных к медицине и анатомии лекций утверждение учинено не будет».¹⁰⁴ В качестве пособия для изучения экспериментальной физики Ломоносов рекомендовал Протасову и Котельникову хорошо известное ему сочинение немецкого ученого Л.-Ф. Тьюммига «Основание Волфианской философии, составленное для академического пользования».¹⁰⁵ Однако ввиду отсутствия этой книги в Академической книжной лавке Ломоносов перевел в 1744 г. шестой раздел этого труда, первоначально озаглавив его «Христиана Вольфа сокращенная экспериментальная физика, с латинского на российский язык переведенная».¹⁰⁶ В предисловии к переводу Ломоносов указал: «Сия книжица почти только для того сочинена и ныне переведена на

¹⁰⁰ Сохранилось доношение Протасова и Котельникова, в котором говорится: «В 1743 году профессора просили об увольнении от академической службы, а за неполучением об их отпуске из Сената резолюции, публичных в Академии лекций давать не хотят». Об этом же писал в 1743 г. Нартов в Следственную комиссию, указывая, что «профессор Рихман публичных лекций не читает и студентов не учит» (ААН, ф. 3, оп. 12, № 40, л. 11 об.).

¹⁰¹ Шумахер был восстановлен 7 декабря 1743 г. (см.: Биллярский, стр. 53).

¹⁰² См.: Сухомлинов, вып. III, стр. 5, 65—66.

¹⁰³ Профессор Вильде выбыл 5 мая 1744 г., профессор Гейнзиус — 22 мая 1744 г., профессор Крафт — 29 мая 1744 г., адъюнкт Мула — 10 июня 1744 г., адъюнкт Геллерт — в июле 1744 г. (см.: Б. Л. Модзалевский. Список членов императорской Академии наук, 1725. СПб., 1908, стр. 15, 17).

¹⁰⁴ Интересно доношение Протасова и Котельникова, поданное в мае 1744 г. Шумахеру. Они сообщали, что профессор Вильде «лекций еще и поныне никаких не начинал», а адъюнкт Мула, «хотя и продолжал, однако ж мало потому, что жительство свое имеет на Московской части, к которому должно было неотменно чрез реку по мосту переходить, но чрез помянутый мост без платежа не пропускают, следовательно, от сего продолжение лекций его неизменно должно было пресечься» (Материалы, т. VII, стр. 130).

¹⁰⁵ L. Ph. Thümmig. Institutiones philosophiae Wolfianae in usus academicos adornatae, I. Francfurti et Lipsiae, 1725. По этому руководству Ломоносов сам учился в Марбурге, и оно значится в числе приобретенных им в 1738 г. книг (см. репорт в Академию наук об ученых занятиях в Марбурге: Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 372, 376).

¹⁰⁶ Там же, т. 1, стр. 420—530; в Архиве АН СССР хранится рукописный экземпляр перевода, переписанный учеником Ломоносова А. П. Протасовым (ААН, ф. 20, оп. 3, № 48, лл. 1—77).

российский язык, чтобы по ней показывать и толковать физические опыты».¹⁰⁷ И действительно, перевод Ломоносова был в то время единственным на русском языке учебником по экспериментальной физике. В заключительных словах предисловия Ломоносов выразил исключительно глубокое понимание стоящих перед ним задач просветительной деятельности, отвечающей насущнейшим интересам его родины: «Оканчивая сие, от искреннего сердца желаю, чтобы по мере обширного сего государства высокие науки в нем распространились и чтобы в сынах российских к оным охота и ревность равномерно умножилась».¹⁰⁸

Одновременно с последовавшим 17 октября 1745 г. разрешением Сената печатать перевод «Волфианской экспериментальной физики» Ломоносову, утвержденному уже в профессорском звании, было предложено читать, впервые в практике Академии наук, лекции на русском языке.¹⁰⁹ Предстоящим лекциям Ломоносов придавал большое значение, усматривая в этом возможность подготовки отечественных ученых. В своем заявлении, оглашенном в Академическом собрании 21 марта 1746 г., он писал: «Затем, хоть я и не сомневаюсь, что мои лекции будут посещаться многими, однако ж предвижу, что состав слушателей будет непостоянный и неопределенный, поэтому считаю целесообразным, чтобы из числа студентов было назначено два или три человека, которые неотступно посещали бы мои физические лекции и, усвоив основы естественных наук, могли бы затем приступить к химии и заниматься под моим руководством химической практикой в Химической лаборатории (которая в этом году будет несомненно учреждена)».¹¹⁰ В этом же заявлении Ломоносов высказал мнение о необходимости увеличения числа учащихся Академии за счет «избранных студентов из Невской, а также из Новгородской семинарий».¹¹¹ Однако Академическое собрание не поддержало это чрезвычайно важное предложение.¹¹²

Ломоносов начал готовиться к своим лекциям немедленно после выхода из печати перевода учебника по экспериментальной физике. Программа, составленная им на русском языке, призвала слушателей к серьезному изучению основных вопросов физики и красноречиво излагала значение ее как науки.¹¹³ Руководитель

¹⁰⁷ Ломоносов, ПСС, т. 1, стр. 425.

¹⁰⁸ Там же, стр. 425.

¹⁰⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 949, л. 160—160 об.

¹¹⁰ Протоколы Конференции, т. II, стр. 128—129.

¹¹¹ Там же, стр. 129. Предложение Ломоносова, внесенное им незадолго до назначения К. Г. Разумовского президентом Академии, нашло отражение в § 37 утвержденного в 1747 г. нового Академического регламента и получило реальное осуществление только в 1748 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 214).

¹¹² Учеников семинарии призывали перед тем в Академию дважды — в 1732 и 1735 гг. (Материалы, т. II, стр. 219, 840); в числе учеников второго призыва был М. В. Ломоносов.

¹¹³ ААН, ф. 21, оп. 7, № 54.

Физического кабинета профессор Г.-В. Рихман предоставил Ломоносову все потребованные им физические приборы, а Инструментальная мастерская изготовила заказанные им инструменты. Интерес к первому в России публичному курсу лекций на русском языке был чрезвычайно большой. В кратком отчете о первой лекции Ломоносова, опубликованном в «Санктпетербургских ведомостях» сообщалось, что она прошла с большим успехом.¹¹⁴ Но, как и предвидел Ломоносов, состав его слушателей оказался «непостоянным и неопределенным» — «сверх малочисленного собрания воинских и гражданских разных слушателей» присутствовал и сам президент Академии К. Г. Разумовский «с некоторыми придворными кавалерами и другими знатными персонами».¹¹⁵ Согласно программе, лекции должны были читаться два раза в неделю по два часа, но из-за отъезда президента, выразившего желание присутствовать и на дальнейших лекциях Ломоносова, их пришлось прервать. Следующие лекции состоялись 26 июня и 1 июля 1746 г., а затем были продолжены в августа 1746 г. и после 9 апреля 1747 г.¹¹⁶ Текста этих лекций и сведений о том, сколько времени они еще продолжались, не сохранилось. Таким образом, академические публичные лекции, даже те, на которые большие надежды возлагал Ломоносов, не могли положить прочного основания для подготовки научных кадров и способствовать широкому распространению образования.

Академический университет, отсутствие которого Ломоносов доказывал в 1743 г. Следственной комиссии, был организован только в 1747 г., когда для Академии наук был утвержден регламент. В последнем указывалось, что «Академия наук разделяется на Академию собственно и на Университет», в соответствии с чем различаются «особливые академики», которые составляют Академию, и профессора, причисленные к Университету для чтения лекций. По штату, утвержденному одновременно с регламентом Академии, было предусмотрено шесть университетских профессоров, а должность ректора совмещалась с должностью профессора «историографа».

Об основании Академического университета сообщалось в определении Академической канцелярии от 1 сентября 1747 г., подписанном президентом Академии К. Г. Разумовским и И.-Д. Шумахером. В определении говорилось: «По апробированному от е. и. в. регламенту и штату сего 1747-го году июля от 24 числа 37-го пункта всемилостивейше повелено учредить Университет, в который набрать 30 человек молодых и годных людей в студенты».¹¹⁷ Успех организованного Университета должна была

¹¹⁴ Протоколы Конференции, т. II, стр. 129.

¹¹⁵ Санкт-Петербургские ведомости, 1746, № 50, 24 июня.

¹¹⁶ См.: Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 777—778.

¹¹⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 456, л. 58.

обеспечить Академическая гимназия, основанная при Петербургской Академии наук в 1726 г.

С первых дней существования Гимназии во главе ее был поставлен проректор Кенигсбергской кафедральной школы профессор Готтлиб-Зигфрид Байер. Программа обучения была изложена Л. Л. Блюментростом в проекте академического регламента, представленного им Екатерине I в 1725 г.¹¹⁸ В этой программе отразилось влияние немецких школ, уже упоминавшихся выше, так называемых «*Gelehrtenschulen*».¹¹⁹

В основании всего курса лежало изучение латинского и немецкого, а также греческого и французского языков, но не было предусмотрено преподавание русского языка. К основному филологическому курсу с его многочисленными ступенями (этимологией, синтаксисом, экзерцициями, разговорами, составлением писем, чтением и толкованием «удобнейших к разумению авторов») были присоединены «науки», т. е. общеобразовательные предметы. Проект не ставил никаких сословных ограничений для поступления в Академическую гимназию, но подчеркивал, что она предназначена лишь для тех, которые «ум свой к учениям простирают и оным себя посвящают».¹²⁰ Преподавание в Гимназии возлагалось на молодых магистров, приехавших из Германии в качестве студентов с первыми профессорами Академии наук. Некоторые из магистров вскоре по приезде были определены профессорами, как приехавшие по рекомендации Г.-Б. Бюльфингера магистры Х. Гросс и Ф.-Х. Мейер,¹²¹ остальных — И. Вейтбрехта, Г.-В. Крафта, И.-Г. Гмелина, А.-Б. Крамера, Г.-Е. Ортгизе и Л.-И. Блида сразу приняли на академическую службу на должность учителей Гимназии.¹²²

Таким образом, в первые годы в Академической гимназии обучали магистры, окончившие немецкие университеты, и даже профессора. Кроме того, были приглашены в качестве преподавателей и посторонние люди, но все иностранцы. Когда в 1742 г. управление делами Академии было поручено Нартову, многих немецких учителей уволили, а к преподаванию в Гимназии привлекли академических переводчиков. В донесении Нартова Сенату от ноября 1743 г. это мотивировалось тем, что «русского языка помянутые учителя весьма мало знают и для того ко обучению российских учеников неспособны. А должность учителей для лучшего

¹¹⁸ Там же, оп. 12, № 6, лл. 17—20.

¹¹⁹ Пекарский, т. I, стр. 3. В Архиве АН СССР сохранилось «расписание лекций» Московской немецкой гимназии Глюка, в котором неоднократно упоминается окончивший ее Л. Л. Блюментрост (см.: ААН, р. III, оп. 1. № 316).

¹²⁰ Там же, ф. 3, оп. 12, № 6, л. 18 об.

¹²¹ Гросс и Мейер были определены профессорами 29 января 1726 г. (см.: Пекарский, т. I, стр. 211, 214).

¹²² Материалы, т. I, стр. 172.

понятия российскому народу в немецком и латинском языках могут исправлять переводчики или студенты, которые немецкой, французской и латинской язык знают, что и прожект государя императора Петра Великого об Академии наук повелевает».¹²³

Первоначальное намерение придать Гимназии узко-профессиональный характер не осуществилось. Полный учебный курс стал обязательным лишь для тех, кто приготавливался к ученой деятельности и академической службе, прочим ученикам было разрешено изучать по выбору любые языки и предметы в соответствии с их будущей службой, при этом большинство не подчинялось общему учебному плану. Сохранившиеся списки учащихся показывают, что число поступавших резко падало: в 1726 г. в ее состав было принято 112 человек, в следующем 1727 г. — 58 человек, в 1730 г. оно дошло до 15 человек, в 1731 г. — до 29 человек, в 1732 г. — до 22 человек.¹²⁴ По свидетельству Э.-Т. Байера, отлив учеников из Академической гимназии был вызван отъездом двора Петра II из Петербурга в Москву, куда уехали со своими родителями многие ученики, в особенности из знатных.¹²⁵ По возвращении двора в Петербург Гимназия не имела уже столько учеников, сколько их было в начале ее учреждения. Причиной этого, по мнению Г.-Ф. Миллера, явилось основание в Петербурге в 1731 г. привилегированного дворянского учебного заведения — Сухопутного шляхетного корпуса, который занял ведущее место среди военно-учебных заведений столицы.¹²⁶

В основу организации Шляхетного корпуса был положен новый принцип — сообразовать обучение с природными способностями и склонностями учащихся, «понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, також и в государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение».¹²⁷ Совокупность учебных классов корпуса, открытого в июне 1732 г., была названа «Рыцарской академией»,¹²⁸ что указывает на влияние иноземных образцов, по которым корпус был устроен.

Рыцарские академии на Западе предназначались для того, чтобы готовить дворян к придворной, военной и всякой другой, отвечающей дворянским достоинствам службе. Первыми школами такого типа были Collegium illustre в Тюбингене (1589 г.) и Collegium Mauritianum в Касселе (1599 г.). После Вестфальского мира

¹²³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 453, л. 388.

¹²⁴ Там же, р. I, оп. 70, № 2.

¹²⁵ Об этом Байер сообщает в своем письме Шумахеру от 30 декабря 1728 г. (там же, ф. 1, оп. 3, № 15, л. 149).

¹²⁶ См.: G.-F. Müller. Nachrichten zur Geschichte der Akademie der Wissenschaften (ААН, ф. 21, оп. 1, № 1, л. 59).

¹²⁷ ПСЗ, т. VIII, № 5811.

¹²⁸ О наименовании классов корпуса в 1732 г. «Рыцарской академией», см.: Материалы, т. III, стр. 464; см. также: П. Лузанов. Сухопутный шляхетный корпус при графе Минихе с 1732—1741 г. Исторический очерк. СПб., 1907.

число «рыцарских академий» быстро возрастает: в 1653 г. возникла Академия в Кольберге, в 1665 г. — в Люнебурге, в 1680 г. — в Галле, в 1687 г. — в Бранденбурге, в 1705 г. — в Берлине. Некоторые из названных академий, в частности в Галле, развились впоследствии в университеты.

В уставе Сухопутного шляхетного корпуса, утвержденного 18 ноября 1731 г., излагалась широкая программа образования. Учебный курс распространялся на 4 класса. В младшем (четвертом классе) обучали российскому и латинскому языкам, чистописанию и арифметике; в третьем — геометрии, географии и грамматике, во втором — фортификации, артиллерии, истории, правильному в письме складу и стилю, риторике, юриспруденции, морали, геральдике и прочим воинским и политическим наукам; в первом — тем наукам, к которым кадеты оказывали больше склонности, и предметам, которые были нужны им для будущей службы. При переводе кадет в первый класс, из начальствующих лиц и учителей назначался совет, который определял, кто к каким наукам показывает более склонности, что учитывалось и при выпуске кадет из корпуса. Кроме упомянутых наук, во всех классах обучали немецкому и французскому языкам, рисованию, танцам, фехтованию, верховой езде и вольтижированию.¹²⁹

Учреждение такого небывалого в России дворянского училища, в котором должны были преподаваться те же науки, что и в чужестранных учебных заведениях, избавляли дворянских детей от необходимости ездить за границу, давая им вместе с тем возможность учиться не на своем, а на казенном содержании. Кроме того, правительство освобождало дворянство от тяжелой и казавшейся ему унижительной солдатской службы, так как корпус производил воспитанников в офицерские чины, между тем как воспитанники Академической гимназии не получали никаких льгот.¹³⁰

Вследствие того, что до регламента 1747 г. в Академическую гимназию был открыт доступ детям всех сословий, включая положенных в подушный оклад, состав ее первых учеников по сословному происхождению был чрезвычайно разнообразным. Из дворян отдавали своих детей в Гимназию преимущественно те, которые жили в Петербурге и в соседних провинциях, о чем свидетельствуют следующие записи: «Василий Квашнин-Самарин, отец его воевода близ Новгорода», или «Дмитрий Алексеев, сын Яхонтов, отец его Алексей Федоров сын, родился в Пскове». Среди учеников было немало московских уроженцев и украинцев (Киев, Нежин, Переяславль, Глухов). Вместе с детьми дворян различных состояний и сыновей сенаторов, генералов, адмиралов, помещиков и чиновников в Гимназию поступали разночинцы и солдатские

¹²⁹ ПСЗ, т. VIII, № 5811. Указы о приглашении дворянских детей записываться в Шляхетный корпус см.: там же, №№ 5849 и 5886.

¹³⁰ См.: Пекарский, т. I, стр. XLIV, прим. 2.

дети. Разночинский состав учащихся Академической гимназии еще более усилился после основания Шляхетного корпуса. Просматривая списки учащихся Гимназии за первые пятнадцать лет, мы видим, как постепенно заполняют ее разночинцы. В рубрике об отцах учащихся все реже встречаются представители административной, придворной и военной верхушки. Их заменяют ремесленники (кузнец, столяр, слесарь, стекольщик, маляр, живописец, конфетчик, серебряных и золотых дел мастер, механик, портной, красильщик, фонарщик и пр.), адмиралтейские рабочие (корабельный мастер, машинный мастер, канатный мастер, адмиралтейский кузнец и пр.), слуги и крепостные («слуга младых графов Сковороносских», «слуга сенатора Новосильцова», «слуга г. Бернулли», «служитель г. Шумахера», «паж Ягужинского», «кучер при Остермане» и т. п.).

В рубриках об отцах учащихся значится довольно много людей, занимавшихся торговлей (купец, трактирщик, приказчик), представителей духовенства (протопоп, священник, пастор, дьякон, пономарь), мелких чиновников (подъячий, стряпчий, переводчик, таможенный служитель и т. п.). В небольшом количестве встречаются лекари и учителя. Наконец, должна быть отмечена категория служащих самой Академии наук, ее канцеляристы, словолитный мастер, типографщик, живописец, учитель гимназии и др. В Гимназии обучались также ученики академических мастерских.¹³¹

Академическое начальство пыталось заполнить Гимназию дворянской молодежью. Для дворян создавались более благоприятные условия обучения, постоянно предлагалось привлекать на гимназические занятия кадет Шляхетного корпуса. В 1734 г. «командир» Академии И.-А. Корф отказал в приеме в Гимназию четверем «ребятам», присланным из Адмиралтейства обучаться латинскому языку, на том основании, что Гимназия «токмо для благородных и других знатных детей учреждена и для того ж она весьма в упадок пришла, что всех и каждого без различия сюда принимали».¹³² В проекте нового организационного устройства Гимназии, составленном в 1735 г., Корф предлагал разделить каждый класс на два отделения: для шляхетства и «для подлейших».¹³³ С таким же предложением выступил в 1737 г. Л. Эйлер, он писал: «Гимназия открыта как для богатых, так и для бедных. Однако те, которые не то, чтобы бедные, но происходят из низкой черни, получают плохое воспитание и обычно имеют скверные нравы. Поэтому представляется необходимым сделать различие в месте для сидения, либо каким-нибудь другим образом, так,

¹³¹ ААН, р. 1, оп. 70, № 2, лл. 1—45.

¹³² Материалы, т. II, стр. 531.

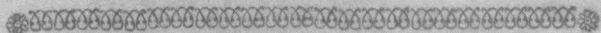
¹³³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 791, л. 270.

ВОЛФІАНСКАЯ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ
Ф И З И К А

съ нѣмецкаго подлинника
на латинскомъ языкѣ
СОКРАЩЕННАЯ.

съ котораго
НА РОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ
перевелъ

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ
Императорской Академіи Наукъ Членъ
и Химіи Профессоръ.

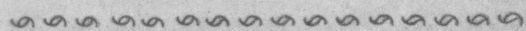

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при императорской академіи наукъ
1 7 4 6.

Титульный лист «Вольфианской экспериментальной физики»,
переведенной М. В. Ломоносовым (1746).

РОССІЙСКАЯ ГРАММАТИКА

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукѣ
1755 года.

Титульный лист «Российской грамматики» М. В. Ломоносова
(1755).

(К стр. 71).

чтобы хорошо воспитанные не имели общения с плохо воспитанными и не могли бы подпасть под дурное влияние».¹³⁴

С целью привлечь в Гимназию дворянскую молодежь предпринимались попытки создать при ней пансион для «благородных» детей. Есть свидетельство, что уже при основании Гимназии «для юношей благородных, в академическом доме живущих», был выделен особый надзиратель И.-К. Геринг, следивший за тем, чтобы «те, которые к знатнейшим на сем государстве достоинствам рождены, не токмо разным наукам обучались, но ко всякой учтивости и к приятному обхождению с людьми привыкали».¹³⁵ Пансион для шляхетских детей проектировал устроить в 1735 г. и «главный командир» Академии И.-А. Корф.¹³⁶

Разнообразным был и возрастной состав принимаемых в Гимназию учеников: наряду с пятилетними детьми принимали 20-летних и даже 25-летних юношей. Зрелым возрастом в особенности отличались ученики, присланные Адмиралтейством; большая часть из них была в возрасте 17, 18, 19 и 23 лет.

За первые 15 лет существования Гимназии более одной трети учащихся составляли дети иностранцев, состоявших на государственной службе в России, а также немецких купцов и мастеровых, поселившихся в Петербурге, и детей старожилов Немецкой слободы.¹³⁷ Определенных сроков для приема в Академическую гимназию установлено не было, ученики принимались круглый год. Управление Гимназией находилось в руках ректора и инспектора из профессоров Академии. Во многих документах, кроме инспектора, упоминаются еще конректор и проректор. Но эти должности не являлись учебно-административными: так титуловались учителя высших классов; они не принимали какого-либо участия в учебном или воспитательном управлении Гимназией; всем распоряжался и за все отвечал один инспектор.

Отчеты гимназических инспекторов, сохранившиеся в Архиве Академии наук, дают представление о состоянии Академической гимназии до регламента 1747 г. Возглавлявший ее в 1725—1735 гг. профессор Э.-Т. Байер¹³⁸ ввел в действие составленное им положение о Гимназии под заглавием «Gegenwärtige Einrichtung des Gymnasiums». Согласно последнему, Гимназия была разделена на два отделения: немецкое, или приготовительное, состоящее из трех классов, и латинское — из двух классов. Такое устройство объяснялось тем, что первые учителя Гимназии, как отмечалось

¹³⁴ Там же р. I, оп. 70, № 23.

¹³⁵ Там же, ф. 21, оп. 7, № 6.

¹³⁶ Там же, ф. 3, оп. 1, № 791, лл. 260—261 об.

¹³⁷ Там же, р. I, оп. 70, № 2.

¹³⁸ Биографию Байера см.: Пекарский, т. I, стр. 180—196. В начале 1735 г. вместо Байера ректором Гимназии был назначен И.-Э. Фишер, а Байер оставался до смерти (1738 г.) инспектором (см.: Д. А. Толстой. Академическая гимназия в XVIII в., стр. 9).

выше, не знали русского языка и ученики не могли их понимать, не изучив немецкого языка. Таким образом, если в немецких «учебных» школах, как у Франке, дети учились читать и писать сначала на родном языке и на родном же языке осваивали общие основы грамматики, учение о частях речи и о произношении слов, а изучение латинского языка облегчалось употреблением учебников, написанных по-немецки, то введенная в Академической гимназии система, по которой обучение начиналось с немецкого языка, усложняла преподавание. В связи с педагогическими требованиями немецких пиеетистов (Франке, Спенера, Глюка) Байер осуществлял методическое руководство учителями и усиленно насаждал религиозное воспитание. В инструкции ректору и преподавателям Академической гимназии от 7 апреля 1732 г. он предлагал воспитывать вверенных ему учеников в страхе господнем, христианском смирении и добродетели. Вследствие различия целей и сроков поступления учеников в Гимназию классная система была заменена делением учеников на группы, смотря по их успехам в том или ином предмете. В силу этого в Академической гимназии не было первоначально общих экзаменов, хотя уже в 1735 г. «главный командир» Академии Корф предписывал два раза в год производить «исследования» или «истязания» с целью убедить родителей в знании учащихся.¹³⁹

По донесению ректора Гимназии Мартина Шванвица,¹⁴⁰ поданному в сентябре 1736 г. в Герольдмейстерскую контору, в Гимназии числилось 52 недоросля, большинство из них обучалось одному или двум иностранным языкам, танцам и рисованию, некоторые — еще арифметике и географии. Выбывших насчитывалось 23 человека, которые учились по несколько месяцев или недель языкам, рисованию, танцам, а затем «отставали» без позволения «абшида». Поэтому Гимназия не выполняла своего назначения и не выпускала учеников, прошедших полный гимназический курс. В связи с неудовлетворительным состоянием Гимназии предпринимались неоднократные попытки ее переустройства. Ту же цель преследовало создание в 1737 г. по предписанию «главного командира» Академии И.-А. Корфа специальной комиссии, в состав которой были выбраны профессор, хорошо зарекомендовавшие себя преподаванием — Леонард Эйлер, Г.-В. Крафт и Э.-Т. Байер, а также юстиц-советник Х. Гольдбах, имевший репутацию основательного педагога как бывший воспитатель императора Петра II.

Наибольший интерес представляет несомненно чрезвычайно обдуманый и не привлекавший до настоящего времени внимания исследователей проект Л. Эйлера. Эйлер предложил прежде всего

¹³⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 791, л. 282.

¹⁴⁰ Шванвиц состоял ректором Академической гимназии в 1736—1738 гг. Сведения о нем см. в статье Г. П. Блока «Пушкин и Шванвици» (журнал «Звезда», 1940, № 10, стр. 208—217).

вести в Академической гимназии единообразный и равно обязательный для всех учащихся учебный план. Главная задача Гимназии, указывал он, готовить к ученой деятельности, и весь учебный план должен получить направленный к этой цели характер. «Если преподавание будет построено таким образом, что мальчик с неплохими способностями еще до 16 лет сможет понять все то, что изучается в Гимназии, то тем, которые предназначены к какой-либо другой деятельности, будет вполне доступно в срок закончить полный курс Гимназии, что доставит им не малую пользу во всех их будущих предприятиях. Те же, которые не склонны продолжать свои занятия дальше, не потерпят ущерба, так как они могут оставить Гимназию еще до окончания полного курса, как только их уровень подготовки окажется достаточным для их целей».¹⁴¹

Установление такого порядка имело чрезвычайно важное принципиальное значение, оно преодолевало ту неорганизованность преподавания, которая губила Академическую гимназию.

Эйлер ограничивал возраст для поступающих в Гимназию. На необходимость этого указывал до него президент Академии И.-А. Корф. В своем представлении, поданном в 1735 г. в Сенат, он писал, что при приеме детей в низший класс Академической гимназии «больше осьми лет от рождения имети не надлежит, потому что, когда они старее, то об них так совершенно надеяться не можно, чтоб они свое учение в способных к тому летах окончили и потом бы основательное знание имели».¹⁴² Эйлер предлагал начинать обучение детей с 5 лет и считал, что в Гимназии не должно быть учеников старше 15 или в крайнем случае 16 лет. Вместе с тем он выдвинул требование принимать учащихся одновременно, раз в год, и осуществлять перевод из класса в класс также раз в год, после прохождения определенной программы и проведения испытаний.

Сохраняя пять установленных в Гимназии классов, в которых «всякому ученику было позволено так долго обучаться, как он сам желает», Эйлер, исходя из способности средних учеников, предлагал установить 10-летний курс гимназического обучения при двухлетней продолжительности пребывания в одном классе. Вместе с тем он предоставлял возможность более способным ученикам ежегодно переходить из класса в класс и заканчивать обучение в 5 лет. «Благодаря этому, — говорилось в проекте, — в каждом классе всегда будут находиться два рода учеников: такие, которые в этом классе не пробыли еще целого года и называются младшими, и такие, которые находятся в этом классе уже более одного года и называются старшими. Занятия для этих обеих групп должны быть организованы таким образом, чтобы одна группа не мешала бы другой. Это может быть легко достигнуто, если стар-

¹⁴¹ ААН, р. I, оп. 70, № 23, л. 4.

¹⁴² Материалы, т. II, стр. 701.

шие ученики будут только повторять и тверже усваивать то, что изучают младшие, так как они для этой цели и остаются еще один год».¹⁴³ Это предложение Эйлера сходно со взглядами Э.-Т. Байера, который тоже предлагал установить для учащихся, за исключением особо даровитых учеников, 10-летний срок гимназического обучения.

Эйлер считал русский язык основным языком для усвоения знаний и указывал, что немецкий язык необходим до тех пор, пока русское юношество обучается у немецких учителей. Вместе с тем он оставлял старую систему преподавания «с немецкого языка», с которой было покончено только при Ломоносове.

Интересен разработанный Эйлером план обязательных предметов гимназического курса. Важную роль он отводил преподаванию основ христианской религии, чтобы «чистая вера внедрялась в умы юности». При этом характерно, что уроки закона божьего Эйлер признавал обязательными только для русских учеников. Он допускал свободу вероисповедания и указывал, что из-за различия религий иностранцев можно не заниматься их религиозным воспитанием, потому что каждый отец семейства позаботится об этом сам.

По мнению Эйлера, обучение в Гимназии не должно иметь филологического уклона: от этого пострадало бы преподавание других необходимых предметов. От оканчивающего Гимназию не следовало требовать большего, чем понимания не очень трудного латинского автора и умения сносно выразить свои мысли на этом языке, ибо более глубокое изучение языка — не дело каждого и часто требует всей жизни. Поэтому, кто хочет достичь большего в латинском языке и стиле, тот может посвятить этому больше времени, уже будучи в Академии под руководством профессора красноречия.

Исходя из того, что цели посещающих Гимназию обычно бывают весьма различны, в соответствии с характером деятельности, которую каждый склонен выбирать, Эйлер проектировал ввести в гимназический курс широкий цикл общеобразовательных предметов. Он придавал большое значение изучению математики, истории, географии, логики, знакомству с генеалогией правящих династий, рисованию, каллиграфии и танцам.

Чрезвычайно интересно, что в своем проекте Эйлер рекомендовал и методы обучения, рассчитанные на наиболее легкое и быстрое усвоение предметов. Вот как, например, по его мнению, следует обучать учеников иностранным языкам: «Сообщая ученику название букв языка, который он должен изучить, нужно указать ему на те буквы его родного языка, с которыми данные буквы иностранного языка совпадут по произношению. После этого ученику будет нетрудно читать по слогам и, таким образом, можно

¹⁴³ ААН, р. I, оп. 70, № 23, л. 12.

будет избежать отнимающего много времени чтения по буквам. При этом нужно обратить особое внимание на хорошее и правильное произношение».¹⁴⁴ Или еще: «При изучении арифметики следует не только сообщать простые правила арифметики, но приводить и обоснование этих правил. Таким образом, ученики не только лучше запомнят правила, но также сумеют убедиться в их истинности и одновременно глубоко изучат предмет».¹⁴⁵

Эйлер ставит перед Академической гимназией задачу учить всему по-новому — легко, доступно и наглядно, учить только то, что бесспорно полезно, избегая ненужного, начинать обучение с простейших основных начал, усложняя материал постепенно, изученное закреплять повторениями и упражнениями.

В соответствии со своими педагогическими воззрениями Эйлер рассматривал в своем преемнике и школьные учебники, которые должны включать все необходимые сведения, требующиеся в данном классе. Учебники должны соответствовать возрасту и развитию учащихся и не быть перегружены деталями, которые только отвлекают учеников. Примечательно, что для младших классов Эйлер рекомендовал образцовый учебник латинского языка известного славянского педагога Коменского «Видимый мир в картинках»,¹⁴⁶ построенный на основе наглядности. В духе выдвинутых Эйлером педагогических положений им написано и руководство по арифметике.¹⁴⁷ В предисловии к этой книге говорится: «Большинство учебников не заботится о тех способах, через которые счисление легче и короче учинить можно, но тем только удовлетворяются, чтоб о всем основании в коротких словах показано было».¹⁴⁸ В своем учебнике Эйлер действительно соединил простоту изложения правил и действий с основательностью объяснений.

Яркие содержательные педагогические мысли Л. Эйлера нашли в некоторой мере свое отражение в гимназическом уставе, составленном в 1738 г. Г.-В. Крафтом,¹⁴⁹ однако этот устав, не был утвержден и дальнейшего хода ему не было дано. Нельзя не отметить заслуги Крафта в истории русского просвещения.

¹⁴⁴ Там же, л. 25.

¹⁴⁵ Там же, л. 26.

¹⁴⁶ В качестве школьного пособия эту книгу рекомендовал и Ломоносов в своем регламенте Академической гимназии.

¹⁴⁷ «Anleitung zur Arithmetik». Это руководство было переведено на русский язык В. И. Адодуровым и напечатано под заглавием: Руководство к арифметике для употребления Гимназии при императорской Академии наук, переведено с немецкого языка чрез Василья Адодурова, Академии наук адъюнкта, в Санктпетербурге, 1740.

¹⁴⁸ Цитируется по кн.: А. П. Юшкевич. Эйлер и русская математика в XVIII веке. Труды Института истории естествознания, т. III, М.—Л., 1949, стр. 55.

¹⁴⁹ Г.-В. Крафт был назначен инспектором Академической гимназии после смерти Байера, последовавшей в 1738 г.

Он написал для учащихся Гимназии учебник арифметики и руководства по математической и физической географии и по теоретической геометрии.¹⁵⁰ Последними пользовался Ломоносов, когда был адъюнктом, при чтении лекций начинающим студентам.¹⁵¹ Заслугой Крафта является и то, что он настаивал перед Канцелярией Академии наук о замене гимназических учителей, не владеющих русским языком, таких, как Ю. Мюллер, Х. Герман и И. Фишер, указывая, что их должность «для лучшего покаяния российскому народу в обучении исправлять могут переводчики или студенты».¹⁵² Но Академическое собрание протестовало против увольнения из Гимназии этих учителей, и они были оставлены на своих местах. Крафт состоял инспектором Гимназии до своего отъезда из Петербурга в Тюбинген. В 1744 г. его заменил профессор П.-Л. Леруа, формально относившийся к своим обязанностям и уволенный от академической службы в 1748 г.

Таким образом, за первое двадцатилетие своего существования (1726—1746 гг.), несмотря на все принимавшиеся меры, Академическая гимназия находилась в неудовлетворительном состоянии и требовала решительного преобразования.

¹⁵⁰ «Руководство к арифметике для употребления Гимназии при имп. Академии наук». Первая часть была переведена В. Е. Адодуровым в 1740 г., вторая — студентом Василием Кузнецовым в 1760 г.; «Руководство к математической и физической географии, с употреблением земного глобуса и ландкарт» было переведено с примечаниями Ф.-У.-Т. Эпинуса в 1739 г., второе издание вышло в 1764 г.; «Краткое руководство к теоретической геометрии, в пользу учащегося в Гимназии при имп. Академии наук российского юношества». Переведено в 1748 г. академическим переводчиком Иваном Голубцовым, переиздано в 1762 г.

¹⁵¹ См.: Биллярский, стр. 8.

¹⁵² Материалы, т. V, стр. 704.

ГЛАВА III

ОСНОВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И БОРЬБА М. В. ЛОМОНОСОВА ЗА ЕГО РЕОРГАНИЗАЦИЮ

21 мая 1746 г. президентом Академии наук был назначен восемнадцатилетний вельможа — граф К. Г. Разумовский. На первых порах своей деятельности молодой президент возглавил Академию только номинально, предоставив все академические дела в полное ведение своего наставника Г. Н. Теплова. Назначенный вскоре ассессором Академической канцелярии, Теплов сошелся с И.-Д. Шумахером и вместе с ним стал фактически управлять Академией. По свидетельству Ломоносова, Теплов, при ближайшем участии Шумахера, явился составителем утвержденного в 1747 г. Устава Академии наук,¹ предусматривающего неограниченную власть президента и Академической канцелярии, которая должна была «иметь обо всем попечение» и в отсутствие президента заменять его.² С этого времени Академия официально перестала называться Петербургской и стала именоваться «императорской». Она состояла из собственно Академии и Университета.

Регламент предписывал «принимать в Университет из всяких чинов людей, смотря по способностям, кроме положенных в подушный оклад».³ Таким образом, представителям городской бедноты, детям цеховых ремесленников и фабричных рабочих, а также крестьянам всех категорий, государственным, дворцовым, и в особенности помещичьим, путь к науке был закрыт. Против этого ограничения горячо возражал Ломоносов, ссылавшийся на примеры других европейских государств, где «ни единому человеку не запрещено в университетах учиться, кто бы он ни был, и в университете там студент тот почтеннее, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды».⁴

¹ Академический устав получил официальное название «Регламент императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге».

² Краткая история о поведении Академической канцелярии, § 22: Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 280—281.

³ Академический регламент, § 41.

⁴ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 55.

Некоторое отражение в § 37 утвержденного Регламента нашло предложение Ломоносова, внесенное им незадолго до назначения К. Г. Разумовского президентом, о пополнении Университета способными студентами из семинарий, знающими латинский язык.⁵ С этой целью в Академическом университете устанавливалось 30 казенных стипендий и предлагалось «выбрать из училищ российских, где президент за лучшее усмотрит, тридцать учеников, способных и знающих латинский язык, и оных определить при Академии, дав им жалование и квартиру такую, чтоб они все могли быть в одном доме».⁶ Кроме того, Академический регламент предусматривал и «вольных студентов», которые не принимались на казенное содержание и число которых не ограничивалось. Для привлечения в Академический университет дворян регламент обещал те же привилегии, какие предоставлял им Шляхетный корпус, а именно: «определение в штатские чины по достоинствам их» и ранги обер-офицеров армейских.⁷ Регламент излагал лишь общий учебный план, подлежавший подробной разработке в особом университетском уставе; его должен был сочинить президент, «по примеру европейских университетов, каким образом и когда чего учить и чему обучиться».⁸ По штату, утвержденному одновременно с Регламентом Академии, для преподавания в Университете было предусмотрено шесть профессоров, а должность ректора Университета совмещалась с должностью «историографа».⁹ По определению Академической канцелярии от 10 ноября 1747 г. Г.-Ф. Миллер, назначенный историографом, становился тем самым и ректором Академического университета.¹⁰

По ходатайству президента Академии наук от 28 апреля 1747 г. Синод разрешил выбрать для определения в Университет до десяти учеников из Московской славяно-греко-латинской академии, из Новгородской и из столичной Александро-Невской семинарии.¹¹ В Москве и в Новгороде это предписание не встретило возражений, и командированный в эти два города академик В. К. Тредиаковский беспрепятственно отобрал двадцать учеников.¹² Отбор учеников из Александро-Невской семинарии, которая по числу обу-

⁵ Протоколы Конференции, т. II, стр. 128—129.

⁶ Академический регламент, § 37.

⁷ Там же, §§ 41, 42.

⁸ Там же, § 44.

⁹ См. приложение к Академическому регламенту 1747 г. — «Штат Санкт-Петербургской императорской Академии наук и художеств». В штате Университета предусмотрены следующие шесть профессоров: ректор Университета и историограф, профессор элоквиции и стихотворства, профессор логики, метафизики и нравоучительных наук, профессор древностей и истории literalной, профессор математики и физики, профессор истории политической и юриспруденции.

¹⁰ См.: Пекарский, т. I, стр. 346.

¹¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 952, лл. 17—18.

¹² Там же, № 457, лл. 44—46.

чающихся уступала другим, встретил возражения со стороны петербургского архиепископа, вследствие чего Синод прислал в Академию новый указ от 26 марта 1748 г. с предписанием взять из столичной семинарии только пять воспитанников, а остальных добрать в Смоленской семинарии.¹³ Из выбранных Ломоносовым и профессором И.-А. Брауном пяти семинаристов выдержали испытание в Академию наук только четверо,¹⁴ а из прибывших московских и новгородских семинаристов, проэкзаменованных в марте того же года Ломоносовым, Фишером и Брауном, оказались достаточно подготовленными для профессорских лекций 19 человек.¹⁵ Таким образом, Академический университет начал

Список первых казеннокоштных студентов Академического университета

№№ п.п.	Фамилия, имя	Возраст	Откуда прибыл	Чей сын
1	Барков Иван	16	Из Петербурга	Попов сын.
2	Барсов Антон	19	Из Москвы.	Типографского справщика сын.
3	Веденский Павел	23	» »	Попов сын.
4	Волков Борис	16	» »	Церковного сторожа сын.
5	Герасимов Назар	21	Из Новгорода.	Попов сын.
6	Добротворский Петр . . .	24	Из Москвы.	» »
7	Дубровский Адриан . . .	15	» »	» »
8	Елисеев Иван ¹⁶	19	Из Старой Руссы.	Дьячков сын.
9	Клементьев Василий . . .	16	Из Москвы.	Дьяконов сын.
10	Лосовиков Иван	15	Из Петербурга.	Попов сын.
11	Павинский Георгий	18	Из Олонца.	Пономарев сын.
12	Павинский Григорий . . .	23	» »	» »
13	Полидорский Иосиф	20	Из Старой Руссы.	Дьячков сын.
14	Поповский Николай	22	Из Москвы.	Церковнический сын.
15	Румовский Степан	12	Из Петербурга.	Попов сын.
16	Соколов Федор	16	Из Москвы.	Дьяконов сын.
17	Соловьев Леонтий	21	» »	» »
18	Софронов Михаил	19	Из г. Устюжны.	Дьячков сын.
19	Студинский Михаил	20	С Большого Погоста.	Попов сын.
20	Терентьев Игнатий	19	Из Новгорода.	Пономарев сын.
21	Федоровский Иван	21	» »	Церковнический сын.
22	Фрязин Иван	25	Из Москвы.	Из разночинцев.
23	Яремский Филипп	19	Из деревни Сабля.	Попов сын.

¹³ Там же, № 952, л. 34.

¹⁴ Там же, № 457, л. 102.

¹⁵ Материалы, т. IX, стр. 145.

¹⁶ В дальнейшем он упоминается под фамилией Братковский, Иван Елисеевич.

свою деятельность с 23 студентами. Число студентов должно было пополняться учениками Академической гимназии из числа 20 казенных стипендиатов и из вольнослушателей, изъявлявших желание учиться в Университете на своем содержании.

Состав казеннокоштных студентов Академического университета, выбранных из духовных семинарий, был весьма примечателен. Все учащиеся были детьми низшего духовенства или разночинцами, так как ограниченная университетская стипендия не могла привлечь дворянскую молодежь, что наглядно подтверждается приводимым выше «списком казеннокоштных студентов».

Для привлечения в Университет в число «вольных студентов» дворянской молодежи Миллер предлагал завести пансион для «юношей благородных». Он обещал им отдельное учебное помещение, готовый стол и «добрый присмотр в их поступках», который брал на себя за доступную плату.¹⁷ Однако ни предлагавшийся привилегированный пансион, ни обещанное Регламентом 1747 г. производство дворянских детей в «академические градусы» и чины не соблазнили дворянство, и поступление «вольных студентов» из дворян в Академический университет на всем протяжении его существования был чрезвычайно незначительным.

Прибывшим студентам было назначено жалованье по 48 руб. в год и отведены покои в предоставленном для Университета доме баронов Строгановых близ стрелки Васильевского острова. Здесь же была устроена аудитория, и туда же был перенесен Физический кабинет, где профессор Г.-В. Рихман распорядился устроить темную камеру, удобную для физических опытов. В организации учебного дела принимал деятельное участие и Ломоносов. Ему был поручено «обще с профессорами оное дело в совершенство привести, и лекции и часы так расположить, дабы всем потребным наукам учить».¹⁸ Учебный план занятий на 1749 г. для принятых в Академический университет студентов был обсужден 31 марта в Историческом собрании¹⁹ и утвержден 19 апреля Канцелярией Академии наук.²⁰ Предусматривалось чтение лекций по следующим предметам: по философии — И.-А. Брауном (3 лекции в неделю), по математике — Г.-В. Рихманом (2 лекции в неделю), по римской истории — Х. Крузиусом (5 лекций в неделю), по всеобщей истории — И.-Э. Фишером (4 лекции в неделю), по новейшей истории европейских государств, их внутреннему и политическому состоянию — Ф.-Г. Штрубе де Пирмонтом (4 лекции в неделю). От «общих оснований наук» студенты

¹⁷ ААН, ф. 21, оп. 1, № 101, лл. 22—23 об.

¹⁸ Там же, ф. 3, оп. 1, № 457, л. 69; № 517, лл. 213 об. и 314.

¹⁹ Историческое (особое профессорское) собрание было образовано по определению Канцелярии АН от 24 марта 1748 г. Оно должно было ведать и делами, касающимися академических Университета и Гимназии (там же, л. 549).

²⁰ Материалы, т. IX, стр. 156.

переходили к изучению специальных дисциплин, о чем говорилось в программе: «Когда по окончании сих лекций студенты к прочим наукам довольно будут приготовлены, тогда по понятию и по охоте каждого им толковать будут: практическую астрономию — Вингейм, анатомию и физиологию — Каау-Бургаве, химию — Ломоносов, механику — Кратценштейн, ботанику — Крашенинников, теоретическую астрономию — Попов».²¹ Установление такого порядка студенческих занятий было сделано несомненно по инициативе Ломоносова, что подтверждается аналогичным изложением учебного плана в представленном им в Историческое собрание 7 декабря того же года мнению о проекте университетского регламента (об этом см. стр. 68).

3 августа 1748 г. Миллер представил в Академическую канцелярию составленный им по ее распоряжению проект университетского регламента,²² но президент нашел его слишком пространным, усмотрев в нем «многие пункты, которые никаким образом до должности профессоров и студентов не касаются».²³ На основании этого проект был изменен и значительно сокращен по указаниям Шумахера и Теплова. Переделанный проект под заглавием «Регламент учрежденному при Академии наук Университету»²⁴ был передан Канцелярией 6 сентября того же года для обсуждения в Историческое собрание и послан, согласно решению последнего, прежде всего на отзыв Ломоносову.²⁵ В своем письме на имя секретаря Исторического собрания, академика В. К. Третьяковского, датированном 12 октября 1748 г., Ломоносов сделал существенные замечания. Он указал, что Академический университет должен иметь четкую структуру и поэтому его необходимо разделить на три факультета: юридический, медицинский и философский. Богословский факультет, имевшийся в составе иностранных университетов, по его мнению, должны были заменить «синодальные училища». Вместе с тем Ломоносов требовал предоставить Университету привилегии — право присуждать ученые степени и выбирать ректора.²⁶

7 декабря того же года Ломоносов выступил с дополнительными замечаниями о проекте университетского регламента, наметив общий принцип, по которому следовало построить учебный план Университета. Этот принцип заключался в постепенности перехода

²¹ Печатная программа указанных лекций, составленная на латинском языке Миллером и переведенная Ломоносовым, сохранилась в фонде Миллера (ААН, ф. 21, оп. 7, № 61).

²² Проект Миллера в первоначальном, непеределанном виде см.: там же, оп. 1, № 99 (на немецком языке); здесь же и замечания Шумахера (в русском переводе).

²³ Там же, ф. 3, оп. 1, № 517, л. 400.

²⁴ Там же, р. I, оп. 70, № 11, лл. 1—19.

²⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, № 802, л. 90.

²⁶ См.: Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 460.

от широкого общего образования к специальным дисциплинам. Студенты разделялись на три класса: «Первого класса студенты ходят на все лекции для того, чтобы иметь понятие о всех науках и чтобы всяк мог видеть, к какой кто науке больше способен и охоту имеет; второго класса студенты ходить должны на лекции только того класса, в котором их наука; третьего класса студенты — те, которые определены уже к одному профессору и упражняются в одной науке».²⁷ Установление такого порядка студенческих занятий соответствовало традиционной схеме немецких университетов, в которых Философский факультет являлся центральным, связующим среднее и высшее образование, и общим фундаментом для специальных факультетов. По такому именно образцу Ломоносов предполагал позднее преобразовать Академический университет (о чем будет сказано ниже).

Профессор Х. Крузиус в своем пространном «мнении», единогласно одобренном всеми членами Исторического собрания, как и Ломоносов, настаивал на предоставлении Университету таких привилегий, чтобы он «славою и великолепием не уступил ни одной европейской академии», и на присвоении служебных рангов профессорам. В этом Шумахер усмотрел «гордость и заносчивость» профессоров, в результате чего замечания Ломоносова и других членов Исторического собрания о проекте университетского регламента не были учтены Академической канцелярией. После этого дело замерло на целых полтора года, и обсужденный в Историческом собрании проект университетского регламента так и не получил утверждения.

Занятия в Академическом университете начались 16 мая 1748 г.²⁸ Первыми приступили к чтению лекций профессора гуманитарных наук Х. Крузиус и В. К. Тредиаковский. О характере этих лекций можно судить по репорту Крузиуса от 13 мая, в котором он излагал содержание своего курса занятий: «По понедельникам и вторникам слушателям толковать буду Салустия, по средам задавать буду для сочинения задачи и сделанные поправлять стану, по четверткам и пятницам изъяснять буду Горациевы Письма и Вергилиевы Еклоги. По окончании Салустия, из Цицерона, Лелия и Катона, потом выбранные его письма, а наконец некоторые философские его книги толковать стану — Горациевы Оды и Вергилиевы Георгики. Что касается до познания древностей и до правил красивой речи, то оное показывать буду как при толковании, так и при делаемых слушателями сочинениях, також и истории литеральной некоторые главы, а паче, что к гуманиорам прилично покажется и поколику в пользу слушателей служить может, кратко предлагать буду, до тех пор пока научив-

²⁷ Там же, т. 9, стр. 441.

²⁸ ААН, ф. 21, оп. 1, № 101.

шимся им другой науке совершенное оно познание по Гейманову²⁹ краткому описанию показывать можно будет».³⁰

Такого же характера были и лекции по элоквенции Тредиаковского, который «толковал Целларию орфографию³¹ и Гейнециевы основания о чистоте латинского штиля».³² Сочинения этих авторов изучались не столько с точки зрения их содержания, сколько со стороны стилистики. Чрезвычайно характерно, что несмотря на появление ломоносовской «Риторики», написанной, в отличие от прежних трудно понимаемых латинских курсов, по-русски, ясным и образным языком, по воле иностранного академического большинства студенты изучали риторику латинскую. Равнодушие к вопросам «русского красноречия» было узаконено Академическим регламентом, в котором говорилось: «Риторика русской, или элоквенции, особливо не обучать: ибо кто знает, в чем элоквенция на латинском языке состоит, тот знать может и на всех языках оные правила, дабы время студентов в без нужных науках не было трачено».³³ Результаты такой постановки обучения сказались в скором времени, и уже в 1751 г. новый ректор Университета С. П. Крашенинников³⁴ доносил в Академическую канцелярию, «что большая часть студентов лучше по-латыне пишут, нежели по-русски, и, разумея совершенно латинского автора, силы его не могут выразить на природном языке, и чтоб соблаговолено было оных студентов по несколько часов в неделю обучать российскому штилю и переводам».³⁵

С 11 июля 1748 г. к занятиям приступили остальные профессора: Ф.-Г. Штрубе, читавший «новейшую историю и нынешнее политическое состояние чужестранных европейских государств», Г.-В. Рихман — «курс математический», И.-Э. Фишер — «историю универсальную и хронологическую» и И.-А. Браун — «курс философический».³⁶ В печатном каталоге лекций вышедшем к этому

²⁹ Имеется в виду: *Conspectus reipublicae literariae sive via ad historiam literariam juventutis studiosae aperta a Christophoro Augusto Heumanno. Editio quarta locupletior Hanoverae, 1736.*

³⁰ Материалы, т. IX, стр. 205—206.

³¹ Целларий Христофор (1634—1707) — немецкий лексикограф, историк.

³² Гейнекий Иоганн-Теофил (1681—1741) — немецкий филолог.

³³ Академический регламент 1747 г., § 48. В отзыве о первом варианте ломоносовской «Риторики», прочитанном в заседании Конференции 16 марта 1744 г., Миллер предлагал автору написать свою книгу на латинском языке (ААН, ф. 1, оп. 2-1744, № 3, л. 15). Разрядка моя. — Е. К.

³⁴ Г.-Ф. Миллер был уволен от ректорства 5 июня 1750 г., а вместо него назначен Крашенинников (там же, ф. 21, оп. 1, № 101, л. 134). Последний стал известен в ученом мире еще студентом, как участник второй Камчатской экспедиции Беринга (1736—1743 гг.).

³⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, № 155, л. 116. В своем учебнике риторики Ломоносов предостерегал от слепого подражания древним образцам, отмечая, что «чистоте штиля» они научить не могут и основой речи, определяющей ее ценность, является ее внутренняя осмысленность (см.: Ломоносов, ПСС, т. 7, стр. 811).

³⁶ ААН, ф. 21, оп. 1, № 101, л. 12—12 об.

времени, пояснялось, что профессор экспериментальной физики Г.-В. Рихман «будет показывать все части математики, чтоб слушателям тем приготовить путь к самой физике, которую без математики начинать бесполезно», а профессор теоретической и экспериментальной физики И.-А. Браун «предлагать будет руководство во всю философию», употребляя за основу книгу «Основания Волфианской философии» Л. Ф. Тьюмнга.³⁷

Несмотря на тяжелые бытовые условия жизни и трудности обучения, вследствие недостаточной подготовки, многие из академических студентов уже на первых порах обратили на себя внимание своей даровитостью и трудолюбием. Среди отличившихся студентов, удостоенных награды в первом учебном году, были Барсов, Волков, Софронов, Румовский, Яремский и Григорий Павинский.³⁸

10 августа 1750 г. президентом Академии была утверждена временная инструкция об Университете и Гимназии, составленная Тепловым при участии Шумахера и Миллера.³⁹ Это мотивировалось тем, что «как учащие, так и учащиеся поныне не находятся еще в таком состоянии, по которому бы можно было сделать совершенный университетский регламент».⁴⁰ В инструкции не получили никакого отражения пожелания академиков, о которых говорилось выше, не было учтено и мнение Ломоносова. «Учреждение о Университете и Гимназии» 1750 г. являлось по существу сводом дисциплинарных правил, касающихся профессоров и студентов. Так, в отношении профессоров в статье 27-й говорилось следующее: «Понеже с удивлением извещаюь, что некоторые из университетских профессоров на лекции свои без важных причин либо вовсе не приходят, либо и приходят, да поздно, то за необходимую нужду почтено на таких леностных положить штраф вычетом из жалованья, а именно за час вычитать дневное жалованье по окладу».⁴¹ Особенно детально была разработана в статье 6-й шкала студенческих наказаний. За «ослушание главной команде академической» или какое-либо непочтение студентов предлагалось сажать в карцер на «хлеб и на воду», а за более важные проступки до резолюции Академической канцелярии «отдавать под караул». За непосещение лекций и невыполнение университетских заданий студентам предписывалось надевать штрафные серые кафтаны вместо мундиров и для этого «при Университете иметь нарочно сделанных пять серых кафтанов и смотреть, чтобы штрафованные в серых кафтанах такожде лекций публичных никаких не пропустили».⁴²

³⁷ Там же, оп. 7, № 62, л. 1.

³⁸ См.: Материалы, т. IX, стр. 613.

³⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 144, лл. 5—18а.

⁴⁰ Там же, № 460, лл. 315—322.

⁴¹ Там же, ф. 21, оп. 1, № 99, л. 6—6 об.

⁴² Там же, л. 2 об.

В 1750 г. студентам было разрешено «ходить на лекции только того класса, в котором их наука». В связи с этим 5 мая того же года были составлены списки студентов, «которые по своей охоте и склонности избрали науки, которые и обучить желают». ⁴³ Но уже до официального разрешения о выборе специальности группа студентов (Михаил Софронов, Иван Федоровский и Василий Клементьев) подала 15 февраля 1750 г. следующее прошение: «Понеже химия есть полезная в государстве наука, притом же и мы желаем обучаться оной, того ради всепокорнейше просим Канцелярию Академии наук, чтобы соблагволила нам ходить оной науки к профессору его благородию господину советнику Ломоносову, который показывает нам эксперименты и лекции свои начать обещается. Что же касается до лекций, которые мы ныне слушаем, на оные как ходили, так и будем ходить, пока генерального развода по наукам всем не воспоследует». ⁴⁴

Представляя в Канцелярию Академии наук 11 мая 1750 г. план своих работ на майскую треть 1750 г., Ломоносов уже сообщал, что будет показывать определяемым к нему студентам химические опыты «натуральным порядком», ⁴⁵ но в этом учебном году студенты не были определены ни к нему, ни к другим профессорам, а продолжали посещать общие для всех лекции.

К чтению студентам курса химии, названного «Истинной физической химией», Ломоносов приступил только в 1752 учебном году. Это была новая научная дисциплина, созданная Ломоносовым. Чтению лекций предшествовала большая подготовительная работа. Ломоносов весьма тщательно обдумывал построение своего курса, о чем свидетельствуют сохранившиеся варианты планов и несколько разных программ курса физической химии. ⁴⁶ Лекции читались с одновременной демонстрацией физико-химических опытов, для которых по требованию Ломоносова в мае 1752 г. были изготовлены инструменты и представлены приборы. ⁴⁷ В отчете о своих занятиях в 1752 г. Ломоносов писал: «Показывал студентам химические опыты тем курсом, как сам учился у Генкеля. Для ясного понятия и краткого познания всей химии диктовал студентам и толковал сочиненные мною к физической химии пролегомены на латинском языке, которые содержатся на 13 листах, в 150 параграфах, со многими фигурами на шести полулистах». ⁴⁸ Слушателями Ломоносова были студенты В. Клементьев, И. Братковский,

⁴³ Там же, № 101, л. 203.

⁴⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, № 137, л. 733.

⁴⁵ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 382.

⁴⁶ См.: Планы и материалы к курсу физической химии. ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 172—172 об.

⁴⁷ Там же, лл. 167—168. О приборах для физико-химических опытов Ломоносова см.: Б. Н. Меншуткин. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 422—426.

⁴⁸ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 389.

И. Федоровский, С. Румовский. В Архиве Академии наук сохранилась рукопись введения в курс физической химии Ломоносова⁴⁹ и конспект этих лекций в записи студента В. Клементьева.⁵⁰ Кроме курса физической химии, Ломоносов читал лекции по экспериментальной химии, ведя практические занятия в Химической лаборатории.⁵¹

Об успехах своих слушателей Ломоносов сообщал в репорте, поданном 5 февраля 1753 г. в Канцелярию Академии наук: «Что ж до моих химических лекций касается, то имеют оные быть окончаны около мая месяца сего 1753 года,⁵² и по окончании оного явится успех каждого. Между тем могу засвидетельствовать, что на чинимые на лекциях моих вопросы способнее других отвечивал Степан Румовский, который по соизволению Канцелярии с прочими студентами на мои лекции прилежно ходит; Иван Братковский также мог иметь равный успех, если бы не часто лекции прогуливал. Василий Клементьев всех прилежнее и, как по обстоятельствам примечаю, изрядно понимает и помнит, однако на вопросы отвечать весьма застенчив, так что иногда сказать не может того, что ему, конечно, весьма памятно быть должно. Иван Федоровский, хотя нарочитое понятие имеет, однако приметил я в нем невеликую в химии охоту».⁵³ Прослушав курс лекций Ломоносова по химии, Клементьев продолжал свою работу в Химической лаборатории, где выполнил всю опытную часть своей диссертации по физической химии «Об увеличении веса, приобретаемого некоторыми металлами после осаждения».⁵⁴ Этот научный труд был представлен им 26 апреля 1754 г. в Конференции Академии наук и получил одобрение академиков.⁵⁵ Деятельность Клементьева, оставившего заметный след в истории отечественной химии XVIII в.,⁵⁶ является ценным свидетельством плодотворной педагогической деятельности Ломоносова.

Кроме преподавания студентам химии, Ломоносов читал им лекции по стихотворству, о чем он неоднократно упоминает в отче-

⁴⁹ ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 124—142, 197—198, 169—272. Рукопись не полная: главы 1—5 закончены, глава 6 обрывается на 138 параграфе, главы 7 и 8 отсутствуют, а из главы 9 написаны только четыре параграфа. Опубликовано: Ломоносов, ПСС, т. 2, стр. 481—577.

⁵⁰ ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 201—206.

⁵¹ Об этих лекциях Ломоносов сообщал в своем отчете о работах за майскую треть 1752 г.: «Читал я студентам лекции экспериментальной химии» (Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 387).

⁵² В плане работ на январскую треть 1753 г. Ломоносов сообщал: «А в нынешнюю генварскую треть намерен окончить химические экспериментальные лекции студентам» (там же, стр. 388).

⁵³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 33.

⁵⁴ Там же, р. I, оп. 2, № 19, лл. 1—22.

⁵⁵ Протоколы Конференции, т. II, стр. 315.

⁵⁶ О деятельности Клементьева см.: Н. М. Раскин. Василий Иванович Клементьев — ученик и лаборант М. В. Ломоносова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952.

Въ Канцелярію Академіи Наукъ

всепокорнѣишее прошеніе

Понеже химія есть полезная въ госу-
дарствѣ наука, при томъ же или де-
лаемъ обусалтся ономъ: того ради все-
покорнѣише просимъ Канцелярію Ака-
деміи Наукъ, естли соизволила намъ
ходить ономъ наукѣ къ профессору его
Благородію Всладхну Ломоносову, который
показывалъ намъ експериментъ, и мнѣмъ
свои надатъ общаетца. Естли касаетца
до лепца, и которіе мы нѣмъ слушаемъ
на ономъ наукѣ ходимъ, тамъ и будемъ
ходить, пача генерального развода по
наукѣмъ всемъ невоспособуемъ.

Проситъ таковъ Академіи
Наукъ членъ бывшій

Студентъ

Михаилъ Софроновъ,
Иванъ Федоровскій,
Василий Киселевскій.

1750 февраля 1. н. д.

Прошение студентов Академического университета в Канцелярию Академии наук о разрешении им заниматься химией у М. В. Ломоносова (1750).

Архив Академии наук СССР.

(К стр. 106).

Methodus determinandi rationem
pressionis aquae in concavitatem ^{arcus} cir-
culi, & cycloidis, ad pressionem eius-
dem in rectangula circa memora-
tas curvas descripta.

1. Postquam in Statica videre mihi
licuit, pressionem aquae in planum ad hori-
zontem inclinatum difficilius determinari, quā
in planum eidem horiZonti parallelum, (ut
ait sequer. Phys. § 120) cogitare coe-
pi de modo determinandi pressionem aquae
in planum ad horiZontem inclinatum.

Concepi scilicet cubum $ABCD\ EFG$, di-
aphragmate $ACGD$ in duo prismata
triangularia diuisum, planum que $AC-$
 GD ad horiZontem inclinatum premi ab

Fig. I.

Первый лист работы студента М. Софронова «Метод определения
давления воды на дугу окружности...» (1751).

Архив Академии наук СССР.

(К стр. 192).

тах о своей работе.⁵⁷ Из всех своих учеников, среди которых были Н. Н. Поповский, А. И. Дубровский, А. А. Барсов, И. С. Барков, Б. А. Волков, Ф. Я. Яремский, Ломоносов занимался особенно много с Поповским, обратившим на себя внимание своей даровитостью. В 1751 учебном году Ломоносов отмечал: «Давал private лекции студентам в российском стихотворстве, а особливо Поповскому» и указывал, что в том же году «диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги „Красноречия“, о стихотворстве вообще».⁵⁸ Эти лекции Ломоносова до нас не дошли, не сохранилось и упоминаемое им «начало третьей книги „Красноречия“ о стихотворстве вообще», под которой он разумел третью часть «Риторики».⁵⁹ 12 января 1753 г. в репорте, представленном в Канцелярию Академии наук Ломоносов дал блестящий отзыв о своем талантливом ученике. Он писал, что порученный ему для наставления в стихотворстве студент Николай Поповский «показывает в оном весьма изрядные опыты своей особливою способностью. И уже прошлого 1752 года на торжественный праздник коронации ее императорского величества сочинил оду, которую письменно private показывал я при дворе моим благодетелям и немалую похвалу от них слышал. А в последних месяцах минувшего 1752 года подал мне он свой перевод Горациевых стихов о стихотворстве (*Ars poetica*) и некоторых од, который так хорошо сделан, что напечатания весьма достоин. И при отъезде двора знающие в красноречии силу желали их видеть в печати. Того ради Канцелярия Академии наук да соблаговолит оные напечатать, а помянутому студенту Поповскому сделать отличное одобрение от прочих награждением ранга и жалованья, ибо он уже ныне в состоянии искусством своим в чистоте российского штиля и стихотворства приносить Академии наук честь и пользу».⁶⁰

Из дел Академической канцелярии видно, то предусмотренная программа лекций Университета в 1750—1753 гг. не выполнялась полностью. После прекращения лекций профессора В. К. Тредиаковского (в феврале 1749 г.) и увольнения из Академии профессора Х. Крузиуса (в апреле того же года) для чтения лекций по элоквенции был назначен профессор И.-Э. Фишер, но последний их почти не читал⁶¹ и был уволен от лекций по определению Кан-

⁵⁷ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 377, 388, 389, 400.

⁵⁸ Там же, стр. 389.

⁵⁹ «Риторика» по замыслу Ломоносова должна была состоять из трех книг: «Учения о красноречии вообще», «Оратории», или «Наставлений к сочинению речей в прозе», и «Поэзии», или «О стихотворстве учения» (см. «Вступление к „Риторике“», § 10: Ломоносов, ПСС, т. 7, стр. 97).

⁶⁰ Там же, т. 9, стр. 633—634. В 1751 г. на студенческом экзамене экзаменаторы высказали мнение, что Поповскому следует дать возможность заниматься «словесными науками» с тем, «чтобы со временем быть стихотворцем или оратором Академии» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 153, л. 326).

⁶¹ См. репорты Крашенинникова о пропущенных профессорами лекциях. Опубликовано: Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии, стр. 35—36.

целярии 19 марта 1753 г., когда ему было поручено заниматься составлением сокращения из «Истории Сибири» Г.-Ф. Миллера. Исторические лекции были поручены Миллеру, однако он не подчинился постановлению, сославшись на нездоровье и на то, что не читал лекций уже восемнадцать лет.⁶²

Чрезвычайно добросовестно занимался с академическими студентами профессор Г.-В. Рихман, который читал лекции по математике и физике, прекратив их незадолго до своей смерти, когда он начал готовиться к выступлению на торжественном публичном собрании Академии наук, назначенном на 5 сентября 1753 г. Однако и во время напряженной научной работы он уделял внимание своим лучшим ученикам — Софронову и Румовскому, которые продолжали заниматься физическими опытами у него на дому. В журнале Рихмана встречаются неоднократные упоминания о его учениках. Так, например, 15 января 1752 г. Рихман отметил, что начал читать с Софроновым и Румовским перевод физики Сегнера и дошел до 34-го параграфа.⁶³ В опытах Рихману помогали его ученики и слушатели его лекций — М. Софронов, В. Клементьев, С. Румовский и А. Барсов.⁶⁴ После трагической гибели Рихмана Академическая канцелярия дала предписание Софронову незамедлительно собрать все физические приборы и инструменты, взятые во временное пользование покойным из Физического кабинета при Академическом университете, получить из инструментальных мастерских выполненные по его указанию заказы и вместе с архивариусом И.-Л. Стафенгагеном запечатать Физический кабинет.⁶⁵ После приезда в Петербург (в мае 1757 г.) физика Ф.-У.-Т. Эпинуса Софронов передал Физический кабинет в его ведение. Но безразличное отношение Эпинуса к своим обязанностям привело в полное разрушение созданный трудами академиков Г.-В. Крафта и Г.-В. Рихмана Физический кабинет и, несмотря на вмешательство Ломоносова и его неоднократные представления

⁶² В жалобе президенту на Шумахера и Теплова Миллер писал: «Каждому, кто университетские лекции давал, известно, что ко оным потребна некоторая привычка, а к историческим особливо изустное знание или память всем приложениям с начала света по наши времена. Я же оную привычку не имею, потому что чрез осемнадцать лет, как в Сибирь был отправлен, никаких лекций не давал и книг иностранных исторических, кроме касающихся до Российского государства, не читывал, по которым бы я мог обновлять память вышеереченным историческим приложениям» (цит. по кн.: Пек ар с к и й, т. I, стр. 362).

⁶³ Имеется в виду книга: Johann Andreas von Segner. Einleitung in die Naturlehre. Изд. 1-е, Геттинген, 1746. Сохранилась рукопись рихмановского перевода этой книги с немецкого языка на латинский: ААН, р. I, оп. 94, № 63, лл. 1—266 об.

⁶⁴ См.: Г.-В. Рихман. Труды по физике. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 648.

⁶⁵ См.: В. И. Смирнов и Е. С. Кулябко. Михаил Софронов — русский математик середины XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 15.

в Академическую канцелярию о неудовлетворительном состоянии кабинета, последний оставался без призора и был закрыт.⁶⁶

В декабре 1752 г. перестал читать лекции по механике и профессор Х.-Г. Кратценштейн, отправившийся в «морской вояж», по совершении которого он уже не обучал студентов.⁶⁷ В протоколе Академической канцелярии от 23 сентября 1753 г. указывается, что «при Университете никаких лекций нет, кроме лекций профессора Брауна».⁶⁸ Последний оставался единственным лектором по 1757 г., когда возобновилось чтение лекций при Университете.⁶⁹

Об итогах деятельности Академического университета за первые 5 лет его существования можно судить по определению Канцелярии о результатах последнего экзамена (19 января 1753 г.) и по отзывам профессоров, представленных в начале февраля того же года для составления «генерального репорта» президенту Академии. Из 20 экзаменовавшихся студентов 7 человек были признаны достойными звания адъюнктов и магистров, а именно: Михаил Софронов, Степан Румовский, Иван Братковский, Антон Барсов, Николай Поповский, Филипп Яремский и Алексей Константинов. При этом было указано, что те из них, которые предназначают себя к наукам математическим и физическим, могут быть назначены адъюнктами; тех же, которые думают посвятить себя наукам гуманитарным (философским и словесным), надлежит произвести в магистры с увеличением оклада жалованья до 200 руб.⁷⁰ В репорте своем, поданном в Академическую канцелярию 6 февраля 1753 г., Г.-В. Рихман дал блестящий отзыв о Софронове и Румовском: «Не преминул я показать им первые основания алгебры; подали оба специмены, которые похвалы от экзаменаторов удостоены. Но понеже математика в нынешнем веку приведена в толь великое совершенство, и оба к сей науке оказывают особливую склонность, и в оной, как кажется, превзойти желают, то не худо б было, когда б они другому, который в сей науке имеет надлежащую твердость и оная главное его дело, как каков Эйлер, поручены были в дальнейшее руководство, понеже они собственным своим прилежанием с трудом достигнуть могут до требуемого совершенства хотя б промыслить им все книги, какие о сей науке вышли».⁷¹ Отличную характеристику своих учеников дали и профессора И.-А. Браун, И.-Э. Фишер и Ломоносов. Дарование студентов Поповского, Барсова, Яремского и Констан-

⁶⁶ О физическом кабинете см. статью А. А. Елисеева «Физический кабинет Академии наук в первой половине XVIII века и Ломоносов» (Ломоносовский сборник, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 173—206.

⁶⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 181, л. 249.

⁶⁸ Цит. по кн.: Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии, стр. 36.

⁶⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 28.

⁷⁰ Там же, № 464, л. 45.

⁷¹ Там же, № 174, л. 44.

тинова сказалось во всех областях гуманитарных наук, при этом, по отзыву всех профессоров, особенно выделялся Поповский. Благоприятный отзыв Эйлера о присланных ему студенческих диссертациях ускорил решение дела.⁷² 23 декабря 1753 г. президент Академии наук повелел произвести представленных студентов в адъюнкты и магистры;⁷³ в этих званиях они были утверждены на заседании Конференции Академии наук 17 января 1754 г.⁷⁴

Принятие в число членов Академии наук новых русских адъюнктов и утверждение четырех первых русских магистров было чрезвычайно важным событием. Оно имело тем большее значение, что влиятельные, реакционно настроенные иностранные члены и советники Академической канцелярии И.-Д. Шумахер и И. И. Тауберт весьма неблагоприятно смотрели на проникновение русских ученых в Академию. Шумахер, например, открыто высказывался: «Я-де великую прошибку в политике сделал, что допустил Ломоносова в профессоры», а Тауберт сознавался: «Разведе нам десять Ломоносовых надобно? и один-де нам в тягость».⁷⁵

Весной 1754 г., с открытием навигации, молодые адъюнкты Софронов и Румовский были отправлены для усовершенствования знаний к Леонарду Эйлеру в Берлин.⁷⁶ Кроме Софронова и Румовского, из студентов первого выпуска обнаружили большую способность и склонность к математике еще трое — Борис Волков, Иван Братковский и Иван Лосовиков. Представленная Волковым работа на тему «Рассуждение о квадратуре Гиппократовой луночки и конхоиды Никомеда» получила следующий отзыв Эйлера: «Эта первая работа показывает немалое остроумие, особенно, если автор — юноша, не получивший до сих пор большой подготовки в высшей математике. Хотя нахождение Гиппократовой луночки дело известное, но представляет прекрасный образец для упражнения в интегральных исчислениях, а из приведенной квадратуры конхоиды видны способности автора в разложении интегральных формул в ряды».⁷⁷ За отличные успехи в математике и в языках

⁷² Румовский представил опыт решения задачи, предложенной Кеплером, — «Решение кеплеровской задачи об определении полуординаты по данному сектору» («Solutio problematis Kepleriani ex dato sectore invenire semiordinata» — ААН, р. I, оп. 2, № 3). Софронов представил научную работу «О спрямлении дуг эллипса» («De rectificatione arcuum ellipticorum» — там же, № 4).

⁷³ Там же, ф. 3, оп. 1, № 464, лл. 698—699. Из семи окончивших студентов двое, Софронов и Румовский, были утверждены адъюнктами; Поповский, Барсов, Яремский и Константинов — магистрами.

⁷⁴ Протоколы Конференции, т. II, стр. 293; ААН, ф. 3, оп. 9, № 20; ф. 1, оп. 2-1754, № 4.

⁷⁵ П е к а р с к и й, т. II, стр. 577.

⁷⁶ О деятельности Софронова см.: В. И. Смирнов и Е. С. Кулябко. Михаил Софронов — русский математик середины XVIII века. О деятельности Румовского см.: Сухомлинов, вып. II, стр. 3—157.

⁷⁷ Цит. по кн.: А. П. Юшкевич. Эйлер и русская математика в XVIII в. Труды Института истории естествознания, т. III, 1949, стр. 51.

Борис Волков был рекомендован ректором С. П. Крашенинниковым в адъюнкты, однако Академическая канцелярия не довела это представление до президента и Волкова определили переводчиком.⁷⁸ Иван Братковский представил работу «О доказательствах геометрических», настолько интересную, что шла речь о посылке ее на отзыв Эйлера,⁷⁹ а Иван Лосовиков написал диссертацию под заглавием «О квадратуре и спрямлении Чиригаузовой квадратриссы», которая была направлена в Академическое собрание, но, судя по протоколам Конференции, осталась нерассмотренной из-за отсутствия кворума академиков.⁸⁰ Вследствие отсутствия руководителя по математике в тогдашнем составе Академии, Братковскому и Лосовикову было предложено специализироваться по астрономии у профессора Н. И. Попова в обсерватории.⁸¹ Григорий Павинский, рекомендованный также ректором Крашенинниковым в магистры, не был представлен, как и Борис Волков, к утверждению в этом звании, а произведен вместе с Иваном Федоровским в декабре 1753 г. в переводчики с откомандированием в распоряжение Г.-Ф. Миллера.⁸² Михаил Студинский, показавший большие успехи во всех областях гуманитарных наук и в греческом языке, не мог, однако, по мнению Академической канцелярии, продолжать заниматься наукой, вследствие слабости зрения, и был определен учителем Академической гимназии. Остальные студенты должны были «слушать свои прежние лекции до будущего определения его высокографского сиятельства Академии наук г-на президента».⁸³

Первый выпуск воспитанников Академического университета был ознаменован публичным диспутом, проведенным с большой торжественностью 5 сентября 1753 г. «при присутствии разных знатных персон и многих других слушателей», как извещали об этом «Санкт-Петербургские ведомости» 10 сентября того же года.⁸⁴ После выступления профессора И.-А. Брауна и А. А. Барсова говорили речи Николай Поповский «о несправедливом презрении нравоучительной философии, особливо у древних философов, прежде Сократа бывших», и Филипп Яремский о «философии Цицероновой», которые были напечатаны по распоряжению президента на латинском языке и в переводе для «доказательства происходящих в Университете успехов и для одобрения студентов».⁸⁵

⁷⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 136 об.; № 471, л. 127.

⁷⁹ Там же, № 185, лл. 10—12.

⁸⁰ Там же, № 195, лл. 621—628.

⁸¹ Там же, р. V, оп. K, № 61.

⁸² См.: П. П. Пекарский. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов. СПб., 1867, стр. 35. Павинский рано умер — 19 февраля 1755 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 196, л. 436).

⁸³ Там же, 131, л. 251 об.

⁸⁴ Санкт-Петербургские ведомости, 1753, № 73, стр. 587—588. В Архиве АН СССР хранится печатное объявление из газеты с тезисами диспута (ААН, ф. 21, оп. 7, № 72).

⁸⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, № 181, л. 208. Подробности о диспуте см.: Билярский, стр. 245—246.

В завершение Поповский читал свои стихи, написанные «ямбическими гекзаметрами», показав себя сложившимся поэтом и последователем Ломоносова в русском стихосложении.⁸⁶

Таким образом, в первое пятилетие своего существования Академический университет, несмотря на все организационные неполадки и отсутствие полного преподавательского состава, благодаря плодотворной педагогической работе Ломоносова, Рихмана и Брауна, подготовил целую группу молодых русских ученых, переводчиков и педагогов, а самый близкий ученик Ломоносова, Поповский, возглавил славную плеяду передовых профессоров Московского университета.⁸⁷

После смерти Г.-В. Рихмана и окончания курса лекций М. В. Ломоносова Академический университет начал явно клониться к упадку. Отсутствие в тогдашнем составе Академии профессоров медицинских наук, экспериментальной физики и высшей математики отражалось на подготовке студентов этих специальностей. Единственным представителем медицины был профессор Авраам Каау-Бургав, который по заключенному с ним контракту не был обязан и не хотел читать лекций, взамен этого студентам, избравшим своей специальностью медицину, предлагалось слушать лекции по другим предметам.⁸⁸

Место математика берегли для уехавшего в 1741 г. в Берлин Леонарда Эйлера,⁸⁹ и покойный Рихман, вынужденный читать студентам математические лекции, делал это потому, как говорилось в учебном плане, «чтобы приготовить путь слушателям к самой физике, которую без математики читать бесполезно». В марте 1754 г. президент предложил Академическому собранию обсудить, кого из известных иностранных ученых могло бы оно рекомендовать в качестве кандидатов для замещения вакантных академических кафедр экспериментальной физики, механики и высшей математики. На должность профессора математики собрание единодушно (возражал только один Миллер) выдвинуло кандидатуру адъюнкта С. К. Котельникова, который довершал в то время свое математическое образование в Берлине под руководством Эйлера. Последний дал положительную оценку Котельникова, но выразил

⁸⁶ О значении Поповского как поэта — преемника Ломоносова см.: Л. Б. Модзалевский. Ломоносов и его ученик Поповский. Сб. «XVIII век», вып. 3, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 111—169.

⁸⁷ См.: Н. А. Пенчков. Основание Московского университета. Изд. МГУ, М., 1952, стр. 121—134.

⁸⁸ На этом основании избравший своей специальностью медицину адъюнкт Протасов до отправки его для обучения за границу занимался у Рихмана, «чтобы знать, как анатомику, законы механики и физики» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 319 об.).

⁸⁹ О роли Эйлера в истории первой Петербургской математической школы см.: А. П. Юшкевич. Эйлер и русская математика в XVIII в., стр. 45—116.

свое мнение, что быть профессором ему еще рано,⁹⁰ поэтому Кафедра математики осталась незаемщенной. На Кафедру экспериментальной физики Ломоносов предложил хорошо ему известного марбургского профессора И.-К. Шпангенберга, а на Кафедру механики профессором Гришовым был предложен И.-П. Эбергард, который профессорствовал в Галле; эту кандидатуру поддержал и Ломоносов.⁹¹ Однако обоих кандидатов отклонил Эйлер, и указанные кафедры остались также пусты. Вследствие этого, преподавание в Университете было возложено только на двух профессоров: И.-А. Брауна и И.-Э. Фишера. Профессору Брауну поручалось читать философские лекции для студентов первого класса (т. е. завершающие свое образование) и обучать новых студентов «первым основаниям философии». Профессору Фишеру предписывалось «читать Плавта тем, кои наипаче определили себя к гуманиорам и к поэзии, и уже хорошие успехи в латинском языке оказали, а которые в оном языке не столь достаточны, или к помянутым наукам охоту имеют, тем обучаться стилю латинского языка у ректора г-на Ротгаккера, в его классе»,⁹² т. е. в Гимназии. Вместе с тем профессору Крашенинникову предлагалось выбрать некоторых из студентов первого класса, «которые бы могли читать лекции в своей науке студентам нижнего класса».⁹³ Но и это распределение занятий не было выполнено, и лекции продолжал читать один только профессор Браун.⁹⁴

Университету пришлось считаться и с другим печальным фактом — недостатком новых слушателей. Кроме продолжающих обучение казеннокоштных студентов, с 1752 по 1755 г. в Университет поступило всего 7 вольных студентов: А. К. Лобысевич, С. Девович, Я. П. и Ф. Я. Козельские, Рымша, Кирилл Флоринский и Иван Милович.⁹⁵

Достаточное количество слушателей для Университета не могла подготовить и Академическая гимназия. «Временная инструкция об Университете и Гимназии», составленная Тепловым при участии Шумахера и Миллера и утвержденная 10 августа 1750 г. президентом,⁹⁶ не устранила главных недостатков Гимназии и не способствовала выполнению ее задач. По этой инструкции общее наблю-

⁹⁰ По поводу заявления Эйлера о преждевременности назначения Котельникова профессором Ломоносов счел нужным напомнить, что сам Эйлер был назначен адъюнктом Петербургской Академии, когда ему было всего 20 лет от роду (Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 508).

⁹¹ Протоколы Конференции, т. II, стр. 296. Подробнее см.: ААН, ф. 21, оп. 1, № 311.

⁹² Там же, ф. 3, оп. 1, № 173, лл. 352—352 об. Магистр Ротгаккер, выписанный из Тюбингена, был ректором Академической гимназии с 21 февраля 1751 г. и умер 6 августа 1753 г. (см.: Билярский, стр. 216).

⁹³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 354.

⁹⁴ Там же, № 464, л. 530.

⁹⁵ Там же, № 220, л. 137; № 214, лл. 204—211; № 195, л. 379.

⁹⁶ Там же, ф. 21, оп. 1, № 99, лл. 1—8.

дение за Гимназией поручалось ректору Университета, а непосредственное заведование ею — гимназическому инспектору. Гимназия состояла, как и прежде, из немецких и латинских классов; в 1749 г. к ней был прибавлен еще один «верхний» латинский, так называемый «ректорский», класс для учеников, желающих продолжать дальше свое учение, и одновременно для студентов, которые доучивались языкам. Согласно Академическому регламенту в Гимназии было утверждено 20 академических стипендиатов и для «одобрения их, чтобы они из одного класса в другой скоро происходить могли», в 1750 г., по ходатайству Крашенинникова, было установлено особое месячное постепенно повышавшееся жалованье по классам: в старшем латинском классе — по 3 руб. в месяц, в среднем латинском классе — по 2 руб. 50 коп., в высшем немецком классе — по 1 руб. 50 коп., а в нижнем немецком классе — по 1 руб. Академическая гимназия продолжала сохранять двойственность учебного курса: для казеннокоштных учеников была установлена обязательная программа обучения, «вольным» же ученикам разрешалось выбирать предметы по их вкусам и склонностям. Несмотря на то, что для Гимназии преимущественное значение должны были иметь казеннокоштные ученики, проходившие полный обязательный курс обучения и приготавливавшиеся к Университету, академическое начальство после Регламента 1747 г. начало уделять особое внимание интересам «вольных» учеников из дворян, не подчинявшихся общеобязательному учебному плану. «Намерение мое склоняется, — писал в 1748 г. ректор Гимназии профессор Фишер,⁹⁷ — не только до жалованных (т. е. казеннокоштных, — Е. К.), но и для вольных учеников, из которых иные и знатные бывают; и хотя не все охоту имеют к латинскому языку, однако все желают учиться всему тому, что к пользе их касается. И подлинно, ежели спросят, к которым то языкам и наукам дети сего государства склонность еще имеют, их любят и оным учиться охотятся, то оные числятся немецкий и французский, арифметика, геометрия, каллиграфия, рисовальное художество и танцованье».⁹⁸ Инструкция Теплова 1750 г. особым параграфом предписывала обратить внимание на обучение танцам, «понеже обществу к похвале служит старание прилагать о большем совершенстве не токмо души, но и тела подданных».⁹⁹

Усилившаяся в середине XVIII в. сословная обособленность дворянства побуждала его избегать внешнего общения с «подлым

⁹⁷ По возвращении из Сибири И.-Э. Фишер был назначен ректором Академической гимназии по контракту от 28 ноября 1747 г.; кроме того, на него было возложено (3 августа 1748 г.) наблюдение за нравственностью академических студентов. От ректорства в Гимназии он был уволен одновременно с Миллером в 1750 г. Его сменил профессор Крашенинников, в помощь которому был определен адъюнкт К.-Ф. Модерах. (См.: Пекарский, т. I, стр. 624—625).

⁹⁸ Материалы, т. IX, стр. 184.

⁹⁹ ААН, ф. 21, оп. 1, № 99, л. 7.

народом». На этом основании в 1750 г. было предписано «обучающимся в Гимназии из шляхетства и других знатных чинов людей детям сидеть за особливим столом, а которые не знатных отцов дети, тех особливо отделить».¹⁰⁰ Для дворянской молодежи, как говорилось выше, предлагалось устроить благородный пансион, в то время как казеннокоштные ученики, получая скудное жалование на руки, «все жили по своим домам и не имели доброго смотра».¹⁰¹

Хотя по регламенту Академии наук, утвержденному в 1747 г., преподавание в Академической гимназии должно было вестись на русском языке, в составе учителей оставались одни немцы, не знавшие русского языка. В протоколах Академической канцелярии имеется запись о том, что 12 января 1749 г. Шумахер обращался с представлением к президенту, ходатайствуя «неблаговолено б будет приказать, чтоб в Гимназии по-прежнему учили, до тех пор, пока сыщутся искусные учителя».¹⁰² Представление это осталось без разрешения президента, но система преподавания сохранилась прежней, являясь главной причиной неуспеваемости учеников. На это обстоятельство совершенно справедливо указывал Ломоносов. «Многие учителя были и ныне есть в латинской школе, — писал он в 1755 г., — которые российского языка не искусны и учат школьников по-латыни с немецкого. Для того принуждены они прежде учиться по-немецки. В чем ради беспорядка потеряв много лет, к латинскому языку, уже устарев, приступают и затем оно не выучаются».¹⁰³ Для помощи учителям, не знавшим русского языка, назначались академические студенты. Так, в 1753 г. в старший, так называемый конректорский класс был определен студент Назар Герасимов, в обязанность которого входило помогать конректору Штенгеру¹⁰⁴ заставлять учеников переводить на русский язык то, что они переводили с латинского на немецкий, так как было «усмотрено, что ученики, разумея содержание автора латинского, где им толковано, по-немецки переводят, а по-русски переводить не могут».¹⁰⁵ После отъезда Штенгера студент Герасимов, по представлению Крашенинникова, был определен с 9 сентября 1753 г. «действительным» учителем латинского языка, «уповая, что российское юношество скорее обучатся имеет латинскому языку для того, что он, Герасимов, чрез российский язык толковать будет».¹⁰⁶

Состав иностранных гимназических учителей был не удовлетворительный, они не имели достаточных знаний даже для преподавания

¹⁰⁰ Материалы, т. X, стр. 588—589.

¹⁰¹ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 42.

¹⁰² ААН, ф. 3, оп. 1, № 458, л. 5.

¹⁰³ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 23.

¹⁰⁴ Штенгер был назначен конректором Академической гимназии в 1749 г. (см.: Материалы, т. X, стр. 278).

¹⁰⁵ Д. А. Толстой. Академическая гимназия в XVIII столетии, стр. 28.

¹⁰⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 130, лл. 246—246 об., 250—251.

давания своего родного языка. В 1750 г. в высшем немецком классе преподавал учитель Герварт, который, по отзыву Крашенинникова, обучал немецкому языку «так беспорядочно, что нет ни малой надежды, чтобы из его учений можно было понять свойство одного языка. Не старается-де он и о том, чтоб ученики правильно произношению слов привыкали, и для того они так по-немецки читают, что не токмо произношение их, знающим оный язык противно, но и чтение не уразумительно, и сие-де причину подало, что некоторые из вольных учеников от бесплодной при таком наставлении траты времени, принуждены были отстать от Гимназии, и на стороне обучаться за плату к предосуждению Гимназии».¹⁰⁷ Из сохранившихся репортов видно, что прогулы гимназических учителей были обычным явлением. По донесению инспектора Модераха в Канцелярию Академии наук многие учителя Гимназии без законных причин «часто в классы приходят либо весьма поздно, либо совсем от оных отгуливают, также во время учения, оставляя учеников своих, из классов выходят, или, не дожидаясь, чтоб учебные часы прошли, совсем уходят домой, что не токмо пользе учащихся, но и чести Академии крайне предосудительно, ибо родители горькие о том приносят жалобы, когда дети их многократно, а особливо весной и осенью, бродя по колена в грязи, насилу до Гимназии дотаскиваются, а за небыванием учителей принуждены возвращаться домой, не учившись».¹⁰⁸

Обращение гимназических учителей с учениками было жестоким, о чем свидетельствуют дела Академической канцелярии. Так, в определении от 31 октября 1752 г. записано, что конректор Штенгер наказывал учеников «увеча их палкою так, что один из них, Илья Абрамов, около двух недель был болен»,¹⁰⁹ а когда Штенгеру был за то «чинен выговор и запрещено отнюдь не употреблять трости, то он, Штенгер, сего октября 30 числа ученика Веденского не токмо увечил своею тростью, но и глаз одного подшиб опасно».¹¹⁰ Не менее жестоко обращался с учениками и учитель французского языка Сужи. В определении от 24 апреля 1753 г. записано, что «он, Сужи, предъявленному полковника Грана сыну учинил презестокое и дворянским детям совсем неприличное наказание, и один из истопников, прищемя одному Грану голову, держал, а другой лозою сек так немилосердно, что он не мог ни сидеть, ни лежать».¹¹¹ При этом сообщалось, что француз Сужи заставлял истопника сечь и других учеников и хвалил его публично за то, что он сильно бьет, и «за такую знатную услугу» давал ему на вино деньги.¹¹²

¹⁰⁷ Там же, № 453, л. 5.

¹⁰⁸ Там же, № 220, лл. 141—142.

¹⁰⁹ Там же, № 463, л. 517.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же, № 464, л. 275.

¹¹² Там же, л. 275 об.

В результате такого обучения до 1753 г. ни один академический гимназист не был произведен в студенты. Когда в конце 1753 г. в Академическую канцелярию поступили запросы президента — имеются ли среди казеннокоштных гимназистов такие, которых можно было бы произвести в студенты,¹¹³ Шумахер своим единоличным распоряжением, не подвергая экзамену, произвел в студенты восьмерых, достойных, якобы по мнению Крашенинникова, гимназистов.¹¹⁴ Однако на экзамене, состоявшемся 18 марта 1754 г. по настоянию Ломоносова, оказалось, что произведенные студенты недостаточно владеют латинским языком и не могут слушать университетские лекции, а потому 23 апреля того же года он предложил потребовать снова из синодальных училищ десять достойных студентов, «дабы лекции могли опять скоро начаться».¹¹⁵

Ломоносов неоднократно указывал на необходимость переустройства учебного дела в Академии наук и особенно настаивал на улучшении состояния Академической гимназии. Когда в 1753 г., после смерти Ротгаккера, освободилось место ректора Гимназии, Ломоносов стал хлопотать через И. И. Шувалова о предоставлении этой должности своему даровитому ученику Поповскому, указывая, что он вполне справится с этой обязанностью, «зная латинский язык совершенно и притом изрядно разумея греческий, французский и немецкий», а для доказательства его «искусства» в русском языке послал Шувалову перевод Поповского.¹¹⁶ Помощником ректора Ломоносов рекомендовал своего другого способного ученика — Филиппа Яремского.¹¹⁷ Однако Академическая канцелярия отвергла кандидатуру Яремского, а Поповскому предложила только место конректора и руководителя старшего латинского класса.¹¹⁸

Систематическая, упорная работа Ломоносова над реорганизацией академических учебных заведений началась с 1753 г. В своей борьбе за изменение порядков в Академии, пришедшей в упадок вследствие самоуправства Академической канцелярии, Ломоносов пытался найти поддержку у влиятельного в ту пору при дворе молодого «просвещенного мецената» И. И. Шувалова. Сближению их способствовали литературные занятия последнего под руководством Ломоносова. В письме к Шувалову, написанном 1 ноября 1753 г., Ломоносов сообщил о плачевном состоянии Академии, которой руководили Шумахер и Тауберт,¹¹⁹ недоброжелательно от-

¹¹³ Там же, № 184, лл. 252, 255, 257.

¹¹⁴ Там же, № 185, лл. 557, 559; № 465, л. 1.

¹¹⁵ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 10.

¹¹⁶ См. письмо И. И. Шувалову от 23 августа 1753 г. (там же, т. 10, стр. 487). К письму был приложен перевод первой части поэмы Александра Попа «Опыт о человеке». Весь перевод был закончен Поповским в следующем. 1754, году.

¹¹⁷ Там же, стр. 394.

¹¹⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 501.

¹¹⁹ Жизнеописание И. И. Тауберта см.: Пекарский, т. I, стр. 636—670.

носившиеся к ученым и препятствовавшие просветительной работе Академии. «Извне, — писал Ломоносов, — почти одни развалины, внутри нет ничего, чтобы Академиею с Университетом могло называться». Письмо заканчивалось настойчивой просьбой об оказании «скорой помощи» наукам.¹²⁰ О положении дел в Академии Ломоносов поставил в известность и находившегося в Москве президента. Письмо Ломоносова, посланное в октябре 1753 г. К. Г. Разумовскому, до нас не дошло, но об отправке его «на прошлой почте» и о его содержании Ломоносов дважды упомянул в вышеуказанном письме И. И. Шувалову, прося его поддержать изложенные президенту просьбы. Жалобы Ломоносова, очевидно поддержанные Шуваловым, возымели свое действие и вызвали ряд запросов Разумовского, направленных в Академическую канцелярию в конце декабря 1753 г.¹²¹ В марте 1754 г. Разумовским была образована Комиссия по упорядочению штата Академии, в состав которой, кроме Шумахера, вошли профессора Я. Я. Штелин, Г.-Ф. Миллер и Ломоносов.¹²² Сохранившиеся выписки из протоколов заседаний Комиссии и записная тетрадь входящим делам в Комиссию свидетельствуют, что из 31 вопроса, рассмотренных членами Комиссии за период ее работы (с 8 марта по 23 апреля 1754 г.), 15 вопросов касались учебной деятельности Академии наук.¹²³ Среди них заслуживают внимания вопросы, поставленные Ломоносовым: об увеличении контингента казеннокоштных гимназистов втрое против установленного числа, т. е. до 60 человек; о необходимости проэкзаменовать в Академическом собрании восьмерых гимназистов, произведенных в студенты единоличным распоряжением Шумахера; о назначении ректором Гимназии Николая Поповского, а конректором Филиппа Яремского; об увольнении излишних гимназических учителей младших классов; о вызове из духовных училищ десяти человек для пополнения слушателей Университета и др.¹²⁴ Однако, как сообщает Ломоносов, «Шумахер, будучи членом в той Комиссии, которая учреждена для разбору его же непорядков, во всем доброму успеху препятствовал»,¹²⁵ поэтому репорт об итогах деятельности Комиссии, посланный президенту в Москву 12 мая 1754 г., свел на нет все решения, принятые Комиссией.¹²⁶

Замыслы, которые Ломоносов пытался осуществить в эти годы в Академическом университете, были претворены им в учреждении Московского университета. Он сам называл себя «участником при

¹²⁰ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 496—497.

¹²¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 184, лл. 252, 255, 257.

¹²² Там же, № 465, лл. 85—86.

¹²³ Там же, оп. 2, № 140а, а также № 88.

¹²⁴ Там же, № 88, пункты 4, 12, 18, 27, 29, 30. См. также журнал «Комиссии для отрешения излишеств от Академии» от 28 апреля 1754 г., составленный Ломоносовым (Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 10).

¹²⁵ Там же, стр. 239.

¹²⁶ ААН, ф. 3, оп. 2, № 88, лл. 7—8.

учреждении Московского университета», говорил, что он «первую причину подал к основанию помянутого корпуса».¹²⁷

Борьба Ломоносова за изменение порядков в Академии с особой силой разгорелась в начале марта 1755 г. при пересмотре Академического регламента 1747 г. в «чрезвычайных собраниях» Академии наук. При рассмотрении пунктов, регламентирующих общее управление Академией, Ломоносов надеялся добиться ослабления влияния Канцелярии на все дела и полномостия президента, настаивая на снятии с последнего «бремени, которое выше сил одного человека», и предлагая ввести должность вице-президента. Теплов, как сочинитель Академического регламента и штата, стал жестоко спорить, добившись отстранения Ломоносова от участия в дальнейшем обсуждении поправок к Регламенту.¹²⁸ Не менее острый конфликт произошел в Академическом собрании в июле 1756 г. при обсуждении представленного гимназическим инспектором К.-Ф. Модерахом «Мнения о некоторых недостатках Санктпетербургской гимназии и о поправлении их».¹²⁹ Модерах, поддержанный Миллером, настаивал на раздельном обучении гимназистов дворян и гимназистов из разночинцев, причем предлагал воздержаться от приема в Гимназию учеников «из самого подлого народа». Это предложение, в корне противоречащее взглядам Ломоносова, встретило с его стороны решительный протест и вызвало его уход с Собрания.¹³⁰

Достигшая максимального напряжения к концу 1756 г. упорная и непримиримая борьба Ломоносова за переустройство Академии наук и за упорядочение ее учебной деятельности возымела, наконец, свое действие. 13 февраля 1757 г., накануне отъезда на Украину, президент К. Г. Разумовский подписал ордер о назначении Ломоносова и Тауберта членами Академической канцелярии, мотивируя свое распоряжение старостью Шумахера и необходимостью того, чтобы «в порядочном течении дел остановки не воследовало и над всеми академическими департаментами могло быть всегдашнее доброе смотрение».¹³¹

¹²⁷ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 312; М. Т. Белявский. М. В. Ломоносов и Московский университет. Исторические записки, № 47, М., 1954, стр. 93—123.

¹²⁸ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 837—838.

¹²⁹ В «Мнении» Модераха (ААН, ф. 3, оп. 1, № 220, лл. 139—142) говорилось, что «важнейшим недостатком Гимназии является то, что благородное юношество с детьми самых подлых людей в одних классах сидят и обучаются. Пока сей камень притыкания не будет отдален, Гимназия не сможет придти в вестующее состояние».

¹³⁰ Протоколы Конференции, т. II, стр. 355—356.

¹³¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 148, л. 85. В журнале Канцелярии это распоряжение президента записано под 1 марта 1757 г., так как ордер президента был получен в Канцелярии только через две недели после его подписания. 12 апреля 1757 г. членом Академической канцелярии был назначен также Я. Я. Штелин (там же, № 468, л. 147).

ГЛАВА IV

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК В ВЕДЕНИИ М. В. ЛОМОНОСОВА

После получения административных полномочий в Академии наук Ломоносов горячо взялся за устранение организационных неполадок в академических делах, обратив особое внимание на состояние Университета и Гимназии. 7 января 1758 г. он представил К. Г. Разумовскому подробное доношение об «излишествах, замешательствах и недостатках» в Академии наук и о мерах к улучшению ее положения, указав, что академические учебные заведения находятся в «весьма худом состоянии», вследствие мнения некоторых членов Академической канцелярии, «что Университет здесь ненадобен и что все до того надлежащее нужно уступить Московскому университету».¹

Следствием этого представления явилось подписанное президентом 24 марта 1758 г. определение, согласно которому руководство научной и учебной частью Академии было поручено Ломоносову.² Вместе с тем отдельным ордером президента, подписанным в том же 1758 г., Ломоносову предписывалось «сочинить регламенты для Университета и Гимназии».

Изучение документов служебной деятельности Ломоносова выясняет характер его упорной, напряженной работы по составлению регламентов академических учебных заведений. Не вдаваясь в подробное рассмотрение разных черновых записок Ломоносова по учебной части, остановимся лишь на тех вопросах, затронутых в них, которые легли в основу предпринятого им переустройства академических Университета и Гимназии.

По мысли Ломоносова, Академия должны была пополняться «действительными академическими питомцами, с самого начала из нижних классов по наукам произведенными, а не от других школ выпрошенными».³ В «Рассуждении о Академическом регламенте и статье», которое составляет вторую главу записки о необходимости преобразования Ака-

¹ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 28.

² ААН, ф. 3, оп. 1, № 469, л. 104.

³ Там же, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 126. Разрядка моя. — Е. К.

демии наук, Ломоносов образно говорит о тесной связи Гимназии с Университетом и Академией; «Голова и верхние части тела не могут стоять без ног, или лучше — тело требует для своего питания и содержания пищи».⁴ Эту же мысль Ломоносов развивает в «*Idea Status et Legum Academiae Petropolitanae*». Он характеризует Академическую гимназию как «*Universitatis nutrix sen repu atque promptuarium*» («кормилицу Университета, или его кладовую и поставщицу»)⁵ и указывает, что «Петербургский университет — друг, более того — единокровный брат Академии наук, который составляет с нею едину плоть и будет заодно с нею трудиться на пользу отечества».⁶ Вместе с тем, по мысли Ломоносова, Гимназия не только призвана готовить слушателей Академического университета, но и быть одновременно общеобразовательной школой. По этому же принципу следовало построить и Университет, «откуда не токмо сама Академия должна производить природных своих членов, но и во все государство своих юриспрудентов, медиков, аптекарей, металлургов, механиков, астрономов, коих всех принуждена и поныне Россия заимствовать из других земель не без нареkania нашему народу».⁷ Мысль о том, что академические учебные заведения представляют собой «главное дело и самое основание и начало к происхождению ученых россиян», обусловила все направление учебной деятельности Ломоносова.

Надо полагать, что регламент Академической гимназии был составлен Ломоносовым не ранее подписания президентом вышеупомянутого определения от 24 марта 1758 г. 27 мая 1758 г. в Академическую гимназию был принят земляк Ломоносова П. О. Дудин, прием которого, как крестьянина, «положенного в подушный оклад», прямо противоречил строго соблюдавшемуся до тех пор § 41 Академического регламента. Если Дудин был, тем не менее, зачислен в Гимназию, то объяснялось это, возможно, тем, что к тому времени гимназический регламент Ломоносова, предусматривавший возможность приема в Гимназию крестьян, положенных в подушный оклад, хотя еще и не был утвержден официально, но в принципе одобрен президентом Академии наук.⁸ Следовательно, можно предполагать, что регламент Академической гимназии был

⁴ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 57.

⁵ Там же, стр. 105. Ср. его характеристику взаимоотношений Московского университета с Московской гимназией, «без которой, — по выражению Ломоносова, — Университет, как пашня без семян» (там же, стр. 514).

⁶ Там же, стр. 122.

⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 281, л. 147.

⁸ Об этом свидетельствует текст ордера К. Г. Разумовского на имя Академической канцелярии от 19 января 1760 г., в котором говорится, что утверждение представленных Ломоносовым регламентов Университета и Гимназии «от несогласия разных мнений претерпевает остановку, а г. Ломоносов между тем, по сочиненному от него регламенту Гимназии, поступая с моего позволения привел своим старанием Гимназию во много лучшее состояние перед прежним» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 19). Разрядка моя. — Е. К.

составлен Ломоносовым в период между 24 марта и 27 мая 1758 г. Для этого Ломоносов многое использовал из составленного им в 1755 г. регламента московских гимназий, что подтверждает и сделанное им 15 июля 1756 г. в Академическом собрании заявление о намерении по образцу этого регламента (для московских гимназий) составить и «другие правила для нашей Гимназии, соответствующие уставу нашей Академии».⁹

Обнаруженный мною в Архиве Академии наук СССР немецкий текст регламента Академической гимназии,¹⁰ состоящий из ста двадцати параграфов, является полным переводом гимназического регламента Ломоносова. Это доказывается, во-первых, тем, что содержание критических замечаний инспектора Гимназии К.-Ф. Модераха относительно отдельных параграфов этого регламента¹¹ вполне согласуется с содержанием соответствующих параграфов немецкого текста, во-вторых, тем, что многие параграфы последнего (§§ 1, 2, 5, 8, 10—13, 17, 20, 44—46, 49—73) совпадают по содержанию с соответствующими параграфами ломоносовского же регламента московских гимназий (§§ 3, 4, 5, 7—11, 13, 16, 26—27, 30—47, 57—63)¹² и, в-третьих, тем, что §§ 76—90 немецкого текста являются дословным переводом написанных Ломоносовым «Узаконений для учащихся в Гимназии имп. Академии наук», собственноручный черновик которых сохранился в Архиве Академии наук и был опубликован В. В. Пассеком в 1840 г.¹³

Немецкий перевод гимназического регламента выполнили гимназические учителя под наблюдением инспектора К.-Ф. Модераха. Журнальная резолюция Канцелярии о переводе регламента была вынесена 12 августа 1759 г.,¹⁴ а 17 сентября того же года состоялось решение Канцелярии об отсылке регламента на отзыв профессорам Г.-Ф. Миллеру, И.-Э. Фишеру, И.-А. Брауну и тому же Модераху.¹⁵

Таким образом, если русский текст регламента, в полном его виде еще не отысканный, был написан в 1758 г., то немецкий перевод этого текста появился в промежуток времени между 12 августа и 17 сентября 1759 г. Учителя старались, как видно, переводить дословно, однако справлялись со своей задачей не вполне удовлетворительно. В переводе встречаются и опiski, и ошибки, вызванные непониманием отдельных русских слов и выражений, из чего

⁹ Протоколы Конференции, т. II, стр. 355.

¹⁰ ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 368—387. Переведен на русский язык и опубликован впервые в 1955 г.: Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 477—523.

¹¹ См.: Билярский, стр. 413—414.

¹² Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 443; см. также: Е. С. Кулябко. Ломоносовский «Регламент московских гимназий». Вестник Академии наук СССР, 1955, № 5, стр. 58—62.

¹³ ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 283—284 об.; см. также: Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком, кн. V, М., 1840, стр. 18—21.

¹⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 529, лл. 232 об. — 233.

¹⁵ Там же, л. 258 об.

можно заключить, что Ломоносов не корректировал перевода. Тем не менее при всех недочетах изложения немецкий перевод дает достаточно полное и ясное представление как о структуре составленного Ломоносовым гимназического регламента, так и о тех общих идеях, какие положены в его основу.

Обращают на себя внимание прежде всего вводные слова регламента: «Гимназия является первой основой всех свободных искусств и наук»; она должна быть рассадником «просвещенного юношества». В этих определениях Ломоносов выразил свое понимание Гимназии как школы общего образования. Особенно примечателен § 4, где речь идет о социальном составе гимназистов. Хотя указанный параграф и начинается со слов: «в Академическую гимназию не должны быть принимаемы лица, положенные в подушный оклад, и в особенности крепостные люди», однако в последующих фразах того же параграфа прямо сказано, каким способом «посадские люди» и помещицЫ крестьяне могут обойти этот запрет: «посадским людям», т. е. горожанам и государственным и дворцовым крестьянам, разрешалось поступать в Гимназию при условии, если их общество, округ или даже родственники согласятся уплачивать за них подушную подать до новой ревизии, при которой они должны быть вычеркнуты из подушных списков; что же касается помещицЫх крестьян, то им следовало получать для поступления в Гимназию подобное же согласие своего помещика, который, обязуясь платить за них подушную подать до следующей ревизии, должен был, сверх того, освободить их навечно от крепостной зависимости. Таким образом, регламент Петербургской гимназии 1758 г., если бы он был официально утвержден, явился бы в смысле демократизации школы крупным шагом вперед по сравнению с регламентом Московской гимназии Ломоносова 1755 г.

Вопреки тенденциям бывшего «главного командира» Академии наук И.-А. Корфа, а также Г.-Ф. Миллера, К.-Ф. Модераха и других, Ломоносов настаивал не только на совместном обучении в Академической гимназии дворян и разночинцев, но и на том, чтобы как в обращении с ними, так и в требованиях к одежде те и другие находились бы в одинаковом положении. Вместе с тем Ломоносов предусматривал для дворянских детей, не имевших в Петербурге родственников или опекунов, устройство платного пансиона за «умеренную плату» по образцу «некоторых заграничных педагогий». Однако он ограничивал число принимаемых в «педагогий» дворян до двенадцати человек и указывал, что в классах они должны «сидеть наряду с другими гимназистами и никакого от них отличия не иметь, как по прилежанию». То, что Ломоносов допускал раздельное обучение дворян и разночинцев в регламенте московских гимназий имеет свое объяснение: Ломоносов писал его после утверждения императрицей проекта Московского университета, представленного Шуваловым, а в этом проекте (§ 23) вопрос о раздельном обучении дворян и разночинцев был предрешен во-

преки мнению Ломоносова, и последнему приходилось в данном случае считаться с уже совершившимся фактом.¹⁶

В области учебного дела основным нововведением Ломоносова, как видно из текста регламента, было учреждение «российских классов» (в других документах Ломоносов называет их не классами, а школами), т. е. цикла занятий, посвященных изучению русского языка и русской истории, «чего с начала Гимназии до него (Ломоносова, — Е. К.) не бывало».¹⁷ В истории развития нашего литературного языка ломоносовские «российские классы», несмотря на недолгое их существование, были явлением значительным. Введенные уроки русского красноречия посещал, в частности, в течение трех полугодий И. И. Лепехин, ставший затем одним из лучших русских стилистов своего времени. Полный гимназический курс русского языка по ломоносовской программе прошел В. П. Светлов, впоследствии крупный русский лингвист, прямой продолжатель Ломоносова.

¹⁶ При своем открытии обе московские гимназии совершенно отделились одна от другой; и учителя, и классы, и учебные классы стали разные. В 1763 г. различие учебных планов для дворян и разночинцев еще сохранилось, но гимназисты стали заниматься в одних и тех же классах, с той лишь разницей, что дворяне сидели за одним столом, а разночинцы — за другим. Однако такое размещение продолжалось недолго и само собою уничтожилось: нередко старательные разночинцы сидели ближе к учителю, а нерадивые и шаловливые дворяне — на конце стола и даже подчинялись «авдиторам» из разночинцев. Но различие дворян от разночинцев удерживалось между казеннокоштными гимназистами, которых в Гимназии было по пятидесяти человек из того и другого звания. Они жили в разных покоях: воспитанники «благородного» происхождения — на дворянской половине, а разночинцы — на разночинской половине. Те и другие обедали в общем зале, однако же столы накрывались для дворян на одной стороне, а для разночинцев — на другой; на дворянских столах подавалась посуда английского фаянса и серебряные ложки, а на разночинских столах употреблялась посуда оловянная. Различия были даже в кушаньях и в платье. Все эти отличия соблюдались до 1796 г. (см.: Страхов. Краткая история Академической гимназии, бывшей при имп. Московском университете. М., 1855, стр. 30—31).

¹⁷ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 403. В регламенте московских гимназий, как и в регламенте петербургской, основное внимание уделено «российской школе». В §§ 48—60 московского регламента мы впервые знакомимся с ломоносовской методикой преподавания родного языка, которая до нахождения регламента была неизвестна: «В российской школе в первом классе обучать российской грамоте обыкновенным старинным порядком, то есть азбуку, часослов и псалтырь, потом заповеди просто... Во втором и третьем классе читать, а знатные места изустъ твердить в прозе и в стихах российские сочинения, те особливо, которые при благополучном владении е. и. в. всемиаостивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны к знатному исправлению российского штиля на свет вышли; но притом прилежно читать славенские книги церковного круга и их держать как великого сокровища, из которого знатную часть великолепия, красоты и изобилия великоросийский язык заимствует» (там же, т. 9, стр. 457—458). Ср. с мыслями Ломоносова о природном великолепии, красоте и изобилии русского языка в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (там же, т. 7, стр. 585—592).

Ломоносов требовал, чтобы латынь, арифметика, геометрия и география преподавались в Гимназии на русском языке и только философия на латинском. Таким образом, с существовавшей до того системой преподавания «с немецкого» было покончено.¹⁸

Изучение латинского языка, в то время международного языка ученых, было сохранено и углублено, составив второй цикл гимназических занятий, куда включалось также ознакомление с началами греческого языка; изучение же немецкого и французского языков стало факультативным.

Третий цикл занятий был посвящен «первым основаниям нужнейших наук». Из числа предметов этого цикла арифметика, геометрия и география преподавались и раньше, правда, с большими переборами. Ломоносов добавил к ним тригонометрию и, что особенно интересно, философию, которая включала в себя «логику, метафизику и практическую философию». Так как учебным руководством должна была служить при этом книга Л.-Ф. Тьюмнга «Основания Волфианской философии», часть которой Ломоносов перевел в 1744 г. под заглавием «Волфианская экспериментальная физика», т. е. основание думать, что в гимназический курс философии входила, может быть, и физика. Весьма примечательно, что в список авторов, которых должны были читать гимназисты, желавшие изучать французский язык, Ломоносов ввел и Вольтера.

По ломоносовскому регламенту Гимназия подразделялась на три класса: высший, средний и низший. Однако пребывание ученика в каждом из этих классов не ограничивалось никакими календарными сроками: по мысли Ломоносова, гимназист не должен был переводиться из одного класса в другой, пока не усвоит «в совершенстве» всего того, что изучается в его классе, а для этого, как видно из документов, одного учебного года не хватало.

В петербургском регламенте, как и в проекте «регламента московских гимназий», не указано, какого возраста должны быть лица, принимаемые в Гимназию. Это не случайный пропуск. Желавших получить гимназическое образование было так мало, что в отношении возраста не устанавливалось никаких ограничений. В Гимназию, наряду с детьми шести-семи, иногда даже и четырех-пяти лет, принимались и взрослые юноши шестнадцати — восемнадцати лет, а в некоторых, правда редких, случаях допускались и зрелые люди двадцати четырех, двадцати шести и даже двадцати девяти лет.¹⁹

¹⁸ Это же требование Ломоносов предъявлял и в регламенте московских гимназий, глава третья, § 22 (там же, т. 9, стр. 451).

¹⁹ ААН, р. 1, оп. 70, № 2. В черновом наброске § 5 главы первой регламента московских гимназий предусматривается случай приема в Гимназию ученика «уже в совершенном возрасте, лет около двадцати, который окажет к учению великое желание без принуждения». Нет сомнения, что этот пункт регламента Ломоносов формулировал, оглядываясь на свое прошлое и предвидя появление «новых Ломоносовых».

Ломоносов высоко оценивал роль учителя. Он подчеркивал, что настоящий учитель работает не формально, а отдавая себя всего делу ученья. Перед началом каждого полугодия учитель должен установить четкий порядок занятий и рассчитать время так, чтобы не переобременять учащихся «выше меры и не создавать им слишком легких условий». При этом учитель должен присматриваться к способностям учеников и знать их успехи, чтобы понимать, чего он может ожидать и требовать от каждого. Ломоносов поставил перед собой задачу построить обучение на новой основе. Он предлагал начинать обучение с простейших основных начал, усложняя материал постепенно так, чтобы последующие знания опирались на предыдущие. В низших классах учителя должны более налегать на практику и не перегружать слабых умов трудными правилами, в средних классах — объяснять более легкие правила, в высших — более трудные. Если гимназист, в особенности подающий надежды, пропустит что-либо по болезни, то учитель обязан повторить толкование лекций, на которых такой ученик не присутствовал. С теми же гимназистами, кто пропустит более двух недель или поступит среди учебного года, учитель должен заниматься отдельно. Огромную роль Ломоносов отводил воспитателю, от которого требовал изучения природных склонностей воспитанника и, в зависимости от этого, применения тех или иных методов и средств воспитания. Чрезвычайно интересны в педагогическом отношении изложенные в регламенте «Узаконения» для гимназистов, представляющие собой не только правила поведения для учащихся, но и увещание к ним. Ломоносов внушал ученикам чувство долга и ответственности, любовь и уважение к труду и науке, стремление к порядку и вежливости. Он стремился приучить учеников к скромности и правдивости, требовал от них самовоспитания во имя служения родине.²⁰ Ломоносовские правила резко отличаются от тех чисто полицейских правил внутреннего распорядка для студентов и гимназистов, которые девятью годами ранее были составлены Шумахером и Тепловым.²¹

²⁰ Текст «Узаконений», включенный в главу «Об обязанностях гимназистов», сохранился и отдельно в двух видах: 1) в виде черновика, писанного рукой Ломоносова (ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 283—284) и 2) в виде писарской никем не заверенной копии, написанной в два столбца на одной стороне развернутого двойного листа писчей бумаги (там же, ф. 3, оп. 1, № 707, л. 302). Существование отдельного от регламента черновика с самостоятельной нумерацией позволяет думать, что «узаконения» были написаны Ломоносовым до составления им регламента Академической гимназии, куда были введены затем в качестве отдельной главы. Что же касается писарской копии, то о ее назначении говорит оформление: «Узаконения» написаны на большом листе для того, чтобы их можно было вывесить на стене.

²¹ См.: Материалы, т. X, стр. 451—454. В регламенте московских гимназий Ломоносов, в отличие от всех других тогдашних авторов гимназических регламентов и инструкций (Г.-Ф. Миллера, Г. Н. Теплова, И.-Э. Фишера, И.-Д. Шумахера), дает не только шкалу наказаний, но и шкалу наград (§§ 58—59).

Таковы наиболее яркие места регламента Академической гимназии, которыми далеко не исчерпывается, однако, все содержание этого вновь отысканного документа, значительно пополняющего наше представление о Ломоносове-педагоге.

Текст университетского регламента Ломоносова до сих пор не отыскан; не найдено и никаких документальных следов прохождения его по тем инстанциям, от которых зависело его утверждение. До нас дошли только предварительные наброски плана устройства Университета и Гимназии 1759 г.²² и лишь весьма сокращенный пересказ некоторых частей университетского регламента в виде определения Академической канцелярии от 14 февраля 1760 г. о переустройстве Университета.²³ Кроме того, дают возможность увидеть некоторые элементы до сих пор еще незнакомого нам проекта Петербургского университета и сохранившиеся замечания о нем профессоров И.-А. Брауна, К.-Ф. Модераха и И.-Э. Фишера.²⁴

Принципиальные предложения по вопросам устройства Академического университета были обдуманы Ломоносовым еще в 1748 г. при рассмотрении университетского регламента, составленного Г.-Ф. Миллером, и сообщены секретарю Исторического собрания академику В. К. Тредиаковскому в письме от 12 октября 1748 г.²⁵ и в «Прибавлении» к этому мнению 7 декабря того же года.²⁶ Эти же предложения легли в основу созданного по предначертаниям Ломоносова Московского университета.²⁷ Мысли об устройстве Академического университета высказаны Ломоносовым в его докладных записках 1755—1759 гг.²⁸ и в его более поздних проектах переустройства Академии наук. Помимо хорошо знакомой ему организации Марбургского университета, Ломоносов изучал также устройство и других западноевропейских университетов, о чем свидетельствуют находящиеся в «Портфелях служебных бумаг» с его пометками «академические уставы разных иностранных университетов» — Галльского, Лейденского и Иенского.²⁹ Однако использование уставов иностранных университетов не означало простого копирования готовых образцов, но представляло собой творческую

²² Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 537—540.

²³ Там же, стр. 556—564.

²⁴ Там же, стр. 542—545; см.: Билярский, стр. 410—416.

²⁵ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 460—461.

²⁶ Там же, т. 9, стр. 441.

²⁷ История Московского университета, т. I, М., 1955, стр. 15—20.

²⁸ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 20—22, 55—56.

²⁹ «Leges Academiae variarum universitatum» (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 318—323). Творческое воплощение отдельных сторон устройства западноевропейских университетов имело место и в проекте Московского университета, о чем Ломоносов писал И. И. Шувалову: «Однако и тех совет вашему превосходительству бесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются» (Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 508—513).

и критическую переработку их в соответствии с задачами, поставленными Ломоносовым.

«Установление порядка в Санктпетербургском университете» должно было заключаться, по мнению Ломоносова, не только в пересмотре университетского штата и университетского регламента, но еще, кроме того, в издании особого акта верховной власти, где были бы перечислены даруемые Университету «привилегии», и, наконец, в устройстве «инавгурации», посвященной, как это принято было на Западе, оглашению акта об университетских привилегиях и торжественному открытию преобразованного Университета. В соответствии с этим дошедшие до нас предварительные наброски устройства Университета состояли из четырех разделов: 1) проекта штата, 2) плана регламента в двух вариантах (более раннего, зачеркнутого и более позднего), 3) перечня проектируемых привилегий, 4) программы инавгурации.

Основным нововведением Ломоносова было разделение Университета на три факультета, а студентов на три класса, т. е. курса, на чем он настаивал еще с 1748 г.³⁰ Отсутствие факультетов и беспорядочное обучение всем наукам мешали подготовке квалифицированных специалистов и не давали возможности правильно организовать учебный процесс. В отличие от иностранных университетов того времени, в которых главным факультетом являлся богословский, Ломоносов вообще не предусматривал преподавания богословия и придавал Университету чисто светский характер, предлагая учредить только три факультета: «... для обучения студентов прав вообще, так же европейских и российских; для умножения в России российских докторов и хирургов, которых очень мало; для приумножения прочих ученых, которые в философском факультете заключаются».³¹

Набросок штата Академического университета, составленный Ломоносовым в 1759 г., отличался от штатов, предусмотренных Академическим регламентом 1747 г. и «Временной инструкцией» 1750 г. (составленной Тепловым при участии Шумахера и Миллера), прежде всего тем, что включал одиннадцать профессорских кафедр вместо пяти по Регламенту 1747 г. и восьми кафедр — по инструкции 1750 г. Для Московского университета Ломоносов проектировал в 1754 г. двенадцать кафедр, которые Шувалов сократил до десяти.

Учебная программа Академического университета, намеченная Ломоносовым в 1759 г., включала ряд дисциплин, не предусмотренных Регламентом 1747 г., а именно: русское право, химию, ботанику, анатомию и восточные языки.

В программе, составленной в 1750 г. Г. Н. Тепловым, не было вовсе юридических дисциплин и курса восточных языков.

³⁰ См.: там же, стр. 460—461; т. 9, стр. 441.

³¹ Там же, т. 10, стр. 21.

Программа Академического университета, составленная М. В. Ломоносовым в 1759 г., отличалась от программы, предложенной им в 1754 г. для Московского университета, только несколько иным расположением отдельных дисциплин по кафедрам и тем, что в Московском университете вместо ботаники значилась «натуральная история» и не была предусмотрена математика и преподавание восточных языков.

При сличении четырех вариантов штата Университета, над которыми М. В. Ломоносов усердно работал в течение пяти лет (1754—1759 гг.), наиболее продуман им был, очевидно, вариант, разработанный в «Записке о необходимости преобразования Академии Наук» 1758 г., так как этот вариант без всякого изменения вошел в университетский штат, утвержденный президентом в 1760 г., когда Академический университет был передан в «единоличное» ведение М. В. Ломоносова. Несколько более ясное представление о нем дают ответы Ломоносова на возражения, которые вызвал его проект при обсуждении, но об этом будет сказано ниже.

Чрезвычайно интересен перечень университетских привилегий, составляющий 3-й раздел наброска регламента. Он предусматривал право Университета присуждать ученые степени — «градусы»; разрешал давно наболевший вопрос о том, чтобы университетские должности были приравнены к чинам, установленным «Табелью о рангах», что существенно улучшило бы положение ученых в тогдашнем обществе; устанавливал право учащихся и учащихся на летний отдых; разрешал проблему денежного снабжения Университета, предлагая «сумму отпускать прежде всех и никакого не чинить изъятия, разве именным указом точно на оную не будет указано»; избавлял Академию от вмешательства полиции в ее внутреннюю жизнь, подчиняя студентов университетской юрисдикции. Особенно же внимания заслуживает замечательный по своей смелости и резкости пункт 7-й, предлагающий «духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особенно не ругать наук в проповедях». Этот пункт в корне противоречил § 43 Академического регламента и § 3 тепловского «учреждения» 1750 г., где профессорам вменялось в обязанность не учить ничему, «что противно быть может православной греко-российской вере».³² Не удивительно, что в условиях феодального строя ломоносовские регламенты академических Университета и Гимназии, содержавшие подчеркнуто демократические требования и университетские «вольности», не могли рассчитывать на сочувствие реакционно настроенной части профессуры и правящих верхов. Потому они и не получили официального утверждения.

История прохождения ломоносовских проектов университетского и гимназического регламентов отчасти рассказана самим Ло-

³² Материалы, т. X, стр. 518.

моносовым в его записке «о поведении Академической канцелярии»,³³ отчасти нашла отражение в канцелярском делопроизводстве и в протоколах Академического собрания. Это была в основе своей идеологическая борьба Ломоносова с той частью академической профессуры, интересы которой не совпадали с его прогрессивными взглядами на задачи академических учебных заведений. Особенно резкие возражения вызывали решительные настояния Ломоносова на демократизации этих заведений, требование широкой доступности гимназического и университетского образования для различных групп населения, не исключая выходцев из посадских людей и крестьян.

Проекты написанных регламентов Ломоносов представил непосредственно К. Г. Разумовскому, который 23 июля 1759 г. передал их для рассмотрения в Академическую канцелярию с тем, чтобы ему было подано затем «общее мнение» всех ее членов.³⁴ Рецензентами были лица, имевшие в прошлом или настоящем близкое касательство к Университету и Гимназии: Г.-Ф. Миллер, бывший ректор Университета (в 1747—1750 гг.) и автор обсуждавшего в 1748 г. проекта университетского регламента, И.-Э. Фишер, профессор Университета, состоявший ректором Гимназии в те же 1747—1750 гг., К.-Ф. Модерах, одиннадцать лет исполнявший обязанности инспектора Университета и Гимназии (1748—1759 гг.), и профессор физики и философии И.-А. Браун, самый усердный и в течение ряда лет единственный университетский лектор, о котором с похвалой отзывался Ломоносов.

В момент подписания президентского ордера в Петербурге Ломоносова не было,³⁵ и обсуждение ордера в Академической канцелярии отложили до его возвращения.³⁶ 11 августа Ломоносов вернулся.³⁷ На следующий день, 12 августа, Канцелярия вынесла журнальную резолюцию об отсылке ломоносовских регламентов инспектору гимназии Модераху с приказанием «по тетратям раздать перевесть на немецкий язык под смотрением его гимназическим учителям, кто к тому способен, немедленно и подать при репорте в Канцелярию».³⁸ К 17 сентября 1759 г. перевод регламентов на немецкий язык был, очевидно, уже готов, так как в этот день состоялось решение Канцелярии об отсылке их на отзыв вышеупомянутым профессорам: Г.-Ф. Миллеру, И.-Э. Фишеру, И.-А. Брауну и инспектору К.-Ф. Модераху.³⁹

Из четырех затребованных отзывов о ломоносовских проектах университетского и гимназического регламентов известны полно-

³³ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 297.

³⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 470, л. 235.

³⁵ Там же, № 529, л. 211.

³⁶ Там же, л. 216 об.

³⁷ Там же, л. 231.

³⁸ Там же, лл. 232 об.—233.

³⁹ Там же, л. 258.

стью три: отзыв Г.-Ф. Миллера от 18 октября 1759 г.⁴⁰ и недатированные отзывы И.-А. Брауна и К.-Ф. Модераха.⁴¹ От отзыва Фишера, заключавшего в себе 39 листов, исписанных мелким почерком, сохранились только первый (с общими замечаниями о гимназическом регламенте в целом) и последний, 39-й, листы.⁴² Более полное представление о его содержании дает составленный Ломоносовым «Экстракт с примечаниями» по поводу возражений Фишера против проекта университетского регламента. Из этого документа видно, что особенно резкие нападки Фишера вызвали требования Ломоносова о допущении к учению «уволненных помещичьих людей и об увеличении числа учащихся». «Удивления достойно, — пишет Ломоносов, — что не впал в ум господину Фишеру, как знающему латынь, Гораций и другие ученые и знатные люди в Риме, которые были выпущенные на волю из рабства, когда он толь презренно уволненных помещичьих людей от Гимназии отвергает! Не вспомнил того, что они в Риме не токмо в школах с молодыми дворянами, но и с их отцами за одним столом сидели, с государями в увеселениях имели участие и в знатных делах поверенность. Сих и нынешних примеров, видно, знать он не хотел».⁴³ Далее Фишер ставил Ломоносову в вину то, что его проект гимназического регламента рассчитан главным образом на казеннокоштных гимназистов, т. е. преимущественно на солдатских детей, из-за чего-де пострадают интересы дворянских детей, обучающихся за свой счет. Фишер предрекал, что при таком регламенте гимназия опустеет и обратится в достояние одних бедняков.⁴⁴

Замечания остальных рецензентов сводились к следующему: Браун возражал против самостоятельного чтения студентами научных книг, на чем Ломоносов, по-видимому, настаивал и намечал программу такого чтения. «Начинающий студент, — писал Браун, — должен читать немного, дабы ему не придти в замешательство».⁴⁵ Модерах предлагал подробнее разработать главу о надзоре за студентами, которую Ломоносов построил, очевидно, на основе своего взгляда о необходимости установить для студентов более свободный режим, чем для гимназистов, «чтоб школьники под строгим смотрением, а студенты волю пристойную имели».⁴⁶ Как видно из возражений Модераха, Ломоносов, стремясь развить в студентах, будущих профессорах, ораторские навыки, требовал, чтобы они произносили свои речи наизусть.⁴⁷ Мил-

⁴⁰ Там же, № 237, л. 56—56 об.

⁴¹ См.: Билярский, стр. 410—414.

⁴² ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 301—302.

⁴³ Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 543.

⁴⁴ ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, лл. 301—302.

⁴⁵ Цит. по кн.: Билярский, стр. 411.

⁴⁶ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 29.

⁴⁷ См.: Билярский, стр. 413.

лер сослался в своем отзыве на проект, составленный в 1748 г., а также на более ранний проект академика Э.-Т. Байера, которым, по словам Миллера, руководствовался и академик Г.-В. Крафт в бытность свою инспектором Гимназии. «О искусстве сих двух славных мужей, — добавлял Миллер с явным намерением задеть Ломоносова, — сомневаться не можно. К тому ж и Гимназия никогда в лучшем состоянии, как под их инспекторством, не была».⁴⁸

Ввиду того, что обсуждение ломоносовских проектов университетского и гимназического регламентов затянулось на два с половиной месяца и Академическая канцелярия не выносила никакого решения, Ломоносов получил предписание президента передать эти проекты на обсуждение Академического собрания. Последнее было специально для этого созвано 11 января 1760 г. Ломоносов не стал докладывать текст регламентов, а, ссылаясь на желание президента, поставил на обсуждение только два вопроса: одобряет ли Собрание намеченные им привилегии Университета и признает ли оно нужной его инаугурацию.⁴⁹ Все академики, кроме Миллера, одобрили в общем предложенный Ломоносовым проект университетских привилегий и единодушно высказались за необходимость устроить инаугурацию. Разногласие вызвал лишь весьма незначительный вопрос: присваивать ли академикам и профессорам Университета одинаковые или неодинаковые ранги. Миллер остался при особом мнении, считая, что «привилегию надлежит сочинить общую для всего академического корпуса, а не для одного Университета» и что, пока не будет достаточного числа профессоров и студентов, рано говорить об инаугурации. Отметив, что «прежде привилегии надлежит апробовать университетский регламент», Миллер поставил тем самым на вид Ломоносову непредставление им этого регламента на обсуждение Академического собрания.

С января по май 1760 г. Ломоносов подготовлял материалы для оформления грамоты об университетских привилегиях, которые должны были быть оглашены при инаугурации. Им были заказаны «большая пергамина кожа», «украшения», т. е. рисунки для орнаментации грамоты, краски для них, «капсель и шнуры» для висячей печати и тафта для переплета.⁵⁰ Вместе с тем Ломоносов предполагал, устроив инаугурацию Академического университета, оповестить о ней весь западноевропейский ученый мир путем рассылки иллюстрированного описания торжества. В Архиве Академии наук СССР сохранился список иллюстраций к такому описанию и список адресов, по которым последнее следовало разослать для большей торжественности «через канцлера и министров при дворах иностранных».⁵¹ Из этих заметок видно, что Ломоно-

⁴⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 237, л. 56.

⁴⁹ Протоколы Конференции, т. II, стр. 443.

⁵⁰ См.: Билярский, стр. 415.

⁵¹ ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 313—314.

сов намеревался ознаменовать день инаугурации фейерверком и в память ее выбить медаль. Речь, которую он собирался произнести во время инаугурации, должна была войти, очевидно, в указанное описание. Чрезвычайно интересен список адресов; в нем названиями городов обозначены находившиеся в этих городах научные учреждения: «Мадрит» — Мадридский университет; «Бонония» — Болонская Академия наук, членом которой Ломоносов был избран несколько лет спустя, в 1764 г.; «Париж» — Парижская Академия наук; «Эдимбург» — Эдинбургский университет; «Лондон» — Лондонское королевское общество; «Берлин» — Берлинская Академия наук; «Шв.» — вероятно, Швеция, т. е. Шведская Академия наук, избравшая Ломоносова своим членом 30 апреля 1760 г.; «Литтих», или Льеж, попал в список как город, где издавался влиятельный в то время научный журнал «Journal encyclopédique». Из числа иностранных почетных членов Петербургской Академии наук упомянуты: Л. Эйлер, И.-Г.-С. Формей, М.-М. де ла Кондамин и Г. Гейнзиус. Упоминаются также «сочинители» знаменитой французской «Энциклопедии», а также Китай, т. е. находившиеся там европейские миссионеры, с которыми Академия вела ученую переписку. Как известно, грамота об университетских привилегиях, контрассигнованная канцлером М. И. Воронцовым в феврале 1761 г., осталась неподписанной императрицей Елизаветой.⁵² После воцарения Екатерины I Ломоносов пытался возобновить хлопоты по этому делу через Г. Г. Орлова, но не добился успеха.⁵³

Видя, что рассмотрение ломоносовских регламентов затягивается в ущерб делу, Разумовский решил своею властью неофициально ввести их в жизнь. 19 января 1760 г. последовало его распоряжение о передаче Ломоносову в единоличное ведение Университета и Гимназии без участия других членов Канцелярии. В ордере, адресованном в Академическую канцелярию, говорилось, что по данной президенту «власти» он поручает «учреждение и весь распорядок Университета и Гимназии единственно оному господину советнику Ломоносову по сочиненным от него регламентам, полагаясь на его знание и усердие, и уповая, что он в произведении до цветущего состояния оных двух департаментов по должности сына отечества со всяким прилежанием и усердием поступать будет».⁵⁴ Вместе с тем в ордере указывались меры, направленные к тому, чтобы обеспечить и финансовую независимость учебной части от Тауберта. С 19 января 1760 г. дела по учебной части начали производиться, согласно ордеру, «особливым повытъем», т. е. отдельно от общеканцелярских: текущие дела стали подшиваться в особую книгу,⁵⁵ а с 14 февраля того же года была

⁵² См.: Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 555.

⁵³ См.: там же, стр. 560.

⁵⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 19.

⁵⁵ Там же, № 825.

заведена и вторая особая книга — для определений, которые также подписывал один Ломоносов.⁵⁶

Организационные мероприятия Ломоносова срезу натолкнулись на сопротивление, и вся его учебная деятельность с первых ее дней до последних протекала в обстановке непрерывной напряженной борьбы. Первое распоряжение Ломоносова по учебной части, после утверждения его членом Академической канцелярии в 1757 г. касалось Академической гимназии. Ломоносов потребовал, чтобы гимназический инспектор К.-Ф. Модерах⁵⁷ немедленно представил в Канцелярию: 1) список всех учителей с «прописанием, кто которого году определен при Гимназии, в каком классе и по сколько дней в неделе и по сколько часов каждого дня учит, каким порядком в учении поступает и каких авторов употребляет, так же прилежен ли в должности своей и не прогуливает ли часто положенных для обучения дней и часов».⁵⁸ 2) такой же список всех гимназических учеников с указанием их успехов и поведения; 3) расписание всех классов; 4) копии со всех инструкций, касающихся Гимназии, и мнение об ее недостатках и мероприятиях для исправления их.⁵⁹ Модерах уклонился от представления отчета, сославшись на то, что запрошенные данные можно найти в его прошлогоднем «Мнении», представленном в Академическую конференцию.⁶⁰ Вследствие этого, через несколько дней (6 марта 1757 г.) Канцелярия затребовала «Мнение» из Архива Конференции Академии наук.⁶¹

Как видно из сохранившегося отчета К.-Ф. Модераха, Гимназия ко времени передачи ее в ведение Ломоносова разделялась на две школы, а именно — на немецкую и латинскую по два класса в каждой. Такое разделение (на четыре класса) вынуждалось, по-видимому, недостатком помещения: в занимаемом у баронов Строгановых доме под Гимназию было отведено только четыре комнаты.⁶² В Гимназии преподавали языки (немецкий, французский и латинский), географию, арифметику, геометрию, каллиграфию, рисование, танцы, «православную веру греческого исповедания». Состав штатных учителей насчитывал восемь иностранцев: двух учителей немецкого языка — Генриха Эстермана и Якова Кожики, трех учителей французского языка — Годенти, Оррио и Де-Лави, учителя латинского языка для «иноземческих учеников, не знающих русского языка», — Юстуса Миллера, который преподавал им, кроме латинского языка, еще и географию, и учи-

⁵⁶ Там же, № 827.

⁵⁷ Модерах заменил И.-Э. Фишера, отстраненного от должности инспектора Академической гимназии 18 июня 1750 г. (там же, № 460, л. 239).

⁵⁸ Там же, № 527, л. 106.

⁵⁹ См.: Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 462—463.

⁶⁰ Протоколы Конференции, т. II, стр. 355—356.

⁶¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 527, л. 115.

⁶² См.: Д. А. Толстой. Академическая гимназия в XVIII в. Приложение к т. LI «Записок имп. Академии наук», № 2, СПб., 1885, стр. 18.

теля чистописания, — «шрейбмейстера» Шенинга. Танцам обучали приходящие учителя Кадетского корпуса, а рисованию — учителя, обучавшие учеников Академии художеств. Латинский язык, арифметику и геометрию преподавали студенты Академического университета, получавшие за это прибавку сверх студенческого жалованья: Павел Веденский, Андреян Дубровский, Михаил Студинский, Игнатий Терентьев, Алексей Горланов, Назар Герасимов и Борис Волков. Состав учителей, по мнению Модераха, мог быть улучшен путем предварительного их экзамена в Академическом собрании и недопущения к преподаванию студентов Академического университета. Однако основную причину малоуспеваемости и надзора за ними со стороны родителей, тративших на свои хозяйственные нужды деньги, предназначенные для стипендиатов. На этом основании Модерах предлагал устроить для стипендиатов интернат при Гимназии. Главный же недостаток Гимназии, по мысли Модераха, «заключался в смешении детей из порядочных семейств с сыновьями людей низших сословий, отчего лица высшего сословия избегают отдавать в Гимназию своих сыновей».⁶³ В заключение Модерах указывал на необходимость издания устава Гимназии, в котором были бы определены обязанности инспектора, преподавателей и учеников, распределены предметы и часы преподавания и установлены учебные руководства.

Переустройство Академической гимназии Ломоносов начал с учреждения «российских классов», посвященных изучению русского языка и русской истории. Ломоносовские классы были введены уже в конце 1758 г.⁶⁴ Ломоносов заботился о подборе для них более сильного педагогического персонала, что видно из сохранившегося наброска штатного расписания Гимназии,⁶⁵ составленного в промежуток времени между 24 марта и 27 мая 1758 г., т. е. одновременно с гимназическим регламентом. В число учителей этих школ Ломоносов предлагал ввести двух адъюнктов — С. Я. Румовского и М. Софронова — учеников Леонарда Эйлера.⁶⁶ В последующие годы учителями «российских классов», особенно «верхнего», Ломоносов назначал наиболее способных студентов Академического университета, например Дмитрия Мокеева и Дмитрия Легкого. Большое внимание уделял Ломоносов и составу учителей латинских классов, подготовлявших гимназистов к университетским лекциям, которые читались по-латыни. Эти классы имели достойных учителей из русских адъюнктов, а именно Н. Н. Мотониса и Г. В. Козицкого, имена которых могли бы украсить историю всякого учебного заведения. В 1762—1764 гг. в математических клас-

⁶³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 141.

⁶⁴ Там же, № 470, л. 108 об.

⁶⁵ Там же, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 354.

⁶⁶ См.: Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 524.

сах преподавали произведенные Ломоносовым в учителя студенты Афанасий Горин и Петр Иноходцов (будущий академик).

Таким образом, вопреки мнению К.-Ф. Модераха, возражавшего против назначения гимназическими учителями студентов Академического университета, Ломоносов укомплектовал последними почти весь педагогический персонал, благодаря чему Академическая гимназия получила возможность обходиться своими «природными» учителями, не прибегая к приглашению иноземных, кроме учителей иностранных языков.⁶⁷

Чрезвычайно характерно, что, резко расходясь с Модерахом во взглядах, Ломоносов, ради соблюдения педагогической дисциплины в Гимназии, поддерживал его и требовал, чтобы все учителя и даже адъюнкты, преподававшие в Гимназии, как Мотонис и Козицкий, которых он высоко ценил и выдвигал впоследствии, подчинялись Модераху, указывая, «что господин профессор Модерах — Гимназии инспектор, следственно должен почитаем быть за главного в Гимназии, и во всем по его приказанию учащие должны чинить безотговорочное исполнение».⁶⁸ Высоко оценивая роль учителей, Ломоносов вместе с тем требовал от них строгого выполнения всех обязанностей, изложенных в составленном им регламенте Гимназии.⁶⁹ Наблюдение за своевременным приходом и уходом учителей, согласно определению Академической канцелярии от 6 марта 1757 г.,⁷⁰ было возложено на специального надзирателя, так называемого «педея»,⁷¹ из донесений которого инспектор обязан был составлять каждую неделю «репорт формой табели» для представления в Канцелярию. Во избежание пропуска

⁶⁷ См. составленное по этому же принципу, несомненно под прямым воздействием Ломоносова, расписание учебных занятий московских гимназий 1755 г.: «В гимназии дворян: по латинской школе учитель 1-го класса из студентов, 2-го класса учитель Барсов, 3-го класса ректор; теперь за ректора быть Поповскому. По российской школе 1-го и 2-го классов учителя могут быть из студентов; 3-го класса для красноречия и чистоты оный же Поповский. По школе первых оснований математики и наук 1-го класса учитель из студентов арифметики и геометрии, или взять из Инженерного корпуса. По французской школе 1-го класса учитель Ланж, 2-го класса учитель Лабом, ему также учить сокращение истории и географии. По немецкой школе 2-го класса учитель Михельсон, ему же учить рисовать. В гимназии разночинцев: по латинской школе 1-го класса учитель из студентов, 2-го класса учитель Яремский, 3-го класса учитель Поповский. По российской школе 1-го и 2-го класса учителя могут быть из студентов, 3-го класса для красноречия и чистоты оный же Поповский. По школе оснований математики и наук 1-го класса учитель из студентов арифметики и геометрии, или взять из Инженерного корпуса; 2-й класс сокращения философии приказать Поповскому; по французской школе 2-го класса учитель Де Буле, по немецкой школе 2-го класса учитель Лихтен» (см.: Страхов. Краткая история Академической гимназии, бывшей при имп. Московском университете. М., 1855, стр. 6—7).

⁶⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 529, л. 263.

⁶⁹ См.: Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 512—516, §§ 91—100.

⁷⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 527, л. 106.

⁷¹ Педелем с 1750 г. в Академической гимназии состоял Яков Гарнак, бывший парикмахерский подмастерье (там же, № 460, л. 499 об.).

занятий Канцелярия предписывала учителям, живущим за рекою, «во время опасного перехода при вскрытии реки и когда лед становится», пребывать на Васильевском острове, предупреждая, что в противном случае «сие от них в отговорку принято не будет, когда за таким их отлучением классы праздны останутся».⁷² Недельные репорты о приходах и выходах гимназических учителей Модерах начал подавать с 10 марта 1757 г.,⁷³ а когда прогулы учителей стали редким явлением, репорты были отменены. Студенты, не соответствовавшие званию гимназического наставника, отстранялись от должности. Так, например, в 1763 г. были уволены из Гимназии за непристойное поведение и пьянство три учителя — Павел Веденский, Семен Веденский и Осип Полидорский.⁷⁴ Этот факт, конечно, не дает никаких оснований для такого, явно тенденциозного, вывода, какой сделал Д. А. Толстой в своей книге об Академической гимназии, будто состав учителей вообще и состояние Гимназии при Ломоносове были неудовлетворительными.⁷⁵ О том же Павле Веденском сохранилась следующая характеристика К.-Ф. Модераха: «Павел Веденский обучает гимназических учеников геометрии весьма прилежно, для показания своего рачения, и в надежде, что в рассуждении того ему прибавлено будет жалованье, взял он на себя несколько часов лишних к обучению практике геометрической, о чем засвидетельствовал инспектор Модерах в собрании словесно».⁷⁶ Бестящая характеристика дана страсбургским профессором И.-Д. Шепфлином временно умершему в 1767 г. студенту Дмитрию Лсгкому, бывшему учителю верхнего «росийского класса».⁷⁷

Большой интерес представляют сохранившиеся в «Портфелях» Ломоносова собственноручно набросанные им списки учебных книг для Академической гимназии, позволяющие судить о преподавании того времени.⁷⁸ До передачи Гимназии в ведение Ломоносова академическое начальство держалось того убеждения, что назначенный учитель достаточно подготовлен к своему делу и имеет право учить по собственному усмотрению, вводя учебные руководства, какие он сочтет нужным. Ломоносов придерживался иного взгляда и считал нужным рекомендовать учебные пособия; характерно, что подобная установка еще при рассмотрении ломоносовского гимназического регламента в 1759 г. вызвала замечания профессора И.-А. Брауна. Он говорил: «При регламенте гимназическом предписания об образе учения (*über den Methodum docendi*) кажутся

⁷² ААН, ф. 3, оп. 1, № 468, л. 96.

⁷³ Там же, № 502, лл. 40—108.

⁷⁴ См.: Д. А. Толстой. Академическая гимназия в XVIII в., стр. 38.

⁷⁵ См.: там же, стр. 40.

⁷⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 131 об.

⁷⁷ См. стр. 167 настоящей книги.

⁷⁸ ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 33—34.

быть мне в некоторых местах очень строгими; надлежит оставить нечто и на смотрение и благоразумие учащего... ибо при образце учения не можно дать столь строгих предписаний, чтобы по усмотрению обстоятельств нельзя было чего отменить».⁷⁹

В латинских классах, в которых ученикам надлежало вполне свободно овладеть латынью, Ломоносов считал необходимым использовать следующие книги. В младшем классе рекомендовался учебник латинской грамматики, переведенный академическим переводчиком В. И. Лебедевым.⁸⁰ Эту грамматику Ломоносов предлагал и для московских гимназий, о чем он писал в 1755 г.: «В латинском первом классе употреблять „Латинскую грамматику“ с российским переводом, при Академии наук печатанную (которую для московских гимназий с надлежащим исправлением вторым тиснением издать можно)».⁸¹ Так как указанная грамматика быстро распродавалась, то в случае отсутствия ее в Книжной лавке Ломоносов предусматривал возможность использовать «латинскую грамматику или краткое извлечение из большой латинской Маркской грамматики», изданной в 1739 г. в Марбурге.⁸² В старших классах Ломоносов предлагал более трудное для изучения руководство, известное ему еще по Московской славяно-греко-латинской академии — латинскую грамматику Эммануэла Альвара.⁸³ Кроме того, при изучении латинского языка Ломоносов рекомендовал популярную в то время книгу «Школьные разговоры на российский, немецком, французском и латинском языках», изданную в Петербурге в 1738 г. и переиздававшуюся затем не раз.⁸⁴ Эта же книга указана в ломоносовских проектах регламента московских гимназий 1755 г. и регламента Академической гимназии 1758 г.⁸⁵ Полезным учебным пособием при изучении латинского языка Ломоносов считал также известную в то время книгу Эразма Роттердамского — «Адагии, или Полнейшее собрание всех пословиц, поговорок, сравнений, бывших в употреблении у греков, латинян, евреев, арабов»,⁸⁶ указав ее в своих гимназических регла-

⁷⁹ Цит. по кн.: Биллярский, стр. 411—412.

⁸⁰ Сокращение грамматики латинской, в пользу учащегося латинскому языку российского юношества, переведено чрез Василья Лебедева, переводчика при Академии наук. В Санкт-Петербурге при имп. Академии наук. 1746.

⁸¹ Регламент московских гимназий, § 51 (Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 458).

⁸² *Compendium grammaticae Latinae oder Kurz-Auszug aus der grossen lateinischen Grammatica Marchica*. Marburg, 1739.

⁸³ E. Alvari. *De institutione grammatica liber tres*. Эта книга вышла первым изданием в Лиссабоне в 1526 г. и неоднократно переиздавалась в полном и сокращенном виде.

⁸⁴ *Colloquia scholastica. Schul-Gesprache. Dialogues*. Gedruckt bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften, St.-Petersburg, 1738.

⁸⁵ Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 458, 493, 495.

⁸⁶ Erasmus. *Adagia, di est proverbiorum, paroemiarum et parabolarum omnium, quae apud graecos, latinos, hebraeos, arabas etc. in usu fuerunt, collectio absolutissima...* Lipsiae, 1696.

ментах.⁸⁷ Помимо учебных руководств, Ломоносов предлагал приобрести большое количество словарей — «вокабуляриев».

Заслуживает внимания предложенный Ломоносовым в гимназическом регламенте метод начального преподавания латинского языка: «Латинские вокабулы должны изучаться двояким способом, во-первых, по разделам, связанным с теми или иными вопросами, и, во-вторых, по алфавиту первообразных слов».⁸⁸ На средней ступени обучения латинскому языку предусматривалось продолжать изучение грамматики и читать Цицероновы письма и «Жития Славных генералов» Корнелия Непота;⁸⁹ в высшем классе — «толковать» речи Цицерона и читать римских историков Тацита, Тита Ливия и Курция Руфа, которые, по мнению Ломоносова, дали образцы повествовательного и описательного жанра,⁹⁰ а из поэтов-классиков переводить Вергилия и Горация.⁹¹

В классах «первых оснований нужнейших наук» Ломоносов рекомендовал следующие учебники: «Руководство к математической и физической географии с употреблением земного глобуса и ландкарт 1739 года» Г.-В. Крафта, в русском переводе И. И. Голубцова, и книгу «Краткая политическая география для пояснения малого, изданного на русском языке атласа, составленного при импер. Академии наук, 1745 год».⁹² По книге Крафта Ломоносов сам занимался со студентами в 1742 г., будучи еще адъюнктом Академии. По всеобщей истории Ломоносов предлагал учебник немецкого историка Готлоба Кранца, изданный для употребления во вратиславских гимназиях.⁹³ Для прохождения математики указывалось руководство Христиана Вольфа — «Извлечение из начальных оснований всех математических наук, составленное для удобнейшего пользования начинающих» (1752 г.), а для обучения логике, метафизике и практической философии — книга Л. Ф. Тьюмнга «Основание Волфианской философии» (1725 г.), представлявшая

⁸⁷ Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 458, 494.

⁸⁸ То же говорится в регламенте московских гимназий: «Вокабулы латинские учить двояким способом — первое, натуральным порядком по свойству разных материй, второе, по алфавиту речения первообразные или коренные» (там же, стр. 458).

⁸⁹ Это сочинение пользовалось в свое время большой известностью и было переведено на русский язык: Жития славных генералов, в пользу юношества с латинского языка переведено Васильем Лебедевым, Академии наук переводчиком, в Санкт-Петербурге при имп. Академии наук, 1748.

⁹⁰ Об этом говорится и в ломоносовской «Риторике» (см.: Ломоносов, ПСС, т. 7, стр. 347).

⁹¹ Очевидно, по выбору Ломоносова его ученик Н. Н. Поповский перевел «Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам», напечатанное при Академии наук в 1753 г.

⁹² В регламенте московских гимназий рекомендована география немецкого педагога Гильмара Кураса (см. § 54).

⁹³ Г. Кранц. Сжатое изложение гражданской истории от сотворения мира до конца XVII века. Вратислава, 1709.

собой сокращенное элементарное изложение основных дисциплин, в том числе и экспериментальной физики.

Намечая широкую программу образования, Ломоносов считал вместе с тем, что основой его, фундаментом обучения учащихся является изучение родного языка и знание его должно быть совершенным. Обучать «русской» грамоте и письму он советовал обыкновенным старинным способом, предлагая в качестве учебных пособий элементарную азбуку, часослов, псалтырь и свою «Русскую грамматику», которую обязан был иметь каждый ученик. На уроках письма он требовал применять хорошие русские прописи.⁹⁴ Характерно, что при обучении гимназистов русскому литературному языку Ломоносов считал необходимым обогащать словарный состав чтением древних церковных книг, с одной стороны, и изучением текстов римских прозаиков и поэтов, с другой стороны. В качестве образцов он рекомендовал лучшие главы из Корнелия Непота, Курция Руфа и Сенеки.⁹⁵ Во втором русском классе он предлагал переводить русскими стихами лучшие эпиграммы Марциала и басни из «Метаморфоз» Овидия;⁹⁶ поскольку образцы таких стихотворных переводов имелись в написанном им «Кратком руководстве к красноречию», можно предполагать, что в «русских классах» пользовались данной книгой. Для этих же классов Ломоносовым рекомендовались руководство немецкого пастора И.-Ф. Бурга — «Элементы красноречия из древних и новых авторов», изданное в 1736 г. для вратиславских гимназий,⁹⁷ и учебное пособие французского филолога и поэта, преподавателя «изящных муз» в Прусском университете, Поля Алера — «Ступень к Парнасу, или Новая сокровищница синонимов, эпитетов и поэтических фраз», изданное в Лейпциге в 1749 г.⁹⁸

Для изучения немецкого языка Ломоносов советовал грамматику немецкого филолога И.-К. Готшеда⁹⁹ и немецко-латинский лексикон К.-Э. Штейнбаха,¹⁰⁰ знакомый ему со студенческих лет. Придавая большую ценность этому словарю, Ломоносов предложил в ноябре 1757 г. инспектору К.-Ф. Модераху «сделать для Гимназии лексиконец первообразных немецких слов, выписав из Штейн-

⁹⁴ До Ломоносова в Академической гимназии на уроках чистописания применялись только немецкие прописи. О введении русских прописей Ломоносов впервые говорит в регламенте московских гимназий: «...потом учить писать по предписанному доброму великороссийскому почерку» (§ 48; Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 457).

⁹⁵ Ср. с §§ 49—50 регламента московских гимназий (там же, стр. 458).

⁹⁶ Ср. с § 53 регламента московских гимназий (там же, стр. 459).

⁹⁷ J.-F. Burg, *Elementa oratoria ex antiquis atque recentioribus ... in usum gymnasiorum Wratislaviensium*. Wratislaviae, 1736.

⁹⁸ P. Aler, *Gradus ad Parnassum, sive novus sunonymorum, epithetarum et phrasium poeticarum thesaurus*. Lipsiae, 1749.

⁹⁹ J. Ch. Gottsched, *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*. Leipzig, 1749.

¹⁰⁰ Ch. E. Steinbach, *Vollständiges deutsches Wörterbuch, vel Lexicon germanico-latinum, cum praefationibus et auctoris et Johannis Ulrici Koenig, tit. I—II*. Bresslau, 1734.

бахова лексикона и присовокупив российский лексикон».¹⁰¹ Кроме того, при изучении немецкого языка Ломоносов рекомендовал пользоваться, как и при изучении латыни, «Школьными разговорами» с русским переводом,¹⁰² а для чтения — произведениями И. Л. Мозгейма,¹⁰³ поэтов Ф.-Л. Каница¹⁰⁴ и И.-Х. Гюнтера.¹⁰⁵ По французскому языку предлагалась грамматика известного французского филолога Пеплие¹⁰⁶ и для чтения — произведения французских классиков: Мольера, Расина и Вольтера.

Не останавливаясь на остальных книгах, рекомендованных Ломоносовым «для порядочного обучения академических гимназистов», можно сказать, что рассмотренные перечни в целом включали наилучшие из известных тогда учебных руководств. Некоторые из названных книг употреблялись в Академической гимназии и раньше, но большинство вводилось Ломоносовым впервые. Есть полное основание утверждать, что, составляя списки учебных руководств для Гимназии, Ломоносов просматривал свою библиотеку, поскольку в сохранившихся списках последней значится большое число рекомендованных им книг.¹⁰⁷

Ломоносов ввел в Гимназии ежегодные экзамены, которые производились на основании § 55 его гимназического регламента¹⁰⁸ дважды в году: зимой, в последние дни декабря, и летом в исходе июня, незадолго до каникул, каждый раз по особому распоряжению о том со стороны Ломоносова.¹⁰⁹ Если по каким-либо причинам экзамены не были произведены в июне, они переносились на сентябрь. Хотя распоряжение о ежегодных экзаменах давалось и до Ломоносова «главным командиром» Академии И.-А. Корфом в 1735 г., и президентом К. Г. Разумовским во временной инструкции об Университете и Гимназии в 1750 г., однако это распоряжение не выполнялось, что констатировал и Ломоносов: «... не бывали строгие экзамены настоящим образом и в установленное

¹⁰¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 527, л. 375. См.: Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 474.

¹⁰² Кроме упоминавшихся выше «Школьных разговоров» на четырех языках, Ломоносов рекомендовал книгу французского филолога Матюрена Кордые на французском языке — «Пять книг школьных собеседований», изданную во Вратиславе в 1699 г.

¹⁰³ Мозгейм Иоганн-Лоренц (1693—1755) — немецкий богослов, славился красноречием.

¹⁰⁴ Des Freyherrn von Canitz Cedichte... ausfertiget von Johann Ulrich König. Leipzig und Berlin, 1727.

¹⁰⁵ Sammlung von Johann Christians Günthers, aus Schlesien, bis anhero edirten deutschen und lateinischen Cedichten... Bresslau und Leipzig, 1735.

¹⁰⁶ *Per l'ier. Nouvelle et parfaite grammaire royale françoise.* Berlin, 1701.

¹⁰⁷ ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 279, 297—301.

¹⁰⁸ Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 499.

¹⁰⁹ Распоряжение это делалось в такой форме: «По указу е. и. в. Канцелярии Академии наук приказали верхнего латинского класса гимназистов с будущего сентября месяца экзаменовывать, и о том к господам профессорам и ад. юнктам послать ордеры, а по экзамене, что окажется, в Канцелярию репортовать. Михайло Ломоносов» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 80).

время».¹¹⁰ Согласно 57-му параграфу ломоносовского регламента переводные экзамены в низших и средних классах производились в присутствии инспектора и ректора Гимназии, а выпускные — в присутствии одного из членов Канцелярии и специально назначенных для этого профессоров Университета, а также инспектора и ректора Гимназии. Перед экзаменом учитель класса представлял экзаменаторам список учеников с указанием времени вступления в класс, прилежания, успехов и поведения каждого из них. В этом списке прежде всех вносились имена казеннокоштных учеников, потом сверхкомплектных и, наконец, своекоштных. Результаты экзаменов записывались в особый экзаменационный табель. Лучшие ученики за успехи и за благонравие награждались книгами. Своекостные ученики могли в любое время оставить Гимназию и получить у своих учителей характеристику, на основании которой Академическая канцелярия составляла надлежащий аттестат, выдававшийся просителю или его родственнику под расписку. Если своекоштные ученики обнаруживали особые способности или склонности к учению, то Ломоносов предлагал «применить все надлежащие меры к тому, чтобы склонить их и родителей к дальнейшему усовершенствованию их в науках».¹¹¹

Ломоносов был абсолютно прав, утверждая, что «в правление Шумахерова в тридцать лет не произошло ни единого человека в студенты».¹¹² Состоявшийся 18 марта 1754 г. в Академическом собрании по его настоянию экзамен восьмерым ученикам Гимназии, переведенным в Университет по единоличному распоряжению И.-Д. Шумахера, показал, как об этом уже говорилось выше,¹¹³ что эти ученики не были подготовлены к слушанию университетских лекций и что им следовало еще позаниматься некоторое время в Гимназии. Нельзя также считать произведенными из гимназистов в студенты товарищей Ломоносова по Московской славяно-греко-латинской академии, которых и сам «командир» Академии наук И.-А. Корф и Сенат называли московскими студентами,¹¹⁴ ни С. К. Котельникова и А. П. Протасова, которые хотя и числились в течение одного года академическими гимназистами, однако не проходили гимназического курса и обучались только риторике и логике.¹¹⁵ Таким образом, действительно, ни один гимназист не был произведен в студенты до Ломоносова. Между тем за недолгое время, когда Университетом и Гимназией руководил Ломоносов (1760—1765 гг.), в студенты были произведены 24 питомца преобразованной им Академической гимназии, что иллюстрируется нижеприведенной таблицей:

¹¹⁰ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 42.

¹¹¹ См. § 66 ломоносовского регламента Академической гимназии.

¹¹² Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 296.

¹¹³ См. главу II настоящей работы, стр. 39.

¹¹⁴ См.: Материалы, т. III, стр. 677—678.

¹¹⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 79, л. 189.

**Производство гимназистов в студенты Академического
университета при Ломоносове**

№№ п.п.	Фамилия, имя	Дата представления			Архивный шифр			
		год	месяц	число	ф.	оп.	№	л.
1	Васильев Федор	1760	январь	19	3	1	471	24
2	Горин Афанасий							
3	Иванов Гур							
4	Легкой Дмитрий							
5	Лепехин Иван							
6	Матвеев Василий							
7	Мокеев Дмитрий							
8	Петровский Иван							
9	Стрежнев Николай							
10	Федотьев Василий							
11	Иноходцов Петр	1760	август	8	3	1	827	32
12	Луковников Андрей							
13	Степанов Петр							
14	Шпынев Герасим							
15	Кузнецов Степан	1761	декабрь	24	3	1	827	73
16	Миллер Иван							
17	Щукин Степан							
18	Юдин Иван	1763	сентябрь	4	3	1	474	236
19	Антонов Семен							
20	Голощеков Архип							
21	Светов Василий	1764	декабрь	23	3	1	827	135
22	Венедиктов Василий							
23	Телегин Авраам							
24	Рихман Вильгельм	1764	август	26	3	1	827	121

Выпускные гимназисты экзаменовались университетскими профессорами И.-А. Брауном, Н. И. Поповым и К.-Ф. Модерахом, адъюнктами Н. Н. Мотонисом и Г. В. Козицким.¹¹⁶ Определение о производстве их в студенты давалось на подпись президенту.

Выпускные экзамены в ломоносовской Академической гимназии не походили на экзамены в Кадетском корпусе, где подвизались антогонисты Ломоносова — профессора Г.-Ф. Миллер и Ф.-У.-Т. Эпинус, не желавшие читать лекции в Академическом университете.¹¹⁷ В Архиве Академии наук СССР сохранилось интересное распоряжение Эпинуса от 15 апреля 1764 г. — отобрать пять наилучших в знании кадет и приготовить их так, чтобы они могли «исправно отвечать» на все вопросы. Если в ломоносовской гимназии награждались лучшие воспитанники, отличавшиеся успехами, хорошим поведением, то в Шляхетном кадетском корпусе,

¹¹⁶ Там же, № 471, л. 24.

¹¹⁷ См. ниже, стр. 110 настоящей работы.

как свидетельствует сохранившаяся копия с подлинного приказа по Кадетскому корпусу от 1 июля того же 1764 г., производились в чины и те, «которые к наукам никакого рачения и прилежности не имели и в подаваемых репортах неоднократно ленивыми показывались».¹¹⁸

Еще больший размах приобрели организационные мероприятия Ломоносова, направленные к улучшению учебной деятельности Академического университета. Они также были встречены с большим недоброжелательством. С 1754 по 1757 г. лекции студентам читал один профессор И.-А. Браун; в 1757 г. к чтению лекций было привлечено восемь профессоров, однако двое из них — профессор анатомии А. Каау-Бургав и прибывший из Берлина в Петербург профессор физики Ф.-У.-Т. Эпинус не пожелали читать лекций, заявив, что они «до утверждения из Канцелярии нового лекциям порядка ходить не будут».¹¹⁹ Уклонился от чтения лекций и прибывший в Петербург профессор механики И.-Э. Цейгер, которому Ломоносов счел полезным поручить ведение практических занятий по экспериментальной физике.¹²⁰ Весьма отрицательно отразилось на возобновившихся занятиях поведение К.-Ф. Модераха, надзиравшего над студентами. Он предложил внести ряд поправок в утвержденный президентом учебный план: уменьшить число предметов, воспретить студентам посещать лекции, недоступные их пониманию, не допускать их на практические занятия профессора И.-Х. Гебенштрейта в Ботаническом саду, чтобы они, «заблудившись по дороге, вместо аудиторий, временно не заходили бы куда».¹²¹ Не дожидаясь решения Канцелярии на свое представление, Модерах стал претворять свои решения в жизнь, запретив, как выяснилось из опроса студентов, ходить им на все лекции, кроме лекций профессора И.-А. Брауна и С. Я. Румовского.¹²² Сорванные занятия летнего семестра 1757 г. были проведены в зимнее время, был издан печатный каталог лекций, исправленный Ломоносовым,¹²³ профессорам разослали ордера, которыми подтверждалось распоряжение президента о чтении лекций, а Модераху было приказано наблюдать за тем, чтобы студенты ходили на лекции всех перечисленных лекторов, что он и выполнил, взяв с желающих слушать лекции расписки.¹²⁴

¹¹⁸ ААН, р. IV, оп. 1, № 324, л. 27 об. Вот начало упомянутого приказа: «Хотя по учиненному экзамену и найдено, что большая часть кадет в знаниях наук весьма слабы и отдалены от того, чтоб отличность награждением заслужить, но дабы все после выпуска оставшиеся унтер-офицерские вакансии не были без помещения ... сделать произвождение по приложенному при сем расписанию» (там же, л. 27).

¹¹⁹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 29.

¹²⁰ Там же, № 468, л. 157.

¹²¹ Там же, № 220, л. 16.

¹²² Там же, л. 29 об.

¹²³ Там же, ф. 21, оп. 1, № 86.

¹²⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 37.

Систематическое чтение университетских лекций и публикаций каталогов их начались с 1760 г., после передачи Университета в единоличное ведение Ломоносова.¹²⁵ 17 мая 1759 г. Ломоносов выступил в Академическом собрании с предложением составить и напечатать каталог университетских лекций на предстоящий семестр, но Академическое собрание вынесло тогда весьма неопределенное решение: «Каталог может быть составлен, когда будет решено, кто из профессоров обязан читать лекции в Университете и какие науки должны они преподавать юношеству».¹²⁶

Стремясь подобрать для Университета, как и для Гимназии, возможно более сильный педагогический персонал, Ломоносов снова предлагал ввести в число лекторов Университета академика Ф.-У.-Т. Эпинуса, который по заключенному с ним в октябре 1756 г. контракту был определен на должность профессора экспериментальной физики.¹²⁷ Однако Эпинус заявил, что он «к гому не обязан», так как не получает за преподавание особого вознаграждения и может дать согласие читать лекции, если будут приняты четыре его условия: «1) Чтоб упражняться мне в сем труде до тех пор, пока я похочу, и всегда б вольно было мне отказаться от оногo, когда я пожелаю. 2) Дать мне таких студентов, о которых доподлинно известно, что мой труд при наставлении их не тщатен будет. 3) Дано б было мне на волю назначить способное к сим лекциям время, и напоследок. 4) Чтоб студенты ходили ко мне на дом, ибо невозможно от меня требовать, чтоб я для весьма неприятного мне труда тратил деньги, чтоб я держал для того одного лошадей и коляску или б в ненастную погоду ходил в аудиторию».¹²⁸ Профессор ботаники И.-Х. Гебенштрейт заявил, что не будет читать лекций, «пока не переедет в квартиру при Ботаническом саде».¹²⁹ Ввиду такого явно недобросовестного отношения указанных иностранных профессоров к своим обязанностям Ломоносов решил обеспечить Университет собственными кадрами, хотя и считал, что приглашение известных иностранных ученых, особенно в первые годы существования Университета, могло бы сыграть положительную роль.

Выдвижение молодых русских ученых встречало сопротивление реакционной профессуры, поддерживаемой высшей академической администрацией. В 1760 г. не получил звания профессора медицины и анатомии защитивший за границей диссертацию и удостоенный в Страсбургском университете степени доктора А. П. Протасов. Он был утвержден экстраординарным профессором только 3 ноября 1763 г. по настоянию Ломоносова, о чем последний пи-

¹²⁵ Этот указ Ломоносов хранил в своем «Портфеле служебных бумаг» (там же, ф. 20, оп. 1, № 1, л. 286).

¹²⁶ Протоколы Конференции, т. II, стр. 426—427.

¹²⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 700, л. 184.

¹²⁸ Протоколы Конференции, т. II, стр. 430—431.

¹²⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 220, лл. 31—32.

шет сам в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии: «... и если бы Ломоносов не ускорил, отнесши дело на дом президенту для подписания, то бы, конечно, Протасов и по спору был бы адъюнктом».¹³⁰ Не получил в 1760 г. звания профессора красноречия и философии и Г. В. Козицкий, оставивший в 1762 г. академическую службу.¹³¹ Особенный протест вызвал подписанный Ломоносовым 22 февраля 1760 г. контракт о зачислении на академическую службу на должность профессора «российских прав» обер-аудитора Адмиралтейств-коллегии Г.-Ф. Федоровича, имевшего положительный отзыв от академика И.-А. Брауна, в котором указывалось, что Федорович, как сведущий юрист-теоретик, владеющий русским языком и практически знакомый с русским правом, вполне способен преподавать этот предмет.¹³² Должность профессора общих прав, предусмотренная университетским штатом 1760 г., осталась незамещенной,¹³³ так как конференц-секретарь Г.-Ф. Миллер не счел нужным сообщить Академическому собранию полученный им указ Канцелярии от 21 февраля 1760 г., подписанный Ломоносовым и предлагавший академикам наметить кандидата на эту должность.

Вследствие того, что в Академическом собрании обсуждение вопроса о каталоге университетских лекций на предстоящий семестр 1760 г. не возобновлялось, а члены Академической канцелярии И. И. Тауберт и Я. Я. Штелин с 14 февраля того же года отказались подписывать дела, относящиеся к Университету и Гимназии, доверенные президентом одному Ломоносову, последний решил этот вопрос единолично, составив расписание и разослав всем названным в нем профессорам ордера за своей подписью с предписанием о чтении установленных лекций. Ломоносов придавал большое значение составлению учебных планов по каждой дисциплине и считал большим достижением издание печатных каталогов лекций, «как в университетах водится».¹³⁴

Ломоносовские каталоги лекций были обнаружены мною в Архиве Академии наук СССР в делах Университета и Гимназии за 1760—1765 гг. Не отыскан лишь каталог университетских лекций за 1764 г.¹³⁵ Эти учебные планы, которые Ломоносов печатал отдельными листками, наподобие афиш, приводятся ниже.

¹³⁰ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 299.

¹³¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 279, л. 50. 26 января 1767 г. Козицкий, занявший к этому времени высокое положение при дворе, был избран почетным членом Академии наук (Протоколы Конференции, т. II, стр. 591).

¹³² Там же, стр. 436—437.

¹³³ Профессор юриспруденции Ф.-Г. Штрубе де Пирмонт был уволен от академической службы 12 сентября 1757 г. (см.: Пекарский, I, стр. 686).

¹³⁴ ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 58 об.

¹³⁵ См.: Е. Кулябко. Ломоносов и учебные планы Академического университета. «Ломоносов», сборник статей и материалов, т. III, М.—Л., 1951, стр. 357—363.

ИСТОРИЯ И ДРЕВНОСТИ

(Профессор И.-Э. Фишер)

- 1760 г. «Поутру в девятом часу станет толковать Цицероновы избранные речи».
- 1761 г. «По вторникам, средам, четверткам и пятницам по утрам в одиннадцатом часу изъяснять будет Цицероновы речи, а по окончании сего станет толковать Плинию натуральную историю».
- 1762 г. «Будет изъяснять Горация о стихотворстве и прочие оного письма и сатиры сочиненные о стихотворстве и стихотворцах, по понедельникам, вторникам, четверткам и пятницам с 10-го по 12-тый час поутру».
- 1763 г. «По окончании Горациевых сатир и писем, изъяснять будет Вергилиевы книги о земледелии, в обыкновенные дни и часы».

ФИЛОСОФИЯ И ФИЗИКА

(Профессор И.-А. Браун)

- 1760 г. «Поутру в десятом часу Вольфову философию по сокращению Тиммигову».
- 1761 г. «По понедельникам, вторникам, четверткам и пятницам поутру в десятом часу будет показывать и изъяснять физические опыты, оканчивая метафизические лекции».
- 1762 г. «По окончании экспериментальной физики приступит к чтению натуральной философии и будет преподавать по понедельникам, вторникам, четверткам и пятницам, по утрам с 9-го по 11-тый час».
- 1763 г. «По окончании философии натуральной философию экспериментальную вновь изъяснять будет, присовокупивши упражнения в прении, поутру в 10 часу».

ВЫСШАЯ МАТЕМАТИКА

(Профессор С. К. Котельников)

- 1760 г. «Курс высшей математики по Вольфовым первым основаниям».
- 1761 г. «По понедельникам, вторникам, четверткам и пятницам в третьем часу будет давать наставления всей математики по сокращениям Вольфовых первых оснований».
- 1762 г. «Будет показывать алгебру, по окончании которой станет изъяснять дифференциальные и интегральные выкладки, показав наперед в высшую геометрию краткое руководство, между тем будет задавать своим слушателям вопросы решить разные по понедельникам, вторникам, четверткам и пятницам в третьем часу пополудни».
- 1763 г. «Будет преподавать наставление во всех математических науках по Вольфову сокращению первоначальных оснований и притом показывать употребление алгебры в чистой и прикладной математике по понедельникам, вторникам, четверткам и пяткам в 3 часу пополудни».

¹³⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 825, лл. 66, 74; № 826, л. 257. Учебные планы для наглядности расположены мною по отдельным дисциплинам.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

(Профессор Г.-Ф. Федорович)

- 1761 г. «По понедельникам, вторникам, четверткам и субботам пополудни в пятом часу историю о правах и первые их основания изъяснять будет».
- 1762 г. «По окончании европейского университетского права, начав преподавать начала гражданской юриспруденции и по изъяснении права собственного и требовательного, происходящего от дозволенного обязательства, наконец будет изъяснять гражданское право».
- 1763 г. «В изъяснении Струвиевой юриспруденции римско-немецкой, даже до Тит. X книги второй дошед, как скоро оную кончит, толковать будет пандекты по Людовикову предводительству».

ХИМИЯ

(Профессор И.-Г. Леман)

- 1762 г. «Будет преподавать своим слушателям химические лекции, показывая при том нужнейшие опыты по средам и субботам с 2 по 4 пополудни».
- 1763 г. «Химические лекции продолжать будет, присовокупляя, как по сне время делал, ко всякой главе нужнейшие опыты, по средам и субботам с 2 по 3 час пополудни».

АНАТОМИЯ

(Адъюнкт А. П. Протасов)

- 1761 г. «По понедельникам, вторникам и средам, поутру в девятом часу показывать станет анатомию, начав от остеологии или строения костей человеческого тела, а потом и следующие части оныя науки».
- 1762 г. «Учить будет, начиная от остеологии. По окончании оныя показывать будет в удобное время и прочие той науки части по обыкновению других университетов по средам и субботам пополудни в 4-м часу».

КРАСНОРЕЧИЕ

(Адъюнкт Г. В. Козицкий)

- 1760 г. «Показывать будет риторические правила и чистоту латинского штиля».
- 1761 г. «По понедельникам, вторникам, четверткам и пятницам пополудни в четвертом часу первые основания риторики будет показывать по Ернестову латинскому оных сочинению, с упражнением в латинском штиле, при том станет изъяснять Горациевы оды».
- 1762 г. «Слушавшим начала Риторики будет показывать упражнения в стиле по книге Иоанна Шефера, продолжая между тем читать Горациевы оды».
- 1763 г. «Показывать будет начала риторические по книге, сочиненной Ернестом, тем, кои еще оных не слушали, присовокупляя упражнения в слоге, по средам и субботам в 11 часу поутру».

АСТРОНОМИЯ

(Профессор Н. И. Попов)

- 1763 г. «Предлагать будет своим слушателям астрономию геометрическую и физическую по понедельникам и пятницам, пополудни в 5 и 6 часу, а при ясном небе явления небесные на астрономической обсерватории наблюдать учить будет».

Университетские лекции по учебным планам Ломоносова предназначались для студентов трех факультетов — философского, юридического и медицинского. После самовольного занятия Таубертом в ноябре 1757 г. аудитории в академическом здании «на другое дело»,¹³⁷ кафедра была перенесена в арендованное подворье Троице-Сергиевой лавры на углу 15-й линии Васильевского острова и набережной Большой Невы, где помещалась Гимназия. В этом помещении для чтения лекций студентам по распоряжению Ломоносова был отведен «особый покой», лекции же по анатомии читались на «Боновом дворе», как называли академический дом между 1-й и 2-й линиями, где жил до 1757 г. Ломоносов.¹³⁸

Чтение лекций по физике Ломоносов поручил И.-А. Брауну после того, как от преподавания в Университете отказался профессор Эпинус. Последнему предлагалось отдать Брауну все необходимые для опытов физические приборы и инструменты по описи. Говоря об Эпинусе, Ломоносов писал: «... называл тогда скучною работою читать студентам физические лекции, как видно, по наущению, чтобы Университету сделать в исправлении препятствие».¹³⁹ Получив в начале 1760 г. от профессора И.-Э. Фишера уведомление о болезни, Ломоносов, во избежание перерыва в лекциях, разрешил ему заниматься со студентами у себя на дому. Лекции по химии возобновились в Университете после большого перерыва. В Академическом собрании 28 мая 1760 г.,¹⁴⁰ в качестве кандидата на должность профессора химии был выдвинут И.-Г. Леман, но он прибыл в Петербург только в июле 1761 г.

В Петербургский университет присылались студенты Московского университета, который в первые годы своего существования был еще беден профессорами и там не была еще замещена кафедра русского права,¹⁴¹ в то время как в Петербургском университете лекции по этому предмету уже читались. Так, 19 октября 1760 г. И. И. Шувалов направил сюда студентов Якова Манжоса, Тимофея Гагарина, Ивана Смирнова, Григория Крупеникова и Федора Дьякова.¹⁴² Вторая партия московских студентов, дворян, обучав-

¹³⁷ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 293.

¹³⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 54. Аксонометрический план участка этого двора воспроизведен в кн.: «Ломоносов», сборник статей и материалов, т. III, М.—Л., 1951, между стр. 334—335.

¹³⁹ Цит. по кн.: Биллярский, стр. 494.

¹⁴⁰ Протоколы Конференции, т. II, стр. 451.

¹⁴¹ См.: Н. А. Пенчко. Основание Московского университета. М., 1952, стр. 103—104.

¹⁴² ААН, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 42. Я. Манжос и Г. Г. Крупеников, состоя студентами, были одновременно с 1757 г. и учителями Московской университетской гимназии (Н. В. Сушков. Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского благородного пансиона и дружеского общества. 1858, стр. 5). Крупеников был назначен впоследствии членом Канцелярии Московского университета и заведовал сверхкомплектными учениками и пансионом для них (Русская старина, 1897, № 7, стр. 114). Т. Гагарин был направлен 18 марта

шихся в Кенигсберге, прибыла в Академию в декабре 1762 г. и была зачислена на академическую службу переводчиками. Сенат говорил о необходимости поощрять их «к дальнейшему учению», в соответствии с чем Ломоносов предлагал им «ходить на университетские лекции, какие кто изберет из имеющихся паки начаться с наступающего 1763 года», однако прибывшие студенты не захотели углублять свои научные знания и вскоре ушли из Академии.¹⁴³

Таким образом, благодаря энергии Ломоносова в Академическом университете удалось организовать чтение главных курсов. Несомненно, что все пустовавшие кафедры Академического университета заполнились бы новыми кадрами русских профессоров (как это имело место в Московском университете),¹⁴⁴ если бы он не был ликвидирован вскоре после смерти Ломоносова.

Для студентов и одновременно для гимназистов Ломоносов добился нового, упрощенного порядка выдачи учебных книг. По общему правилу заведующий Книжной лавкой Академии наук комиссар С. В. Зборомирский не имел права выдавать безденежно ни одной книги без специального разрешения Академической канцелярии. С мая 1761 г. из этого правила для студентов было сделано исключение: комиссару Зборомирскому, хранившему русские книги, и бухгалтеру С. Прейсеру, ведавшему иностранными книгами, было разрешено выдавать со склада и выписывать из-за границы «на иностранных языках заморской печати книги» по требованию инспектора Университета и Гимназии без особого каждый раз разрешения Канцелярии.¹⁴⁵

Экзамены в Академическом университете, как и в Гимназии, производились дважды в год, с особого представления о том со стороны Ломоносова; к нему же поступали все сведения от экзаменаторов для репорта президенту об итогах испытаний. «За прилежное обучение и за добрые поступки» студенты награждались шпагами «с медными вызолоченными эфесами, с портупьями лосиными и пряжками медными».¹⁴⁶

Налаженная Ломоносовым организация преподавания в академических Университете и Гимназии поддерживалась назначенным

1762 г. в Сенат для определения на военную службу. Об И. Смирнове и Ф. Дьякове не отыскано сведений.

¹⁴³ Николай Бухвостов, Степан Доможиров, Панкрат Яковлевич Полонский и братья Иван и Николай Ширинские-Шихматовы (ААН, ф. 20, оп. 3, № 114, л. 2).

¹⁴⁴ Первыми профессорами из воспитанников Московского университета, продолжателями дела Ломоносова были: Д. С. Аничков, магистр философии, получивший кафедру в 1765 г.; С. Г. Забелин, профессор химии и практической медицины с 1765 г.; С. Е. Десницкий, профессор русского права с 1767 г.; И. А. Третьяков, профессор юриспруденции с 1767 г.; И. И. Афонин, профессор натуральной истории с 1770 г. и др. (см.: История Московского университета. М., 1955, стр. 40—41).

¹⁴⁵ См.: Материалы, т. X, стр. 513—614.

¹⁴⁶ Там же, т. X, стр. 259.

в 1761 г. на должность инспектора профессором С. К. Котельниковым. Назначение последнего на место К.-Ф. Модераха было предложено Ломоносовым и встретило возражения И. И. Тауберта и Я. Я. Штелина. Ссылаясь на отсутствие К. Г. Разумовского, который в инструкции 20 февраля 1760 г. предписывал никого не увольнять и не назначать без его предварительного разрешения, Тауберт и Штелин решили оставить Модераха при исполнении инспекторских обязанностей и «накрепко подтвердить, чтобы он порученную ему должность исправлял со всяким радением, как ему сначала предписано».¹⁴⁷ Ломоносов вынужден был подчиниться этому решению, однако через несколько недель, не дождавшись разрешения Разумовского, своею властью уволил Модераха от академической службы на основании жалоб академических студентов на невыполнение им распоряжения об улучшении их питания.¹⁴⁸ Увольнение Модераха и назначение Котельникова Разумовский утвердил только 28 июня 1761 г., при этом из текста ордера президента, составленного, очевидно, Г. Н. Тепловым, находившимся в то время при Разумовском в г. Батурлине, можно было заключить, что полномочия Ломоносова по учебной части не следует считать неограниченными и что Тауберту и Штелину не мешает контролировать «сторонами», т. е. негласным образом, педагогическую деятельность Ломоносова и осведомлять о ней президента.¹⁴⁹

Наряду с организацией учебной части Гимназии и Университета Ломоносов заботился об улучшении жилищных и бытовых условий гимназистов и студентов. Об этом говорят его представления от 6 июня 1757 г. и от 23 мая 1760 г. и постройке нового академического здания на лугу против Коллегий.¹⁵⁰ Самый проект и выбор места мотивировались, между прочим, тем, что проживание учащихся «по разным местам у своих родителей и свойственников» имело чрезвычайно вредные для них последствия, а «профессоры университетские для чтения лекций принуждены из квартир своих ходить через нарочитое расстояние, а особливо осенью и весною, в ненастные дни не без чувствительной трудности».¹⁵¹ Кроме того, Троицкое подворье на углу 15-й линии Васильевского острова и набережной Большой Невы, где с 1756 г. помещался Университет и Гимназия, было чрезвычайно ветхим и требовало ежегодно ремонта. Все же представленный Академией проект с «примерными планами» и сметными расчетами не получил утверждения Сената, вероятно вследствие крупной по тогдашним условиям суммы требующихся ассигнований. Весной 1764 г. под

¹⁴⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 472, л. 60.

¹⁴⁸ Там же, № 260, лл. 183, 184.

¹⁴⁹ См.: Билярский, стр. 330—331.

¹⁵⁰ См.: Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 195—198, 216—218.

¹⁵¹ Там же, стр. 216.

Университет и Гимназию был приобретен дом баронов Строгановых, расположенный близ Академии на Тучковой набережной.¹⁵² Однако Тауберт, воспользовавшись болезнью Ломоносова, предназначил этот дом под Типографию и Книжную лавку, а также под квартиры служителей Кунсткамеры и помещения для рисовальных учеников. Лишь благодаря большой настойчивости Ломоносова и убедительности приведенных им «резоннов» президент отменил свое прежнее решение и отдал Строгановский дом под Университет и Гимназию, переезд в который состоялся только 1 ноября 1765 г.¹⁵³

Ломоносов осуществил и такую крупную реформу учебной жизни Гимназии и Университета, как перевод казеннокоштных гимназистов и студентов с денежного на натуральное довольствие, и, кроме того, они стали жить в академическом общежитии. В Гимназии эта реформа была введена в действие с 1 января 1759 г.,¹⁵⁴ в Университете позже — 15 сентября 1760 г.¹⁵⁵ Ходатайство о соответствующих ассигнованиях Ломоносов возбудил в середине 1758 г. Он просил 1800 руб. на организацию общежития и на «довольствование» 60 казеннокоштных гимназистов, из расчета по 30 руб. в год на каждого. Однако президент не утвердил указанное число гимназистов и ассигновал в год всего две трети испрашиваемой суммы, т. е. 1200 руб. Ассигнованные деньги должны были отпускаться либо из бюджетных сумм Академии, либо из так называемых «книжных» сумм, которыми распоряжался Тауберт. Последний пользовался этим, чтобы помешать Ломоносову наладить финансовое положение вверенных ему учебных заведений, и выдавал деньги в неопределенные сроки, устанавливая размер выдач по своему усмотрению. Вследствие этого, в денежном хозяйстве учрежденного общежития происходили большие перебои, что наглядно иллюстрируется записями сохранившихся приходо-расходных книг:¹⁵⁶

1758 г.	августа	20	отпущено	400	руб.
»	»	ноября	26	800	»
1759 г.	апреля	3	»	100	»
»	»	мая	10	100	»
»	»	июня	14	500	»
»	»	декабря	10	509	»

¹⁵² ААН, ф. 3, оп. 1, № 534, лл. 99—126.

¹⁵³ В определении Академической канцелярии об этом записано: «Из дому Свято-Троицкой Сергиевой лавры как студентов, так и находящихся там гимназистов, кроме назначенных к выпуску с их классами, перевести в оный Строгановский дом, и расположить студентов в среднем, а гимназистов в нижнем апартаментах, а классы во флигеле» (там же, № 476, л. 404).

¹⁵⁴ Там же, № 470, лл. 108 об.—109.

¹⁵⁵ Там же, № 827, л. 36.

¹⁵⁶ Там же, № 1542.

Ломоносов потратил чрезвычайно много энергии на оборудование помещения для гимназического общежития, на закупку для него инвентаря, на заготовку дров и продовольствия.¹⁵⁷

Сохранившиеся перечни гимназических обедов и ужинов свидетельствуют о той большой заботе, какую проявлял Ломоносов о питании учащихся, помня, очевидно, свои школьные годы, когда он получал «один алтын в день жалованья», на которое «нельзя было иметь на пропитание в день больше, как на денежку хлеба и на денежку квасу», ибо остальное шло на бумагу, на обувь и на другие нужды.¹⁵⁸ И в то самое время, когда стоило огромного труда добиться отпуска скромных средств для Академической гимназии, — содержание организованного по инициативе Тауберта «Воспитательного института Разумовского», в котором обучалось только шесть учеников (три графа Разумовских, сыновья Г. Н. Теплова, Олсуфьева и Козлова), обходилось ежегодно около 10 000 руб.¹⁵⁹ На содержание 30 студентов Академического университета было предусмотрено 3000 руб. в год, получение которых также полностью зависело от Тауберта. Лишь с июня 1761 г. Ломоносову удалось добиться, чтобы сумма, ассигнованная для Университета и Гимназии, была отделена от денежных средств Академии и передана в полное его распоряжение.¹⁶⁰

24 июля 1762 г. Ломоносов подал президенту «челобитную» об отставке.¹⁶¹ Его прошение являлось открытым протестом против пренебрежения к передовым русским ученым со стороны нового екатерининского правительства, поощрявшего зато «чиновников от науки», вроде Тауберта. Последний вскоре после дворцового переворота 28 июня 1762 г. был произведен в чин статского советника. Ободренный повышением по службе Тауберт, воспользовавшись болезнью Ломоносова,¹⁶² не позволявшей ему присутствовать в Академической канцелярии, 25 июля добился постановления о решении всех дел без его подписи. В августе того же года, когда Ломоносов был еще болен, Тауберт послал в Академическое собрание указ, предписывая произвести с 23 августа по 13 сентября ис-

¹⁵⁷ Там же, лл. 1—5, 7.

¹⁵⁸ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 479.

¹⁵⁹ Для института Разумовского был нанят огромный меблированный дом на 10-й линии Васильевского острова, наполненный прислугой. Для воспитанников содержались гувернер — бывший французский лакей, и три учителя: «полученный иезуитский ученик из Вены», адъюнкт С. Я. Румовский и профессор А.-Л. Шлёцер, пользовавшиеся квартирой и столом. Хозяйство вел дворецкий, заказывавший самые дорогие и изысканные блюда. Во дворе постоянно стояли два запряженных экипажа — парадная карета для графов и коляска для учителей. (См.: Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлёцера, им самим описанная, стр. 109—111).

¹⁶⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, лл. 115—116.

¹⁶¹ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 560.

¹⁶² Ломоносов был болен более года — с февраля 1762 г. до первых чисел марта 1763 г.

пытание всех студентов, занимавших у профессора юриспруденции Г.-Ф. Федоровича, и сообщить о результате в Канцелярию.¹⁶³ Имеются неопровержимые документальные доказательства того, что этот экзамен был сделан со специальной целью опорочить педагогическую работу Федоровича, против назначения которого высказывался Г.-Ф. Миллер, считавший, что за отсутствием пособий по русскому праву нет надобности создавать такую кафедру.¹⁶⁴ Как свидетельствуют документы, руководивший экзаменом Миллер задавал некоторым студентам вопросы «будто для шутки», а иных и вовсе не спрашивал.¹⁶⁵ В результате испытания из двенадцати студентов только двое удостоились хорошего отзыва. Обстановка, в которой происходил экзамен, произвела тяжелое впечатление не только на студентов, но и на некоторых профессоров, поэтому в начале декабря того же года, когда здоровье Ломоносова стало восстанавливаться, он назначил повторное «экзаменованье студентов в Университете», на котором оценка студенческих успехов оказалась несравненно более высокой, чем на испытаниях в августе—сентябре.¹⁶⁶

Указ об отставке Ломоносова, подписанный Екатериной II 2 мая 1763 г., был, как известно, отменен ею 13 мая 1763 г.,¹⁶⁷ но Ломоносов появился в Академической канцелярии только 7 августа того же года. В период его отсутствия Тауберт предпринял новую попытку изъять из его рук и подчинить себе учебную часть Академии. 10 июля 1763 г. С. К. Котельникову был послан за подписью секретаря Канцелярии М. М. Гурьева запрос, кому он репортует о состоянии Университета и Гимназии и «о распорядках в оных департаментах от кого поведения принимает».¹⁶⁸ Котельников ответил, что репортовал Ломоносову и что «распорядки учреждены и имеют свое течение».¹⁶⁹ 22 июня Тауберт написал Котельникову, тоже неофициально, что если Ломоносов «продолжает смотрение над Университетом и Гимназией», то Котельников может ему репортовать и принимать от него повеления, однако должен об этом «письменно отозваться в Канцелярию, яко в главную комнату». «Но ежели он, Ломоносов, в дирекцию над Университетом и Гимназиею никаким образом не вступается, — прибавлял Тауберт, — а вы, не взирая на то, не репортуете Канцелярию, то чрез то подвергаете себя впредь ответу».¹⁷⁰ Котельников, который, очевидно, сообщил Ломоносову о запросах Тауберта, 24 июля 1763 г. послал в Канцелярию следующее официальное

¹⁶³ ААН, ф. 1, оп. 2-1762, № 8.

¹⁶⁴ Там же, ф. 21, оп. 1, № 99, л. 13.

¹⁶⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, № 826, л. 64.

¹⁶⁶ Там же, № 827, лл. 66—69.

¹⁶⁷ «Ломоносов», сборник статей и материалов, т. III, стр. 401.

¹⁶⁸ ААН, ф. 3, оп. 9, № 30, л. 13.

¹⁶⁹ Там же, р. V, оп. 1, № 51, л. 3.

¹⁷⁰ Там же, ф. 3, оп. 9, № 30, л. 6.

Всочиненіи М. В. Ломоносова
Августа 1755
Г. Фр. Миллера

Речь

Глаголющая о наипаче философии
Министр Вукич Момосовский и университет
Климадий ректоромъ и Юноша Поповским

Взирая на толико в наше собраніе =
достопынные слышаггелк, на чаше благо
родного рваносттв со тросвщеник Девниелъ
Фашева радьма; състтвствю я я гевъ нѣко =
тторвю особляквю радосттв к тросщрение
и охоттнвшелъ ттонесенію тросвщениа
мною ттвѣра с несамнбнною надеждою
Успѣха. Надежду мою Утщверждаггтв
ваша с тросвщнвшимъ намбрениелъ и
Угреденія сева Унѣвркттвѣтга согласная
охотта, поттвора грезъ благосимонное ва
ше ттнвосттшѣ дошло на себя мнѣдылае.
Редосттв тросвщодиттв до мнѣ мнѣвщад
наѣ ттвѣа ттрокдонггтк дѣя ттросстранившелъ

Речь, произнесенная Н. Н. Поповским при открытии Московского университета, с поправками М. В. Ломоносова (1755).
Архив Академии наук СССР.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
 ПУБЛИЧНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ
 НА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1766 ГОДА,
 НАЧНУТСЯ 7 ЯНВАРЯ.

UNIVERSITATIS PETROPOLITANAE
 LECTIONES PVBLICAE
 Per Prius Semestre ANNI MDCCLXVI.
 Incipient Januarii VII.

1.
ИВАНЪ ФИШЕРЪ, Профессоръ Исторіи и Древностей по Понедѣльникамъ, Вторникамъ, Четвергамъ и Пятницамъ съ 11 часа до полудни буденъ въспинаетъ Цивилеровъ Ораторскія разсужденія и его же Речи.

1.
IOANNES EBERHARDVS FISCHER, Historiarum et Antiquitatum Professor P. O. praefecturus est M. Tullii Oraciones, eiusdemque peritioris Oratorias alternis Diebus Lunae, Martis, Iovis atque Veneris h. 10—12 ante meridiem.

2.
ИОСИФЪ АДАМЪ БРАВНЪ, Теоретической и Практической Философіи Профессоръ, окончивъ прошедшаго году введше по всю Философію, пакודה Логикъ и первую часть Метафизики, въ первые шесть мѣсяцевъ нынѣшняго году по Понедѣльникамъ, Вторникамъ и Четвергамъ, съ 9 по 11 часъ по утру преподавать буденъ прочія са часъ; а по пятницамъ въ пѣть часовъ Философскую Исторію. Метафизикъ поковать буденъ по употребленнымъ въсь къ сему повнѣ сокращеннымъ Тимонеевымъ философскимъ наставленіямъ, а Исторію Философскую по расположенію первоначальнымъ ея основаній Геннециусу, кои находятся въ переводѣ основаніяхъ его Логикъ и нравоучительной Философіи.

2.
JOSEPH. AD. BRAVNIUS, Philosophiae Theoreticae et Practicae Professor P. O. anno superiore praefectiois habitus in universon Eruditionis Systema, Philosophiam Rationalem et Primam; et per hoc semestere reliquis Metaphysicae partes explanabit die Lunae, Martis et Jovis; die Veneris autem Historiam Philosophicam explicabit. Fundamenti loco sunt subtratae Thummigii Institutiones Philosophiae in usus Academicos adornatae, hic receptae. Historia vero Philosophica ad ductum Elementorum Historiae Philosophicae Heinicci, praemissorum eius Elementis Philosophiae Rationalis et Moralis, tradetur. Hor. 8—10. ante meridiem.

3.
НВКІТА ПОПОВЪ, Навоградъ Свѣтннхъ и Астронومیи Профессоръ, по Вторникамъ и Четвергамъ въ 5 часу по полудни преподавать буденъ на Россійскомъ языкѣ Математическую Географію по Крафтову къ онѣмъ рукописяву.

3.
NICETAS POPOV, Confiliaris Aulicus, Astronomiae Professor P. O. praefectus veraculo auditoribus suis Geographiam Mathematicam, doceat Kraftho bis per hebdomadem diebus Martis et Iovis Hor. 4—5. post meridiem.

4.
СЕМЕНЪ КОТЕЛНИКОВЪ, Профессоръ вышней Математики, по окончаніи первыхъ основаній Механики, продолжать буденъ по порядку и прочія практической Математики часъ, по снѣ Илостративу, Изразку и Оптику, по Понедѣльникамъ, сердамъ и пятницамъ по полудни съ 5 часа до 7.

4.
SYMEON KOTELNICOV, Professor Matheseos Sublimioris, absolutis Elementis Mechanicis, reliquis quoque partibus Matheseos applicatae continuabit, Hydrostaticam scilicet, Hydraulicam et Opticam diebus Lunae, Mercurii et Veneris Hor. 4—6. post meridiem.

5.
ГЕОРГЪ ФРИДРИХЪ ФЕДОРОВИЧЪ, Профессоръ Юриспруденціи, по Понедѣльникамъ и Вторникамъ въ 3 часу, а по Четвергамъ съ 3 до 5 часа по полудни, показывать буденъ Евстадія Описанія пераваго основанія къ повнѣно Политическаго состоянія Европскихъ государствъ. Сверхъ того по Понедѣльникамъ и Вторникамъ въ 4 часу, а по пятницамъ съ 3 до 5 часа по полудни обучать буденъ Студентовъ шпалаго Нѣмецкаго языка.

5.
GEORGIVS FRIDERICVS FEDOROWICZ, Professor Juris, explicabit primas lines Notitias Rerum publicarum Eustadii Ottonis diebus Lunae et Martis Hor. 2—3. Die Iovis autem Hora 2—4. Praeterea exercebit Studiosos in filio Germanico diebus Lunae et Martis, Hor. 3—4. Veneris autem Hora. 2—4.

6.
АЛЕКСѢЙ ПРОТАСОВЪ, Медицинскимъ Докладомъ и Анатоміи Профессоръ, по предложеніи генеральнаго понатія о сложеніи человѣческаго шпала, съ показаніемъ абъ кадѣвъ, елика онѣй къ тому времени приваучится, самикъ часъ, по среднѣмъ и суботамъ, съ 10 до 12 часа предъ полуднемъ преподавать буденъ на Россійскомъ языкѣ Анатомію, начиная съ Осестологии; по окончаніи которой показывать спаненіи къ удобное время и прочія часъ Анатоміи. Кромѣ того въ шѣ же дни съ 3 до 5 часа по полудни обучать буденъ Студентовъ исправности въ шпалѣ Россійскаго языка.

6.
ALEXIVS PROTASOV, Med. Doctur et Professor Anatomiae Extraordinarius, praemissa introductione in cognitionem Fabricae corporis humani, iunctaque simul demonstratione partium eius in caduere, si hoc praesto fuerit ad id tempus, diebus Mercurii et Saturni ab h. 9—11. ante meridiem Anatomem docebit ordinando ab Othologia. Hac finita sequentem Demonstrationem Anatomiarum patrio tempore idoneo, et quidem omnia haec, patrio sermone persequetur, vt eo ipso facultas detur audiendi eius lectiones etiam omnibus igraris linguae latinae: post meridiem vero iisdem diebus ab Hor. 2—4. Studiosos Universitatis exercebit in excolendo filio patrii sermone.

7.
ПОА БО, учитель Французскаго языка, обучать буденъ онѣмъ Студентомъ по Вторникамъ и Четвергамъ въ 6 часу по полудни.

7.
 Linguae Gallicae Lector Polzeus docebit studiosos linguam Gallicam diebus Martis et Iovis Hor. 5—6.

Последнее расписание лекцій Академическаго университета на первый семестр 1766 г.

Архив Академии наук СССР.

извещение: «Репортую о состоянии Университета и Гимназии г. коллежского советника Михаила Васильевича Ломоносова и от него приказы принимаю. Его высокородие мне объявил, что дирекцию Университета и Гимназии оставить не намерен и еще по сие время действительно продолжает».¹⁷¹

С мая 1764 г. до последних месяцев своей жизни Ломоносов по предписанию президента работал над проектом нового устава Академии наук.¹⁷² До нас дошло несколько документов, относящихся к задуманной им реформе Академии. В них высказан ряд мнений о дальнейшем улучшении деятельности академических Университета и Гимназии. В таблице академических штатов Ломоносов предусматривал 80 гимназистов и 40 студентов-стипендиатов,¹⁷³ а также 14 преподавателей.¹⁷⁴ Заслуживает внимания новая мысль, что «во избежание ненужного размножения должностей, для уменьшения расходов, для повышения жалованья академиком и ради поощрения в ученых ревности к занятиям» следует выбирать и утверждать университетских профессоров из числа академиков; из числа всех академиков должен ежегодно избираться ректор Университета и назначаться инспектор Гимназии, которых за особые труды «следует почитать более значительным повышением жалованья».¹⁷⁵ «Прочие деньги, назначенные для Академии, — писал Ломоносов, — следует употреблять на экстраординарные расходы, например на наем жилищ, в которых обучающие академики могли бы с удобством жить по соседству с Университетом».¹⁷⁶

Ломоносов снова возбудил вопрос о предоставлении учащим и учащимся Университета прав на чинопроизводство,¹⁷⁷ о чем он писал и в 1755 г. в записке о состоянии учебных заведений в Академии наук: «В других государствах, несмотря на их множество, ниже на то, что большая часть не из дворянства, производят профессоров в советники правительства, в статские и тайные, и сверх того в знатное дворянство, то есть в бароны».¹⁷⁸ Стремление поставить университетских преподавателей по возможности выше на лестнице государственной службы вытекало из взгляда Ломоносова на науки и просвещение, как на одно из оснований государственного благополучия, что требовало со стороны государственной власти «почтения» к наукам. «Умножение чести академических профессоров умножает наук почтение», — говорил Ломоносов в отпра-

¹⁷¹ Там же, л. 13 об. Котельников не был осведомлен о производстве Ломоносова 2 мая 1763 г. в чин статского советника.

¹⁷² См. ордер К. Г. Разумовского от 21 мая 1764 г. (там же, оп. 1, № 475, л. 131).

¹⁷³ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 129.

¹⁷⁴ Там же, стр. 126.

¹⁷⁵ Там же, стр. 123.

¹⁷⁶ Там же, стр. 132.

¹⁷⁷ Там же, стр. 129.

¹⁷⁸ Там же, стр. 53.

ленном президенту «Проекте привилегий Академии». В то же время в «поощрении наук» посредством распространения на ученых государственной службы Ломоносов видел одно из средств привлечений в Университет дворянской молодежи. Особенно примечателен восьмой параграф проекта, на основании которого «разночинцам», окончившим Университет, предоставлялось право на чины наравне с дворянами.¹⁷⁹ Для летнего отдыха и научной работы Ломоносов предполагал пожаловать Академии с Университетом особую мызу, по примеру Кадетского корпуса.¹⁸⁰ Он снова настаивал на инаугурации Университета и на предоставлении ему привилегий, в том числе права производить «всех достойных студентов в ученые градусы по примеру европейскому».¹⁸¹ Заботясь о широком распространении наук в отечестве, Ломоносов предусматривал в проекте нового устава Академии устройство регулярных заграничных командировок и содержание всегда «за морем» на академической сумме десяти «природных российских студентов».¹⁸²

Желая претворить в жизнь свою идею, Ломоносов представил 2 июня 1764 г. к заграничной командировке семь выпускных студентов: Дмитрия Легкого, Герасима Шпынева, Афанасия Горина, Петра Иноходцова, Степана Щукина, Ивана Юдина и Степана Кузнецова, предложив, чтобы знания их были проверены в Академическом собрании.¹⁸³ Поступившие от профессоров отзывы указывали, что представленные Ломоносовым студенты оправдывают его рекомендацию.¹⁸⁴ Президент одобрил предложение Ломоносова о заграничной командировке студентов, но Тауберт дополнил его требованием, чтобы командируемые за границу студенты учились там «под надзором и руководством» А.-Л. Шлёцера, на что Ломоносов ответил 15 октября 1764 г., что не верит Шлёцеру «ниже волоса студентского».¹⁸⁵ Вопрос о заграничной командировке студентов был отложен вследствие болезни Ломоносова, но даже во время болезни он просил, чтобы к нему прислали на дом «копии с переведенных профессорских аттестатов о студентах, посылаемых в чужие края».¹⁸⁶ Академия командировала студентов за границу уже после смерти Ломоносова. По распоряжению И. И. Тауберта в отборе студентов участвовал Шлёцер, которому,

¹⁷⁹ Там же, стр. 163. Эту же мысль Ломоносов высказывал в составленной им речи на инаугурацию Университета: «...снабдить обещывает благородством неблагородных и тем отворить вход к благополучию дарованиям природным» (ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 34).

¹⁸⁰ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 162.

¹⁸¹ Там же, стр. 162—163.

¹⁸² Эта часть устава до нас не дошла, но о необходимости включения данного пункта в устав Ломоносов говорит в своем представлении об отправке академических студентов за границу (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 184).

¹⁸³ Там же, ф. 3, оп. 1, № 282, л. 271.

¹⁸⁴ Там же, № 826, л. 368.

¹⁸⁵ Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 431.

¹⁸⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 285, л. 185.

вопреки воле Ломоносова, было поручено руководить ими за границей.¹⁸⁷ Из семи намеченных Ломоносовым студентов были командированы только двое: П. Б. Иноходцов и И. Юдин.¹⁸⁸ Кроме них, были выбраны для изучения исторических наук произведенные Ломоносовым в августе и декабре 1764 г. студенты В. П. Светов и В. Венедиктов.¹⁸⁹ Д. Д. Легкой уехал за границу еще при жизни Ломоносова в декабре 1764 г. на правах гувернера детей К. Г. Разумовского и поступил в Страсбургский университет на общих основаниях со своими товарищами; там он и умер три года спустя.¹⁹⁰

После смерти Ломоносова учебные заведения Академии наук перешли в ведение И. И. Тауберта, который предпринял полную их реорганизацию. Вместе с ним в этом деле принимал участие ярый противник Ломоносова А.-Л. Шлёцер, называвший себя «таубертианцем» и «тайным советником» Тауберта. После смерти Ломоносова Шлёцер писал: «На его место в Канцелярии никого не назначили, а потому Тауберт остался один ее директором, т. е. действительным правителем всей Академии; и мне, его тайному советнику, при этом новом *statu rerum* тоже не было дурно».¹⁹¹ Тауберт решил перестроить академические учебные заведения так, чтобы они отвечали политике императрицы Екатерины II в области просвещения.

Основные вопросы политики просвещения Екатерины II были разработаны в утвержденном ею 12 марта 1764 г.¹⁹² «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола потомства». В основу «Генерального учреждения» была положена мысль, из которой исходили все будущие учебные реформы второй половины XVIII в.: «украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает» и «корень всему злу и добру воспитание».¹⁹³ Мысль о преимущественном значении нравственного воспитания сравнительно с научным образованием была последовательно проведена в уставах новых и преобразованных заведений: воспитательного училища при Академии художеств, Сухопутного шляхетного корпуса и др. По этому же принципу Тауберт преобразовал Академическую гимназию. Из обучавшихся в ней 48 учеников было выбрано 30 лучших, «как в рассуждении нравов, так и способности к наукам», а осталь-

¹⁸⁷ Протоколы Конференции, т. II, стр. 538.

¹⁸⁸ Там же, стр. 540.

¹⁸⁹ См.: Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлёцера, им самим описанная, стр. 326.

¹⁹⁰ Протоколы Конференции, т. II, стр. 530, 626.

¹⁹¹ Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлёцера, им самим описанная, стр. 227, 273.

¹⁹² С. В. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX вв., т. I. СПб., 1912, стр. 332; ААН, ф. 3, оп. 1, № 1022, лл. 35—36.

¹⁹³ См.: С. В. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX вв., т. I. СПб., 1912, стр. 332.

ные «отрешены, а отчасти распределены к художествам». Наряду с этим было предписано «набрать вновь и содержать, на основании закона воспитательного училища при Академии художеств, тридцать человек молодых ребят, возрастом пяти и шести, а отнюдь не свыше семи лет, которых принимать как из бедных дворян, буде пожелают, так и из разночинцев».¹⁹⁴ От родителей и родственников, отдававших в Гимназию детей, бралась подписка о том, что они отказываются от них.

Отделение малолетних, в котором Тауберт предполагал найти надежный рассадник для Академической гимназии в будущем, не оправдало себя. Ученики, порученные смотрительницам, так называемым «мамамам», приглашенным по газетным объявлениям, не только не успевали в языках, но не научились даже хорошо писать.¹⁹⁵ Когда Екатерине II донесли, что Тауберт завел самовольно при Гимназии пансион для малолетних детей в целях «исправления худого состояния Гимназии и Университета», императрица велела спросить, по какому праву он это сделал. Тауберт ответил, что следовал примеру Академии художеств, т. е. И. И. Бецкого. Тогда она на его записке написала, что «одобрение Тауберта не есть закон», а произвол.¹⁹⁶

Все же отделение малолетних осталось при Академической гимназии во все царствование Екатерины II. 30 взрослых гимназистов из ломоносовской Гимназии, среди которых находились Василий Зуев — солдатский сын, Василий Крашенинников — сын академика С. П. Крашенинникова, Михаил Головин — племянник Ломоносова, Фридрих Рихман — младший сын академика Г.-В. Рихмана и другие, продолжали свое обучение под надзором С. К. Котельникова.¹⁹⁷ Состав учителей вначале был прежним: математику преподавал П. Б. Иноходцов, русский язык и чистописание — Иван Прытков, немецкий язык — Яков Кожик, латынь — Михаил Студинский и Назар Герасимов, являвшийся одновременно конректором Гимназии.

Реорганизация старших классов Академической гимназии началась с 1766 г. В январе этого года был отстранен от должности С. К. Котельников под предлогом предстоявшей ему научной командировки, а инспектором Гимназии назначен друг Шлёцера Л. Бакмейстер.¹⁹⁸ По докладной записке последнего, представленной 31 августа 1766 г. в Академическую канцелярию,¹⁹⁹ можно

¹⁹⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 476, л. 164 об.

¹⁹⁵ Там же, № 302, л. 47.

¹⁹⁶ См.: Д. А. Толстой. Академическая гимназия в XVIII в., стр. 50.

¹⁹⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 476, л. 406.

¹⁹⁸ Бакмейстер прибыл в Петербург в марте 1762 г. по приглашению Шлёцера и был устроен гувернером в богатой семье Кондоиди (см.: Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлёцера, им самим описанная, стр. 81, 251).

¹⁹⁹ Опубликована в кн.: Д. А. Толстой. Академическая гимназия в XVIII в., стр. 112—113.

заклЮчить, что Гимназия находилась еще в хорошем состоянии. Кроме 30 стипендиатов, в ней училось еще 58 приходящих учеников. Так как они были различны по возрасту и обучались разным предметам, как «вольные» ученики, смотря по будущему их предназначению, Бакмейстер просил увеличить число учителей и прибавить им жалованье или дать казенные квартиры вблизи Гимназии; но эта просьба не была удовлетворена. Вместо Герасимова конректором Гимназии в 1766 г. стал приехавший из Германии и рекомендованный Шлёцером историк И.-Г. Стриттер.²⁰⁰ В том же году без всяких оснований был уволен, как «излишний», учитель латинского языка Михаил Студинский.²⁰¹ 10 февраля 1767 г. поступило новое распоряжение «для лучшего распорядка учения в Академической гимназии быть главным инспектором г. профессору Фишеру».²⁰² Так Академическая гимназия снова перешла в ведение уволенного в 1750 г. от заведования ею профессора истории и древностей, которому исполнилось уже 70 лет. Меры, принятые Фишером для наведения порядка в Гимназии, не только не упорядочили, а еще более расстроили ее: каждому надзирателю было предоставлено право налагать наказание на учеников, их секли розгами и выдерживали по нескольку дней за «штрафным столом» на хлебе и воде. В октябре того же 1767 г. в виде протеста гимназисты Тихон Шпилевский и Василий Замараев подожгли Гимназию.²⁰³ По резолюции директора Академии В. Г. Орлова указанные гимназисты и их сообщники были исключены из Гимназии, но от управления ею был освобожден и Фишер.

В 1770 г. для лучших учеников старшего класса, объявивших, что они желают «посвятить себя единственно наукам», Бакмейстер предложил ввести преподавание на латинском или немецком языке математики, натуральной истории с химией и физики».²⁰⁴ С первого взгляда это новшество напоминало устройство ломоносовского высшего латинского или «ректорского» класса, но в действительности здесь было существенное различие. Высший латинский класс Ломоносова давал общее понятие о науках и являлся переходной ступенью к философскому общеобразовательному факультету, по окончании последнего начиналась специализация студентов; «отборным» же гимназистам при Бакмейстере дозволялось слушать не все объявленные предметы, а выбирать какой-нибудь один из них и специализироваться по избранному предмету

²⁰⁰ Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлёцера, им самим описанная, стр. 375.

²⁰¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 308, л. 366.

²⁰² Там же, № 537, лл. 64 об.—65. С Фишером Шлёцер познакомился в 1762—1765 гг. и выражал ему всегда горячее участие при его столкновениях с Ломоносовым (см.: Пекарский, т. I, стр. 630).

²⁰³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 308, л. 366.

²⁰⁴ Там же, № 318, лл. 14—16. Расписание лекций см.: там же, № 325, лл. 86—87.

у определенного профессора. Таких гимназистов, направляемых на специальные занятия той или иной наукой, называли «элевами» и в знак их отличного перед прочими гимназистами положения, а также для поощрения их к большим успехам давали шпаги, какие носили при Ломоносове студенты Академического университета. Неполная, введенная в старших классах Гимназии программа университетского курса не давала настоящих научных знаний, и пожалованных элевов для довершения образования отправляли в заграничные университеты; что имело как хорошую, так и дурную сторону, подрывая окончательно опустевший Академический университет. Вместе с тем страдало и преподавание в других классах, ибо гимназический инспектор занимался гораздо больше высшим классом, в котором учились немногие ученики.

В 1777 г. при директоре Академии С. Г. Домашневе Академическая гимназия была поручена ученику Ломоносова — академику И. И. Лепехину. В протоколе Академической комиссии от 16 декабря 1777 г. написано: «По способности и усердию господина академика Лепехина препоручаю ему смотрение над Гимназиею, надеясь твердо, что она его рачением выйдет из сего жалостного и развратного состояния, в каковом она находится. По текущим надобностям имеет он подавать записки в Комиссию, а в каких-либо новых учреждениях требует непосредственно от меня наставления».²⁰⁵ Обнаруженная мною в гимназических делах 1777 г. копия ломоносовского регламента московских гимназий²⁰⁶ дает основание предполагать, что Лепехин, приступая к исполнению возложенных на него обязанностей, счел необходимым ознакомиться прежде всего с педагогическими взглядами своего учителя. Лепехин чрезвычайно добросовестно относился к порученному ему делу. Как и Ломоносов, он вникал в нужды и потребности учащихся и содействовал научным успехам своих учеников. В своих репортах, подаваемых на имя директора Академии наук С. Г. Домашнева, он указывал на недостаточное число гимназистов, принимаемых на казенное содержание, и добивался увеличения средств на нужды Гимназии. Он наблюдал за приезжими учителями и за постановкой преподавания. Имеются сведения, что для упражнения гимназистов в переводах на иностранные языки и для упражнения в стилистике Лепехин выписывал сочинения М. В. Ломоносова.²⁰⁷ Характеристика Лепехина, как инспектора Гимназии, дана его учеником — академиком А. Ф. Севастьяновым. По его признанию, он не мог вспомнить «без искреннего благоговения» своего учителя, сумевшего поселить «в нежных сердцах искреннее к себе почтение, привязанность и любовь, и вечную благодарность в тех,

²⁰⁵ Там же, р. V, оп. Л-20, № 16, л. 1.

²⁰⁶ Е. С. Кулябко. Ломоносовский регламент московских гимназий. Вестник Академии наук СССР, 1955, № 5, стр. 58.

²⁰⁷ См.: Сухомлинов, вып. II, стр. 471.

кто имел счастье обучаться в Гимназии академической во время его над оною смотрением». ²⁰⁸ Однако чрезвычайно тяжелые условия работы и полное равнодушие начальства к Академической гимназии вынудили Лепехина сложить с себя обязанности по управлению последней. ²⁰⁹ Академическая гимназия дожила до нового регламента Академии наук 1803 г., в соответствии с которым был создан институт «академических воспитанников», избираемых из числа отличнейших университетских студентов и учеников гимназий для приготовления к академической службе.

Поскольку Академия должна была теперь набирать себе «воспитанников» из разных университетов и гимназий, то существование Академической гимназии как специального рассадника таких воспитанников потеряло смысл, и в 1805 г. она была упразднена. ²¹⁰

Академический университет прекратил свое существование вскоре после смерти Ломоносова. 25 ноября 1765 г. Тауберт выступил в «чрезвычайном университетском собрании» с предложением ввести в Университете «иной распорядок, соответствующий намерению Академии». ²¹¹ В связи с этим состоявшие на казенном содержании академические студенты стали подавать заявления с просьбой об отчислении их из Университета; в результате в нем осталось на казенном содержании всего лишь 5 человек. Для пополнения слушателей 20 декабря 1765 г. в студенты было произведено 5 гимназистов: Василий Костыгов, Андрей Водопьянов, Никита Легкой, Андрей Каргополов и Иван Гурьев. ²¹² План университетских занятий на первую половину 1766 г. составил И. И. Тауберт, исходя из наличного состава профессоров, которые взяли на себя чтение лекций. Это был сложившийся при Ломоносове преподавательский состав: профессора И.-А. Браун, С. К. Котельников, Г.-Ф. Федорович, А. П. Протасов и Н. И. Попов. Федоровичу, сверх исторических лекций, было предложено два дня в неделю по два часа заниматься со студентами еще немецким языком, а Протасову, кроме своих лекций, преподавать «российский штиль» и технику переводов. Для изучения французского языка был привлечен академический переводчик Поало. ²¹³ В ноябре 1765 г. взамен уволенного от инспекторской должности профессора С. К. Котельникова надзор за студентами был поручен другу А.-Л. Шлёцера и антагонисту Ломоносова профессору С. Я. Румовскому. ²¹⁴

²⁰⁸ Там же, стр. 247.

²⁰⁹ См. собственноручное прошение И. И. Лепехина с просьбой об увольнении его от должности инспектора Академической гимназии и дело о его увольнении: ААН, р. V, оп. Л-20, № 24.

²¹⁰ Там же, ф. 4, оп. 2, 1805, кн. 2, № 70.

²¹¹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 476, л. 435.

²¹² Там же, л. 466.

²¹³ Там же, ф. 21, оп. 7, № 116.

²¹⁴ Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлёцера, им самим описанная, стр. 110.

Тот и другой приложили все усилия, чтобы помешать продвижению ломоносовских учеников и не допускать их к научной работе.

В этом отношении чрезвычайно показательным делом, возбужденное Румовским против студента Степана Щукина. 27 марта 1766 г. Румовский подал репорт в Академическую канцелярию с требованием наложить строгое взыскание или исключить из числа студентов Степана Щукина, которого он видел якобы пьяным. И. И. Тауберт поручил рассмотреть это дело ректору Университета И.-А. Брауну в профессорском собрании. Собрание состоялось 31 марта под председательством Брауна в составе профессоров Попова, Котельникова, Федоровича и Протасова. Румовский не считал нужным явиться, сославшись на недомогание. Ознакомившись с делом и с показаниями Щукина, профессорское собрание вынесло решение, что студент Щукин не мог быть изобличен в предъявленном ему обвинении, и выразило мнение, «что нельзя применить наказание к упомянутому студенту, который до сих пор показал всем профессорам свое усердие и успехи в науках».²¹⁵ И. И. Тауберт не согласился с решением собрания и расценил мнение профессоров, как «покровительство» худых студенческих поступков и как обиду, нанесенную Румовскому, «старающемуся о чести Академии». Мнение профессорского собрания было возвращено профессору Брауну, а Румовскому послано единоличное распоряжение Тауберта: посадить Щукина на сутки в карцер и не выпускать его в течение месяца из университетского дома.²¹⁶

Не менее показательна судьба двух других ломоносовских учеников — Светова и Венедиктова, порученных А.-Л. Шлёцеру, о которых директор Академии В. Г. Орлов вспомнил только через год после их возвращения из Геттингена.²¹⁷ Несмотря на их блестящие успехи «в естественном праве, географии, истории, статистики, политике и дипломатике» и знанию латинского, греческого, немецкого и французского языков, что было установлено на испытании 17 ноября 1769 г., им поручили должность учителей в младших классах Гимназии²¹⁸ и только в 1770 г., после ухода Тауберта, их пожаловали чином переводчиков за труды, которыми они занимались в свободные от уроков часы.²¹⁹

С 1766 г. и до конца столетия мы не находим более в академических протоколах никаких распоряжений об Академическом университете. Академия наук стала считать своей задачей подготовку только академических кадров, а не всесторонне образованных людей, из которых, по мысли Ломоносова, должны были формиро-

²¹⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 296, л. 190.

²¹⁶ Там же, № 477, л. 130—130 об.

²¹⁷ Там же, № 297, лл. 368—369.

²¹⁸ Там же, № 322, л. 155.

²¹⁹ Там же, № 326, л. 273 об.

ваться интеллигентные люди по самым разнообразным практическим специальностям.

Идеи Ломоносова остались живы, носителями их были его ученики. Под знаком его идей они сосредоточили все свои научные усилия на удовлетворении самых насущных практических нужд родной страны. По-ломоносовски широко развернулась экспедиционная деятельность и было организовано глубокое изучение окраин и естественных ресурсов страны; был внесен достойный вклад в переводную литературу, способствовавший знакомству русских людей с иностранными научными, учебными и литературными сочинениями, а также с произведениями знаменитых писателей классической древности; был издан замечательный словарь Российской Академии, который Пушкин назвал «просвещенным трудом наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного».²²⁰

Влияние Ломоносова на формирование научных и общественно-политических идей питомцев Академического университета несомненно. Они стали истинными выразителями и защитниками национальных интересов русского народа и способствовали просвещению широких его слоев. Передовыми идеями Ломоносова определилось и все направление деятельности выращенных им русских ученых. Для них, как и для Ломоносова, родина и наука были неразрывными понятиями.

Дерзновенные мечты Ломоносова-просветителя сбылись в полной мере только в нашу великую эпоху. Для нашей страны настал наконец тот «золотой наукам век», когда доступ к науке стал широко открыт народу.

²²⁰ А. С. Пушкин. Евгений Онегин. СПб., 1825. Примечания, стр. 53.

**КРАТКИЕ БИОГРАФИИ СТУДЕНТОВ
АКАДЕМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(1747—1765 гг.)**

Аврамов (Абрамов) Илья Васильевич

Родился в 1736 г. в Москве. Сын сторожа Московского магистрата. С 1748 по 1754 г. учился в Академической гимназии, по окончании которой поступил в Академический университет. 10 апреля 1760 г. был переведен в Географический департамент Академии наук для обучения «географической науке».¹

24 августа 1760 г. Аврамов был определен в помощь Ломоносову для составления «экстрактов» из географических ответов, поступавших в Академию наук из разных городов и провинций.² В 1763 г., когда началась работа по составлению «Экономического лексикона», Аврамов занимался приведением в алфавитный порядок собираемых известий. В 1763—1764 гг. Аврамов «сочинил две полярные карты» для труда Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям» и, «кроме оных, еще особливо три сделал».³

Аврамов принимал участие и в других работах Ломоносова. Он помогал ему приводить в порядок таблицы колебаний центроскопического маятника и готовил инструменты, с помощью которых Ломоносов вел свои наблюдения,⁴ он же «делал разные термометрические, манометрические и барометрические разделения» и изготовил «земной глобус», который был вырезан на меди. Кроме того, Аврамов занимался «переписыванием набело, а иногда и начерно случающихся дел» Ломоносова.⁵

В текущих делах Канцелярии Академии наук сохранился отзыв Ломоносова об И. В. Аврамове.⁶ По ходатайству Ломоносова с 1 сентября 1763 г.

¹ ААН, ф. 3, оп. 10, № 46, л. 28.

² Там же, оп. 1, № 530, л. 185.

³ Одна из карт опубликована: Ломоносов, ПСС, т. 6, между стр. 424—425.

⁴ Упомянутые таблицы опубликованы: там же, т. 4, стр. 491—709.

⁵ См.: Биллярский, стр. 744.

⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 278, л. 321.

Аврамов «за его прилежные труды и за добропорядочные поступки» получил прибавку жалованья и стал получать 150 руб. в год.⁷

После смерти Ломоносова Аврамов был отправлен в экспедицию в Тульскую губернию для обследования строящегося канала между Шатом и Доном, а в 1768 г. уехал с адъютантом П. Б. Иноходцовым и академиком Г.-М. Ловицом на юго-восток Европейской части России для определения долготы и широты местностей. Из письма Иноходцова, полученного Академией 8 ноября 1771 г., известно, что Аврамов умер 30 октября того же года, направляясь из Астрахани в Дмитриевск к академику Г.-М. Ловицу.⁸

Антонов Семен

Родился в Петербурге в 1743 г. Солдатский сын. 9 ноября 1752 г. был принят в Академическую гимназию в число казеннокоштных учеников.⁹ На выпускном публичном экзамене в 1763 г. получил хорошую аттестацию преподавателей,¹⁰ на основании чего 4 сентября того же года был произведен в студенты Академического университета.¹¹ Имея склонность к математике, Антонов выразил желание преподавать арифметику в Академической гимназии, и 25 сентября 1766 г., по испытании его профессорами С. К. Котельниковым и С. Я. Румовским, был определен туда учителем математики с обязательством продолжать слушать в Университете математические и физические лекции и сверх того «стараться собственным упражнением и чтением по совету профессоров полезных в сих науках книг приобретать большее в том совершенство».¹²

Несмотря на большое сокращение штата гимназических учителей, последовавшего после смерти М. В. Ломоносова в связи с введением И. И. Таубертом «нового распорядка» в Академической гимназии, Антонов, как особенно хороший преподаватель, был оставлен в своей должности и по резолюции Комиссии Академии наук от 6 февраля 1767 г. получил прибавку жалованья в сумме 50 руб. в год.¹³ О дальнейшей судьбе С. Антонова сведений не имеется.

Барков Иван Семенович

Родился в 1732 г. Сын дьячка. Обучался в Александро-Невской семинарии, где дошел до «класса пиитики». Узнав о наборе учеников в Академический университет, Барков явился 26 апреля 1748 г. к М. В. Ломоносову и заявил о своем желании учиться в Университете.¹⁴ По отзыву Ломоносова, Барков обнаружил «острое понятие» и достаточное знание латинского языка,

⁷ Там же, л. 322.

⁸ Там же, ф. 1, оп. 3, № 57, л. 172.

⁹ Там же, р. I, оп. 70, № 2, л. 84.

¹⁰ Там же, ф. 3, оп. 1, № 826, лл. 206—209 об.

¹¹ Там же, лл. 233—234; № 474, л. 236.

¹² Там же, № 477, л. 50.

¹³ Там же, № 303, лл. 43—44.

¹⁴ Там же, № 114, л. 224.

чтобы слушать университетские лекции.¹⁵ На этом основании он был принят в Университет и вскоре проявил себя одним из даровитейших студентов. Имея склонность к переводческой работе, Барков уже в 1750 г. представил в Академическую канцелярию переведенное им сочинение Криспа Саллюстия «Война Катилинина».¹⁶

Выдвижению Баркова мешало его плохое поведение. В 1751 г. он был исключен из Университета и определен учеником «наборного дела» в Академическую типографию. Принимая во внимание, однако, его способности, академическая администрация разрешила ему продолжать обучаться «российскому штилю» у профессора С. П. Крашенинникова и французскому и немецкому языкам у преподавателей Академической гимназии П. Сужи и Я. Кожика.¹⁷ В 1753 г. Барков по его прошению был переведен из Типографии в Канцелярию Академии наук для выполнения должности академического копииста.¹⁸ Состоя в этой должности (в 1753—1755 гг.), Барков много работал у Ломоносова. Он переписывал проекты и стихи на иллюминации и фейерверки, ломоносовские репорты и докладные записки в Академическую канцелярию, делал выписки из писем и отзывов иностранных ученых о научных трудах Ломоносова.¹⁹

В июле 1755 г. был поднят вопрос об определении Баркова в Академическую конференцию к профессору Г.-Ф. Миллеру для переписки «ученых дел» вместо уволенного канцеляриста Барковского, но это назначение не состоялось вследствие возражений Ломоносова, у которого Барков в это время переписывал на дому «Российскую грамматику».²⁰

В 1762 г. Барков был назначен академическим переводчиком. В ордере президента от 13 февраля 1762 г. говорилось, что студент Иван Барков «своими трудами в исправлении разных переводов оказал изрядные опыты своего знания в словесных науках и к делам способности, а при том обещался в поступках совершенно себя исправить. Того ради для вящего его в том поощрения и утверждения, определить его при Академии переводчиком латинского языка».²¹ Барков переводил преимущественно латинских авторов. Сове-

¹⁵ См.: Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 440.

¹⁶ Рукопись этого перевода хранится в ААН, ф. 3, оп. 1, № 137, лл. 767—800.

¹⁷ Там же, № 158, лл. 424—425.

¹⁸ Там же, № 175, лл. 526—528.

¹⁹ Рукой Баркова переписаны ломоносовские проекты на иллюминации: ко дню коронавания имп. Елизаветы Петровны 25 апреля 1753 г. со стихами «Победе следует пресветло торжество...»; на день ее восшествия на престол 25 ноября того же года со стихами «О древность славная пречудными делами...»; на торжественный праздник ее рождения 18 декабря 1754 г. со стихами «О вы, которы все по рассуждёнью злomu...»; проект иллюминации и фейерверка на новый 1755 г. со стихами «По правде вечность есть пространый океан...». См. об этом, а также о переписанных Барковым репортах и доношениях М. В. Ломоносова: Л. Б. Модзалевский. *Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР*. Изд. АН СССР, Л.—М., 1937, №№ 343, 405, 418, 427, 429, 492, 703, 943.

²⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 201, лл. 25—28; № 203, лл. 109—110; № 525, л. 78.

²¹ Там же, № 473, л. 42.

менники ценили его стихотворные переводы сатир Горация Флакка (1763 г.)²² и басен Федре (1768 г.).²³ Барков знал и итальянский язык, о чем свидетельствует сделанный им в 1762 г. перевод с итальянского языка — «Мир героев» Г. Лазарони. Барковым написано также «Житие князя Антиоха Дмитриевича Кантемирова», приложенное к изданию «Сатир» последнего в 1762 г.²⁴ Кроме литературных произведений, Барков переводил сочинения по истории. Ему принадлежит перевод «Сокращенной универсальной истории Голберга» (1766 г.), вышедший в трех изданиях в 1766, 1779 и 1805 гг. Вместе с И. И. Таубертом он издал в 1767 г. первый том «Библиотеки российской исторической».²⁵

Переводческая и археографическая деятельность И. С. Баркова оказалась вскоре забыта, но в литературе еще долго сохранялась память о нем, как об авторе стихов легкого содержания, в большом количестве списков расходившихся среди любителей.

Барсов Антон Алексеевич

Родился в 1730 г. в Москве. Сын директора Московской синодальной типографии. Учился в Славяно-греко-латинской академии, откуда по выбору профессора В. К. Тредиаковского в 1748 г. был определен в Академический университет.²⁶

Барсов выделялся своими блестящими способностями и был на лучшем счету у всех профессоров. С особой похвалой отзывался о нем Г.-В. Рихман, указывавший, что Барсов представляет «редкий образец математического дарования».²⁷ Кроме математики, Барсов занимался у Г.-В. Рихмана физикой и вместе с другими слушателями его лекций принимал участие в опытах по электричеству. Об этом свидетельствует следующая запись от 17 июля 1753 г. в сохранившемся научном дневнике Г.-В. Рихмана: «... г. Софронов давал знак, стоя на более близком месте. Шихарт, прислуживающий, — второй знак, г. Румовский — третий знак г. Барсову. Сам я и г. Барсов считали секунды».²⁸

Отличные успехи показывал Барсов и в словесных науках. Он специализировался у профессора И.-А. Брауна по философии, преимущественно дидактической, и занимался у профессора И.-Э. Фишера по поэтике и красноречию.

²² См. дело о печатании в Новой академической типографии сатир Квинта Горация Флакка: там же, № 275, лл. 224—230.

²³ Басни Федре, Августова отпущенника. Перевел стихами И. Барков с латинского подлинника, СПб., 1768; 2-е изд., 1787.

²⁴ О литературной деятельности Баркова см.: Г. Н. Геннадиевич. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях. Берлин, 1876, стр. 66.

²⁵ Летописец Нестеров с продолжениями по Кенигсбергскому списку, или Российская библиотека, содержащая в себе древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российских древних и средних веков, ч. I. Издал Иван Барков, СПб., 1767.

²⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 194.

²⁷ Там же, № 124, л. 552.

²⁸ Г.-В. Рихман. Труды по физике. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 330.

Прямых указаний о посещении им «стихотворческих лекций» Ломоносова не имеется, но не исключена возможность, что Барсов занимался с Ломоносовым, который не мог не заметить студента, подававшего столь большие надежды.

В начале февраля 1753 г. всем университетским профессорам было предложено сообщить об успехах обучавшихся у них студентов для составления «генерального репорта» президенту. В репорте профессора И.-А. Брауна говорилось, что «успехи Барсова наибольшие».²⁹ С такой же похвалой отозвался о Барсове профессор И.-Э. Фишер: «Студентам Барсову, Поповскому и Яремскому не могу отказать в справедливом аттестате, что они сочинением своих пиэсов много меня удивлявали и во всех добрая прозорливость, выбор, разбирание, порядок и здравая рассудительная сила явствует, так что из нынешних успехов справедливо заключить можно, что будут они хорошие ораторы и философы».³⁰ 23 декабря 1753 г. Барсов был произведен в магистры и утвержден в этом звании на заседании Конференции Академии наук 17 января 1754 г.³¹

В обязанности Барсова как магистра входило «слушать лекции философии, обучаться живым языкам и заниматься переводом ученых сочинений, которых на русском языке немного».³² Кроме того, Барсов обучал академических студентов математике. Неизвестно, по собственной ли инициативе или по указанию Академии наук А. Барсов в 1754 г. перевел работу своего учителя Г.-В. Рихмана по электричеству под заглавием: «Рассуждение об указателе электричества и о пользовании им при исследовании явлений искусственного и естественного электричества».³³ Как указывает издатель трудов Г.-В. Рихмана В. П. Зубов, «читатели, интересующиеся историей создания русской научной терминологии, в особенности в области электрофизики, найдут в указанном старинном переводе немало любопытного и интересного».³⁴ Однако этот перевод, знакомивший русских читателей с замечательными достижениями передового физика, который способствовал развитию материалистических воззрений на важнейшие явления природы, не напечатан до настоящего времени. В том же 1754 г. Барсов перевел с немецкого языка популярную книгу о микроскопах академика А.-Н. Гришова, озаглавив ее так: «Описание значнейших микроскопов, употребляемых ныне к рассматриванию красоты естества в самых мелких вещах, с употреблением оных и с приобретенным на переди кратким известием о изобретении и исправлении зрительных труб и микроскопов, в пользу охотников, особливо в Российском государстве».³⁵ По отзыву профессора С. Л. Соболя, Барсов «оставил нам в своем переводе книги Гришова образец русского научно-литературного стиля середины XVIII века...

²⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 38.

³⁰ Там же, л. 41 об.

³¹ Там же, № 464, лл. 698—699.

³² Там же, № 181, лл. 255—256.

³³ Там же, р. II, оп. 1, № 198, лл. 1 об.—58.

³⁴ Г.-В. Рихман. Труды по физике, стр. 652.

³⁵ ААН, р. I, оп. 7, № 3; Перевод Барсова в извлечениях опубликован в «Приложениях» к книге: С. Л. Соболев. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 424—467.

Мы можем на этом примере убедиться, до какой большой высоты поднялся этот стиль под мощным воздействием Ломоносова еще при его жизни».³⁶

В феврале 1755 г. А. А. Барсов был вызван в Московский университет и между серединой февраля и серединой марта уехал из Петербурга.³⁷ Первоначально Барсов занял в Московском университете Кафедру математики, а в 1761 г. был определен ординарным профессором красноречия «за ревность к публичной с начала Университета службе, и познание наук, и по другим добрым качествам».³⁸ Излагая общую теорию словесности, Барсов ввел в курс толкование поэтических трудов Ломоносова наравне с сочинениями античных писателей, а иногда затрагивал и вопросы российской грамматики.³⁹ За время своего 35-летнего служения в Московском университете Барсов часто выступал при торжественных случаях с речами, собрание которых было издано им в 1788 г. Из этих речей заслуживают особенного внимания речь «О пользе учреждения императорского Московского университета», читанная 26 апреля 1755 г. при открытии Университета; речь «О цели учения», произнесенная в 1760 г., славящая науку как воплощение опыта всего человечества, который приготавливает к общественному служению, и речь «О пользе красноречия в Российской империи», читанная 21 января 1761 г.

Более шести лет Барсов был инспектором обеих университетских гимназий, первым издателем «Московских ведомостей», а с 1771 г., по учреждении цензуры при Университете, первым цензором печатаемых в университетской типографии книг.⁴⁰ В 1771 г. при учреждении вольного Российского собрания Барсов был избран его бессменным секретарем и под его редакцией вышел в свет в шести частях «Опыт трудов вольного Российского собрания при имп. Московском университете». Основные работы А. А. Барсова относятся к области языкознания. Продолжая труды Ломоносова по русскому языку, Барсов составил в 1784—1788 гг. обстоятельную российскую грамматику в четырех частях, содержащую ценные наблюдения над особенностью народной речи. Кроме того, Барсов написал «Краткие правила российской грамматики», служившие учебным руководством для гимназий, и предложил новый сокращенный способ русского правописания, отличавшийся рядом смелых нововведений. В 1783 г. Барсов был избран членом Российской Академии и принимал участие в ее трудах по составлению словаря и грамматик.

21 декабря 1791 г. Барсов умер.

³⁶ Там же, стр. 199.

³⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 466, л. 85.

³⁸ Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета, ч. I. М., 1855, стр. 53.

³⁹ См. объявления о лекциях профессоров Московского университета, опубликованные в книге: Сухомлинов, вып. IV, стр. 483—492.

⁴⁰ См. копию формулярного списка А. А. Барсова: ААН, ф. 101, оп. 1, № 94, лл. 3—5; О жизни и деятельности А. А. Барсова см.: Сухомлинов, вып. IV, стр. 186—298; Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета, ч. I, стр. 50—62; История Московского университета, т. I. М., 1955, стр. 35—36, 44—46.

Братковский (Елисеев) Иван Елисеевич

Родился в 1729 г в Старой Руссе. Сын дьячка. Обучался в Новгородской семинарии, где в 1748 г. был отобран профессором В. К. Тредиаковским в Академический университет.⁴¹ 30 августа 1751 г., при распределении студентов по специальностям, был поручен по распоряжению президента Академии наук «для наставления» М. В. Ломоносову.⁴² Несмотря на большие способности, был ленив, пьянствовал и часто пропускал университетские лекции. 5 февраля 1753 г., сообщая в Канцелярию Академии наук об успехах своих учеников, Ломоносов следующим образом отзывался о Братковском: «Иван Братковский также бы мог иметь равный успех, если бы не часто лекции прогуливал».⁴³ Из-за прогулов Братковский 26 апреля 1753 г. был исключен из числа студентов и переведен в Географический департамент.⁴⁴ Здесь он написал диссертацию «Об определении на земном глобусе места, где всюду видно зарево» и вскоре попросил о прощении и об определении его для науки в Академический университет.⁴⁵ В конце 1753 г. он представил новую работу на тему «О доказательствах геометрических», настолько интересную, что шла речь о посылке ее на отзыв Л. Эйлеру.⁴⁶ В мае 1754 г. Братковский, по ходатайству Ломоносова был возвращен в Университет,⁴⁷ но в конце того же года снова запьянствовал и был отослан в солдаты.⁴⁸

Веденский Павел Иванович

Родился в Москве в 1725 г. Попов сын. Учился в Славяно-греко-латинской академии. В 1748 г. был отобран профессором В. К. Тредиаковским в Академический университет.⁴⁹ Слушал все лекции, но больше занимался математикой. В апреле 1751 г. был определен учителем арифметики и геометрии в Академическую гимназию.⁵⁰ В «Мнении» о состоянии Академической гимназии, подписанном университетскими профессорами 13 марта 1757 г., указывалось, что студент Павел Веденский обучает гимназических учеников геометрии «весьма прилежно» и «взял на себя несколько часов лишних к обучению их практической геометрии, о чем засвидетельствовал господин инспектор Модерах в собрании словесно».⁵¹ В 1757 г. Павел Веденский был назначен учителем «верхнего» геометрического класса. В марте 1759 г. он тяжело заболел, и профессор К.-Ф. Модерах ходатайствовал о выдаче ему на лечение аванса в счет жалованья «текущей генварской трети».⁵² В дальнейшем Веден-

⁴¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 216.

⁴² Там же, № 461, л. 423.

⁴³ Там же, № 174, л. 33 об.

⁴⁴ Там же, № 188, л. 79.

⁴⁵ Там же, № 182, лл. 46—48.

⁴⁶ Там же, № 185, лл. 10—12.

⁴⁷ Протоколы Конференции, т. II, стр. 305.

⁴⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 190, лл. 309—316.

⁴⁹ Там же, № 114, л. 206.

⁵⁰ Там же, № 152, л. 272.

⁵¹ Там же, № 220, л. 131 об.

⁵² Там же, № 241, л. 443.

ский стал часто пропускать уроки и пьянствовать, что и привело 19 сентября 1762 г. к освобождению его от должности гимназического учителя и назначению на его место П. И. Иноходцова.⁵³

Веденский Семен Иванович

Родился в 1737 г. в Москве. Попов сын. 16 марта 1749 г. был принят на пробу в Академическую гимназию,⁵⁴ а уже через три месяца по представлению профессора И.-Э. Фишера зачислен на казенное содержание. В характеристике, данной Семену Веденскому, говорилось, что он за короткий срок «нарочито выучился читать по-немецки и по-латыне, и в арифметике выучил счислять, складывать и вычитать. В прочем разумом своим не глуп, токмо больно резов». ⁵⁵ В конце года Фишер, по предложению которого Веденский был принят в число казеннокоштных гимназистов, начал жаловаться на его поведение, и 21 декабря подал репорт в Канцелярию Академии наук с просьбой об исключении его из Гимназии, «чтоб он других учеников, обретающихся на коште академическом, к таким же поступкам не привел, так и для того, чтоб не отогнал вольных учеников, которых родители по сей причине, опасаясь, чтоб их дети не испортились от такого товарищества, могут их от Гимназии прочь отнять». ⁵⁶ Ввиду больших способностей Веденский был оставлен в Гимназии, но за свои «продерзости», по решению Академической канцелярии, был высечен розгами при собрании всех учеников.

В 1754 г. Семен Веденский в числе восьмерых гимназистов был произведен И.-Д. Шумакером в студенты, но вследствие недостаточного знания латыни продолжал некоторое время обучаться в «верхнем» латинском классе Гимназии.

В 1758 г. С. И. Веденский был ближайшим помощником Ломоносова в его работе над «Древней российской историей». ⁵⁷ Возможно, что по инициативе Ломоносова Веденского в том же году назначили учителем во вновь учрежденные «русские классы» «обучать юношество русскому стилю». В определении Академической канцелярии указывалось, что это назначение не помешает Веденскому «упражняться далее в науках, к которым он по остроте его ума пред другими способен». ⁵⁸ Однако С. Веденский не оправдал оказанного ему доверия, и уже в 1760 г. Ломоносов принужден был лишить его «студенческой шаги» и отстранить от преподавания, предложив профессору К.-Ф. Модераху выбрать на его место другого учителя. Очевидно, Веденский добился прощения, так как был оставлен в своей должности. Но в конце 1762 г., после поступивших на него жалоб учеников, сообщавших, что их учитель пропускает уроки, пьянствует и «берет переводы исправлять на дом, да не токмо не поправляет, но и тетради ученические утрачивает»,

⁵³ Там же, № 473, л. 210.

⁵⁴ Там же, р. I, оп. 70, № 2, л. 63.

⁵⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, № 125, л. 605.

⁵⁶ Материалы, т. X, стр. 178.

⁵⁷ Ломоносов, ПСС, т. 6, стр. 575.

⁵⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 469, л. 348—348 об

С. Веденский был уволен по приказанию Ломоносова и направлен в Герольд-мейстерскую контору для определения к другой должности.⁵⁹

Сведений о дальнейшей судьбе С. Веденского не имеется.

Венедиктов Василий

Родился в городе Севске. Сын дьячка. 28 апреля 1760 г. был принят в Академическую гимназию,⁶⁰ 23 декабря 1764 г. произведен в студенты.⁶¹ По единодушному отзыву университетских профессоров, показывал блестящие успехи и склонность к изучению истории. В июне 1765 г. по представлению инспектора С. К. Котельникова Академическое собрание выбрало его для посылки за границу для усовершенствования в исторической науке и в иностранных языках.⁶² Венедиктов был поручен профессору А.-Л. Шлёцеру, отправлявшемуся в Геттинген. 10 мая 1766 г. Шлёцер сообщал И. И. Тауберту, что академические студенты, посланные с ним, чрезвычайно хорошо успевают, в том числе и Венедиктов, быстро усвоивший немецкий язык, и могут «со смыслом слушать все „Collegia“».⁶³ Венедиктов посещал лекции профессоров Геттингенского университета Ж.-Х. Гаттерера и И.-Ф. Муррая и занимался у частного репетитора, друга Шлёцера, доктора Б.-Г. Вальха. Одновременно он помогал А.-Л. Шлёцеру при составлении им первой части русской истории.⁶⁴

В 1769 г. Венедиктов возвратился из Геттингена и 2 октября по распоряжению директора Академии наук В. Г. Орлова был проэкзаменован профессорами И.-Э. Фишером и инспектором Л.-И. Бакмейстером, «во всем том, чему он в тамошнем университете обучался».⁶⁵ Несмотря на то, что Венедиктов продемонстрировал большой запас полученных им исторических знаний, Комиссия Академии наук не нашла возможным предоставить ему работу по специальности и «впредь до рассмотрения» определила его в Переводную экспедицию в распоряжение переводчика И.-Л. Стафенгагена.⁶⁶

В 1770 г. Венедиктов помогал профессору И.-Э. Фишеру в его работе над «Новейшей сибирской историей».⁶⁷ Молодой историк успешно справился с возложенной на него работой и был представлен Фишером к награждению.

⁵⁹ Там же, № 473, л. 204.

⁶⁰ Там же, № 825, л. 337.

⁶¹ Там же, № 827, л. 135.

⁶² Протоколы конференции, т. II, стр. 538—540.

⁶³ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, им самим описанная. Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. XIII, СПб., 1875, стр. 377.

⁶⁴ В «Протоколах Конференции» от 5 октября 1769 г. имеется следующая запись: «Aus Göttingen vom 27-ten September st. n. Der Professor Schlözer lobt der Academie den Fleiss und die Geschicklichkeit des Studenten Wenedictoff an, und überschickt nebst noch einigen kleinen Schriften den ersten Theil seiner Russischen Geschichte, welche er sehr sauber in Taschen-Format hat drücken lassen» (Протоколы Конференции, т. II, стр. 707).

⁶⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 322, л. 155.

⁶⁶ Там же, № 540, л. 354.

⁶⁷ Протоколы Конференции, т. II, стр. 738; ААН, ф. 3, оп. 1, № 326, лл. 743—744.

«Я, будучи доволен трудом и прилежанием, которые Венедиктов при Сибирской истории показал, — сообщал 17 декабря 1770 года Фишер, — почитаю его достойным произведения, подобно прочим его товарищам». ⁶⁸ 22 декабря того же года Венедиктов был награжден чином переводчика. ⁶⁹
2 февраля 1771 года он умер. ⁷⁰

Волков Борис Афанасьевич

Родился в Москве в 1732 г. Сын церковного сторожа. Учился в Московской славяно-греко-латинской академии, где дошел до класса пиитики. В 1748 г. был отобран профессором В. К. Тредиаковским в академические студенты. ⁷¹ В течение своего пятилетнего пребывания в Университете Волков показывал большие успехи в математике и отличался хорошим поведением и трудолюбием. С 1751 г. он начал заниматься преподаванием в Академической гимназии, получая за «взятый по его охоте излишний труд» вознаграждение в сумме 24 руб. в год, сверх положенного ему жалованья. ⁷²

18 августа 1754 г. Волков представил диссертацию на тему: «Рассуждение о квадратуре Гиппократовой луночки и конхоиды Никомеда», ⁷³ которая была послана 19 августа того же года на отзыв Леонарду Эйлеру и получила его одобрение. В Архиве Академии наук сохранились еще две работы Волкова более позднего времени: «Specimen mathematicum» от 19 июня 1755 г., ⁷⁴ где производится с помощью рядов квадратура и спрямление квадратиссы Чирнгаузена, и «Observationes quaedam circa nonnullas regulas arithmeticae» от 8 июля 1756 г. о тройном правиле. ⁷⁵

На выпускном экзамене Волков «был признан достойным производства в адъюнкты по академическому регламенту», но Канцелярия Академии наук определила, что «он способен более к работе переводчика», на основании чего 4 сентября 1758 г. он получил предписание «быть при переводах и исправлять все, что дано ни будет с крайним прилежанием». ⁷⁶

Волков умер очень рано — 4 сентября 1762 г., тридцати лет от роду. ⁷⁷ Но оставленные им переводы заслуживают внимания и дают ценный вклад в историю науки и литературы XVIII в.

В 1760 г. одновременно с ломоносовским переводом «Волфианской экспериментальной физики» вышла и «Волфианская теоретическая физика» в переводе Бориса Волкова, ⁷⁸ представляющая собой перевод последнего седьмого

⁶⁸ Там же, л. 274 об.

⁶⁹ Там же, № 541, л. 287.

⁷⁰ Там же, № 1869, л. 7.

⁷¹ Там же, № 114, л. 194 об.

⁷² Там же, № 152, л. 68.

⁷³ «Dissertatio de quadratura lunulae Hippocratis et conchoidis Nicomedis» (там же, р. I, оп. 2, № 20).

⁷⁴ Там же, оп. 2, № 28.

⁷⁵ Там же, № 40.

⁷⁶ Там же, ф. 3, оп. 1, № 236, л. 20.

⁷⁷ Там же, № 270, л. 239.

⁷⁸ Волфианская теоретическая физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, переведена на российский язык императорской Академии наук переводчиком Борисом Волковым. СПб., 1760.

раздела книги немецкого физика Л.-Ф. Тьюммига «Наставления Волфианской философии, составленные для академического пользования». В журнале Академической канцелярии о переводе Волкова сообщалось 6 марта 1760 г. следующее: «Имея рассуждение, что напечатанная работа в 1746 году Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, перевода господина коллежского советника Ломоносова, за продажу вся в расходе, охотники оную довольно спрашивают, а понеже сокращенная Волфиева теоретическая физика также переведена студентом Борисом Волковым и к оной первой части экспериментальной физики принадлежит, того ради приказали: экспериментальную физику, первую часть, напечатать в новой типографии, вторым тиснением один завод, а теоретической физики два завода, дабы имеющие уже первую часть могли получить и другую, не имея нужды вторично купить первую».⁷⁹

Прямых следов участия Ломоносова в переводе Волкова не имеется, но тот факт, что последний использовал научную физическую терминологию, созданную Ломоносовым в 1746 г. при переводе «Волфианской экспериментальной физики», позволяет предположить, что Ломоносов давал свои наставления молодому переводчику.

4 марта 1762 г. Волков представил в Академическую канцелярию переведенный им с французского языка сборник басен индийского брамина Бидпая.⁸⁰ В репорте, поданном вместе с рукописью перевода, Волков сообщал: «Перевел я в свободное от положенной на меня должности время книгу, называемую Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индийского, которую при сем и сообщаю и Канцелярию Академии наук покорнейше прошу о напечатании оной учинить резолюцию».⁸¹ По резолюции членов Канцелярии М. В. Ломоносова, И. И. Тауберта и Я. Я. Штелина перевод был напечатан в новой Академической типографии в количестве 2400 экземпляров, а в награждение за труд Волков получил по распоряжению Ломоносова 100 экземпляров книги.⁸² Выбор замечательного древнеиндийского сочинения, распространенного среди народов Востока и Запада в многочисленных переделках и переводах,⁸³ и обогащение русской литературы XVIII в. переводом этого произведения с французского на русский язык⁸⁴ говорит несомненно в пользу Бориса Волкова, смерть которого преждевременно превратила его творческую деятельность.

⁷⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 530, л. 76.

⁸⁰ Рукопись перевода находится в ААН, р. II, оп. 1, № 5.

⁸¹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 267, л. 142.

⁸² Там же, № 532, л. 68 об.

⁸³ См.: А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. Ученые записки Второго отделения имп. Академии наук, СПб., кн. IV, 1858, стр. 148—169.

⁸⁴ Басни Бидпая переведены на французский язык в половине XVII столетия под заглавием «*Livre de lumière ou la conduite des roys composé par sage Pilpay indien, traduit par David Sahid d'Isphaham*» (Paris, 1644). Новые французские издания появились в 1698 и в 1725 гг., а затем в 1750 г. в Гамбурге под заглавием «*Les fables politiques et morales de Pilpay, philosophe indien, ou conduite des grands et des petite; revues corrigées et augmentées par Ch. Mouton*».

Родился в Петербурге в 1735 г. Сын солдата Преображенского полка. В Академическую гимназию был принят 15 июля 1748 г.,⁸⁵ где обучался шесть лет, отличаясь хорошим поведением и показывая большое прилежание. В 1753 г., не подвергаясь экзамену, был произведен единоличным распоряжением И.-Д. Шумахера в студенты,⁸⁶ но после экзамена в Академическом собрании 18 марта 1754 г. по настоянию Ломоносова был оставлен еще на некоторое время в высших классах Гимназии, чтобы лучше овладеть латынью, на которой читались лекции в Университете.⁸⁷ Из сохранившегося аттестата Самсона Волкова видно, что он обучался в Университете «философии, математике, универсальной истории, практической астрономии, гуманиорам с хорошим успехом».⁸⁸

В 1760 г. вместе со своим товарищем Алексеем Разумовым Самсон Волков, продолжая заниматься в Университете, был определен к профессору Г.-Ф. Миллеру переводить «пьесы» с немецкого языка для «Ежемесячных сочинений».⁸⁹ 22 октября 1762 г. Г.-Ф. Миллер писал в Академическую канцелярию, что «хотя Самсон Волков и Алексей Разумов и занимаются переводами, но настоящими переводчиками не могут еще быть и должны упражняться в иностранных языках далее, а для поощрения их к тому учинить им некоторую прибавку: Разумову платить по 50, а Волкову по 100 рублей в год».⁹⁰ В 1764 г. Волков был произведен в переводчики,⁹¹ а в марте 1765 г., когда Г.-Ф. Миллер переселился в Москву,⁹² уехал вместе с ним, где пробыл до 12 августа 1766 г. За этот период Волков перевел более 250 листов разных сочинений, перечень которых был сообщен Г.-Ф. Миллером в Академию наук.⁹³ Вот этот перечень:

1. О естественном состоянии стран между Доном и Днепром	56 листов
2. Известия о Лифляндии	24 »
3. О мануфактурах	28 »
4. Выгоды здоровой философии	8 »
5. О некоторых магнитных опытах	4 »
6. О скрытой в нас добродетели	8 »
7. Примечания над пауками	14 »
8. О сбережении плодов	5 »

⁸⁵ ААН, р. I, оп. 70, № 2, стр. 60.

⁸⁶ Там же, ф. 3, оп. 1, № 465, л. 1; № 185, л. 559.

⁸⁷ Протоколы Конференции, т. II, стр. 297.

⁸⁸ ААН, ф. 3, оп. 11, № 5/10.

⁸⁹ См.: Билярский, стр. 430.

⁹⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 473, л. 240.

⁹¹ Там же, оп. 11, № 5/10.

⁹² По предложению И. И. Бецкого Г.-Ф. Миллер был назначен 1 января 1765 г. главным надзирателем в Московский воспитательный дом с чином коллежского советника и с оставлением при Академии в звании историографа (см.: Пекарский, т. I, стр. 390).

⁹³ ААН, ф. 3, оп. 11, № 5/8.

9. Полезно ли отстаивать латинский язык между учеными	12	»
10. О учинившемся начатии младенца	4	»
11. О скотском падеже	4	»
12. Способ от блох	2	»
13. Мысли о внешних чувствах	4	»
14. Способы от некоторых насекомых	8	»
15. О блаженстве на земле	10	»
16. Изображение добропорядочного и искусного мужа	4	»
12 переводов без заглавий	74	»

В Петербурге Волков исполнял переводы для «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг», учрежденного Екатериной II в 1768 г. Он перевел «Путешествие по разным провинциям Российской империи» академика П.-С. Палласа, изданное в 1773 г.,⁹⁴ первый выпуск (буква А)⁹⁵ словаря Французской академии, напечатанный в том же году, и статью о России из книги «География» А.-Ф. Бюшинга.⁹⁶

28 мая 1774 г. Волков обратился с ходатайством о переводе его в Сенат на свободное место переводчика, указывая, что в течение пятнадцати лет он добросовестно «исправлял свою должность при Академии наук».⁹⁷ 4 июня того же года он был уволен с аттестатом, в котором говорилось, что, состоя переводчиком Академии наук, он, Самсон Волков, «вел себя всегда благоприсойной и честно и порученные ему от Академии дела исправлял усердно и прилежно и потому во всем от начальников своих заслужил достойную похвалу».⁹⁸ Впоследствии Самсон Волков получил должность регистратора в 4-м департаменте Сената.

Гамалея Семен Иванович

Родился 31 июля 1743 г. в Петербурге. Сын священника. Обучался в Киевской академии, откуда уволился 12 ноября 1763 г.⁹⁹ Дальнейшее образование получил в Академическом университете, куда был принят после экзамена, показав хорошие познания в «словесных науках». В Архиве Акаде-

⁹⁴ В книге В. С. Сопикова «Опыт российской библиографии» (ч. IV, СПб., 1905, стр. 162) имя переводчика первого тома этого сочинения не названо. Само описание путешествия переведено С. Волковым, о чем свидетельствуют две его расписки от 4 декабря 1772 г. и от 18 июня 1773 г. в получении за перевод вознаграждения в сумме 664 руб. «Прибавление» же, заключающее краткое описание жи отных и растений, переведено Василием Костыговым (см. о нем ниже, стр. 163—164).

⁹⁵ Для скорейшего выпуска словаря перевод его был поручен нескольким лицам, которые разделили между собой весь словарь по буквам. Но вышла в свет только часть словаря на букву А.

⁹⁶ «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», осуществило перевод ряда статей из «Географии» Бюшинга, которые и были изданы; но о напечатании указанной статьи о России сведений нет.

⁹⁷ ААН, ф. 3, оп. 11, № 5/10, л. 1.

⁹⁸ Там же, л. 3.

⁹⁹ Там же, № 826, л. 312; см. там же аттестат, выданный студенту Гамалею Киевской академией за подписью префекта архимандрита Мелхиседека.

мии наук СССР сохранился отзыв экзаменовавшего его профессора И.-Э. Фишера с резолюцией М. В. Ломоносова: «По сему аттестату упомянутого Семена Гамалея принять в Университет. Июня 10 дня 1764 года. Ломоносов».¹⁰⁰

15 марта 1769 г. Гамалея поступил учителем латинского языка в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, где служил в этой должности до 1770 г., работая одновременно в «Собрании, старающемся о переводе иностранных книг».¹⁰¹ В 1770 г. он перешел на службу в Сенат, а 26 июня 1774 г. был назначен правителем Канцелярии наместника Полоцкой и Могилевской губерний графа Захара Григорьевича Чернышева. После назначения Чернышева в 1782 г. московским генерал-губернатором Гамалея переехал в Москву и поступил к нему в Канцелярию. В 1784 г. он вышел в отставку, занявшись переводной и литературной работой. В Москве Гамалея близко сошелся с Н. И. Новиковым и был одним из выдающихся деятелей новиковского кружка.¹⁰²

Из переводов С. И. Гамалеи наиболее известны:

1. «История о императоре Феодосии Великом. Сочинение г. Флешьера, епископа нимского». Переведено с французского языка. Издано в 1769 г.

2. «Путеводитель к премудрости. Сочинение Лудовика Вивеса». Переведено с латинского языка. Издано в 1769 г.

3. «Житие Густава Адольфа, короля шведского». (В докладе директора Академии наук С. Г. Домашнева эта книга значится в числе «переведенных и готовых к печатанию». Имеется расписка Семена Гамалея от 18 июня 1772 г. в получении за перевод 100 руб.).

4. «Способ (легчайший) привития оспы». Сочинение Иоанна Эйзена. Издано в 1776 г.

5. «Таинство креста...». Масонское произведение, переведенное с французского языка совместно с А. М. Кутузовым, М. И. Багрянским и И. П. Тургеньевым в 1784 г.

Герасимов Назар

Родился в Новгороде в 1727 г. Происходил из духовного звания. Обучался в Новгородской семинарии, откуда в 1748 г. поступил в Академический университет.¹⁰³ Учился неудовлетворительно, вследствие чего 16 марта 1750 г. было постановлено отослать Герасимова обратно в семинарию. Но благодаря его раскаянию и способности к языкам Герасимов был оставлен в Университете и в 1753 г. определен учителем латинского языка в Гимназию.¹⁰⁴

¹⁰⁰ Там же, л. 313.

¹⁰¹ См.: В. П. Семеновиков. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II (1768—1783 гг.). СПб., 1913, стр. 9, 66—67.

¹⁰² В. Л. Модзалевский. Малороссийский родословник, т. I. Киев, 1908, стр. 268.

¹⁰³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 185.

¹⁰⁴ Там же, № 460, л. 81 об., 136—137.

Родился в Митигорской волости Архангельской губернии в 1756 г. Крестьянский сын, племянник М. В. Ломоносова. 1 марта 1765 г. был определен Ломоносовым в Академическую гимназию. «Весьма приятно мне, — писал Ломоносов своей сестре, — что Мишенька приехал в Санктпетербург в добром здоровье и что умеет очень хорошо читать и исправно также и пишет для ребенка нарочито... Третьего дня послал я его в школы здешней Академии наук, состоящие под моею командою, где сорок человек дворянских детей и разночинцев обучаются и где он жить будет и учиться под добрым смотрением, а по праздникам и по воскресным дням будет обедать, ужинать и ночевать в доме».¹⁰⁵ Мальчик успешно занимался и стал одним из лучших учеников.

В Академической гимназии Головин пробыл восемь лет, по истечении которых по собственной просьбе был «выключен» из числа гимназистов и «отдан» академику Л.-Ю. Крафту для усовершенствования в физике. Одновременно он совершенствовался и в математике под руководством Леонарда Эйлера. Сохранилось письмо Эйлера от 13 сентября 1774 г., где говорится следующее: «Стараюсь я равномерно на всякой вечер подать молодому Головину всякое нужное наставление в науках, в чем мне и посчастливилось от чрезмерной его охоты и неусыпного прилежания довести его до такой степени, до какой другие во много лет на университетах не дошли бы, так что он в короткое время в состоянии будет приносить Академии наиболее полезные услуги, если только оный каким-либо производством более ободрен будет».¹⁰⁶ Академическое собрание подняло вопрос об избрании Головина в адъюнкты, но этому мешала принадлежность Головина к крестьянам, числившимся в подушном окладе.¹⁰⁷ Все же, несмотря на это препятствие, Головин 15 января 1776 г., по представлению Эйлера, был назначен адъюнктом по экспериментальной физике.¹⁰⁸ Став адъюнктом, Головин продолжал поддерживать тесную научную связь с Эйлером, которому, ввиду его почти полной слепоты, деятельно помогал в ученых трудах.¹⁰⁹

Головин вступил в число адъюнктов в годы, когда директором Академии был С. Г. Домашнев, который своей непомерной заносчивостью и грубостью создал обстановку, заставившую академиков подать коллективную жалобу на его действия. Эту жалобу подписал и Головин. Надеюсь, очевидно, что с уходом Домашнева и с назначением на его место в январе 1783 г. Е. Р. Дашковой обстановка изменится к лучшему, Головин вскоре возбудил ходатайство о производстве его в профессора. Просьбу поддержало Академическое собрание, и Дашкова официально обещала Головину, что «через несколько месяцев» он получит звание экстраординарного профессора.¹¹⁰ Но это обещание не было выполнено.

¹⁰⁵ Это письмо было написано Ломоносовым 2 марта 1765 г., за месяц до смерти (см.: Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 598—599).

¹⁰⁶ ААН, ф. 136, оп. 2, № 30, л. 2.

¹⁰⁷ Протоколы Конференции, т. III, стр. 162.

¹⁰⁸ Там же, стр. 223.

¹⁰⁹ См.: Пекарский, т. I, стр. 295.

¹¹⁰ Протоколы Конференции, т. III, стр. 657.

Домашнев возложил на Головина составление календарей-«месяцесловов». По справедливому замечанию биографа Головина, календари были единственным предметом ученой деятельности, доступным в какой-то мере пониманию нового директора Академии, Дашковой. Она уделяла им исключительно большое внимание, правила их сама и своими мелочными придирками довела Головина до того, что он решил уйти из Академии.¹¹¹ Подавая просьбу об увольнении, мотивированную расстроенным здоровьем, Головин напомнил о невыполненном обещании возвести его в профессорский ранг.¹¹² Просьба об увольнении была удовлетворена, но вместо просимого профессорского звания, Головин, по распоряжению Дашковой, получил при отставке не предусмотренное академическим регламентом, подчеркнуто низкое звание заштатного адъюнкта (*adjoint externe*). Так как это было прямой издевкой над высокообразованным племянником Ломоносова, учеником и комментатором Эйлера, то в дальнейшем академики, упоминая в официальных случаях о Головине, из уважения к нему, никогда не присоединяли к его имени унижительного звания, придуманного Дашковой. А когда 10 июня 1790 г. академик П. Б. Иноходцов докладывал Академии о безвременной кончине Головина (он умер тридцати четырех лет), то — по старой ли дружбе или просто по забывчивости — сказал, что Головин числился с 1786 г. в составе почетных членов Академии.¹¹³ Это не соответствовало действительности, и в официальном списке умерших в 1790 г. членов Академии обмолвка Иноходцова не была повторена,¹¹⁴ однако впоследствии многим последующим авторам она дала повод ошибочно именовать Головина почетным членом Академии наук.¹¹⁵

Еще до ухода из Академии Головин занялся педагогической деятельностью, которой с 1786 г. отдался всецело. Он преподавал в Смольном институте, в Пажеском корпусе, в Петербургском главном народном училище и в состоявшей при нем Учительской семинарии. Когда последняя в 1786 г. была преобразована в самостоятельное учебное заведение повышенного, почти университетского типа, Головину было дано звание профессора этой семинарии.¹¹⁶

В бытность адъюнктом Академии наук Головин не только ассистировал Эйлеру, но выступал и с самостоятельными научными работами, которые встречали неизменное одобрение академиков, однако от исследовательской деятельности его сильно отвлекала, как он жаловался, переводческая работа, которой перегружала его академическая администрация. Как ученый он не успел создать себе большого имени, но приобрел почетную известность как пе-

¹¹¹ См.: В. Бобынин. Михаил Евсеевич Головин. Математическое образование, 1912, № 7, стр. 315—322.

¹¹² Протоколы Конференции, т. IV, стр. 9; ААН, ф. 1, оп. 3, № 69, л. 61.

¹¹³ Протоколы Конференции, т. IV, стр. 230.

¹¹⁴ *Nova acta Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae*, т. VIII. СПб., 1790, стр. 14.

¹¹⁵ См.: В. Бобынин. Михаил Евсеевич Головин. Математическое образование, 1912, № 7, стр. 332; Б. Л. Модзалевский. Список членов имп. Академии наук (1725—1907). СПб., 1908, стр. 27 и 78.

¹¹⁶ См.: В. Бобынин. Михаил Евсеевич Головин. Математическое образование, 1912, № 8, стр. 371.

дагог и как автор и переводчик учебников математической географии и астрономии. Его называют одним из первых видных работников в деле укрепления и развития преподавания математических наук и первым физиком-методистом и организатором преподавания этого предмета в средней школе.

В 1784 г. Головин корректировал собрание сочинений Ломоносова, выпускавшееся Академией наук.

Список научных трудов Головина, составленный им самим, сохранился в Архиве Академии наук СССР.¹¹⁷

Горин Афанасий Никитич

Родился в Петербурге 13 января 1742 г. Сын солдата Преображенского полка. В Академическую гимназию поступил 29 мая 1750 г.¹¹⁸ По отзыву гимназического инспектора С. К. Котельникова, «учился прилежно и вел себя добропорядочно». 8 августа 1760 г. был произведен в студенты Академического университета.¹¹⁹ Слушал лекции профессоров И.-Э. Фишера, И.-А. Брауна, Г. В. Козицкого и С. К. Котельникова.¹²⁰ В сентябре 1762 г. по рекомендации последнего был назначен преподавать арифметику в Академической гимназии вместо уволенного от учительской должности студента Осипа Полидорского.¹²¹ В июне 1764 г. в числе семи лучших академических студентов был представлен Ломоносовым «для лучшего успеха и совершенства в науках» к заграничной командировке,¹²² но в связи со смертью Ломоносова не попал в число командированных, которых выбирали И. И. Тауберт и А.-Л. Шлёцер.

О дальнейшей судьбе Горина сведений не имеется.

Добротворский Петр

Родился в Москве в 1724 г. Сын священника. Обучался в Славяно-греко-латинской академии, где дошел до класса философии. Весной 1748 г. был вывезен в Петербург в числе десяти учеников, отобранных профессором В. К. Тредиаковским для пополнения Академического университета.¹²³

Добротворский отличался большими способностями и прилежанием, что было отмечено 6 сентября 1750 г. на публичном университетском экзамене.¹²⁴ В дальнейшем, однако, на него стали поступать жалобы инспектора С. П. Крашенинникова, сообщавшего, что Добротворский, притворяясь больным, не ходит на лекции, а из общежития ежедневно уходит без спросу. Между тем

¹¹⁷ ААН, ф. 1, оп. 2-1783, № 3, л. 7; см. также: В. Б о б ы н и н. Михаил Евсеевич Головин. Математическое образование, 1912, №№ 4—8; Б. Е. Р а й к о в. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Изд. 2-е, Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 348—355.

¹¹⁸ ААН, р. I, оп. 70, № 2, л. 70.

¹¹⁹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 32.

¹²⁰ Там же, № 826, лл. 188—194.

¹²¹ Там же, л. 98; № 473, л. 210.

¹²² Л о м о н о с о в, ПСС, т. 9, стр. 595.

¹²³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 194.

¹²⁴ Там же, № 460, л. 367.

Добровторский действительно болел и по состоянию своего здоровья вынужден был вскоре оставить Университет. В декабре 1751 г. он подал в Академическую канцелярию прошение с просьбой об увольнении, указывая: «... понеже я, низжайший, за слабостью моего здоровья более не токмо должность на меня возложенную несть, но и совсем при Академии наук в службе быть силы не имею, ибо, как известно г-ну профессору и д-ру Кратценштейну и находящемуся при Академии наук лекарю Елачичу, что я глазами, грудью и наипаче головою стражду нестерпимо близ года».¹²⁵

Канцелярия не удовлетворила просьбу Добровторского и только после вторичного репорта, поданного им в марте 1752 г., направила его в Медицинскую канцелярию для осмотра доктором медицины И.-И. Лерхе, который признал его тяжело больным и непригодным для обучения высшим наукам.¹²⁶ На основании этого заключения Добровторский был исключен 2 мая 1752 г. из Университета.¹²⁷ Есть основание предполагать, что после длительного лечения в госпитале Добровторский был оставлен при Медицинской канцелярии, так как 28 августа 1755 г. Академия наук получила оттуда запрос с просьбой о присылке аттестата Добровторского, который был выдан ему 7 сентября того же года.¹²⁸

С 1764 г. Добровторский получил должность канцеляриста в 3-м департаменте Сената.

Дубровский Андреян Илларионович

Родился в Москве в 1732 г. Сын дьячка. Учился в Московской славяно-греко-латинской академии, где дошел до класса пиитики, выдвинувшись в число лучших учеников. В 1748 г. был отобран профессором В. К. Третьяковским для определения в Академический университет.¹²⁹

По свидетельству профессоров Г.-Ф. Миллера, Г.-В. Рихмана, И.-Э. Фишера и И.-А. Брауна, Дубровский с начала приезда недостаточно знал латинский язык, чтобы понимать лекции, но вскоре «засвидетельствовал свое прилежание тем, что приватно старинных авторов латинских читал и от того большее в латинском языке знание получил».¹³⁰ Видя большую способность Дубровского к языкам, Канцелярия Академии наук поручила ему заниматься латынью в младших классах Академической гимназии.¹³¹

В сентябре 1756 г. по предложению Академического собрания было решено определить Дубровского на штатную должность учителя верхнего латинского класса Академической гимназии вместо уехавшего в Московский университет магистра Н. Н. Попового. Однако это вызвало категорическое возражение профессора Н. И. Попова, считавшего, «что студента Дубровского от наук отнимать и единственно к учению латинского языка определять

¹²⁵ Там же, № 160, л. 38.

¹²⁶ Там же, л. 46.

¹²⁷ Там же, л. 63 об.

¹²⁸ Там же, № 202, л. 239.

¹²⁹ Там же, № 114, л. 206.

¹³⁰ Там же, № 137, л. 722.

¹³¹ Там же, № 220, л. 400.

нельзя, ибо он к наукам имеет способность и только один ныне в гуманиорах с пользою упражняется».¹³²

Будучи студентом, Дубровский занимался поэтическим творчеством, печатая свои стихотворения в журнале «Ежемесячные сочинения» за подписью А. Д. Как известно, 1750-е годы ознаменовались острой литературной борьбой, в процессе которой произошло окончательное размежевание ломоносовского и сумароковского литературных направлений. Исследователям русской литературы¹³³ удалось установить, что Дубровский поддерживал идейные устремления ломоносовской поэзии, защищал ее художественные принципы от нападок поэтов-сумароковцев. Дубровский высмеивал своих противников, пародировал распространенную тогда любовную лексику модных дворянских песен с их поэтическими шаблонами. Образцом борьбы двух литературных направлений является поэма Дубровского «На ослепление страстями», относящаяся по своему характеру к дидактической поэзии, характерной для творчества Ломоносова в таких произведениях, как «Письмо о пользе стекла», оды «Утреннее размышление о божием величестве» и «Вечернее размышление о божием величестве», где пропагандируются передовые естественнонаучные воззрения. Поэма Дубровского утверждает высокое природное назначение человека и обращается к социально-значимым вопросам русской действительности.

В 1757 г. Дубровский был произведен в переводчики, а в 1759 г. прикомандирован от Академии наук к графу С. Р. Воронцову, отправившемуся в путешествие «по знатнейшим русским городам».¹³⁴ Дубровский был снабжен инструкцией академиков И.-Т. Кельрейтера и Г.-Ф. Миллера, озаглавленной: «Краткое наставление для любопытного в натуральной истории, который намерен ездить по Российской империи и во время своего путешествия собирать всякие натуральные вещи для имп. Академии наук».¹³⁵ В письме из Казани от 23 марта 1760 г. Дубровский сообщил о том, что он ведет журнал всему пути, согласно инструкции, и посылает «Разговор о пользе наук и училищ», сочиненный В. Н. Татищевым, бывшим в Астрахани губернатором.¹³⁶ Этот журнал и записи Дубровского в Архиве Академии наук не сохранились.

В 1761 г. Дубровский уволился из Академии¹³⁷ и поступил на службу в Коллегию иностранных дел, которая командировала его в Вену, где поверенным в делах был граф С. Р. Воронцов.

Сохранилось несколько писем Дубровского к Воронцову, но они носят частный характер.¹³⁸

¹³² Там же, л. 401.

¹³³ См.: А. И. Дуденкова. Поэма А. Дубровского «На ослепление страстями». Сб. «XVIII век», вып. 3, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 463—470.

¹³⁴ Дело об отправлении А. Дубровского в путешествие с гр. С. Р. Воронцовым. ААН, ф. 3, оп. 1, № 250, лл. 58—95; ф. 1, оп. 2-1759, декабрь.

¹³⁵ Там же, лл. 63—71.

¹³⁶ Там же, л. 78 об.

¹³⁷ Там же, № 472, л. 205.

¹³⁸ См.: Архив князя Воронцова, кн. XVI, XXXI, XXXIV, М., 1880, 1885, 1888.

Родился в 1751 г. Сын солдата Семеновского полка. По распоряжению М. В. Ломоносова был принят 3 ноября 1763 г. в Академическую гимназию «на пробу».¹³⁹ В январе 1764 г. за прилежное обучение и хорошее поведение был определен в число казеннокоштных учеников.¹⁴⁰ Первыми учителями Зуева были будущий академик, тогда академический студент П. Б. Иноходцов, преподававший математику, и Иван Прыткой, обучавший немецкому языку и чистописанию. Немецкий язык преподавал также академический переводчик Яков Кожик, латынь — студенты Михаил Студинский и Назар Герасимов, рисование — Н. И. Любецкий. После смерти Ломоносова в Академической гимназии был введен новый порядок, и число взрослых гимназистов сильно сократилось, в связи с учреждением при Академии воспитательного училища для малолетних учеников. Но Зуев был оставлен для продолжения обучения по решению экзаменационной комиссии.¹⁴¹ Он пробыл в Гимназии еще два года, продолжая считаться примерным учеником. После экзамена в октябре 1767 г. его представили к награде в числе шести лучших учеников, среди которых значились: Михаил Головин — племянник Ломоносова, Фридрих Рихман — младший сын академика Г.-В. Рихмана, и Василий Крашенинников — сын академика С. П. Крашенинникова.¹⁴²

В 1768 г. Зуев был назначен в экспедицию академика П.-С. Палласа, которая снаряжалась для обследования восточной части России. В этой экспедиции он пробыл шесть лет, а по возвращении был командирован Академией наук в Лейденский университет для усовершенствования в науках.

В первом письме в Академию наук от 14 ноября 1771 г. Зуев сообщал, что, выехав 6 сентября из Санкт-Петербурга в Голландию, он из-за неблагоприятной погоды прибыл в Лейден только 8 ноября, а 10 ноября был в Коллегии и записался в число здешних студентов,¹⁴³ избрав на первый год четыре предмета: экспериментальную физику, химию, анатомию и натуральную историю.¹⁴⁴ Зуев прилежно посещал все занятия, но наибольшее внимание уделял

¹³⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 99.

¹⁴⁰ Там же, № 826, лл. 263—264; р. I, оп. 70, № 2, л. 112.

¹⁴¹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 476, л. 406.

¹⁴² Там же, № 308, л. 363. В книге Б. Е. Райкова «Академик Василий Зуев. Его жизнь и труды» (М.—Л., 1955, стр. 11) этот экзамен ошибочно отнесен к 1764 г.

¹⁴³ По данным архива Лейденского университета, полученным академиком И. Ю. Крачковским, Зуев был записан в книгу, в которую вносились имена поступающих студентов, под 21 ноября 1774 г. как «Basilius Zueff Russus 21 ann. Chemiae studiosus» (Вестник АН СССР, 1933, № 7, стр. 26). Он поселился на улице Papargvacht у Марленбаха.

¹⁴⁴ Экспериментальная физика преподавалась в Лейденском университете швейцарским уроженцем, профессором И.-Н.-С. Алламаном, который имел в своем распоряжении богатый инструментальный кабинет и привлекал учеников, по свидетельству И. П. Соколова, сотоварища Зуева, ясным и точным объяснением всех инструментов, относящихся к физике и особенно к аэрометрии, катоптрике, диоптрике и гидравлике. Он демонстрировал своим ученикам очень много опытов, касающихся природных явлений. Курс химии читал профессор И.-Д. Гаубиус, получивший медицинское образование в Германии. Прежде чем приступить к главному предмету своего курса, он давал обширные

анатомии. Несмотря на то, что постановка преподавания анатомии в Лейденском университете пользовалась блестящей репутацией, Зуев в репорте от 15 мая 1775 г., доносил Академии: «Оканчивая годовой курс преподаваемых здесь химических, физических и физиологических лекций, принимаю смелость донести учрежденной при императорской Академии наук Комиссии, что в здешнем училище многие усмотрел я для себя невыгоды. Во-первых, в том, что нет здесь случая научиться анатомии, к которой я особливую нахожу в себе склонность, а ее так здесь бедно изучают, что только два трупа во всю зиму для показания состава человеческого употреблено было, и оные не при студентах разделял г. профессор, но приносил только на лекции приготовленные наперед им самим части. Кроме сего, не имею я здесь случая никакому научиться языку».¹⁴⁵ Ввиду изложенного Зуев просил позволения по окончании учебного года уехать из Лейдена и записаться в Страсбургский университет. 3 сентября 1775 г. такое позволение было получено. Одновременно Зуеву прислали проездные деньги (векселем на амстердамского купца Гопа).¹⁴⁶ Однако затянувшаяся болезнь задержала отъезд Зуева, и он принужден был остаться еще на год в Лейдене. 8 сентября 1775 г. он сообщал в Академию наук: «... после опасной сей болезни в нынешнее осеннее время в дорогу пуститься не могу, а после хотя и поеду, так ни здесь, ни там начала не услышу, которого и прошлого лета не застал. Того ради за лучшее принужден принять на сей следующий курс записаться и, соображаясь с силами, опять начать ходить в Коллегию».¹⁴⁷

К этому письму Зуев приложил два аттестата, взятые им от профессоров Альбинуса и Гаубиуса, прибавляя: «... а от прочих как за множеством, так и в надежде, что они будут такого же содержания, не требовал». Профессор Альбинус удостоверял, что «выдающийся молодой человек Василий Зуев, студент из Петербургской Академии наук, был его прилежным слушателем в истекшем году по физиологии».¹⁴⁸ По свидетельству профессора Гаубиуса, «Василий Зуев, питомец Академии наук в Петербурге, показал себя прилежным слушателем его лекций как по химии экспериментальной, так и по медицинской патологии».¹⁴⁹

В марте 1776 г. Зуев послал в Академию наук на имя конференц-секретаря И.-А. Эйлера небольшой трактат на латинском языке под заглавием «Specimen Physiologicum»,¹⁵⁰ сообщив: «Оный специмен без сомнения покажется краток, но пространнее написать недостаток времени не позволяет».

сведения о всех необходимых предварительных знаниях. Анатомию преподавал Ф.-Б. Альбинус — брат известного голландского анатома Б. Альбинуса. Практические занятия по анатомии проводил профессор Э. Сандифор, исполнявший также обязанности прозектора.

¹⁴⁵ ААН, ф. 3, оп. 9, № 54, л. 5.

¹⁴⁶ Там же, л. 6.

¹⁴⁷ Там же, л. 11.

¹⁴⁸ Там же, л. 12. Аттестат Альбинуса датирован 22 августа 1775 г.

¹⁴⁹ Там же, л. 13. Аттестат Гаубиуса датирован 21 августа 1775 г.

¹⁵⁰ По отзыву профессора Б. Е. Райкова, этот очерк представляет интерес как очень четкое конспективное изложение физиологических воззрений той эпохи (см.: Б. Е. Райков. Академик Василий Зуев. Его жизнь и труды, стр. 62; там же см. изложение указанного трактата — стр. 60—66).

В подтверждение этого он описал расписание своих учебных занятий. Летом в 7 часов утра он слушал ботанику, в 8 часов — терапевтику и медицину, в 9 часов — экспериментальную физику, в 10 часов — физиологию, в 11 часов — химию, в 12 часов — анатомию, в 2 часа пополудни — натуральную историю, в 3 часа — патологию, в 4 часа — медицинскую практику. Кроме того, он проходил в хирургической лечебнице «курс больших костей», а также повторял курсы тех профессоров, которые слушал в прошедшем году.¹⁵¹ К письму Зуев приложил три аттестата лейденских профессоров о своих успехах. Копии этих утраченных¹⁵² аттестатов были обнаружены при вышеупомянутом письме Зуева на русском языке. Первый аттестат был выдан профессором Альбинусом и удостоверял, что «студент Василий Зуев ведет себя честно и добропорядочно и слушает физиологические лекции с заслуживающим похвалу прилежанием и успехом».¹⁵³ Профессор анатомии и хирургии Сандифор свидетельствовал: «Студент Василий Зуев ходит на анатомические и хирургические лекции с достохвальным прилежанием и являет себя в том презрительным примером своим сотоварищам».¹⁵⁴ В третьем аттестате — профессора Алламана — говорилось: «Василий Зуев, студент С.-Петербургской Академии наук, учится преподаваемой мною физике и метафизике с достохвальным прилежанием. Что же касается до доброго его поведения и склонности к наукам, то нимало не сомневаюсь, чтобы он по возвращении своем в отечество не заслужил всякой похвалы от своих сограждан».¹⁵⁵

По получении векселя на жалованье за майскую треть 1776 г.¹⁵⁶ Зуев отправился в Страсбург, куда прибыл в начале июля. В письме от 11 июля того же года он известил Академию наук, что записался в «Коллегию» и поселился «dans la Grande Rue chez m-r Griebel, horloger».¹⁵⁷

Как видно из писем Зуева, Страсбургский университет, считавшийся одним из лучших в Европе, привлекал его главным образом преподаванием анатомии. В то время профессором анатомии и хирургом был профессор Иоганн-Фридрих Лобштейн, блестящий лектор и искусный хирург, практические занятия которого в анатомическом театре особенно охотно посещались

¹⁵¹ Письмо Зуева И.-А. Эйлеру написано на русском и латинском языках. Очевидно, написав его по-русски, Зуев сделал перевод на латинский язык для прочтения в Академическом собрании. До настоящего времени было известно только письмо, написанное по-латыни, см.: Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века, 1766—1782. Составила И. И. Любименко. М.—Л., 1937, письмо № 1350, стр. 273; русский текст — ААН, ф. 3, оп. 9, № 54, лл. 16—17 об.

¹⁵² См.: Б. Е. Райков. Академик Василий Зуев. Его жизнь и труды, стр. 48.

¹⁵³ ААН, ф. 3, оп. 9, № 54, л. 17.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же, № 54, л. 19. За обнаруженные в учении прилежание и успехи Комиссия Академии наук определила 29 июля 1776 г. увеличить Зуеву жалованье на 35 руб. в год. Получив перевод за сентябрьскую треть с прибавкой, Зуев в письме от 21 октября 1776 г. благодарит Комиссию за оказанное ему внимание (там же, л. 25).

¹⁵⁷ Там же, л. 21.

студентами.¹⁵⁸ В ноябре 1777 г. Зуев сообщал в Академию наук: «Уже полтора года, что я в Страсбурге нахожуся, где, впрочем, никогда не думал более остаться, как то время, в которое анатомическим диссекциям обучиться можно: прошедшую зиму я в здешнем театре работал и нынешнюю всю на то одно определяю».¹⁵⁹

Кроме анатомии, Зуев занимался натуральной историей¹⁶⁰ и изучал французский язык. В летнее время, свободное от занятий, он предпринимал за свой счет далекие путешествия. В письме от 26 августа 1777 г., адресованном директору Академии наук С. Г. Домашневу, он сообщал, что «для изучения натуральной истории он проехал Лотарингию, часть Алзаций и Швейцарию до самой Женевы»,¹⁶¹ а в ноябре того же года, обращаясь в Академическую комиссию с просьбой разрешить ему возвратиться следующей весной снова в Голландию, он излагал намеченный им маршрут: «А как я, едучи оттоле из Голландии прямою дорогою, уже видел оные места, при Рейне лежащие, то желательнo посмотреть и другие, если бы Комиссия Академии наук на то соблаговолила. Ее благосклонностями ласкаясь, осмеливаюсь предложить мое намерение, что я весной хотел бы отправиться отсель Франциею на западный ее берег, в Бретань или Нормандию. Оттоль, если позволено будет, пересехать на английский южный берег, коим чтоб ехать до самого Бристоля, и там через Лондон в Кале или в Амстердам и Лейден. Если же Комиссия Академии наук не соблаговолит, чтоб я был в Англии, то я намерен ехать от показанных мест всю Бретань до самой Голландии. Если ж и сие Комиссии покажется стоящим кошту, то покорнейше прошу велеть возвратиться прямою дорогою чрез Париж, Брюссель, Роттердам в Лейден. На дальнейший же воаж я покорнейше прошу хотя позволения: ибо сии земли не сами собой, сколько приморскими своими сокровищами сего пути желать меня заставляют, и чтоб предприятие сие более с намерением согласовало, то единственно для сего определил сию зиму учиться по-аглицки, чтоб сколько-нибудь разуметь тамошнего разговору. В прочем переезд отсель в Голландию мне служить будет и частию возгратной моею в Петербург дороги, а тамошнее чрез следующую зиму пребывание будет и повторением моего учения и окончанием».¹⁶²

Не получив ответа, Зуев 24 июня снова написал директору Академии наук С. Г. Домашневу: «Дабы не слишком письмом моим распространиться

¹⁵⁸ О профессоре Лобштейне см.: Johann-Friedrich Lobstein, Professor der Anatomie, Physiologie und Chirurgie zu Strasburg. Interessante Lebensgemälde der denkwürdigsten Personen des achtzentesen Jahrhunderts von Samuel Bauer, В. II. Leipzig, 1803, стр. 354—363. Описание Страсбургского университета и его профессоров, см.: Сухомлинов, вып. II, стр. 173—184.

¹⁵⁹ ААН, ф. 3, оп. 9, № 54, л. 29.

¹⁶⁰ Лекции по ботанике в Страсбургском университете читал профессор Я.-Р. Шпильман, он же заведовал университетским ботаническим садом. С 1763 г. он состоял почетным членом Петербургской Академии наук. Курс естественной истории читал профессор И.-Ф. Герман, в ведении которого находился богатый естественнонаучный музей.

¹⁶¹ Там же, л. 27. Сумма, затраченная Зуевым на это путешествие, была покрыта Комиссией Академии наук 13 сентября 1777 г. Зуев послал благодарственное письмо за полученный вексель на 100 руб. (там же, л. 28).

¹⁶² Там же, л. 29—29 об.

и терпение Ваше не употреблять еще, я намерен упомянуть Вашему высоко-родию вкратце те науки, кои в Лейдене и здесь слушал. В Лейдене до медицины касающиеся практику со всеми принадлежащими к ней частями, физику и прочие философии части, анатомию и физиологию, химию и натуральную историю; здесь же сверх моих домашних упражнений во всех потребных для меня науках, а особенно в той, к которой наиболее склонности имею, ходил в Коллегию на химию, анатомию и натуральную историю. В успехах оных, сколько по милости Вашего высокородия самому себе рекомендовать дозволяется, то не могу более оказать, как что я все оное время не тратил напрасно и что теперь учителей не требую. К дальнейшим же успехам время подает повод и способ, а милости Вашего высокородия большую охоту и ободрение. В сих упражнениях я, не упущая времени, учился и другим наукам и языкам, из коих на французском и немецком и изъясняюсь и книги всякие без трудности разумею. Что же касается до сего, не остается ли мне еще снискать каких значений и где я оные удобно получить надеюсь, то не могу не признать, что еще довольно есть, в чем могу упражняться, и для сего удобнее выбрал место Лейден, где и учение здешнего превосходит и успехи способнее... Причиной тому, сверх вышеписанных удобностей, и примѣрская страна, и множество кабинетов, и садов, и других вещей, и достопамятностей. Для меня, если б только мог иметь столько достатку, что и все, что мне до моей профессии ни надо, как-то книги, инструменты и несколько вещей натуральных закупить и вояжировать, то для обоих сих пред-метов всегда б выбрал только одну Голландию, как способнейшую, довольнейшую и верно весь почти свет вкратце заключающую землю.¹⁶³ Свое письмо Зуев заканчивал просьбой: «Итак, остается теперь Вас униженнейше просить, и сие всепокорнейше прошу приказать определить еще этим же ле-том, дабы я мог туда поспеть к сентябрю месяцу, когда там обыкновенно все курсы начинаются».¹⁶⁴

Одновременно Зуев послал в Академическое собрание на имя конференц-секретаря И.-А. Эйлера рукопись на латинском языке под заглавием «De balaenarum aquae projectione per spiracula verticalia».¹⁶⁵ Эту работу Академия получила 9 июля 1778 г. и передала для отзыва академику Палласу.¹⁶⁶ Благодаря содействию Домашнева ходатайство Зуева о возвращении в Лейден было удовлетворено, и он в ответном письме от 1 ноября 1778 г. из Лейдена благодарил Академию наук за разрешение на переезд и за высланные ему вместе с жалованьем проездные деньги; одновременно он сообщил, что поселился у французца Керро: «Chez m-r Kerroux, Maître de langues op den Nieuwen Rhÿn».¹⁶⁷

¹⁶³ Там же, лл. 33—34.

¹⁶⁴ Там же, л. 34 об.

¹⁶⁵ «О выбрасывании китами воды через вертикальное отверстие». Рукопись осталась, очевидно, у Палласа. Сохранилось только сопроводительное письмо Эйлеру на французском языке (там же, ф. 1, оп. № 63, л. 114). Отзыв об этой работе см.: Б. Е. Райков, Академик Василий Зуев. Его жизнь и труды, стр. 66.

¹⁶⁶ Протоколы Конференции, т. III, стр. 366.

¹⁶⁷ ААН, ф. 3, оп. 9, № 54, л. 35.

В следующем письме от того же месяца Зуев сообщал о своей большой учебной нагрузке, которая задерживает перевод присланного ему «Палласова журнала»,¹⁶⁸ и заверял Комиссию Академии наук, что закончит эту работу к новому году.¹⁶⁹

Вскоре Зуев получил предписание Академии наук возвратиться летом в Россию. 15 мая 1779 г. он уже репортовал о своем прибытии в Петербург. «Ныне по приказанию Комиссии Академии, — писал он, — в отечество возвратившись, имею честь себя оной представить, сим объявить о моем возвращении и покорнейше просить о благоволении учинить со мною, что сие за благо рассудит... Желая быть, если только могу, Академии наук полезным служителем».¹⁷⁰

Осенью 1779 г. Зуев представил Академии наук две работы, написанные им в последний год своего пребывания в Голландии: 1) «*Idea Metamorphoseos insectorum ad caetera animalia applicatae*»¹⁷¹ и 2) «*Recherches sur les causes du passage des animaux d'un pays a l'autre*».¹⁷² Первая из них, по отзыву Б. Е. Райкова, важна для понимания научных воззрений Зуева в том виде, как они сложились у него после практической школы, которую он прошел в экспедиции Палласа, и после пятилетнего пребывания в двух зарубежных университетах. Б. Е. Райков характеризует его как прогрессивного, материалистически мыслящего ученого.¹⁷³ Первую из своих работ Зуев представил для получения звания адъюнкта, но Академия не сочла возможным принять эту работу, и она была заменена второй — «О переходе животных из одной страны в другую».

12 октября 1779 г. Зуеву было присуждено звание адъюнкта Академии.¹⁷⁴ В благодарственной речи он говорил: «Счастье мое наконец я вижу совершенным — ученое Академии наук общество, снисходительствуя к малым моим успехам, венчает их честью, какой я по справедливости едва от него мог надеяться с младых лет моих». Он благодарил за обучение, полученное в Академии, за предоставление возможности принять участие в путешествии Палласа и за посылку его, Зуева, в чужие края.¹⁷⁵

¹⁶⁸ Зуев переводил третью часть работы П.-С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи». Она была издана в 1788 г. в двух томах (см.: В. П. Семеновиков, Собрание, старшее о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II, стр. 46). Кроме того, Зуев перевел некоторые статьи из «Словаря естественной истории» Бомара (см.: там же, стр. 68, 86).

¹⁶⁹ ААН, ф. 3, оп. 9, № 54, л. 36.

¹⁷⁰ Там же, л. 43.

¹⁷¹ «Теория превращения насекомых, примененная к другим животным» (там же, р. I, оп. 89, № 16).

¹⁷² «Исследования о причинах перехода животных из одной страны в другую» (рукопись этой работы не сохранилась).

¹⁷³ См.: Б. Е. Райков, Академик Василий Зуев. Его жизнь и труды, стр. 67.

¹⁷⁴ Протоколы Конференции, т. III, стр. 432.

¹⁷⁵ ААН, р. V, оп. 3/9, № 7, лл. 1—2; о значении научных трудов Зуева см.: Б. Е. Райков, Академик Василий Зуев. Его жизнь и труды.

Иванов Гур Иванович

Родился в Петербурге в 1737 г. Сын солдата Ингерманландского полка.¹⁷⁶ 26 марта 1750 г. был принят «на пробу» в Академическую гимназию, а 24 августа того же года, по представлению инспектора С. П. Крашенинникова, переведен в число казеннокоштных учеников.¹⁷⁷

19 января 1760 г. Иванов за хорошие успехи был удостоен академическими профессорами звания студента.¹⁷⁸ В Университете он «слушал лекции исторические, философические, физические, математические и анатомические»,¹⁷⁹ а также занимался филологией и юриспруденцией.¹⁸⁰ В мае 1765 г. был определен к переводам.¹⁸¹ В 1766 г. Типография Академии наук издала несколько переводов Иванова, выполненных им по приказанию И. И. Тауберта с немецкого языка, а именно: «Повести малого Помпе»,¹⁸² «Бес-пустыжник, или Приключения выгнанного из ада Астарты», «Повесть о приключениях кавалера Р... во время осады барабандского города Дорника».

В 1767 г. Иванов был произведен из студентов, определенных к переводам, в действительные переводчики,¹⁸³ а в мае 1769 г. пожалован в коллежские переводчики с чином подпрапорщика.¹⁸⁴ При директоре Академии наук С. Г. Домашневле был назначен в Академическую типографию на должность «переводчика, отправляющего при Типографии корректорскую должность». В этой должности Иванов проработал 8 лет. Из Академии наук уволился в 1777 г. по собственному желанию.¹⁸⁵

Иноходцов Петр Борисович

Родился 21 ноября 1742 г. в Москве. Сын солдата Преображенского полка. 9 ноября 1752 г. по челобитной отца был принят в Академическую гимназию.¹⁸⁶ 8 августа 1760 г. по данному профессором И.-А. Брауном аттестату за успехи в науках был произведен в студенты Академического университета.¹⁸⁷ По свидетельству университетских профессоров, имел склонность к физико-математическим наукам и по собственному желанию с 1762 г. преподавал геометрию в «верхнем» математическом классе Академической гимназии.¹⁸⁸

1 мая 1763 г. Иноходцов был поручен профессору С. Я. Румовскому для обучения математике и практической астрономии. Однако преподавание Ру-

¹⁷⁶ ААН, р. I, оп. 70, № 2, л. 69.

¹⁷⁷ Там же, ф. 3, оп. 1, № 143, лл. 168 об., 172.

¹⁷⁸ Там же, № 825, лл. 20—21.

¹⁷⁹ Там же, оп. 11, № 8/1, л. 7.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же, оп. 9, № 32.

¹⁸² Там же, оп. 1, № 296, л. 239. «Жизнь и приключения малого Помпе, постельной собачки. Критическая история». Пб., 1766.

¹⁸³ Там же, ф. 3, оп. 11, № 8/1, л. 7.

¹⁸⁴ Там же, № 21/9, л. 2.

¹⁸⁵ Там же, № 8, л. 7—7 об.; там же копия аттестата, выданного Иванову Академией наук 4 ноября 1777 г.

¹⁸⁶ Там же, р. I, оп. 70, № 2, л. 84.

¹⁸⁷ Там же, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 32.

¹⁸⁸ Там же, № 274, л. 458—459.

мовского не удовлетворило Иноходцова; в феврале 1764 г. он подал жалобу на то, что его наставник не преподает ему ничего, кроме сферической тригонометрии, из-за чего он, Иноходцов, не приобрел никаких астрономических познаний.¹⁸⁹ 9 февраля 1764 г. Иноходцова вызвали в Академическое собрание и в присутствии всех академиков вынесли выговор, предложив взять назад свою жалобу и написать вместо нее другое «доношение».¹⁹⁰

19 марта 1764 г. Иноходцов подал прошение в Канцелярию Академии наук с просьбой уволить его от обучения астрономическим наукам «за недовольною способностью глаз» и определить штатным учителем математики в Академическую гимназию, разрешив продолжать заниматься физико-математическими науками у профессоров И.-А. Брауна и С. К. Котельникова.¹⁹¹

Когда в июне 1764 г. Ломоносов выступил с предложением командировать за границу семь лучших академических студентов, он рекомендовал в их числе и Иноходцова. Вопрос о заграничной командировке был разрешен уже после смерти Ломоносова и то только в отношении Иноходцова и Юдина.¹⁹² При отъезде за границу Иноходцов получил инструкцию, составленную его наставником профессором И.-А. Брауном и одобренную всеми членами Академического собрания. В ней указывалось, что главной целью его пребывания за границей является изучение опытной или экспериментальной физики и прикладной математики, а также знакомство с естественной историей и химией.¹⁹³ Среди русских книг, которые разрешалось взять с собой Иноходцову, чтобы он не отвыкал от родного языка, была рекомендована «Вольфианская экспериментальная физика» в переводе Ломоносова и его книга «Первые основания металлургии, или рудных дел».¹⁹⁴ 16 июня 1765 г. Иноходцов и Юдин выехали из Петербурга и 14 августа прибыли в Геттинген.¹⁹⁵

Во время своего двухлетнего обучения в Геттингенском университете Иноходцов посещал лекции профессоров Гольмана, А.-Г. Кестнера и И.-Ф. Муррая.¹⁹⁶ Знаменитые профессора с большой похвалой отзывались о русском студенте и ожидали многого от его дальнейшей деятельности. По отзыву Кестнера, незаурядная любознательность Иноходцова обнаруживалась не только в усердном посещении университетских лекций, но также в добровольном расширении круга научных работ и в стремлении выяснить те стороны предмета, которые для других проходили незамеченными. Самое свойство и постановка вопросов, предлагаемых Иноходцовым, показывали, что многое усвоено им без посторонней помощи и что пылливость его простира-

¹⁸⁹ Там же, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 163—163 об.

¹⁹⁰ Протоколы Конференции, т. II, стр. 511.

¹⁹¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 282, лл. 271—272.

¹⁹² Протоколы Конференции, т. II, стр. 538, 540.

¹⁹³ ААН, р. V, оп. II-5, № 1. Инstrukция эта опубликована в кн.: Сухоминов, вып. III, стр. 371—374.

¹⁹⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 476, л. 225 об.

¹⁹⁵ См. путевой дневник Иноходцова и Юдина — «Журнал происшедших приключений в нашем поезде из Санкт-Петербурга в Геттинген 1765 г.». Опубликован в кн.: Сухоминов, вып. III, стр. 376—383.

¹⁹⁶ См.: Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлёцера, им самим описанная, вып. III, стр. 386—387.

лась на самые трудные и существенные части науки.¹⁹⁷ С такой же похвалой отзывались об Иноходцове профессора Гольман и Муррай.¹⁹⁸

13 июня 1767 г. Иноходцов возвратился из-за границы. В звании студента он оставался не более года.¹⁹⁹ По предложению С. Я. Румовского он принял на себя преподавание специального курса будущим помощникам астрономов — штурманам, назначаемым в экспедиции. Эти лекции впоследствии постоянно читались им в обсерватории Академии наук. 10 октября 1768 г. Иноходцов был избран адъюнктом²⁰⁰ за представленное сочинение — «Specimen geodeticum de libellatione locorum» («Геодезическое сочинение об уровне мест»), получившее положительный отзыв академиков Леонарда Эйлера, С. Я. Румовского и Г.-М. Ловица.²⁰¹

Формулярный список Иноходцова, хранящийся в Архиве Академии наук, отмечает все этапы дальнейшего прохождения его академической службы.²⁰² В 1769—1775 гг. Иноходцов вместе с академиком Г.-М. Ловицом совершил экспедицию на юго-восток Европейской части России для наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца и для географических исследований районов рек Волги, Дона и Шата, имевших цель выяснить возможность соединения каналами Волги с Доном и Дона с Шатом. Вследствие гибели академика Ловица в 1774 г. Иноходцов закончил указанную экспедицию один в 1775 г.²⁰³

В 1776—1777 гг. Иноходцов читал публичные лекции по математике в Академии наук. В 1779 г. он был избран экстраординарным, а в 1783 г. — ординарным академиком. В 1781—1785 гг. Иноходцов совершил второе астрономическое путешествие, во время которого определял географическую широту и долготу малых городов России.²⁰⁴ По возвращении в Петербург он снова читал публичные лекции в Академии наук и заведовал Академической гимназией. Составленное Иноходцовым краткое наставление по преподаванию математики в Гимназии представляет большой интерес, знакомя с тогдашними педагогическими методами. «Как число обучающихся первым основаниям математики нарочито велико, — писал он здесь, — то непременно нужно быть двум учителям, из которых бы один преподавал арифметику, а другой геометрию и плоскую тригонометрию по книге г. коллежского советника и академика Румовского. Протолковав каждое правило, должно учителю опросить учащихся, довольно ли оное поняли и могут ли сами пересказать; в противном случае надлежит повторить. Причем стараться, чтобы ученики на предложенные им вопросы, особливо из геометрии, решения и причины сперва изустно пересказывали, а потом уже самые вычисления на доске делали, и

¹⁹⁷ См.: Сухомлинов, вып. III, стр. 386—387.

¹⁹⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 287, лл. 121, 124—126.

¹⁹⁹ Там же, № 537, л. 170.

²⁰⁰ Протоколы Конференции, т. II, стр. 654.

²⁰¹ ААН, р. I, оп. 89, № 25, лл. 1—9.

²⁰² Там же, ф. 4, оп. 5, № 935.

²⁰³ См.: В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 114—115; ААН, ф. 3, оп. 27, №№ 1—11.

²⁰⁴ См.: В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках, стр. 117—118; ААН, ф. 3, оп. 29, №№ 1—5.

доказательствами предлагали. Пред окончанием класса можно им задавать вопросы, которые бы они к следующему дню решили и учителю показывали». Иноходцов охарактеризовал и метод преподавания математики студентам, отданным в обучение академикам. Он предлагал читать им универсальную арифметику Леонарда Эйлера, показывать «употребление алгебры в высшей геометрии» и «изъяснять основания так называемого дифференциального и интегрального калькулюса»; после этого проходить прикладную математику «по напечатанным Вольфовым сокращенным основаниям, дополняя нужнейшее из новых писателей, например из г. Кестнера»; такие лекции читать «дважды в неделю по два часа в назначенные дни, на весь курс употреблять два года, первый для чистой, а другой для прикладной математики».²⁰⁵

6 сентября 1784 г. Иноходцов получил чин надворного советника. в 1785 г. был избран членом Российской Академии и принял деятельное участие в ее работах по составлению словаря. 16 февраля 1797 г., по представлению П. П. Бакунина, Иноходцова против его желания назначили в Ригу цензором, присвоив ему 5 апреля того же года чин коллежского советника. В должности цензора Иноходцов пробыл около двух лет, вернувшись по высочайшему повелению 23 июля 1799 г. снова в Академию, где оставался до конца своих дней, получив 4 июня 1800 г. чин статского советника.

Умер Иноходцов от чахотки 27 октября 1806 г.²⁰⁶

Клементьев Василий Иванович

Родился в Москве в 1732 г. Сын дьячка. Обучался в Московской славяно-греко-латинской академии, где дошел до класса пиитики. Весной 1748 г. был привезен профессором В. К. Тредиаковским в Петербург для пополнения состава Академического университета.²⁰⁷ Вследствие недостаточной подготовки, Клементьева временно направили в Академическую гимназию, но зачисление его в студенты задержалось ненадолго. Благодаря большой одаренности и упорному труду он скоро восполнил пробелы своего образования и догнал своих товарищей. Клементьев успешно закончил первый семестр и 6 сентября 1750 г. на публичном экзамене в Собрании Академии наук был награжден шпагою «за прилежное обучение и добрые поступки».²⁰⁸

Уже в первом семестре Клементьев избрал своей специальностью химию, заявив 15 февраля 1750 г. о своем желании заниматься у Ломоносова.²⁰⁹

²⁰⁵ Там же, ф. 1, оп. 2, 1793, № 1, л. 1—1 об.

²⁰⁶ Там же, р. V, оп. И-5, № 10; список научно-литературных трудов П. И. Иноходцова опубликован в книге: Сухомлинов, вып. III, стр. 409—430; см. также: Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках имп. Академии наук, а также сочинений, изданных Академией отдельно со времени ее основания до 1872 г., ч. II, Сочинения на русском языке, 1875, стр. 16, 28, 36—37, 75, 85, 93, 94, 136—137, 209, 383.

²⁰⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 206

²⁰⁸ Там же, № 460, л. 367.

²⁰⁹ Там же, № 137, л. 738.

В мае 1751 г. Комиссия профессоров, в которую входили Г.-В. Рихман, М. В. Ломоносов, И.-А. Браун, Х.-Г. Кратценштейн, А.-Н. Гришов, Н. И. Попов, дала следующий отзыв о нем: «Василий Клементьев на вопросы физические г-ну профессору Рихману не худо отвечал, в математике оказал большое искусство, словесным наукам и философии немало научился. Желает обучаться химии, что ему от Собрания дозволяется, токмо, чтоб ходить на физические лекции и упражняться в словесных науках».²¹⁰ На основании этого решения Академическая канцелярия постановила: «Василия Клементьева поручить советнику г-ну профессору Ломоносову и ему в Университете слушать такие лекции, какие ему предпишет г-н советник».²¹¹

Василий Клементьев прослушал курс лекций по истории «истинной физической химии», который Ломоносов читал в 1752—1754 гг. Это был первый в истории науки курс физической химии, сопровождаемый опытами, в которых принимали участие и студенты. Сохранился составленный Клементьевым конспект с кратким изложением содержания всех параграфов ломоносовского курса.²¹² В репорте, поданном в Канцелярию Академии наук 5 февраля 1753 г., Ломоносов дал следующий отзыв о своем ученике: «Василий Клементьев всех прилежнее и, как по обстоятельствам примечаю, изрядно понимает и помнит, однако на вопросы отвечать весьма застенчив, так что иногда сказать не может того, что ему, конечно, памятно быть должно».²¹³

Под руководством Ломоносова Клементьев написал диссертацию, посвященную одному из самых важных вопросов физической химии, — «Об увеличении веса, приобретаемого некоторыми материалами после осаждения».²¹⁴ Всю опытную часть диссертации Клементьев выполнил в Химической лаборатории. 26 апреля 1754 г. диссертация была представлена в Академическую конференцию, где получила единодушное одобрение.²¹⁵

10 мая 1756 г. в письме на имя И.-Д. Шумахера Ломоносов возбудил ходатайство о назначении Василия Клементьева на освободившуюся должность лаборатора в Химическую лабораторию²¹⁶ вместо уволенного Франца Беттигера. Шумахер затягивал решение вопроса и лишь через два с половиной месяца — 30 июля 1756 г. ходатайство Ломоносова было удовлетворено.²¹⁷ Клементьев явился достойным учеником и помощником Ломоносова, принимая участие вместе с ним во многих экспериментальных работах, производившихся в Химической лаборатории. Под руководством Ломоносова Клементьев выполнял и самостоятельные изыскания. «Ныне, — писал Ломоносов в своем отчете за 1756 г., — лаборатор Клементьев под моим смотрением изыскивает по моему указанию, как бы сделать для фейерверков вер-

²¹⁰ Там же, № 153, л. 324.

²¹¹ Там же, л. 331 об.

²¹² Там же, ф. 20, оп. 1, № 53, лл. 201—206.

²¹³ Там же, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 33.

²¹⁴ Там же, р. 1, оп. 2, № 19. Опубликовано в кн.: Н. М. Раскин. Василий Иванович Клементьев — ученик и лаборант М. В. Ломоносова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 39—58.

²¹⁵ Протоколы Конференции, т. II, стр. 315.

²¹⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 210, л. 251.

²¹⁷ Там же, л. 262.

ховые зеленые звездки».²¹⁸ Клементьев остался лаборатором в Химической лаборатории и при преемнике Ломоносова — профессоре У.-Х. Сальхове. Выполняя приказ Канцелярии, Клементьев составил в 1757 г. подробную опись всему инвентарю и препаратам Химической лаборатории.²¹⁹

Ломоносов после ухода из лаборатории продолжал заботиться о судьбе своего ученика. Подводя итоги летнего семестра 1757 г. в Академическом университете, Ломоносов, между прочим, писал: «3-е. К. Сальхову, чтоб он обще с лаборатором Клементьевым химические эксперименты делал, и приводил бы оного Клементьева к совершенству химии».²²⁰

22 февраля 1754 г. Клементьев умер на 27-м году своей жизни,²²¹ как предполагают, от отравления ядовитыми химическими препаратами.

Козельский Яков Павлович

Родился в 1726 г. на Украине в местечке Колебердо.²²² Отец его был старшиной Полтавского полка. В сентябре 1750 г. Козельский обратился в походную канцелярию гетмана К. Г. Разумовского с просьбой о выдаче ему паспорта для проживания в Петербурге,²²³ а 9 ноября 1750 г. поступил в Академическую гимназию.²²⁴ До этого, по его собственному свидетельству, он обучался в Киевской академии, откуда вынес знание латинского языка.²²⁵ По отзыву наставников, Козельский учился охотно, «с прилежанием, хвалы достойным».

В марте 1752 г. Козельский был произведен в академические студенты. В Академическом университете он пробыл пять лет, проявив склонность к философии и математике.²²⁶ Курс философии Козельский слушал у профессора И.-А. Брауна, о котором положительно отзывался М. В. Ломоносов. Не исключена возможность, что Козельский со своими товарищами Н. Н. Поповским и А. А. Барсовым занимался и у Ломоносова, под влиянием которого были заложены основы его обширных знаний и сложилось его мировоззрение передового человека и мыслителя.

В июле 1755 г. Козельский обратился в Академическую канцелярию с просьбой разрешить ему быть репетитором племянника прокурора Н. М. Самарина и жить в его доме, мотивируя просьбу тем, что «те деньги, которые он, живучи в Университете, издерживает на кушанье, может употреблять на

²¹⁸ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 393.

²¹⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 221, лл. 280а—295 об.

²²⁰ Ломоносов, ППС, т. 9, стр. 472.

²²¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 240, л. 249.

²²² Во многих биографических справках о Козельском годом его рождения называют 1735 год. Это опровергается документальными данными (там же, № 222, л. 380). Правильный год рождения Козельского дан в статьях: И. Бак. Я. П. Козельский. Вопросы истории, 1947, № 1; С. Коробкина. К биографии Якова Козельского. Ученые записки ЛГУ, 1955, № 200, Серия филологических наук, вып. 25; Большая советская энциклопедия, т. 21.

²²³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 163, л. 22.

²²⁴ Там же, л. 16.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же, л. 17; № 222, л. 380.

покупку книг и прочих к учению нужных вещей».²²⁷ В 1757 г. Козельский по собственному желанию был уволен из академических студентов, но впоследствии не раз вспоминал Академию наук, которой он был «одожден» многими знаниями. Вероятно, при содействии Н. М. Самарина по уходе из Академического университета Козельский был определен гренадером в Преображенский полк и состоял при Петербургском коменданте генерале Косыгове.²²⁸

Находясь на военной службе, Козельский продолжал заниматься научной работой, о чем свидетельствуют вышедшие в свет его оригинальные произведения и переводы. Он издавал переводы на собственные средства, выбирая то, что ему казалось достойным внимания русского читателя. В 1763 г. Козельский стал преподавать математику в Артиллерийском инженерном корпусе. В том же году он был произведен в чин подпоручика, а в 1764 г. получил чин капитана артиллерии.²²⁹ Состоя преподавателем арифметики и механики при Артиллерийском инженерном корпусе, Козельский занимался переводом иностранных учебных пособий, критически перерабатывая их и внося свои собственные предложения. В начале 1766 г. он оставил военную службу, получив чин надворного советника.

В конце 1766 г. Козельский поступил на службу в Сенат на должность секретаря 3-го департамента.²³⁰ В середине 1770 г. Козельский уехал на родину, где поступил на службу в Малороссийскую коллегию (в городе Глухове). В этой должности он состоял 8 лет, выйдя в 1778 г. по болезни в отставку. В 1786 г. он возвратился в Петербург и занялся литературной работой.

Год смерти Козельского неизвестен.

Философские произведения Я. П. Козельского были одними из первых просветительных книг в России, пропагандировавшими материалистическую философию. Они воспитывали молодое поколение и их читали будущие русские просветители. Благодаря блестящему знанию языков Козельский был хорошо знаком с зарубежной литературой. Переводы философских статей, сделанные им в 1770 г. из знаменитой энциклопедии Дидро и Даламбера, знакомили русского читателя с французским материализмом.²³¹

Сочинения и переводы Козельского:

1. «Арифметические предложения для употребления обучающегося в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества, сочиненные артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб., 1764».

²²⁷ Там же, № 202, л. 18.

²²⁸ Там же, № 237, лл. 157—158.

²²⁹ ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 23, д. 4780, лл. 25—26 об., 29—30.

²³⁰ Там же, оп. 23, д. 4780, л. 27—27 об.

²³¹ О философских, общественно-политических и экономических воззрениях Козельского см. статьи: И. Б а к, Я. П. Козельский. Вопросы истории, 1947, № 1; С. В. Па п а р и г о п у л о. О двух Козельских. Вопросы истории, 1954, № 8; М. Я. Ш и п а н о в. Общественно-политические и философские воззрения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1953; О. К о р о б к и н а. К биографии Якова Козельского. Ученые записки ЛГУ, № 200, Серия филологических наук, вып. 25, 1955, стр. 192—204; Ю. Я. К о г а н. Просветитель XVIII в. Я. П. Козельский. Изд. АН СССР, М., 1958.

2. «Механические предложения для употребления обучающегося при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества, сочиненные капитаном Яковом Козельским. СПб., 1764».

3. «Философские предложения, сочиненные надворным советником и Правительствующего сената секретарем Яковом Козельским. СПб., 1768».

4. «Возмущение против Венеции. Трагедия, сочиненная господином Оттавом, а с немецкого языка на российский переведена Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса поручиком Яковом Козельским. СПб., 1764».

5. «История о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления, сочиненная аббатом Вертолом, королевской французской Академии надписей и словесных наук членом, а с французского на российский переведенная артиллерии капитаном Яковом Козельским, ч. I. СПб., 1764; ч. II. СПб., 1765».

6. «Начальные основания фортификации, сочиненные господином профессором бароном Вольфом, а с латинского переведенные артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб., 1765».

7. «История славных государей и великих генералов с рассуждениями о их поступках и делах, собранная господином Шофиным из сочинений Роллена, Кревиера и других, а с французского языка переведенная артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб., 1765».

8. «История датская, сочиненная господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания артиллерии капитан Яков Козельский, ч. I. СПб., 1765; ч. II. СПб., 1766».

9. «Государь и министр, книга, сочиненная господином Мозером, с немецкого языка переведена артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб., 1766».

10. «Статьи о философии и частях ее из энциклопедии, переведенные надворным советником Яковом Козельским, ч. I и II. СПб., 1770».

11. «Сочинение об осаде крепостей. Перевел с немецкого Яков Козельский. СПб., 1770».

12. «Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании, т. I—II. СПб., 1788».

Константинов Алексей Алексеевич

Родился 5 февраля 1728 г. в Брянске. Сын брянского протопопа. 24 января 1750 г. выдержал испытание в Академический университет, получив следующий отзыв экзаменовавшего его профессора Г.-Ф. Миллера: «В латинском языке нарочито искусен, риторике и логику аристотелическую по большей части знает и в греческом и немецком языках некоторое основание имеет. В прочем он понятия и рассуждения хорошего быть кажется и великую охоту показывает в науках. Почему заключаю, что он в академические студенты годен».²³² На основании этого отзыва А. А. Константинов был при-

²³² ААН, ф. 3, оп. 1, № 460, л. 25.

нат 26 января в Академический университет, получив квартиру и жалованье (наравне с другими студентами) в сумме 48 руб. в год.²³³

В Университете Константинов специализировался у профессора И.-А. Брауна — в философии, преимущественно дидактической, и у М. В. Ломоносова — «по поэтике и красноречию»,²³⁴ считаясь «в словесных и философических науках из лучших».²³⁵ В 1754 г. он получил степень магистра,²³⁶ а в 1755 г. Академическая канцелярия вынесла решение об определении его по запросу Синода на свободную должность учителя «словесных и философических наук» в семинарию Троице-Сергиевской лавры.²³⁷ Однако Константинов подал прошение о назначении его учителем Гимназии при Московском университете. Ходатайство это было удовлетворено, и в 1756 г., уволившись из Академии наук, он уехал в Москву.²³⁸

В дошедшем до нас расписании учебных занятий Московской гимназии на 1757 г. указывается, что магистр Алексей Константинов преподает «по 2 часа этимологию латинского языка и переводы с латинского на русский, он же по три дня в неделю показывать имеет штиль российский в сочинении писем, речей и диалогов, предписавши российской грамматики правила».²³⁹

6 мая 1758 г. Константинов был переведен в Академию художеств «для надзирания и обучения» учеников и «заведования академическим хозяйством». После восшествия на престол Екатерины II Константинов был назначен унтер-библиотекарем ее домашней библиотеки и произведен в надворные советники. В 1766 г. он женился на дочери М. В. Ломоносова — Елене Михайловне, став наследником Усть-Рудицкой фабрики Ломоносова.

Умер Константинов 11 мая 1808 г.²⁴⁰

Костыгов Василий Григорьевич

Родился в Петербурге в 1749 г. Сын солдата Измайловского полка. 18 сентября 1760 г. по распоряжению М. В. Ломоносова был принят «на пробу» в Академическую гимназию.²⁴¹ В декабре 1761 г. Костыгова опреде-

²³³ Там же, л. 25 об.

²³⁴ По свидетельству кн. А. А. Шаховского в беседе его с И. М. Снегиревым, А. А. Константинов указывал, что Ломоносов сочинил также курс «Логики», занимавший промежуточное положение между грамматикой и риторикой (см.: дневник И. М. Снегирева. Русский архив, 1902, кн. III, стр. 17). Никаких следов ломоносовской «Логики» до сих пор не отыскано.

²³⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 153, л. 327.

²³⁶ Там же, № 212, л. 202.

²³⁷ Там же, № 198, лл. 201—207.

²³⁸ См.: Дело об определении А. Константинова в Московский университет. ААН, ф. 3, оп. 1, № 212, лл. 201—206, 289—293.

²³⁹ Цит. по кн.: С. В. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках, т. I. СПб., 1912, стр. 227.

²⁴⁰ См.: Б. Л. Модзалевский. Род и потомство Ломоносова. Ломоносовский сборник, 1711—1911, Изд. имп. Академии наук, СПб., 1911, стр. 335.

²⁴¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 37.

лили за «изрядное прилежание и способность» в число казеннокоштных учеников,²⁴² а 20 декабря 1765 г. произвели в студенты.²⁴³

В 1768 г. Костыгов был назначен на место уволенного из Академической гимназии учителя российского класса И. Прыткого, но преподавал в Гимназии только один год; в Академическую комиссию понадобился секретарь и, по распоряжению директора Академии наук графа В. Г. Орлова, Костыгова назначили туда канцеляристом «у текущих дел».²⁴⁴ В свободное от канцелярской работы время Костыгов, хорошо знавший иностранные языки, занимался переводами и в 1770 г. был определен в «Ведомственную экспедицию» при Академии наук переводчиком. В представленном в 1773 г. в Комиссию Академии наук доложении титулярного советника И. Л. Стафенгагена говорилось, что находящийся при «Ведомственной экспедиции» переводчик Василий Костыгов «со вступления своего в эту должность оказывал всегда отменное к делам прилежание и усердие, а в поступках своих похвальную беспорочность». Стафенгаген писал, что товарищи Костыгова по Гимназии, определившиеся в другие учреждения, давно награждены чинами, он же, Костыгов, оставшийся на службе в Академии «из благодарности за его воспитание и из любви к Академии наук», оказался обиженным.²⁴⁵ В связи с этим последовало распоряжение А. Л. Ржевского, руководившего делами Академии в отсутствие графа В. Г. Орлова, о прибавке Костыгову 25 руб. «за прилежность его и усердие, с которым он отправляет возложенную на него должность».²⁴⁶

В 1774 г. Костыгов был пожалован чином коллежского переводчика, а 16 января 1777 г. уволен из Академии по собственному желанию.²⁴⁷

Из переводов Костыгова известны:

1. «Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной С.-Петербургской имп. Академии наук. Сочинение Бакмейстера, СПб., 1779».²⁴⁸

2. «Краткое описание животным и растениям, изысканным в 1768 и в 1769 году. Прибавление к Путешествию Палласа по разным провинциям Российской империи». Издано вместе с «Путешествием» в СПб. в 1773 г.²⁴⁹

3. «Словарь, Французскою академиею сочиненный и четвертым тиснением изданный в Париже 1762 года, а в Санктпетербурге, напечатанный с прибавлением российского языка в 1773 году». Буква «В». В печати не появилась.²⁵⁰

²⁴² Там же, л. 74—74 об.

²⁴³ Там же, ф. 3, оп. 1, № 292, л. 304; № 476, л. 466—466 об.

²⁴⁴ Там же, № 540, л. 128.

²⁴⁵ Там же, оп. 11, № 10/14, л. 5.

²⁴⁶ Там же, оп. 1, № 544, л. 219.

²⁴⁷ Там же, № 548, л. 55. Копию аттестата, выданного Костыгову Академией наук 24 января 1777 г., см.: там же, оп. 11, № 10/16, л. 2.

²⁴⁸ См.: В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ч. IV. СПб., 1905, № 7803.

²⁴⁹ Само описание путешествия переведено академическим переводчиком Самсоном Волковым.

²⁵⁰ Первый выпуск словаря (на букву «А») переведен академическим переводчиком Самсоном Волковым.

Родился в городе Сумах на Украине в 1732 г. Сын полкового священника. 24 сентября 1750 г. поступил в Академическую гимназию.²⁵¹ В 1757 г. был допущен к университетским лекциям после полученной аттестации: «Василий Крамаренков в языках латинском и немецком не худо успел».²⁵² В Университете Крамаренков выразил желание заниматься ботаникой у профессора И.-Х. Гебенштрейта.²⁵³ Но в конце года он принужден был прервать свои занятия, так как профессор Гебенштрейт прекратил чтение лекций, ссылаясь на отсутствие в Ботаническом саду аудитории, и не велел ходить к нему студентам, пока она не будет выстроена.²⁵⁴ В апреле 1759 г. Гебенштрейт был отпущен за границу для лечения и не вернулся в Россию.²⁵⁵

В течение последующих лет своего пребывания в Университете Крамаренков занимался философией и переводами. 7 сентября 1760 г. «за искусство в переводах» он был пожалован чином переводчика и по его прошению уволен из Академии.²⁵⁶ С 1766 г. по 1769 г. Крамаренков занимал должность секретаря в Сенате, а потом стал секретарем гр. Р. И. Воронцова. Очевидно, Крамаренков был близок семье Ломоносовых, так как после смерти последнего его вдова обращалась к Крамаренкову за содействием. «За недавним временем, — писала она, — приняла я смелость Ваше благородие просить к себе, чтобы с Вами посоветоваться о моих делах, в моем доме происходящих. Надеюсь на Вашу дружбу, вновь отваживаюсь Вас утруждать и просить приложенное при сем письмо подать моим именем его сиятельству графу Роману Ларионовичу. Прошу не оставить Вашим посещением».²⁵⁷

Из переводов В. И. Крамаренкова известны:

1. «Басня о Фаятоне из Овидиевых превращений». Перевод с латинского. Напечатано в журнале «Трудолюбивая пчела» (СПб., 1759, март).

2. «Описание свойства и доброты земель, находящихся в Ингерманландии». Напечатано в «Трудах Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» (ч. I, СПб., 1765, стр. 88; ч. III, 1766, стр. 147; ч. X, стр. 59).

3. «О разуме законов. Сочинение господина Монтескюя, т. I». Переведено с французского, СПб., 1775. Продолжение этого сочинения в печати не появилось, но в докладе директора Академии наук С. Г. Домашнева в числе книг, отданных для перевода Крамаренкову, значится том II и следующие.²⁵⁸

4. «Каня Суллуствия Криспа войны Катилинская и Югурфинская». СПб., 1769.

²⁵¹ ААН, р. I, оп. 70, № 2, л. 72.

²⁵² Там же, ф. 3, оп. 1, № 226, л. 68.

²⁵³ Сохранилось доношение Крамаренкова в Канцелярию АН с просьбой о выдаче ему микроскопа «для разбирания мелких частей трав, которые нельзя рассмотреть поостым глазом, и картузной бумаги для высушивания трав» (там же, № 223, л. 87).

²⁵⁴ Там же, № 220, лл. 31—32.

²⁵⁵ Там же, № 242, лл. 105, 123.

²⁵⁶ Там же, № 288, л. 290.

²⁵⁷ Архив князя Воронцова, кн. IV. М., 1872, стр. 504—506.

²⁵⁸ См.: В. П. Семеновиков. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II, стр. 53, 87.

Крупеников Григорий Петрович

Ученик Московской гимназии. В 1757 г. был произведен в студенты Московского университета и назначен учителем Гимназии.²⁵⁹ В 1760 г., по определению куратора Московского университета И. И. Шувалова, Крупеникова послали в Петербург для обучения в Академическом университете.²⁶⁰

Есть основание предполагать, что Крупеников обучался юриспруденции; в Московском университете в первые годы его существования из-за недостатка профессоров не была еще замещена Кафедра русского права,²⁶¹ в то время как в Академическом университете лекции по этому предмету уже читались. Сведений о петербургском периоде жизни Крупеникова не сохранилось. Впоследствии он был назначен членом Канцелярии Московского университета и заведовал пансионом для сверхкомплектных учеников.²⁶²

Кузнецов Степан

Родился в Петербурге в 1742 г. Солдатский сын. 10 декабря 1752 г. был принят в Академическую гимназию.²⁶³ При выпуске получил следующую аттестацию: «По свидетельству учителя верхнего российского класса Мокеева — учиться изрядно и прилежен; по свидетельству учителей верхнего латинского класса Н. Н. Мотониса и Г. В. Козицкого — учиться очень хорошо и прилежно; по свидетельству учителя геометрического класса П. Б. Иноходцова — выслушал геометрию и тригонометрию знает не худо; по свидетельству учителя географического класса Юстуса Миллера — успехи очень хорошие».²⁶⁴ На основании этой аттестации 4 сентября 1763 г. Кузнецова произвели в студенты.²⁶⁵ Через год в числе семи лучших академических студентов он был назначен Ломоносовым к отправке в заграничную командировку. Вместе со всеми он успешно прошел проверку в Академическом собрании.²⁶⁶ Однако известно, что командировка студентов была отложена, а когда она после смерти Ломоносова все же состоялась, Кузнецов не попал в число отправленных за границу, а был оставлен еще на год в Университете для обучения астрономии у профессора Н. И. Попова.²⁶⁷

29 декабря 1766 г. Кузнецов был исключен из Университета по решению Комиссии Академии наук, возглавленной И. И. Таубертом «для разбора студентов». Исключение мотивировалось тем, что он якобы «по летам, понятию

²⁵⁹ См.: Н. В. Сушков. Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского благородного пансиона и Дружеского общества. М., 1858, стр. 5.

²⁶⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 42.

²⁶¹ Н. И. Пенчко. Основание Московского университета. М., 1952, см.: стр. 103—104.

²⁶² Русская старина, 1897, № 7, стр. 114.

²⁶³ ААН, р. 1, оп. 70, № 2, л. 84 об.

²⁶⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, № 826, лл. 207 об.—208, 209 об., 210, 216.

²⁶⁵ Там же, лл. 233—234; № 474, л. 236.

²⁶⁶ Там же, № 534, л. 195 об.

²⁶⁷ Там же, ф. 1, оп. 2-1765, № 5.

и прилежанию достигнуть потребных знаний в Академии не может».²⁶⁸ 24 января 1767 г. С. Кузнецов был направлен в Герольдмейстерскую контору Сената, получив аттестат «в добропорядочной его службе» в Академии наук.²⁶⁹ С 1767 по 1771 г. он занимал должность подканцеляриста Сената.

Легкой Дмитрий Романович

Родился в Петербурге в 1741 г. Сын солдата Измайловского полка.²⁷⁰ 15 марта 1751 г. по челобитью его отца был принят в Академическую гимназию «на пробу»,²⁷¹ 1 сентября того же года «за прилежание и успехи» переведен в число казеннокоштных гимназистов.²⁷²

В 1760 г. Легкой был произведен в академические студенты.²⁷³ В Университете он проявил склонность к юридическим наукам и успешно занимался у профессора российской юриспруденции Г.-Ф. Федоровича по естественному и гражданскому праву, став его лучшим учеником.²⁷⁴ Кроме того, Легкой занимался «латинским штилем» у профессора И.-Э. Фишера и упражнялся в немецком и французском языках.²⁷⁵ В 1764 г. он был представлен к заграничной командировке и отправлен при детях президента Академии наук К. Г. Разумовского в Страсбург.²⁷⁶ 5 мая 1765 г. Легкой начал изучать в Страсбургском университете римское и «народное право немецкой империи» у профессора юриспруденции Ерлена. Находящиеся в Архиве Академии наук СССР репортажи и письма Легкого из Страсбурга в Академическую канцелярию свидетельствуют о его успешных занятиях наукой и языками.²⁷⁷ Как видно из его письма от 9 августа 1765 г., ежедневные уроки с сыновьями Разумовского отнимали у Легкого «самое прекраснейшее время», вследствие чего он принужден был пропускать порою необходимые лекции и «награждать сию утрату своим прилежанием».²⁷⁸

Летом 1767 г. Легкой тяжело заболел и, пролежав шесть месяцев, 10 ноября того же года умер.²⁷⁹ Сообщая 21 ноября 1767 г. Петербургской Академии наук о смерти студента Дмитрия Легкого и выражая соболезнование профессорам и студентам Страсбургского университета по поводу его безвременной кончины, профессор истории и красноречия И.-Д. Шепфлин писал: «Ему бы долго жить долженствовало, дабы он мог случай иметь знание и искусство, здесь приобретенное, в пользу отечества своего употребить».²⁸⁰

²⁶⁸ Там же, ф. 3, оп. 1, № 301, л. 279.

²⁶⁹ Там же, № 538, л. 11.

²⁷⁰ Там же, р. I, оп. 70, № 2, л. 74 об.

²⁷¹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 151, лл. 302—303.

²⁷² Там же, л. 306.

²⁷³ Там же, № 826, л. 375.

²⁷⁴ Там же, л. 374.

²⁷⁵ Там же, ф. 1, оп. 2-1764, декабрь.

²⁷⁶ См.: Дело об отправлении Д. Легкого за границу для продолжения наук. ААН СССР, ф. 3, оп. 1, № 286, лл. 224—232.

²⁷⁷ Там же, № 270, лл. 146—147, 149—151, 153—154.

²⁷⁸ Там же, л. 153.

²⁷⁹ Там же, № 286, л. 241.

²⁸⁰ Там же, л. 245.

Леонтьев Александр

Родился в Петербурге в 1740 г. Сын каптенармуса Преображенского полка. В Академическую гимназию был принят 4 июля 1749 г.²⁸¹ В 1753 г. не подвергаясь экзамену и недостаточно овладев латынью, чтобы слушать университетские лекции, был произведен И.-Д. Шумахером в студенты.²⁸² Вследствие этого, по решению Академического собрания от 18 марта 1754 г., он, состоя студентом, продолжал заниматься в Гимназии языками.²⁸³ В 1768 г. Леонтьев обратился в Канцелярию Академии наук с просьбой об определении его переводчиком, но, не выдержав экзамена, был назначен «для исправления корректур» в Академическую типографию вместо заболевшего корректора А. С. Барсова.²⁸⁴

Сведений о дальнейшей судьбе Леонтьева не имеется.

Лепехин Иван Иванович

Родился в Петербурге 10 сентября 1740 г.²⁸⁵ Солдатский сын. Десяти лет был прислан Сенатом в Канцелярию Академии наук для определения в Академическую гимназию.²⁸⁶ Несмотря на то, что он был обучен только «российской грамоте и письму», гимназический инспектор С. П. Крашенинников оценил «понятие и прилежание» мальчика и обратился в Канцелярию с просьбой принять его на казенное содержание. 27 августа 1751 г. Лепехин был зачислен в состав казеннокоштных учеников с жалованьем в сумме 12 руб. в год.²⁸⁷ В Академической гимназии Лепехин обучался восемь лет (с 1751 по 1760 г.), выдвинувшись в число первых учеников.²⁸⁸ Он хорошо овладел немецким и латинским языками, прошел по ломоносовской программе курс русского языка и приобрел серьезные математические познания. 19 января 1760 г. Лепехин был произведен в студенты.

Пробыв в Академическом университете два с половиною года, Лепехин обратился с просьбой о заграничной командировке для обучения естественным наукам. Ссылаясь на полученное в начале 1762 г. распоряжение М. В. Ломоносова, разрешавшее студентам избирать науку «по желанию и способности своей», Лепехин писал, что издавна чувствовал в себе особую склонность к «натуральной истории», которой не мог, однако, обучаться за отсутствием в Академии профессора по этой дисциплине.²⁸⁹ Прошение Лепехина рассматривалось в экстраординарном собрании Академии наук, постано-

²⁸¹ Там же, р. I, оп. 70, № 2, л. 65 об.

²⁸² Там же, ф. 3, оп. 1, № 465, л. 1.

²⁸³ Протоколы Конференции, т. II, стр. 297—298.

²⁸⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 474, л. 111.

²⁸⁵ См.: Русский биографический словарь, том «Лабзина—Лященко», СПб., 1914, стр. 258.

²⁸⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 152, л. 67.

²⁸⁷ Там же, р. I, оп. 70, № 2, л. 75.

²⁸⁸ «Ученик Иван Лепехин весьма понятен и оказывает особливую перед прочими охоту к учению», — сообщалось в репортах гимназических учителей (там же, ф. 3, оп. 1, № 229, л. 138).

²⁸⁹ Там же, № 270, л. 33.

вившим удовлетворить его ходатайство «потому, что он в фундаментальных науках и языках нарочитые успехи имеет».²⁹⁰

13 апреля 1762 г. Лепехин отбыл за границу в Страсбургский университет. Страсбургские профессора оказывали большое участие и внимание русскому студенту. Непосредственным его руководителем был профессор химии и ботаники Я.-Р. Шпильман, курс естественной истории читал профессор И. Герман. Кроме того, Лепехин занимался у профессоров анатомии И.-Ф. Лобштейна и И. Пфедфингера и слушал лекции по физике у профессора Ж.-Л. Шурера.²⁹¹ Находящиеся в Архиве Академии наук СССР аттестаты, выданные Лепехину в 1763 г. профессорами Страсбургского университета, свидетельствуют о его прилежании и успехах, «выходящих из ряда обыкновенных» (по отзыву профессора Лобштейна).²⁹² Ломоносов следил за успехами Лепехина и настаивал в 1764 г. на том, чтобы «указать ему упражняться паче всего в ботанике еще два года, а третий определить на путешествия, чтобы видеть в других государствах славные ботанические сады и ботаников».²⁹³ 5 мая 1767 г. Страсбургский университет удостоил Лепехина степени доктора медицины за представленную им диссертацию под названием «De acetificatione».²⁹⁴

Осенью 1767 г. Лепехин вернулся в Петербург. Для того, чтобы удостовериться в познаниях молодого доктора медицины, академик П.-С. Паллас поручил ему описать некоторые «натуральные вещи», взятые из петербургской Кунсткамеры, а именно: пять банок с разными животными, три птицы и несколько трав. 20 ноября 1767 г. Паллас в своем отзыве о работе Лепехина писал: «Присланные ко мне на рассуждение описания здешних и иностранных зверей достойны всякой похвалы. Названия оных исправны, описания ясны и искусны, и присовокупленные краткие примечания остроумны и к стати подведены. Большое познание зверей и упражнение может сочинителя сих описаний учинить совершенным в сей науке. И должно желать, чтоб он с такою же ревностию прилежал к сей части натуральной истории, к чему есть наилучший случай в Натуральном кабинете императорской Академии наук».²⁹⁵

В 1768 г. Лепехин был избран адъюнктом Петербургской Академии, а в 1771 г. академиком по кафедре естественной истории.

Вскоре после избрания в адъюнкты Лепехин отправился в ученое путешествие по России, которое продолжалось шесть лет (8 июня 1768 г. — 1773 г.) и было описано им в его «Дневных записках».²⁹⁶ Во время своего путешествия по России Лепехин был избран членом Вольного экономического общества (в 1770 г.). В 1774 г. ему вверили управление Ботаническим садом

²⁹⁰ Там же, л. 36.

²⁹¹ См. студенческие письма Лепехина из Страсбурга, опубликованные в книге: Сухомлинов, вып. II, стр. 184—195.

²⁹² ААН, ф. 3, оп. 1, № 270, лл. 133, 135—137.

²⁹³ Там же, № 282, лл. 271—272.

²⁹⁴ Протоколы Конференции, т. II, стр. 626.

²⁹⁵ ААН, р. V, оп. Л-20, № 34, л. 1.

²⁹⁶ «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг.». Изданы в 1771 г., переизданы в 1793 г.

Академии наук. В том же году он был приглашен на должность цензора печатаемых переводов «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг», учрежденного Екатериной II. Лепехин принимал и сам участие в переводах и обогатил русскую литературу переводом «Естественной истории» Бюффона.

В 1777 г. в ведение Лепехина перешла Академическая гимназия, инспектором которой он состоял более пятнадцати лет (до 1794 г.).²⁹⁷ При открытии императорской Российской Академии (21 октября 1783 г.) он был избран ее действительным членом и непрременным секретарем и исполнял эту должность до самой своей смерти. Являясь одним из главных участников во всех трудах и предприятиях Академии, Лепехин получил золотую медаль, присуждаемую на основании академического устава тому из членов, который наиболее «отличался трудом и пользою». В 1776 г. Лепехин был избран членом Берлинского общества испытателей природы, а в 1778 г. — членом Гессен-Гомбургского патриотического общества. Ученые труды Лепехина, получившие признание в Западной Европе, имели особенное значение для того времени и высоко ценились современниками.²⁹⁸

Лобысевич Афанасий Кириллович и Девович Семен²⁹⁹

Происходили из украинских дворян. С 1754 г. состояли студентами Академического университета.³⁰⁰ Они неоднократно докучали президенту К. Г. Разумовскому о «повышении их чинами при Академии», в результате чего последний предложил Ломоносову «сделать им произведение, чему они достойны». ³⁰¹ Испытание показало, «что они только посредственные студенты, а от того весьма далеки, каковым у академическому регламенту адъюнктам быть положено», и Ломоносов не счел возможным произвести их в адъюнкты, предложив им посещать лекции и обещая помочь их производству в это звание, когда они «положат хотя некоторое начало в какой-нибудь науке, адъюнкту приличной». ³⁰² Но Лобысевич и Девович не пожелали слушать университетские лекции, ввиду чего Ломоносов, не взирая на покровительство, которое оказывал им президент, исключил их из Университета, согласовав это решение с И. И. Таубертом и Я. Я. Штелином. Уволенные подали на Ломоносова жалобу и были вызваны Разумовским в Глухов, где в то время находился также и Г. Н. Теплов. 12 сентября 1760 г. Ломоносов получил от

²⁹⁷ ААН, р. V, оп. Л-20, № 16, лл. 1—2; № 24, л. 1.

²⁹⁸ О научной деятельности Лепехина см.: Сухомлинов, вып. II, стр. 157—299.

²⁹⁹ Биографии Лобысевича и Девовича объединены, ввиду почти полного сходства публикуемых сведений о них.

³⁰⁰ В челобитной, поданной в Канцелярию АН 14 марта 1754 г., Лобысевич указывает, что отец его «стародубовского полку значковый товарищ» и что он, Лобысевич Афанасий, по своей охоте обучался с 1748 г. в Киевской академии, где дошел до класса риторики (см.: ААН, ф. 1, оп. 2-1754, № 3, л. 16). Первоначальное образование Девович получил в университете в Венгрии, где обучался латинскому языку, физике, богословию, математике и типографской науке (см.: там же, № 10, л. 8).

³⁰¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 199 об.

³⁰² Там же.

президента письменный выговор за превышение власти.³⁰³ В феврале 1761 г. по распоряжению президента Лобyseвич был произведен в академические переводчики, а 1 сентября того же года откомандирован в фельдмаршалский штат Разумовского на Украину.³⁰⁴ Там же, на Украине, получил служебное назначение и Девович.³⁰⁵

Лосовиков Иван

Родился в Петербурге в 1733 г. Сын дьячка. Учился в Александро-Невской семинарии. 10 мая 1748 г. был отобран М. В. Ломоносовым и В. К. Тредиаковским для обучения в Академическом университете.³⁰⁶

Лосовиков избрал своей специальностью математику и в 1755 г. написал диссертацию под заглавием «De quadratura et rectificatione quadratricis Tschirnhusianae» («О квадратуре и спрямлении Чирнгаузовой квадратриссы»). Последняя была направлена в Академическое собрание, но, судя по протоколам, осталась нерассмотренной.³⁰⁷ В начале 1757 г. Лосовиков еще состоял студентом Академического университета и заявлял о своем желании заниматься анатомией.³⁰⁸ В мае того же 1757 г. он заболел горячкой, продолжавшейся несколько дней, и 28 мая умер.³⁰⁹

Луковников Андрей

Родился в Петербурге в 1744 г. Сын типографского наборщика. В Академическую гимназию поступил 10 марта 1753 г.³¹⁰ На основании положительного отзыва профессоров И.-Э. Фишера, И.-А. Брауна и С. К. Котельникова 24 декабря 1761 г. был произведен в студенты.³¹¹

В Университете Луковников «учился прилежно, вел себя добропорядочно и оказывал изрядные успехи»,³¹² однако 5 мая 1765 г. при «разборе» студентов в Академическом собрании, был уволен из Университета.³¹³ В аттестате, выданном ему при направлении в Герольдмейстерскую контору Сената для определения к должности, говорилось, что Луковников «обучался латинскому и немецкому языкам, философии, риторике, древностям и математике, но во всех науках, кроме языков, оказал не великие успехи и к продолжению наук мало прилежал. Ни в каких пороках признан не был».³¹⁴

О дальнейшей судьбе Луковникова сведений не обнаружено.

³⁰³ Там же, л. 197.

³⁰⁴ Там же, № 289, лл. 90—92.

³⁰⁵ Там же, № 472, л. 34.

³⁰⁶ Там же, № 114, л. 214.

³⁰⁷ Там же, № 195, лл. 621—628. В протокольных бумагах Академической конференции имеется следующая запись И.-Д. Шумахера от 3 февраля 1755 г.: «Велено диссертацию Лосовикова за небытием и за болезнями членов Академического собрания по домам не посылать, а предложить оную в первое всех членов в Конференции собрание» (там же, ф. 1, оп. 2-1755, № 2, л. 1).

³⁰⁸ Там же, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 7 об.; № 465, л. 25 об.

³⁰⁹ Там же, № 222, лл. 453, 454—463.

³¹⁰ Там же, р. I, оп. 70, № 2, л. 86.

³¹¹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 825, л. 331; № 827, л. 73.

³¹² Там же, № 826, л. 222.

³¹³ Протоколы Конференции, т. II, стр. 539.

³¹⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 291, л. 168.

Ученик Московской гимназии. В 1757 г. был произведен в студенты Московского университета и назначен учителем Гимназии.³¹⁵ В 1760 г. по определению куратора Московского университета И. И. Шувалова он был послан в Петербург в Академический университет,³¹⁶ очевидно, для юридического образования, поскольку в Московском университете в то время Кафедра русского права³¹⁷ не была еще замещена. В 1764 г. Манжос определен регистратором в Сенат. В 1782 г. он вышел в отставку в чине коллежского асессора. Умер в 1786 г.³¹⁸

Матвеев Василий Андреевич

Родился в Петербурге 12 апреля 1740 г. Сын плотника.³¹⁹ В 1752 г. поступил в Академическую гимназию, где обучался латинскому, немецкому и французскому языкам, арифметике и географии.³²⁰

19 января 1760 г. по аттестации профессор Академического собрания Матвеев был произведен в студенты.³²¹ В Университете он слушал «философические, филологические, математические и юридические лекции». В октябре 1764 г. профессор И. Э. Фишер рекомендовал его Ломоносову для отправки в заграничную командировку. «В сем человеке, — сообщал Фишер, — примечено мною великая охота к учению, тщательное понимание и здравое рассуждение. . . по моему мнению жакко было, если б такому человеку, имеющему толь изрядные нравы и здравый разум, не способствовать к его дальнейшему благополучию».³²² На этом доношении Ломоносов положил следующую резолюцию: «О сем деле доложить, как я, выздоровев несколько, присутствовать буду в Канцелярии. Тогда будем рассуждать и обще о посылке студентов за море».³²³ Рассмотрение этого вопроса не состоялось. Ломоносова свалила болезнь, от которой он не оправился. Позже, когда вопрос о заграничной командировке студентов разрешался с участием А.-Л. Шлёцера, Матвеев не попал в число отобранных.

³¹⁵ См.: Н. В. Сушков. Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского благородного пансиона и Дружеского общества, стр. 5.

³¹⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 42.

³¹⁷ См.: Н. Т. Пенчко. Основание Московского университета, стр. 103—104.

³¹⁸ См.: В. Л. Модзалевский. Малороссийский родословник, т. III. Киев, 1912, стр. 376.

³¹⁹ В. А. Матвеева не следует путать с Василием Матвеевым, принятым в Академию в 1750 г. для «совершенного рисования и живописному художеству и немецкого языка обучению», который стал именоваться в дальнейшем по отцу Василием Андреевым (см.: Материалы, т. X, стр. 590—591, а также стр. 595, 719, 728; ААН, р. 1, оп. 70, № 2, л. 72 об.

³²⁰ Там же, л. 83 об.

³²¹ Там же, оп. 1, № 825, лл. 20—21; № 471, л. 24.

³²² Там же, № 826, лл. 372 об.—373.

³²³ Там же, л. 373 об.

В мае 1765 г. Матвеев был определен к переводам в Академическую ведомственную экспедицию,³²⁴ а 9 ноября того же года по именному указу императрицы, данному Сенату, пожалован в чин коллежского переводчика и направлен «для исправления разных письменных дел при правящем генерал-прокурорскую должность князе А. А. Вяземском».³²⁵

Миллер Иван Юстусович

Родился в Петербурге в 1742 г. Сын учителя. В Академическую гимназию поступил 16 октября 1750 г. «на своем коште» для обучения арифметике и языкам.³²⁶ В 1757 г. по прошению его отца был принят на казенное содержание.

20 декабря 1761 г. Миллера «за успехи в науках и языках» произвели в студенты.³²⁷ В Университете он обучался три года, проявляя склонность к переводческой работе и занимаясь преимущественно у профессоров И.-Э. Фишера и Г. А. Козицкого словесными науками. В 1764 г. по его прошению был определен к переводам в Ведомственную экспедицию при Академии наук,³²⁸ а 21 апреля 1766 г. по указу Правительствующего сената назначен переводчиком в Комиссию от коммерции и уволен из Академии наук.³²⁹

Мокеев Дмитрий Егорович

Родился в Брянске. Сын купца. После смерти отца, последовавшей в конце 1749 г., малолетний Мокеев с вехом Брянского магистрата приехал в Петербург для обучения наукам. В 1750 г. он поступил в Академическую гимназию за счет родственников.³³⁰

16 октября 1758 г. Мокеев обратился с ходатайством о зачислении его на казенное содержание, представив отзыв инспектора К.-Ф. Модераха. Последний указывал, что Мокеев «во всех тех классах, в которые имеет хождение, изрядные оказал успехи, при том он состояния честного и добропорядочного, и нужно его в Академическую гимназию принять с великою о нем впрямь надеждою».³³¹ При решении вопроса о приеме Мокеева на казенное содержание Академическая канцелярия послала запрос в Брянский магистрат: «Состоит ли Мокеев в подушном окладе?» Сам Мокеев не мог ответить на этот вопрос, но обещал внести налог, если его полагается платить. 26 ноября 1758 г. по определению, подписанному Ломоносовым, Мокеев был принят в число казеннокоштных гимназистов,³³² и вопрос о взыскании с него подушной подати больше не поднимался. Продолжая успешно заниматься, Мокеев был 8 августа 1760 г. произведен в студенты, а в 1762 г. после экзамена,

³²⁴ Там же, ф. 3, оп. 9, № 32.

³²⁵ Там же, оп. 1, № 971, л. 236; № 293, лл. 156—157.

³²⁶ Там же, р. I, оп. 70, № 2, л. 72 об.

³²⁷ Там же, ф. 3, оп. 1, № 825, л. 332; № 827, л. 73.

³²⁸ Там же, № 281, лл. 65—72.

³²⁹ Там же, № 477, л. 142.

³³⁰ Там же, № 237, л. 223.

³³¹ Там же, л. 224 об.

³³² Там же, № 469, л. 301.

состоявшегося 9 сентября того же года в Академическом собрании, назначен учителем в «верхний» российский класс Академической гимназии вместо уволенного студента Семена Введенского.³³³ Преподавание не мешало университетским занятиям Мокеева, успешно обучавшегося словесным наукам у профессоров Г. В. Козицкого и И.-Э. Фишера.

15 августа 1763 г. Мокеев безвременно скончался.³³⁴

Мошков Иван

Штурманский сын. С 1754 по 1760 г. обучался в Московской славяно-греко-латинской академии. 15 декабря 1760 г. поступил в Академический университет, слушал лекции у профессоров И.-Э. Фишера, И.-А. Брауна и С. К. Котельникова.

Мошков занимался с большим усердием и по отзыву профессоров, экзаменовавших его 13 сентября 1762 г. в Академическом собрании вместе со студентом П. Б. Иноходцовым, хотя не показал таких познаний, как последний, но подавал надежду, что своей усидчивостью и прилежанием достигнет успеха.³³⁵ После смерти Ломоносова Мошков не захотел оставаться в Университете и подал заявление в Канцелярию Академии наук с просьбой предоставить ему должность корректора в Академической типографии, указывая, «что ныне за летами более при Академии наук обучаться вышним наукам не желает».³³⁶ 2 мая 1765 г. вопрос о назначении Мошкова разбирался в Академическом собрании, а 8 июня того же года он был отослан в Герольдмейстерскую контору Сената для определения в «другую команду».³³⁷

С 1765 по 1769 г. Мошков преподавал в Морском кадетском корпусе, а с 1769 г. определился канцеляристом во 2-й департамент Сената.

Охтенский Фаддей Алексеевич

Поступил в Академический университет 10 мая 1748 г.³³⁸ Вначале усердно занимался гуманитарными науками, но потом стал увлекаться астрономией, посещая «приватные» лекции профессора А.-Н. Гришова и производя с крайним старанием астрономические наблюдения в Академической обсерватории. Одновременно он обучался математике у своего товарища М. Софронова.

20 августа 1752 г. Охтенский обратился в Академическую канцелярию с просьбой о переводе его в Географический департамент, мотивируя свое желание тем, что «ему, как астроному, наука география из всех других более нужна и полезна». Эта просьба была удовлетворена 3 февраля 1753 г.³³⁹ В 1758 г. «за особливое знание» Охтенский получил по указу Сената чин прапорщика геодезии.³⁴⁰

³³³ Там же, № 473, лл. 204, 210.

³³⁴ Там же, № 827, л. 103.

³³⁵ Протоколы Конференции, т. II, стр. 489.

³³⁶ ААН, ф. 3, оп. 9, № 29.

³³⁷ Там же, оп. 1, № 290, лл. 145—146. Здесь же находится аттестат, выданный Мошкову для представления в Герольдмейстерскую контору.

³³⁸ Там же, оп. 10, № 191, л. 1.

³³⁹ Там же, № 522, л. 92.

³⁴⁰ Там же, № 294, л. 233.

В 1761 г. по представлению Ломоносова Охтенский был отправлен в астрономическую экспедицию в Иркутск вместе с адъютантом С. Я. Румовским для наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца. После смерти Ломоносова, когда работа Географического департамента свелась к технической обработке материалов, Охтенский не захотел оставаться в Академии и заявил о своем желании работать землемером в Межевой экспедиции.³⁴¹ В характеристике, данной ему адъютантами И.-Ф. Трускоттом и Г.-Ф. Шмидтом 24 января 1766 г., говорилось: «Находящийся несколько лет при Географическом департаменте прапорщик Фаддей Охтенский столько прилежал к географии и старанием своим такую получил способность к делам ландкарт, что по справедливости можно ему дать в том пред своими товарищами преимущество, из чего следует, что он при Географическом департаменте с пользою употребляется, а уволить его может Канцелярия по своему благорассуждению».³⁴² Все же Академия не стала задерживать Охтенского и уволила его 6 февраля 1766 г. В Рукописном отделе Библиотеки Академии наук сохранилась карта Кексгольма, Нотеборга, Ниеншанца, Копорья, Яма, Иван-города, Эстландии и Лифляндии 1617 г., подписанная студентом Охтенским: в 1758 г.³⁴³

Павинский Георгий (Егор) Андреевич

Родился в 1730 г. в Олонецком уезде. Сын пономаря. Обучался в Новгородской семинарии, где дошел до «реторического класса».³⁴⁴ В 1748 г. поступил в Академический университет. В 1752 г. по собственному желанию был переведен в Географический департамент.

Находясь в Географическом департаменте, Павинский обучался рисованию у академического живописного мастера И.-Э. Гриммеля и, по отзыву адъютантов географии И.-Ф. Трускотта и Я.-Ф. Шмидта, «порученные ему дела исправляя рачительно и хорошо».³⁴⁵ В 1754 г. он был награжден чином «прапорщика геодезии».³⁴⁶ Во время заведования Географическим департаментом Ломоносова Павинский слушал «краткие лекции по теории астрономической» у профессора астрономии Н. И. Попова. В 1761 г. по представлению Ломоносова он был отправлен в астрономическую экспедицию в Сибирь с адъютантом С. Я. Румовским для наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца.³⁴⁷ В 1767 г. в связи с ухудшением зрения он обратился с ходатайством о переводе из Географического департамента в Межевую экспедицию, куда и был отправлен по указу Сената в апреле 1768 г.³⁴⁸

³⁴¹ Там же, оп. 1, № 294, л. 228.

³⁴² Там же, л. 227.

³⁴³ См.: В. Ф. Гнучева, Географический департамент Академии наук XVIII века. Приложение II, № 72.

³⁴⁴ Материалы, т. IX, стр. 109.

³⁴⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 304, л. 74.

³⁴⁶ Там же, № 303, л. 34.

³⁴⁷ Там же, стр. 353, 355—358.

³⁴⁸ Там же, № 311, лл. 179—180. Здесь же находится аттестат, выданный Павинскому для предъявления в Герольдмейстерскую контору.

Петровский Иван Петрович

Уроженец г. Козельска. Сын «малороссийского бунчукового товарища».³⁴⁹ Обучался в Невской семинарии, где дошел до класса пиитики. 22 марта 1755 г. подал челобитную о принятии его в Академическую гимназию на казенное содержание. Экзаменовавшая его комиссия установила, что он «по своим успехам может сравняться с наилучшими учениками», на основании чего Академическая канцелярия зачислила его с 1 сентября 1755 г. в казенно-коштные гимназисты. Петровский прилежно занимался, особенно языками, и 19 января 1760 г. в числе семи лучших учеников латинского класса был произведен Ломоносовым в академические студенты.³⁵⁰ Однако в 1764 г. из-за слабости зрения он принужден был отказаться от привлекавшей его научной деятельности и уйти из Университета.

1 апреля 1764 г. Петровский по рекомендации инспектора Университета С. К. Котельникова был определен Ломоносовым на должность учителя латинского языка в Академическую гимназию.³⁵¹ После смерти Ломоносова при рассмотрении штата гимназических учителей Петровский получил следующую аттестацию: «Учитель Иван Петровский состояния доброго, дело свое знает, учит прилежно и порядочно, с хорошим успехом».³⁵²

В 1767 г. Петровский был назначен конректором Академической гимназии³⁵³ и оставался на этой должности до смерти, последовавшей в 1770 г.³⁵⁴

Поленов Алексей Яковлевич

Родился 1 октября 1738 г. в Москве. Сын габоиста Преображенского полка. 27 февраля 1749 г. поступил в Академическую гимназию.³⁵⁵ В 1754 г. без экзамена единоличным распоряжением И.-Д. Шумахера был произведен в студенты,³⁵⁶ но из-за недостаточного знания латинского языка принужден был по решению Академического собрания от 18 марта того же года еще некоторое время ходить в «верхний» латинский класс Гимназии.³⁵⁷

Поленов скоро освоил языки и начал успешно заниматься переводами. 19 июля 1761 г. по определению Сената он был привлечен к переводу «Естляндских и лифляндских прав» под наблюдением советника Юстиц-коллегии Волкова и за успешную работу 31 октября того же года награжден чином переводчика.³⁵⁸ В связи с этим Поленов в 1761 г. оставил Университет и был определен по его прошению «для наставления» в юриспруденции к профессору Г.-Ф. Феодоровичу.³⁵⁹

³⁴⁹ Там же, р. I, оп. 70, № 2, л. 94 об.

³⁵⁰ Там же, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 24.

³⁵¹ Там же, № 827, л. 107.

³⁵² Там же, № 291, л. 290 об.

³⁵³ Там же, № 303, л. 44.

³⁵⁴ Там же, оп. 9, № 41, л. 1.

³⁵⁵ Там же, р. I, оп. 70, № 2, л. 62 об.

³⁵⁶ Там же, ф. 3, оп. 1, № 185, л. 559.

³⁵⁷ Протоколы Конференции, т. II, стр. 297—298.

³⁵⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 472, л. 224—224 об.

³⁵⁹ Там же, № 825, лл. 309—320.

В начале августа 1762 г., во время болезни Ломоносова, Поленов возбудил ходатайство о командировании его за границу для обучения юридическим наукам, объявив, что лекции Феодоровича «пользы принести ему не могут».³⁶⁰ Как сообщает Ломоносов в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии», Поленов выступил с такой просьбой не по собственной инициативе, а по наущению его «недоброхотов», которые заботились не об усовершенствовании Поленова в науках, а только о том, чтобы сослаться на его просьбу, как на доказательство плохой постановки преподавания в Академическом университете.³⁶¹ 3 сентября 1762 г. Поленов получил инструкцию Академии наук и 13 сентября уехал в Страсбург.³⁶² Переписка Поленова, которую он вел с И. И. Таубертом, покровительствовавшим ему и следившим за его обучением, дает яркое представление о его занятиях за границей.³⁶³

В первые полтора года пребывания в Страсбурге Поленов сосредоточил свои занятия на предметах историко-филологического круга. Очевидно, на чужбине он часто вспоминал о своем обучении в Академическом университете, где к нему с большим участием относился Ломоносов. «К Михайле Васильевичу писать хотя и чрезмерно желаю, — сообщал он в письме к А. П. Протасову 3 декабря 1763 г., — но опасаясь, чтоб не нажить чрез сие хлопот».³⁶⁴ С весны 1764 г. Поленов принялся за изучение права, не переставая по-прежнему заниматься историей. Непосредственными руководителями Поленова были профессора И.-Д. Шепфлин³⁶⁵ и И.-М. Лоренц.³⁶⁶ Курс «Натурального и общего народного права» он прослушал у профессора Ерлена, а римского права — у профессора Куглера.³⁶⁷

Однако Академия наук осталась недовольна историческим уклоном занятий Поленова и в июне 1766 г. послала приказание, чтобы он избрал себе другой университет. Поленов убеждал Тауберта в необходимости исторических занятий, указывая, что они служат «главнейшим основанием» к его должности. «Не утвердись прежде в сем знании, — писал он 7 августа 1766 г. в Академию наук, — приниматься прямо за юриспруденцию столько же безрассудно, как, не насадив железа, рубить дрова одним топорщиком».³⁶⁸ Тем не менее по приказанию Академической канцелярии 30 октября того же года Поленову пришлось уехать из Страсбурга и перебраться в Геттинген.³⁶⁹

³⁶⁰ Там же, № 270, л. 32—32 об.

³⁶¹ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 299.

³⁶² ААН, ф. 3, оп. 1, № 270, лл. 46 (инструкция с распиской Поленова), 64.

³⁶³ Там же, лл. 109, 110, 115, 116, 120, 124, 138, 140, 142, 155, 156. Переписка А. Я. Поленова опубликована Д. В. Поленовым в статье: А. Я. Поленов — русский законовед XVIII века. Русский архив, 1865, стр. 557—614.

³⁶⁴ Русский архив, 1865, стр. 569.

³⁶⁵ Шепфлин (Schöpflin Johann-Daniel, 1694—1771) — профессор истории, древностей, красноречия и классической филологии Страсбургского университета.

³⁶⁶ Лоренц (Lorenz Johann-Michael, 1723—1801) — профессор истории, элоквиенции и поэзии Страсбургского университета.

³⁶⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 270, л. 140.

³⁶⁸ Там же, № 270, л. 155. Аттестаты Поленова: там же, лл. 127, 132, 134.

³⁶⁹ Там же, № 308, л. 118.

В конце 1766 г., когда директором Академии наук стал граф В. Г. Орлов, Академическая канцелярия была упразднена, и Тауберт, являвшийся одним из главных ее распорядителей, лишился всякого влияния. Возвратясь в 1767 г. в Петербург, Поленов не только остался без опоры, но встретил открытое нерасположение Я. Я. Штелина. «Вы удивитесь, — писал он Г. В. Козицкому, — что г. Штелин не устыдился в Канцелярии при мне молодому Эйлеру сказать, что я совсем не годен при Академии по причине, что у нас нет никаких тяжб, как будто юриспруденция состоит в одной тяжбе».³⁷⁰

Поленов числился при Академии наук до 1771 г., не имея должности. В 1767 г. он написал сочинение под заглавием «О крепостном состоянии крестьян в России», в котором резко выступил против крепостничества. Он предлагал предоставить крестьянам право собственности на движимое имущество, передать им часть помещичьей земли в наследственное владение и осуществить ряд мер по усовершенствованию сельского хозяйства. Работа была представлена на конкурс, объявленный в 1766 г. Вольным экономическим обществом, под девизом «Plus boni mores valent, quam bonae leges» («Больше значения имеют добрые нравы, чем добрые законы») и получила вторую премию (золотую медаль и 12 червонцев). Однако труд Поленова, содержащий осуждение крепостничества, не был издан при его жизни.³⁷¹

После открытия «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» Поленов сделался его деятельным участником. Уже в декабре 1768 г. «Собрание» отдало в печать его перевод с французского языка — «Рассуждение о причине установления и уничтожения законов, сочинение прусского короля Фридриха II».³⁷² В 1769 г. вышло в свет переведенное Поленовым сочинение Монтескье — «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка».³⁷³ В 1771 г. Поленов совместно с Световым перевел с немецкого первую часть сочинения академика С.-Г. Гмелина «Путешествие по России для исследования трех царств естества».³⁷⁴ В 1772 г. вышел его перевод «Феофраст о свойстве нравов человеческих».³⁷⁵ Кроме того, Поленов совместно с академическим переводчиком Семеном Башиловым приготовил в 1769 г. для издания второй том «Никоновской летописи» и работал над переводом

³⁷⁰ Русский архив, 1865, стр. 608.

³⁷¹ Сочинение Поленова было напечатано только в 1865 г.

³⁷² Распоряжение о напечатании этого перевода сделано Академической комиссией 19 декабря 1768 г.

³⁷³ В журнале Академической комиссии 1767 г. имеется следующая резолюция от 21 августа: «По представлению переводчика Поленова сочинение славного Монтескье о причинах величества города Рима и его упадка перевести ему на российский язык позволить» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 537, л. 229).

³⁷⁴ Имеется расписка: «Определенные от Собрания двести восемьдесят рублей за перевод сочиненного профессором Гмелином Путешествия по России получили мы исправно. Переводчик Алексей Поленов, Василий Светов. Майя 3 дня 1771 года» (В. П. Семеновников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II, стр. 40).

³⁷⁵ В примечании к переводу Поленов указывает, что он пользовался переводами Делабрюйера и Казавбона, «держась середины между двумя славными толкователями, так как перевод Казавбона очень краток и прерывист, а Делабрюйера, напротив, излишне пространен» (там же, стр. 43).

«Истории и Летописи» Тацита и сочинения Пуфендорфа «О должностях человека и гражданина».³⁷⁶

В апреле 1771 г. Поленов перешел на службу в Сенат, где оставался до 1773 г., занимая должности секретаря и обер-секретаря. 22 декабря 1784 г. он был произведен в статские советники. Уже в преклонном возрасте Поленов участвовал в работе Комиссии по составлению законов Российской империи. В последние годы своей жизни он трудился над сочинением «Истории Мальтийского ордена».

В 1800 г. Поленов вышел в отставку. Умер 10 июля 1816 г.

Полидорский Иосиф (Осип) Дмитриевич

Родился в 1728 г. в Старой Руссе. Сын дьячка. Обучался в Новгородской семинарии, где дошел до «философического класса». В 1748 г. поступил в Академический университет,³⁷⁷ но в 1751 г. был исключен за «продерзости и пьянство» и определен в Географический департамент для копирования карт.³⁷⁸ Находясь в Географическом департаменте, Полидорский обучился рисованию у академического живописного мастера И.-Э. Гриммеля.³⁷⁹

В 1757 г. руководителем Географического департамента стал М. В. Ломоносов, уделявший большое внимание подготовке искусных картографов.³⁸⁰ 9 сентября 1758 г. Полидорский был награжден чином «прапорщика геодезии».³⁸¹ Картографии Полидорский обучался у адъюнктов географии И.-Ф. Трускотта и Я.-Ф. Шмидта, которые получили от Ломоносова распоряжение: «Геодезисту Полидорскому и студенту Шишкареву дать сочинять специальные карты, в сочинении которых показывать им надлежащие правила верно и без закрытия, и за ними иметь смотрение наиприлежнейшее».³⁸²

После смерти Ломоносова и отъезда в Москву Г.-Ф. Миллера Географический департамент остался в руках адъюнктов Шмидта и Трускотта, которые свели работу департамента к чисто технической обработке материалов, а обучение учеников ограничили упражнениями в копировке карт.³⁸³ 11 августа 1768 г. Полидорский уволился из Географического департамента.³⁸⁴ Из его работ сохранился скопированный им план «баталии при деревне Цорн-Дорф

³⁷⁶ Там же, стр. 88.

³⁷⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 216 об.

³⁷⁸ Там же, оп. 10, № 191, л. 1.

³⁷⁹ Там же, оп. 1, № 160, л. 128; в ААН сохранилось доношение студентов Егора Павинского и Иосифа Полидорского с просьбой о выдаче им из Академической книжной лавки рисовальной «Прейслеровой книги для лучшего понятия и успеха в рисовальном искусстве» (там же, № 172, л. 84).

³⁸⁰ См.: В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века, стр. 66—68.

³⁸¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 313, л. 180.

³⁸² Ломоносов, ПСС, т. 9, стр. 251.

³⁸³ См.: В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века, стр. 86.

³⁸⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 313, л. 178.

августа 14 дня 1758 г.), исполненный графом Вилимом Фермором. На плане показано расположение войск с обозначением разных видов оружия, нанесены реки, леса, дороги и населенные пункты.³⁸⁵

Поповский Николай Никитич

Родился в Москве.³⁸⁶ «Церковничий сын». Учился в Московской славяно-греко-латинской академии, где дошел до класса философии. В марте 1748 г. был отобран профессором В. К. Тредиаковским в академические студенты.³⁸⁷

Уже в первый год обучения в Университете Поповский обнаружил призвание к филологическим наукам и выдвинулся в число лучших учеников у профессоров «элоквиенции и латинского штиля» — В. К. Тредиаковского и Х. Крузиуса. В 1751 г. экзаменационная комиссия в составе академиков Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта, Г.-В. Рихмана, М. В. Ломоносова, И.-Э. Фишера, И.-А. Брауна, Х.-Г. Кратценштейна, С. П. Крашенинникова, А.-Н. Гришова и Н. И. Попова признала Поповского достойным звания магистра. В отзыве, представленном в Канцелярию Академии, сообщалось, что Николай Поповский «в словесных и философских науках такой опыт искусства оказал, что на все вопросы изрядно отвечивал, а сверх того, сообщил своего сочинения стихи на российском и латинском языках, которые с немалую его похвалу читаны. В словесных науках и философии далее простирается желает, которые по нашему рассуждению надлежит ему продолжать таким образом, чтобы со временем быть стихотворцем или оратором Академии».³⁸⁸

30 августа 1751 г. на основании распоряжения президента К. Г. Разумовского Поповский был поручен «для наставления в поэзии» Ломоносову.³⁸⁹ Судя по отчетам последнего, занятия его с Поповским начались в том же году и продолжались до конца 1752 г.³⁹⁰ 12 января 1753 г. Ломоносов дал блестящую характеристику своему ученику и просил сделать Поповскому «отличное одобрение от прочих награждением ранга и жалования», указывая, что «он уже ныне в состоянии искусством своим в чистоте российского штиля и стихотворстве приносить Академии наук честь и пользу».³⁹¹ 19 января 1753 г.

³⁸⁵ Этот план находится в Рукописном отделе библиотеки Академии наук СССР (см.: В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века. Приложение II, № 461).

³⁸⁶ В указании возраста Поповского в архивных документах имеются расхождения. По одним документам он родился в 1726 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 194), по другим — в 1728 г. (там же № 464, л. 44). В работе Спада «Ephémérides Russes, poétiques, littéraires, historiques et nécrologiques» (t. I. Saint-Petersbourg, 1816, стр. 199) говорится, что он умер 13 февраля 1760 г., едва достигнув 30-летнего возраста, из чего следует, что он родился в 1730 г. По мнению историка литературы Л. Б. Модзалевского, эта дата наиболее соответствует истине (см.: Л. Б. Модзалевский. Ломоносов и его ученик Поповский. Сб. «XVIII век», вып. 3, М.—Л., 1958, стр. 113).

³⁸⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 194.

³⁸⁸ Там же, № 153, лл. 325—326.

³⁸⁹ Там же, л. 338.

³⁹⁰ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 389; ААН, ф. 1, оп. 2-1752, № 6; ф. 3, оп. 1, № 175, л. 469.

³⁹¹ Там же, № 173, л. 190.

Поповский сдал последний экзамен и был превосходно аттестован всеми профессорами.³⁹²

Заботясь о судьбе своего лучшего ученика, Ломоносов обратился 23 августа 1752 г. с письмом к И. И. Шувалову, указывая, что было бы желательно назначить Поповского на освободившуюся к тому времени должность ректора Академической гимназии.³⁹³ Результатом этой просьбы явилось распоряжение президента Академии наук о назначении Поповского конректором Академической гимназии и руководителем «верхнего» латинского класса.³⁹⁴ 17 января 1754 г. Поповский был утвержден на заседании Конференции Академии наук в звании магистра.³⁹⁵ Обязанности конректора Поповский исполнял с 9 сентября 1753 г. по 6 февраля 1755 г., когда по требованию И. И. Шувалова, подсказанному несомненно Ломоносовым, был переведен на службу в новоучрежденный Московский университет,³⁹⁶ став одним из его лучших, прогрессивных и наиболее даровитых профессоров.

26 апреля 1755 г. в торжественной обстановке перед началом учебных занятий в Московском университете Поповский произнес вступительную речь.³⁹⁷ Он говорил, что намерен читать свой курс по философии на русском языке для того, чтобы сделать эту «высокую науку» достоянием широких масс и облегчить существующий к ней сейчас «тяжелый доступ». Это заявление отражало характерное для всех учеников и последователей Ломоносова стремление покончить с противопоставлением латинского языка русскому и глубокое понимание значения преподавания на русском языке для развития национальной науки и культуры. «Что же касается до изобилия российского языка, — продолжал Поповский, — в том перед ним римляне похвастаться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было невозможно». Ломоносов способствовал появлению этой речи в печати; она была опубликована в том же году в августовском номере «Ежемесячных сочинений».³⁹⁸

³⁹² Там же, № 464, л. 44.

³⁹³ См.: Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 487.

³⁹⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 501.

³⁹⁵ Там же, ф. 1, оп. 2-1754, № 4.

³⁹⁶ Там же, ф. 3, оп. 1, № 466, л. 60.

³⁹⁷ «Речь говоренная при начати философских лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским». Рукопись, сохранившаяся в ААН (р. II, оп. 1, № 217, лл. 419—425), носит на себе следы внимательного чтения ее Ломоносовым, что было установлено Л. Б. Модзалевским в 1937 г. (см.: Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. М.—Л., 1937, стр. 127, № 338).

³⁹⁸ По тексту «Ежемесячных сочинений» речь Поповского была перепечатана в 1819 г. в издании: Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного; с краткими их жизнеописаниями, ч. I. Изданы Обществом любителей российской словесности, М., 1819, стр. 9—17. Характеризуя речь Поповского, неизвестный автор его биографии 1819 г. отмечал, что «если ораторский слог Ломоносова был образцом силы и великолепия, то философский язык Поповского мог служить примером ясности и чистоты. Никто из его современников не писал языком столь сходным с нынешним, уже образованным в обществе людей просвещенных» (там же, стр. 7—8).

В 1756 г. Поповский был утвержден профессором кафедры красноречия на Философском факультете и занимал ее до смерти, последовавшей 13 февраля 1760 г.³⁹⁹

К 1756 г. относится «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества» Поповского, обращенное к И. И. Шувалову.⁴⁰⁰ Оно отразило передовые педагогические идеи XVIII в.

В 1758 г. Поповский был определен на должность инспектора гимназии Московского университета и ему был поручен надзор над студентами.⁴⁰¹ То, что Поповский, подобно своему учителю Ломоносову, придавал чрезвычайно большое значение педагогической работе, видно из его речи, произнесенной при вступлении в новую должность.⁴⁰² В начале 1760 г. Московский университет издал в переводе Поповского с французского языка книгу Локка «О воспитании детей», которая знакомила русского читателя с педагогическими идеями английского мыслителя. «Правила г. Локка, — писал Поповский, — почти везде могут употребляемы быть с великим успехом. Предмет его был тот, чтобы показать, каким образом детей частных родителей готовить в пользу отечества».⁴⁰³ В истории педагогики XVIII в. Поповский должен занять подобающее место.⁴⁰⁴

Разумов Алексей

Родился в Петербурге в 1735 г. Сын солдата Преображенского полка. В Академическую гимназию был принят 21 октября 1748 г.,⁴⁰⁵ а с 1 февраля 1749 г. по представлению профессора И.-Э. Фишера, нашедшего, что «Разумов оказался доброго понятия и изрядной памяти», зачислен на казенное содержание.⁴⁰⁶ Разумов был среди тех гимназистов, кого И.-Д. Шумахер единоличным распоряжением в 1753 г. произвел в академические студенты.⁴⁰⁷ Но став

³⁹⁹ См.: С. П. Шевырев. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета, ч. II. М., 1855, стр. 311.

⁴⁰⁰ Опубликовано после смерти Поповского в журнале Н. И. Новикова «Живописец» (1772, стр. 57—64) под заглавием: «Письмо о пользе наук и воспитания во оных юношества, писанное покойным профессором Поповским к его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову при заведении Московского университета, 1756 года».

⁴⁰¹ См.: С. П. Шевырев. Биографический словарь, ч. II, стр. 312.

⁴⁰² Московские ведомости, 1758, 14 августа, № 65.

⁴⁰³ Цит. по кн.: История Московского университета, т. I. М., 1955, стр. 36—37.

⁴⁰⁴ Литературная деятельность Поповского, как талантливого поэта — премника Ломоносова, освещена в специальном исследовании Л. Б. Модзалевского «Ломоносов и его ученик Поповский» (сб. «XVIII век», вып. 3, стр. 110—169); о деятельности Поповского в Московском университете см.: История Московского университета, т. I, стр. 34—37, 43—44; Н. А. Пенчкo. Основание Московского университета. Изд. МГУ, М., 1955, стр. 128—132; М. Т. Белаявский. Николай Поповский — ученик и соратник Ломоносова. Ученые записки Московского университета, вып. 167, Кафедра истории СССР, Изд. МГУ, 1954, стр. 133—150.

⁴⁰⁵ ААН, р. I, оп. 70, № 2, л. 61.

⁴⁰⁶ Материалы, т. IX, стр. 658.

⁴⁰⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 465, л. 1.

студентом, он на основании постановления Академического собрания, экзаменовавшего его 18 марта 1754 г. по настоянию М. В. Ломоносова, принужден был посещать «верхний» латинский класс Гимназии, так как недостаточно овладел латынью, чтобы слушать читавшиеся на этом языке лекции. Одновременно он занимался и немецким языком.⁴⁰⁸

В 1760 г. Разумов был определен к профессору Г.-Ф. Миллеру для перевода «пьес» с немецкого языка для журнала «Ежемесячные сочинения», получив при этом предписание М. В. Ломоносова «продолжать ходить с прочими студентами на лекции в назначенные по Университету дни и часы».⁴⁰⁹ 28 июля того же 1760 г. Разумова по его прошению назначили корректором Академической типографии, хотя он и продолжал «состоять» при профессоре Миллере и «упражняться в переводах пьес для Ежемесячных сочинений».⁴¹⁰ Отмечая, что Разумов мало уделял внимания переводам, занимаясь больше корректорской работой, Миллер, тем не менее, ходатайствовал перед Академической канцелярией о прибавке ему жалованья.⁴¹¹ В 1764 г. Разумов был произведен в «младшие переводчики» и продолжал работать в Академической типографии. В этих двух должностях он состоял до смерти, последовавшей 29 сентября 1765 г.⁴¹²

Рихман Вильгельм Георгиевич (Егорович)

Родился в 1747 г. в Петербурге. Старший сын академика Г.-В. Рихмана. После трагической смерти академика, последовавшей в 1753 г., Ломоносов горячо хлопотал с назначении пенсии семье погибшего, «чтобы бедная вдова лучшего профессора до смерти своей преспитание имела и сына своего, маленького Рихмана, могла воспитать, чтобы он такой же был наук любитель, как его отец».⁴¹³ В этом, однако, было отказано «за неимением таких примеров».⁴¹⁴

В 1761 г. Вильгельма Рихмана при прямом участии Ломоносова⁴¹⁵ приняли на казенный счет в Академическую гимназию, а 22 ноября 1764 г. на основании аттестации профессоров И.-Э. Фишера, И.-А. Брауна и С. К. Котельникова В. Рихмана произвели в студенты Академического университета.⁴¹⁶ В бытность свою в Университете он посещал лекции всех профессоров, но особенно большое старание прилагал к филологии и философии. Вместе с тем он занимался изучением языков, «чтобы со временем с пользою употреблен быть мог при статских делах».⁴¹⁷ В 1767 г. В. Рихман определился в Ведомственную комиссию при Академии наук, где на него был возложен сбор пошлин от частных лиц за помещаемые в газетах⁴¹⁸ объявления. В том же

⁴⁰⁸ Там же, № 220, лл. 134—136.

⁴⁰⁹ См.: Билярский, стр. 430.

⁴¹⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 471, л. 148.

⁴¹¹ Там же, № 270, л. 20; № 473, л. 240.

⁴¹² Там же, № 292, л. 114.

⁴¹³ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 485.

⁴¹⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 707, л. 101.

⁴¹⁵ Там же, № 827, л. 72.

⁴¹⁶ Там же, № 826, л. 393

⁴¹⁷ Там же, оп. 9, л. 32.

⁴¹⁸ Там же.

году В. Рихман по собственному желанию уволился из Академии и поступал в Юстиц-коллегию лифляндских, эстляндских и финляндских дел переводчиком, а затем определился в Сенат.⁴¹⁹

Рихман Фридрих Георгиевич

Родился в Петербурге в 1753 г. Младший сын академика Г.-В. Рихмана. Воспитывался в доме своего отца академика И.-А. Брауна. В 1761 г. Фридрих Рихман был принят вместе с братом на казенный счет в Академическую гимназию.⁴²⁰ Товарищами Фридриха были племянник Ломоносова Михаил Головин, Александр Хвостов, Козьма Флоринский, Федор Синский, с которыми он, будучи гимназистом, перевел комедии Публия Теренция Африканского.⁴²¹ Впоследствии Фридрих Рихман был академическим переводчиком и оставил некоторый след в переводной литературе.⁴²²

Румовский Степан Яковлевич

Родился 29 октября 1734 г. в селе Старом Погосте Владимирской губернии.⁴²³ Сын священника. Обучался в Александро-Невской семинарии. 7 апреля 1748 г. был отобран М. В. Ломоносовым и В. К. Третьяковым в число студентов Академического университета.⁴²⁴

Уже в первые годы пребывания Румовского в Университете профессора обратили внимание на его способности. «Степан Румовский разумом и понятием превосходит прочих, — сообщали о нем в Академическом собрании. — В словесных науках и в философии оказал непостыдные успехи, однако оных с успехами его в физике и математике сравнить не можно. К математике и практической физике имеет склонность, чего ради желает ходить на физические и химические лекции, а по нашему мнению, должно ему упражняться во всей математике и химические лекции слушать для одной токмо физики».⁴²⁵ В соответствии с решением, вынесенным Академическим собранием, Румовский слушал лекции профессора Г.-В. Рихмана по математике и курс теоретической и экспериментальной физики. В журнале наблюдений, который Рихман вел в 1753 г., встречаются неоднократные упоминания о Румовском, принимавшем участие в опытах по изучению электрических явлений.⁴²⁶ В том же году Ру-

⁴¹⁹ Там же, оп. 1, № 537, лл. 301 об.—302; оп. 9, № 35, лл. 4—9.

⁴²⁰ Там же, оп. 1, № 827, л. 72.

⁴²¹ См.: Пекарский, т. I, стр. 715.

⁴²² См.: Г. Н. Геннади. Справочный словарь о русских писателях и ученых, т. III. М., 1906, стр. 355.

⁴²³ Академик М. И. Сухомятин указывает, что село, где отец Румовского был священником, упоминается под тремя разными названиями: Старый Погост (дела архива С.-Петербургской духовной консистории, 1739 г., № 415); село Лемешок, при речке Коневке (дела архива С.-Петербургской консистории, 1755 г., № 489) и село Дубовское, в тринадцати верстах от Владимира (Известия и ученые записки Казанского университета, 1875, № 1, стр. 21). (См.: Сухомятин, вып. II, стр. 397—398).

⁴²⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 214.

⁴²⁵ Там же, № 153, л. 325 об.

⁴²⁶ См.: Г.-В. Рихман. Труды по физике, стр. 324—330.

мовский занимался и у Ломоносова по физической химии, о чем последний сообщал 5 февраля в Канцелярию Академии наук: «Между тем могу засвидетельствовать, что на чинимые на лекциях моих вопросы способнее других отвечивал Степан Румовский, который по соизволению Канцелярии с прочими студентами на мои лекции прилежно ходит».⁴²⁷

27 сентября 1753 г. Румовский представил научную работу на звание адъюнкта Академии, озаглавленную «Решение Кеплеровой задачи об определении полуординаты по данному сектору»;⁴²⁸ по постановлению Академического собрания работа была отослана в Берлин на отзыв Леонарду Эйлеру.⁴²⁹ 23 декабря того же года Румовский был утвержден в звании адъюнкта⁴³⁰ и получил заграничную командировку для усовершенствования в математике у Эйлера, предложившего в краткий срок подготовить из Румовского достойную смену погибшему профессору Г.-В. Рихману.⁴³¹

После двухлетнего пребывания у Эйлера⁴³² Румовский возвратился в Петербург, где ему поручили преподавание математики в Академическом университете и обучение студентов теоретической и практической астрономии. 25 августа 1757 г. он представил в Академическое собрание составленное им математическое руководство, заключавшее в себе начальные основания арифметики, геометрии и тригонометрии. Эта работа получила положительный отзыв профессоров С. К. Котельникова и Н. И. Попова, сообщавших в Академическое собрание, «что рассмотренная ими книга сочинена хорошо и студенты академические по ней обучены быть могут с пользою».⁴³³

В 1761 г. Румовский вместе с Н. И. Поповым был послан в астрономическую экспедицию в Сибирь для наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца. Однако ненастная погода в наблюдательных пунктах (в Селенгинске и Иркутске) не благоприятствовала наблюдениям, из-за чего они не имели существенного значения для науки.⁴³⁴

В 1763 г. Румовский был удостоен звания экстраординарного профессора астрономии «за знания его в науках», как говорилось в ордере президента.⁴³⁵ Через шесть лет он совершил вторую астрономическую экспедицию на север

⁴²⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 33.

⁴²⁸ «Solutio problematis Kepleriani. Ex dato sectore invenire semiordinata» (там же, р. 1, оп. 2, № 3; р. V, оп. P-24, № 2, л. 1).

⁴²⁹ Протоколы Конференции, т. II, стр. 293.

⁴³⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 181, л. 271.

⁴³¹ См.: А. П. Юшкевич. Эйлер и русская математика в XVIII в. Труды Института истории естествознания, т. III, М.—Л., 1949, стр. 50.

⁴³² Командировка Румовского длилась с 27 июня 1754 г. по 24 августа 1756 г.

⁴³³ ААН, р. V, оп. P-24, № 8, л. 1, № 9, л. 1. Книга была издана в 1760 г. под заглавием «Сокращения математики, часть первая, содержащая начальные основания арифметики, геометрии и тригонометрии, сочиненная Академии наук адъюнктом Степаном Румовским. В Санктпетербурге, при императорской Академии наук».

⁴³⁴ Подробности см.: В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 87—90.

⁴³⁵ ААН, р. V, оп. P-24, № 12, л. 1.

России, в Колу, для наблюдений вторичного прохождения Венеры по диску Солнца, результаты которых были удачнее, чем в 1761 г.⁴³⁶

С 1766 по 1803 г. Румовский заведовал Географическим департаментом Академии наук, но как руководитель картографических работ не проявил себя чем-либо значительным.⁴³⁷ В эти же годы он состоял членом Комиссии, учрежденной в 1766 г. директором Академии В. Г. Орловым вместо упраздненной Академической канцелярии,⁴³⁸ и принимал деятельное участие в управлении Академией вместе с профессорами Леонардом Эйлером, И.-А. Эйлером, И.-Г. Леманом и С. К. Котельниковым. 19 января 1767 г. Румовский был удостоен звания ординарного профессора астрономии.⁴³⁹ С 1776 по 1783 г. он был инспектором в одном из лучших учебных заведений Петербурга, так называемом Училище для чужестранных одоверцев, или Греческой гимназии. В 1778 г. ему пожаловали чин надворного советника, в 1788 г. — коллежского советника, в 1797 г. — статского советника, в 1799 г. — действительного статского советника, а в 1800 г. назначили на пост вице-президента Академии наук. В течение почти тридцати лет (1783—1812 гг.) Румовский состоял членом Российской Академии и с 1803 г. почетным членом Академии наук.⁴⁴⁰ 20 июня 1803 г. Румовский был назначен попечителем Казанского учебного округа, и в этой должности он оставался до своей смерти, последовавшей 7 июля 1812 г.⁴⁴¹

Научная деятельность Румовского чрезвычайно разнообразна. Кроме работ, относящихся к математике, и речей на академических собраниях, Румовский публиковал свои астрономические и географические наблюдения в виде отдельных сочинений и многочисленных статей почти во всех русских и иностранных периодических изданиях Академии наук. Его «Речь о начале и приращении оптики до нынешних времен», произнесенная в публичном собрании Академии наук 2 июля 1763 г., представляет собой вполне оригинальный, критический и построенный на изучении первоисточников очерк истории оптики, занимающий одно из первых мест среди произведений соответствующей литературы XVIII в.⁴⁴² Большой заслугой Румовского перед историей русского просвещения является сделанный им перевод на русский язык изданного Академией наук на французском языке знаменитого популярного курса физики Леонарда Эйлера «Письма о разных физических и

⁴³⁶ См.: В. Ф. Гнучева, Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв., стр. 108—110.

⁴³⁷ В письме от 4 февраля 1779 г. академик П.-С. Паллас писал, что «кредит руководителя Географического департамента стоит очень низко». См. также его письма к Г.-Ф. Миллеру от 19 и 30 сентября, 21 октября 1779 и 9 января 1780 г. (В. Ф. Гнучева, Географический департамент Академии наук XVIII века, стр. 90—91).

⁴³⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 477, л. 360.

⁴³⁹ Протоколы Конференции, т. II, стр. 590.

⁴⁴⁰ См. послужной список С. Я. Румовского: ААН, р. V, оп. P-24, № 30, л. 2.

⁴⁴¹ См.: Сухомлинов, вып. II, стр. 97.

⁴⁴² См.: С. Л. Соболев, История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. М.—Л., 1949, стр. 202.

философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе». ⁴⁴³ Вместе с И. И. Лепехиным Румовский перевел первый том «Естественной истории» Бюффона, к переводу которой Академия наук приступила в 1787 г. ⁴⁴⁴ Кроме того, Румовский перевел похвальное слово Л. Эйлеру, составленное академиком Н. Фуссом на французском языке, ⁴⁴⁵ и руководство к астрономическим наблюдениям, написанное Ф.-Ф. Шубертом на немецком языке. ⁴⁴⁶

Румовский был одним из главных участников во всех трудах и предприятиях Российской Академии наук. Перевод летописи Тацита с латинского языка принадлежит к числу наиболее важных работ Румовского, как члена Российской Академии. ⁴⁴⁷ Вместе с другими членами Академии наук Румовский участвовал также в составлении русского толкового словаря, приняв на себя объяснение слов, относящихся к математике и астрономии. За труды свои в Российской Академии Румовский получил в 1790 г. золотую медаль, ⁴⁴⁸ присуждаемую на основании академического устава тому из членов, который наиболее «отличился трудом и пользою».

6 июля 1812 г. Румовский умер.

Светов Василий Прокофьевич

Родился в Петербурге 14 апреля 1744 г. Сын каптенармуса Астраханского полка. В 1755 г. поступил в Академическую гимназию. ⁴⁴⁹ Учился с большим прилежанием и основательно прошел полный гимназический курс по ломоносовской программе. 26 августа 1764 г. был произведен в академические студенты, показывая хорошие успехи в языках и науках. ⁴⁵⁰

3 мая 1765 г. профессор А.-Л. Шлёцер, выбирая студентов в заграничную командировку для изучения исторических наук и для усовершенствования в иностранных языках, обратил внимание на Светова и его товарища Венедиктова, несмотря на то, что они были младшими из студентов. «Светов

⁴⁴³ «Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie». Написаны в 1760—1762 гг. Впервые изданы Академией наук в оригинале (по-французски) в 1768—1772 гг. Одновременно Академией наук было начато издание русского перевода, осуществленного Румовским. Первый том русского издания вышел в 1768 г. (одновременно с французским). Популярность «Писем» была настолько велика, что до конца века вышло еще три издания (1785, 1790—1791, 1796 гг.). В начале XIX в. академик Захаров предпринял новый перевод для пятого издания.

⁴⁴⁴ См.: Сухомлинов, вып. II, стр. 130.

⁴⁴⁵ Академические сочинения, выбранные из первого тома «Деяний имп. Академии наук», т. I, СПб., 1801.

⁴⁴⁶ Anleitung zu der astronomischen Bestimmung der Länge und Breite, zum Gebrauche der Herren. Offiziere vom Generalstabe, entworfen von F.-Th. Schubert. St.-Petersburg, 1803.

⁴⁴⁷ Летопись Тацита была издана Академией наук в четырех томах. Первый том вышел в 1806 г., второй и третий — в 1808 г.; четвертый — в 1809 г.

⁴⁴⁸ Оценка научных трудов Румовского и описание его деятельности, как члена Российской академии, даны в его биографии, составленной М. В. Сухомлиновым: Записки Российской академии, вып II, СПб., 1875, стр. 3—157.

⁴⁴⁹ ААН, р. 1, оп. 70, № 2, л. 97.

⁴⁵⁰ Там же, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 121.

и Венедиктов, — сообщал он 7 мая в Академическую канцелярию, — показались мне способными к этому; г. профессор Котельников так же отзывался с похвалою как относительно их прилежания, так и поведения. На другой день оба они, каждый особо, были у меня. Я еще раз проэкзаменовал их в латинском, задал им кое-что перевести с немецкого и французского, и нашел их такими, что думаю, их возможно рекомендовать императорской Академии для посылки в иностранную высшую школу».⁴⁵¹

18 мая 1765 г. Светов получил подробную инструкцию, составленную Шлёцером, с установленным для него планом учебных занятий за границей,⁴⁵² и 15 июня того же года выехал из Петербурга в Геттинген. В эдземном университете он пробыл три года (шесть учебных семестров), прослушав курсы древней, новой и всеобщей истории, стагистики, геральдики, нумизматики и дипломатики. Страсбургские профессора — Гамбергер, Ф.-Г. Вестфельд и И.-Ф. Муррай с большой похвалой отзывались о Светове и считали его образцовым студентом.⁴⁵³ В свободное от университетских лекций время Светов занимался перепиской исторических трудов Шлёцера, в частности его «Нестора».

В июле 1768 г. Академия наук предписала Светову возвратиться из Геттингена, и 19 октября того же года он прибыл в Петербург.⁴⁵⁴ Несмотря на успешное завершение образования и оценку его с самой лучшей стороны, Академическая комиссия не нашла возможным привлечь Светова к научной работе и, оставив его в звании студента, поручила ему учительскую должность в Академической гимназии. 23 марта 1769 г. Светов получил штатное место учителя «российского класса» вместо переведенного на канцелярскую работу в Академию наук учителя В. Костыгова.⁴⁵⁵ Все свободное от занятий время Светов отдавал переводам и в короткое время благодаря необычайному трудолюбию и старательности приобрел известность на этом поприще. 25 октября 1770 г. Академическая комиссия вынесла следующее постановление: «Студента Светова в рассуждении того, что он, отправляя учительскую должность при Гимназии, желает остающееся ему при том свободное время употреблять к переводу книг, в чем он и действительно уже с некоторого времени упражняется с успехом, для большего ободрения к таковым трудам произвести переводчиком».⁴⁵⁶ С этих пор Светов исполнял очень большую работу для «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг», которое высоко ценило и издавало его переводы.

С 1770 по 1779 г. были напечатаны его переводы следующих сочинений:

1. «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов, собраны и хронологическим порядком

⁴⁵¹ Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлёцера, им самим описанная, стр. 329.

⁴⁵² ААН, ф. 3, оп. 1, № 287, лл. 61—63 об. Опубликовано: Сухомлинов, вып. IV, стр. 511—513.

⁴⁵³ См. письма Светова из-за границы и отзывы о нем иностранных профессоров: ААН, ф. 3, оп. 1, № 287, лл. 73, 113—115, 122, 131—132.

⁴⁵⁴ Там же, № 539, л. 313.

⁴⁵⁵ Там же, оп. 9, № 38.

⁴⁵⁶ Там же, оп. 1, № 541, л. 243 об.

расположены Иваном Штриттером, части первая — четвертая. СПб., 1770—1775 гг.».⁴⁵⁷

2. «Османское государство в Европе и республика Рагузская. Из Бюшинговой географии переведены на российский язык Васильем Световым. В СПб. при имп. АН, 1770 года».⁴⁵⁸

3. «Самуила-Георга Гмелина, доктора врачебной науки императорской Академии наук, Лондонского, Гарлемского и Вольного экономического общества члена, Путешествия по России для исследования трех царств естества. Переведено с немецкого, части первая — вторая, в СПб. при имп. АН, 1771—1777 гг.».⁴⁵⁹

4. «О положении, обычаях и народах (древней) Германии. Из сочинений Каия Корнелия Тацита. Переведено с латинского Академии наук переводчиком Васильем Световым. В СПб. при имп. АН, 1772 года».⁴⁶⁰

5. «Начертание истории нынешних знатнейших европейских государств, сочиненное Готфридом Ахенваллом, перевел с немецкого языка Академии наук переводчик Василий Светов. В СПб. при имп. АН, 1779 года».

Научные труды Светова в области русского языка создали ему имя крупного лингвиста и последователя Ломоносова. Академик Я. К. Грот дал следующий отзыв об этой стороне деятельности Светова: «... в его трудах обнаруживается редкое для того времени понимание законов языка, так что в истории русского слова и письма нельзя забыть Светова».⁴⁶¹

Первая работа Светова озаглавлена: «Опыт нового российского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей». Издавая в 1773 г. этот труд, Светов писал в предисловии: «В сем следуя по большей части российской грамматике покойного г. статского советника Михайла Васильевича Ломоносова, старался я избрать среднее между старинным и нынешним новым правописанием, которое от прежнего, в первой половине 18-го века во употреблении бывшего, знатную отмену имеет».⁴⁶² Поводом к появлению труда Светова были многочисленные колебания в русском правописании, изменявшемся по личному вкусу любого писателя и переводчика. Для установления единообразия в правописании Светов считал необходимым узаконить твердые, общепризнанные правила. «Мое намерение, — писал он, — состоит единственно в том, чтобы несогласующихся содружить, неосновательные и странные безобразия исправить или и совсем из письма истребить».⁴⁶³ Устанавливая незыблемость пра-

⁴⁵⁷ «Известия византийских историков» были составлены по поручению Академии наук историком И.-Г. Стриттером. В предисловии Стриттер указал, что он вместе с Световым старался «сообразать его перевод с оригиналом, приискивая несколько сомнительные места в греческом подлиннике».

⁴⁵⁸ Предисловие к переводу написал Светов.

⁴⁵⁹ Первую часть «Путешествия» Светов перевел совместно с А. Я. Поленовым.

⁴⁶⁰ Остальные сочинения Тацита переводил А. Я. Поленов.

⁴⁶¹ Филологические разыскания Я. Грота, т. II. Второе издание, 1876, стр. 191.

⁴⁶² Цит. по кн.: Сухомлинов, вып. IV, стр. 307.

⁴⁶³ Там же, стр. 309.

вописания, Светов руководствовался правилами и примерами Ломоносова, признавая его образцом совершенства. «Опыт» Светова вызвал возражения А. П. Сумарокова, замечания которого об этой книге были, в сущности, направлены против Ломоносова.

Второй филологической работой Светова является составленное им руководство к русской грамматике под названием: «Краткие правила ко изучению языка российского, с присовокуплением кратких правил российской поэзии или науки писать стихи, собрания из новейших писаний в пользу обучающегося юношества». В этой работе Светов также руководствовался преимущественно идеями Ломоносова. Работа была издана уже после смерти Светова — в 1790 г. Кроме того, известна статья Светова «Некоторые общие примечания о языке российском», касающаяся сравнения русского языка с иностранными и отношения его к церковнославянскому, изданная в 1779 г.

В 1782 г. Светов был привлечен к работе по изданию учебников в «Комиссию об учреждении народных училищ»,⁴⁶⁴ но успел составить только первую часть начатого им труда по грамматике, а именно — грамматические таблицы. Последние получили одобрение Комиссии и были изданы в 1783 г.⁴⁶⁵ После смерти Светова 1 марта 1783 г. начатая им работа была передана А. А. Барсову.⁴⁶⁶

Соколов Федор Кондратьевич

Родился в Москве в 1732 г. Сын дьячка. Обучался в Московской славяно-греко-латинской академии, где дошел до класса риторики. Весной 1748 г. прибыл в Петербург в числе десяти учеников, отобранных В. К. Третьяковским для пополнения Академического университета.⁴⁶⁷ В 1757 г. был произведен в младшие академические переводчики с предписанием «в указанные дни приходить в Переводческую палату, где переводить, что приказано будет от Канцелярии или с ведома оной от конференц-секретаря Академического собрания».⁴⁶⁸ 2 сентября 1759 г. Соколова назначили бухгалтером Академической книжной лавки в Москве вместо умершего бухгалтера Штельцеля.⁴⁶⁹

«У продажи книг» Соколов находился до душевной болезни, наступившей, очевидно, в семидесятых годах, когда он был переведен на академическую пенсию. Последние годы своей жизни Соколов провел в Московском Екатерининском госпитале, где умер 30 ноября 1786 г.⁴⁷⁰

⁴⁶⁴ Комиссия была учреждена 7 сентября 1782 г.; во главе ее был поставлен сенатор П. В. Завадовский, а членами назначены академик Ф.-У.-Т. Эпинус и тайный советник П. И. Пастухов.

⁴⁶⁵ Изданы под названием: «Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи, изданное по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины вторыя».

⁴⁶⁶ О научно-литературной деятельности Светова см.: Сухомлинов, вып. IV, стр. 327.

⁴⁶⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 194 об.

⁴⁶⁸ Там же, № 501, лл. 13—14.

⁴⁶⁹ Там же, № 246, л. 22.

⁴⁷⁰ Там же, № 355, лл. 244—245.

Родился в Москве в 1737 г. Сын дьячка. Первоначальное образование получил в Московской славяно-греко-латинской академии, где дошел до класса философии.⁴⁷¹ Весной 1748 г. поступил в Академический университет, но оказался ленивым и неспособным. Кроме того, в Академическую канцелярию неоднократно поступали жалобы на его плохое поведение. В октябре 1748 г. за избивание университетского истопника И.-Д. Шумахер приказал «штрафовать его при собрании всех студентов по спине палкою 20 раз и, сняв с него казенный мундир, одеть в сермяжный кафтан, в котором ходить ему в Университет целую неделю».⁴⁷² Соловьев и его товарищи просили отменить это университетское наказание, и «на первый случай» он был прощен.⁴⁷³ Однако в мае 1750 г. Соловьев снова провинился и на этот раз был отослан по указу Академии наук от 11 мая того же года в Синод для возвращения в Московскую славяно-греко-латинскую академию.⁴⁷⁴

Софронов Михаил

Родился в 1729 г. в городе Устюжне. Сын дьячка. В Академический университет был отобран 13 марта 1748 г. академиком В. К. Тредиаковским из Новгородской семинарии.⁴⁷⁵ Софронова подвергнули испытанию⁴⁷⁶ и как имеющего дарования и склонность к наукам определили на «академическом коште в Университет студентом с жалованием по 4 рубля на месяц и с обмундированием».⁴⁷⁷

В конце 1749 г. Софронов изъявил желание преподавать арифметику в Академической гимназии и по представлению инспектора И.-Э. Фишера был назначен преподавателем второго арифметического класса, получив за «взятый по его охоте излишний труд» вознаграждение в сумме 24 руб. в год сверх положенного ему жалования.⁴⁷⁸ Даровитость Софронова привлекла к нему внимание профессоров Академии. В отчете за 1749 учебный год отмечалось: «Михайло Софронов ко всем почти равное к лекциям прилежание имел и никому из товарищей своих в математике не уступает, также и в философии изрядно ответствовал; в латинском языке изрядно упражнялся; понятия доброго и превеликое к учению желание».⁴⁷⁹

Такую же положительную оценку дал Софронову инспектор Университета профессор Фишер в репорте от 17 февраля 1750 г. На публичном акте Академии наук, состоявшемся 6 сентября 1750 г., по распоряжению прези-

⁴⁷¹ Там же. № 114, л. 194.

⁴⁷² Материалы, т. IX, стр. 422.

⁴⁷³ Там же, стр. 423—424.

⁴⁷⁴ Там же, стр. 405—407.

⁴⁷⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 185.

⁴⁷⁶ Испытание производили профессора М. В. Ломоносов, И.-А. Браун и И.-Э. Фишер.

⁴⁷⁷ Материалы, т. X, стр. 494.

⁴⁷⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 137, л. 723.

⁴⁷⁹ Там же, л. 730.

дента К. Г. Разумовского, Софронов, как лучший студент Академического университета, был награжден шпагой.⁴⁸⁰

В том же 1750 учебном году Софронов вместе со студентами Василием Клементьевым и Иваном Федоровским подал прошение в Канцелярию Академии наук о своем желании, помимо обязательных для него предметов, обучаться химии у М. В. Ломоносова.⁴⁸¹

Экзамены студентам за 1750 г., с 29 мая по 4 июня 1751 г., производили академики М. В. Ломоносов, Г.-В. Рихман, Ф.-Г. Штрубе де Пирмонт, Ф.-У.-Т. Эпинус, И.-А. Браун, Х.-Г. Кратценштейн, С. П. Крашенинников, А.-Н. Гришов и Н. И. Попов. Все они единогласно свидетельствовали о замечательной даровитости и трудолюбии Софронова: «Михайло Софронов на математические и физические вопросы изрядно отвечивал, что, по мнению всех, в числе самых лучших быть удостоен... В физике, а притом и математике придти к совершенству желает, к чему и по нашему рассуждению весьма способен».⁴⁸²

В ноябре 1751 г. в Канцелярию Академии наук поступило ходатайство инспектора Академического университета профессора Крашенинникова о разрешении пригласить Софронова для чтения математических лекций студентам второго курса. 20 ноября последовало разрешение, и Софронов приступил к чтению указанных лекций.⁴⁸³

В декабре этого же года Софронов подал доношение в Канцелярию Академии наук: «Понеже, по регламенту академическому, как адъюнкты, так и студенты не могут иметь произвождения, ежели в тех науках, в которых они больше упражнялись, не окажут специмена, то я по силе регламента старался для оказания моих трудов в той науке, к которой я особливо прилежал, сочинить специмен, который при сем доношении сообщаю. А Канцелярию Академии наук всепокорно прошу, чтобы соблаговолено было оный специмен дать гг. профессорам на рассмотрение, и ежели оный может засвидетельствовать о моих трудах, то со мною учинить милостивую резолюцию. К сему доношению студент Михайло Софронов руку приложил. 1751 года декабря 16».⁴⁸⁴

Работа Софронова «Метод определения давления воды на дугу окружности...» была направлена Канцелярией Академии наук на отзыв в Академическое собрание. Одновременно Шумахер послал ее на отзыв в Берлин Леонарду Эйлеру.

На основании заключения, даного академиками Г.-В. Рихманом, А.-Н. Гришовом и Н. И. Поповым, Академическое собрание 2 марта 1752 г. признало работу Софронова достойной награждения.⁴⁸⁵ Тогда же поступил от-

⁴⁸⁰ Там же, № 460, л. 367.

⁴⁸¹ Там же, № 137, л. 733.

⁴⁸² «Мнение о успехах студентов в науках, которые по указу Канцелярии Академии наук мая от 22 дня сего 1751 году свидетельствованы» (там же, № 153, лл. 325—328).

⁴⁸³ Там же, № 520, л. 432—432 об.

⁴⁸⁴ Там же, № 160, л. 182.

⁴⁸⁵ На предварительном Академическом собрании, происходившем 28 февраля 1752 г., академики постановили: «Вынести суждение об этом специмене на ближайшем заседании, так как присутствовали не все те, для кого это важно». Отсутствовал Ломоносов (Протоколы Конференции, т. II, стр. 266).

звѣ Леонарда Эйлера. Он обратил внимание на математические способности Софронова, не имевшего руководителя по выбранной им специальности, и, указав на замеченные в его первой юношеской работе погрешности, заверил, что с великой радостью готов преподавать ему свои наставления.

Ознакомившись с полученным отзывом, Софронов 9 марта 1752 г. написал следующее письмо Эйлеру:⁴⁸⁶

Преславный муж!

Хотя мне представлялось неуместным отвлекать своим письмом того, кто занят серьезнейшими и углубленнейшими исследованиями, однако, помня, что более всего, как согласишься и ты сам, следует страшиться упрека в неблагодарности, я не мог удержаться от того, чтобы не обратиться к тебе с этим письмом...

Ты не счел недостойным прочтения и поправок мою небольшую юношескую работу, озаглавленную «Метод определения давления воды на дугу окружности» и т. д., как я о том узнал, прочитав сообщенный мне Канцелярией 9 марта 1752 года твой отзыв о моей работе; тогда как и по моему собственному суждению эта работа не так значительна, чтобы заслуживала хотя бы того, чтобы быть представленной тебе на просмотр...

Создавая эту работу, я не предполагал, что она будет послана для прочтения преславнейшему мужу; и далее, я обратился к этому замыслу, не в надежде на награду или на соискание какого-либо достоинства, а лишь для того, чтобы испытать собственные силы и дать моим начальникам и руководителям образец моего усердия и возможность судить о моих успехах, которые я сделал в высшей математике без какого-либо руководителя или спутника, единственно своим трудом и рачением. А что эти успехи совсем малы, ты можешь заключить из того, что прошло лишь около трех лет с тех пор, как я начал понемногу распознавать первые начертания арифметики. Впрочем, даже и это трехлетие не было посвящено мною полностью одной только математике. Причиной было то, что мне приходилось одновременно по необходимости приступить и приобщиться и к другим наукам, знакомства с которыми я был совершенно чужд ранее этого трехлетия.

Поэтому я легко мог впасть в ошибки. Первая ошибка, допущенная мною в § 15, состоит не в предположении постоянного отношения АЕ и АВ, каковое отношение и я всегда принимал за переменное, а в § 15 не делаю об этом никакого упоминания; но так как давление на отдельные элементы как циклоиды, так и основания везде обратно пропорционально самим этим элементам, я считал возможным заключить, что и сумма давлений обратно пропорциональна сумме этих элементов.

Хотя я хорошо знал, что это заключение противоречит тому аналитическому, о котором и ты упоминаешь (к которому я также пришел, прежде чем начал размышлять о геометрическом, и сообщил его некото-

⁴⁸⁶ ААН, ф. 136, оп. 2, № 3, лл. 256—257 об. Подлинник на латинском языке. Русский перевод сделан Я. М. Боровским.

рым), однако, так как в то время я не мог знать, какое из них истинно, то решил включить это геометрическое в свою работу и выждать суждения других о нем.

Что касается второй ошибки в § 18 и следующем, то я допустил ее сознательно. Так как я сам выводил из центра тяжести отношение равенства давлений на полушарии и цилиндр, и равным образом другие открыто говорили мне, что я ошибаюсь в вычислении, если не приду к тому, что получается из центра тяжести, т. е. к отношению равенства. Но так как в то время для меня оставалась скрытой моя главная ошибка, то я предпочел и эту подвергнуть суждению других, чем, не будучи вполне убежденным в истине, спокойно пройти мимо. Сюда присоединяется, что я в этом месте, т. е. в § 18 и следующем, отнюдь не принимал вертикальные сечения полушария за цилиндрические элементы, как показалось тебе. Ошибка заключается в неправильном суммировании давлений на отдельные сечения, как ранее — на отдельные элементы циклоиды. Эти ошибки ты, преславнейший муж, раскрыл мне, но воздать тебе должную благодарность превышает мои возможности.

Остается еще одно, чем я решаюсь затруднять тебя, — полагаясь на твою любезность и благожелательность: просьбой устранить сомнение, которое возникло у меня по поводу § 162 I тома твоей Механики, где встречается такая пропорция

$$\text{В} : \text{АВ} = \text{АД} : \text{АО}$$

Мне кажется, что с большей уверенностью можно заключить, что $\text{В} : \text{АВ} = \text{АД} : 2\text{АО}$ и что треугольники скорее будут подобными, если вместо АО взять 2АО...

Это предположение также имеет связь с дальнейшим в твоей Механике.

Если я и здесь уклонился от правильного пути (о чем и у меня самого не может быть двух мнений), то усердно прошу тебя устранить это мое сомнение и сделать для меня очевидной мою ошибку...

Преславнейшего твоего имени преданнейший и постоянный почитатель студент императорской Академии наук

Михаил Софронов

Петербург, марта 1752 года.

На свое письмо Софронов получил обстоятельный ответ Леонарда Эйлера, положивший начало дружеским отношениям между учеником и знаменитым учителем:⁴⁸⁷

Ученейшему и превосходнейшему юноше Михаилу Софронову
шлет величайший привет Леонард Эйлер.

Твое письмо было мне весьма приятно, ибо оно показало мне, к величайшей моей радости, твое выдающееся рвение в занятиях математикой,

⁴⁸⁷ Там же, № 33, лл. 1—2.

а также значительные успехи, которые ты уже достиг без какого-либо руководства; поэтому я полагаю, что и впредь в мои обязанности перед славнейшей императорской Академией будет входить вся, какую я смогу оказать, помощь твоим занятиям.

Не без основания тебе кажется сомнительным § 162 I тома моей Механики, потому, что не все, что должно быть принято во внимание, изложено достаточно ясно. Итак, прежде всего нужно иметь в виду, что я в этом месте определяю криволинейное движение из прямолинейного, с каковой целью принимаю, что движущаяся точка перемещается не по самой кривой линии, а в каждый элементарный промежуток времени проходит по одной из бесконечно малых хорд кривой и каждую из этих хорд пробегает равномерным движением. . . Ибо, поскольку в предыдущем было рассмотрено только прямолинейное движение, то перейти от него к криволинейному нельзя было иначе, как разлагая последнее на бесчисленные прямолинейные движения.

Итак, пусть тело опишет равномерным движением в некоторый малый промежуток не дужку кривой aA , но ее хорду aA , этим движением оно, если на него не будут действовать никакие силы, в следующий малый промежуток времени должно пройти малый отрезок AB , равный самой хорде aA и расположенный по той же прямой. Но пусть при этом на него воздействует сила, давящая по направлению BD , параллельному нормали AO , так что по истечении второго малого промежутка она окажется не в B , а в D ; отсюда надо будет заключить, что оно за этот малый промежуток прошло малый прямолинейный отрезок AD . Ибо возможно разлагать криволинейное движение на элементарные прямолинейные движения таким же образом, как мы обычно разлагаем сами кривые линии на прямолинейные элементы, и подобно тому как прямолинейные элементы, становясь исчезающе малыми, переходят в кривую линию, так и эти элементарные прямолинейные движения, исчезая, в действительности составят криволинейное движение. Но необходимо все время учитывать основание этого рассуждения.

Таким образом, прямая AB не касается кривой в точке A , а есть продолжение предыдущей хорды aA .

Так как, далее, O есть центр соприкасающейся окружности, то очевидно, что треугольник BAD подобен треугольнику AOD .

Действительно, так как aAD есть дуга окружности, описанной из центра O , а хорды aA и AD можно принять за равные, то $aAO = OAD = ADO$.

Так как, далее, $aAD + OAD + DAB = 2$ прямым $= DAB + 2OAD + AOD + 2OAD = 2$ прямым, то $DAB = AOD$.

Итак, если мы будем учитывать в рассуждении эту необходимую оговорку, то исчезнут все сомнения, и ты сам очень легко уяснишь себе остальное. Будь здоров.

Берлин, 9 мая 1752 г.

В 1753 г. Софронов окончил Академический университет. На выпускном публичном экзамене, происходившем 19 января 1753 г., он получил следующую

шую аттестацию: «Студент Михайло Софронов в математике и физике оказал себя на нынешнем экзамене всех лучшим. Да он же, сверх того, имеет особливые заслуги, что девять человек студентов обучились у него геометрии и алгебре довольно. В поступках хорош. По свидетельству г. Крашенинникова, ректора Университета, гг. экзаменаторам подал две диссертации математические своего сочинения, одну под титулом: способ, как находить частные числа, происходящие от разделения какого-нибудь числа на сколько хочешь других данных чисел, а другую с надписью: догадка, как узнавать при высоких строениях то, чтоб они не покривились с прямого своего стану и не могут ли упасть скоро.⁴⁸⁸ Из чего довольно видеть можно было, что он изрядные успехи в математике оказал и к той науке весьма способен. И ежели он в физике и математике, к которым себя определил, с таким же похвальным прилежанием, с каким поньше в них упражнялся, и впредь происходить станет, то гг. экзаменаторы рассудили единогласно, что он достоин из студентов произведен быть в адъюнкты по академическому регламенту».⁴⁸⁹

27 сентября 1753 г. Софронов представил научную работу на звание адъюнкта Академии «О спрямлении дуг эллипса», которая по постановлению Академического собрания была отослана, как и первая его работа, на рассмотрение Леонарду Эйлеру.⁴⁹⁰ По получении его положительного отзыва, сообщенного в письме советнику Академической канцелярии Шумахеру, 23 декабря 1753 г. последовало распоряжение президента Академии наук об утверждении Софронова в звании адъюнкта и об отправке его для усовершенствования знаний к Леонарду Эйлеру.⁴⁹¹

Весной 1754 г., с открытием навигации, Софронов со своим товарищем Румовским стал готовиться к отъезду. Поручительство о благонравном поведении Софронова — об отсутствии у него «казенных и партикулярных долгов» и каких-либо дел, касающихся его в судебных местах, дали ученик Ломоносова магистр Н. Н. Поповский, переводчик В. Е. Теплов и студенты Е. А. Павинский и П. И. Веденский.⁴⁹² 17 мая 1754 г. Софронову и Румовскому были выданы заграничные паспорта и инструкция от Канцелярии Академии наук, каким образом поступать в науках и на что тратить отпускаемые им деньги.⁴⁹³ Молодые адъюнкты прибыли в Берлин 16 июля 1754 г., уведомив об этом 31 июля Академию наук.⁴⁹⁴ В Берлине Софронов и Румовский поселились в доме Эйлера, где жил адъюнкт С. К. Котельников, посланный прежде них Петербургской Академией для усовершенствования в высшей математике.

⁴⁸⁸ Упомянутые работы Софронова в Архиве Академии наук не сохранились.

⁴⁸⁹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 464, лл. 43, 44 об.

⁴⁹⁰ Протоколы Конференции, т. II, стр. 287.

⁴⁹¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 181, л. 271—271 об.

⁴⁹² Там же, л. 277.

⁴⁹³ Там же, лл. 275—276, 280. Софронову и Румовскому были установлены оклады в сумме 360 руб. в год, в счет которых при отъезде они получили 240 руб. за январскую и майскую трети 1754 г. и одновременно на проезд по 100 руб. каждому.

⁴⁹⁴ Там же, л. 291. Репорт был получен Академией 5 августа 1754 г.

К сожалению, мы не располагаем исчерпывающими документальными материалами о берлинском периоде жизни Софронова. Сохранившиеся в «ученой корреспонденции»⁴⁹⁵ письма Румовского и Котельникова свидетельствуют, что обстановка в доме Эйлера для его русских учеников оказалась очень сложной из-за денежных расчетов за их содержание.

Первым отозвали в Петербург Софронова. Это было связано со следующими обстоятельствами. После того, как по требованию куратора И. И. Шувалова были отправлены для определения в Московский университет три русских магистра — Н. Н. Поповский, Ф. Я. Яремский и А. А. Барсов,⁴⁹⁶ Академический университет в Петербурге оказался в тяжелом положении. В протоколе Академической канцелярии от 17 марта 1755 г. говорилось: «Потребно при Академии иметь такого человека, который бы довольное имел знание в математике, но за отсылкою оных Поповского с товарищами, которые к тому были способны, других определить некого».⁴⁹⁷ Поэтому для замены А. А. Барсова было постановлено: «К г. Эйлеру из Канцелярии отписать, что он его, Софронова, из Берлина отправил в Санкт-Петербург нынешнего лета на первых кораблях, да и к нему, Софронову, о том его сюда немедленном приезде прислать указ».⁴⁹⁸

23 мая 1755 г. Софронов вернулся в Петербург в чрезвычайно неблагоприятное для него время. В начале мая Ломоносов, получив разрешение отправиться до 1 августа на Усть-Рудицкую фабрику, уехал из Петербурга. В Академии царил напряженная обстановка после недавно происходивших резких столкновений Ломоносова с Тепловым в академических экстраординарных собраниях при обсуждении вопроса о пересмотре Академического регламента.

Естественно, что враждебно настроенные против Ломоносова члены Академической канцелярии Шумахер и Теплов неблагоприятно отнеслись к приехавшему молодому русскому адъюнкту, воспитанному Академическим университетом под руководством Ломоносова. Софронова не допустили к чтению лекций и прекратили выплату адъюнктского жалованья, не возместив даже собственных его средств, затраченных на провоз оборудования для Физического кабинета Академии.⁴⁹⁹

Поставленный в затруднительные условия, Софронов в сентябре 1755 г. подал репорт о том, что находится четвертый месяц без назначения и жалованья и просит определить его к какой-нибудь должности.

⁴⁹⁵ «Входящие письма 1756—1766 годов»: ААН, ф. 1, оп. 3, № 46.

⁴⁹⁶ Н. Н. Поповский, наиболее даровитый ученик Ломоносова, получил в Московском университете кафедру красноречия на философском факультете. А. А. Барсов был назначен преподавателем высшей математики, а после смерти Поповского занял его кафедру. Ф. Я. Яремский был определен преподавателем русской и латинской риторики в гимназию Московского университета.

⁴⁹⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 466, л. 85.

⁴⁹⁸ Там же.

⁴⁹⁹ Благодаря доверию, которое Софронов имел у Эйлера, он являлся посредником между последним и Академией. Через Софронова Эйлер посылал свои статьи и предлагал Ломоносову переслать с ним образцы его мозаик (см.: Сочинения М. В. Ломоносова, т. VIII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 165).

Однако просьба Софронова осталась без внимания. Крайняя нужда заставляла его обращаться к ростовщикам, и денежные дела его запутывались все больше. Вскоре за долги у него были взяты все привезенные им из Берлина книги, а последнее платье и вещи удержаны хозяином за квартиру и пропитание.

Ломоносов, не будучи тогда еще членом Академической канцелярии и поглощенный в этот период работой над русской грамматикой, очевидно, не знал о трагедии Софронова.

Канцелярия Академии наук вспомнила о нем только в марте 1756 г., вероятно, в связи с производившимися в это время расчетами с Эйлером за обучение пребывающих у него русских адъюнктов. Как говорилось в указе Канцелярии Академии наук, присланном в Академическое собрание, «адъюнкта Михаила Софронова надлежало освидетельствовать, не потерял ли он те успехи, какие прежде имел, и можно ль его оставить при Академии при какой-либо должности в Университете, и с каким бы по его нынешнему достоинству жалованьем и в чине званием».⁵⁰⁰

Испытание Софронова состоялось в Академическом собрании 4 марта 1756 г. в присутствии Ломоносова, Миллера, Брауна и Гришова, которые единогласно установили, что Софронов добился еще больших математических успехов.⁵⁰¹ И все же 11 марта в отсутствие Ломоносова члены Академического собрания — профессора Гришов, Браун и Попов, — обсуждая вопрос об установлении жалованья Софронову, высказали мнение, что ему вполне достаточно платить 200 руб. в год.⁵⁰² Узнав об этом, Ломоносов выступил с категорическим возражением 13 марта 1756 г. на Исторической конференции, на которую, ввиду обсуждения вопросов об экзамене студентов и учеников гимназии, были приглашены все члены Академии. Ломоносов доказывал, что Софронову надлежит выплачивать полное адъюнктское жалованье «потому, что всяку милостию и добродетелями к доброму поощрению быть может, а убавлением прежнего жалованья охота и рачение отняты бывают».⁵⁰³

Особое мнение Ломоносова не было поддержано Миллером; последний присоединился к предложению профессоров Гришова, Брауна и Попова, которое и было утверждено большинством голосов.

К несчастью Софронова, его определили в помощь к академику Миллеру, неблагоприятно относившемуся к нему, особенно после проявленного участия Ломоносова.

О переводческой деятельности Софронова, в бытность его в распоряжении Миллера, сохранилось немного сведений. В августе 1756 г. он перевел с латинского речь академика И.-Х. Гебенштрейта «Слово о плодородии земли, каким образом оное земледельцы размножить должны», приготовленную для публичного Академического собрания 6 сентября 1756 г.⁵⁰⁴ О переводах за 1757 и 1758 гг. можно судить по сохранившемуся репорту⁵⁰⁵ Софронова в Канцелярию Академии наук, в котором говорится:

⁵⁰⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 207, л. 265.

⁵⁰¹ Протоколы Конференции, т. II, стр. 348.

⁵⁰² Там же, стр. 349.

⁵⁰³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 207, л. 265 об.

⁵⁰⁴ Там же, № 213, л. 65.

⁵⁰⁵ Там же, № 503, лл. 40—41.

1) Переводил я на российский язык переведенную с китайского языка на латинский книгу Шу-Кинг, из которой переведено мною дедикация, предисловие, введение в оную книгу и первая оной часть, что все отдано г. профессору Миллеру.⁵⁰⁶

2) Перевел я речь г. профессора Сальхова, которую надлежало было читать в публичном Академическом собрании.⁵⁰⁷

3) Так же переведена мною читанная в публичном Академическом собрании речь г. профессора Цейгера.⁵⁰⁸

4) Переведено мною описание цветущей в Сарском селе алои и прочих американских алой, которые прежде сего в Европе расцветали; сие описание переписано мною набело и подано в Академическую канцелярию.⁵⁰⁹

5) Переведена так же мною анатомическая диссертация о зарождающемся во чреве матернем младенце, которая от здешней Академии наук награждение получила.⁵¹⁰

6) Переведены мною барометрические и термометрические наблюдения, чинимые профессором Брауном в 1757 году, которые напечатаны в „Ежемесячных сочинениях“.⁵¹¹

7) После чего переводил я и все его наблюдения, чинимые с 1749 году по 1757 год.

8) Перевел я потом читанную в публичном Академическом собрании речь г. профессора Эпинуса о сходстве электрической стали с магнитною, которая речь печатается ныне в академической типографии.⁵¹²

9) Переводил я журналы и протоколы Исторических и Академических собраний, кои каждого месяца подаются в Канцелярию Академии наук, и притом они, переводы, переписываны мною набело.⁵¹³

⁵⁰⁶ Перевод не сохранился.

⁵⁰⁷ Речь «О металлах» (там же, № 221, лл. 80—126). Перевод писан рукой Софронова.

⁵⁰⁸ Речь «О предосторожности, которые при исследовании и подражании натуре соблюдать должно, причем предлагаются некоторые новые физико-математические изобретения» (там же, лл. 104—126). Перевод писан рукой Софронова. Речь читалась на публичном Собрании Академии наук 6 сентября 1757 г.

⁵⁰⁹ «Описание цветущего в Царском Селе американского алоэ, составленное профессором ботаники академиком И.-Х. Гебештрейтом» (там же, № 230, л. 155).

⁵¹⁰ Перевод не сохранился.

⁵¹¹ Метеорологические наблюдения в Санкт-Петербурге велись академиком Брауном с 1744 г. и печатались с примечаниями и таблицами первоначально в «Новых комментариях», а потом в «Ежемесячных сочинениях», издаваемых Миллером.

⁵¹² Перевод речи «О сходстве электрической силы с магнитною» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 231, л. 32) был исправлен Румовским, о чем он сообщал в Канцелярию Академии наук 15 сентября 1758 г. (там же, лл. 24—25).

⁵¹³ «Экстракты протоколов Академического и Исторического собрания» (там же, № 503, лл. 17—34; № 504, лл. 1—37). Писаны рукой Софронова. Эти экстракты подавались ежемесячно президенту Академии наук (см.: там же, № 501, л. 33).

10) Сверх того, переводил и всякие присылаемые в Академическое собрание письма и подаваемые в Канцелярию Академии наук репорты и аттестаты.

11) Между прочим и моими делами исправлял я прошедшего году до вступления нового корректора корректуры в Академических комментариях.

Адъюнкт Михайло Софронов

1759-го году генваря 27 дня.

Кроме того, Миллер привлекал Софронова к переводу своих репортов. Софроновым же переведен составленный Миллером на латинском языке каталог университетских лекций на 1757 г.⁵¹⁴

Характерно, что Миллер не давал Софронову более интересных и близких к его специальности переводов, поручая их другим переводчикам.

Ломоносов пытался улучшить положение Софронова и определить его на преподавательскую работу, которую последний любил и которой занимался, будучи студентом Академического университета. В своем проекте штатного расписания для Гимназии и Университета Ломоносов предлагал назначить учителями «верхнего класса» в «российской школе» Румовского и Софронова.⁵¹⁵ Но утверждение представленного Ломоносовым нового штата Академического университета и Гимназии затягивалось из-за отсутствия общего мнения членов Академической канцелярии и профессоров Академического собрания.⁵¹⁶

Последним ударом для Софронова было последовавшее 1 сентября 1759 г. исключение его из адъюнктов Академии наук по указу президента.⁵¹⁷

Многое о Софронове, и особенно о последних годах его жизни, остается для нас неизвестным. Он умер в большой бедности, замерзнув в сильную стужу 10 февраля 1760 г. на дороге вблизи проезжего дома на Выборгской стороне.⁵¹⁸

Степанов Петр Васильевич

Родился в Москве 23 декабря 1737 г.⁵¹⁹ Солдатский сын. После смерти отца был привезен в Петербург барабанщиком Преображенского полка А. Бухариновым и в январе 1750 г. помещен им в Академическую гимназию.⁵²⁰ В декабре 1761 г. «за успехи и прилежание» был произведен в сту-

⁵¹⁴ Там же, № 220, лл. 3—4 об.

⁵¹⁵ Там же, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 354.

⁵¹⁶ «Новоучрежденный» штат Университета и Гимназии, составленный Ломоносовым, был утвержден президентом Академии наук без согласия членов Академической канцелярии только 14 февраля 1760 г. (там же, ф. 3, оп. 1, № 827, лл. 9—11).

⁵¹⁷ Там же, № 470, л. 279.

⁵¹⁸ Там же, № 252, лл. 12—21 об.

⁵¹⁹ Там же, р. 1, оп. 70, № 2, л. 70.

⁵²⁰ Там же, ф. 3, оп. 1, № 143, лл. 168 об., 172.

денты.⁵²¹ В Университете Степанов занимался преимущественно математикой и 17 июня 1765 г. по рекомендации профессора С. К. Котельникова был определен учителем арифметики и геометрии в Академическую гимназию вместо посланного за границу студента П. Б. Иноходцова.⁵²² 20 октября 1765 г. Комиссия Академии наук вынесла резолюцию уволить Степанова от академической службы и направить его в Герольдмейстерскую контору Сената для определения «в другую команду».⁵²³ Однако в тот же день в Академию наук поступил запрос из Канцелярии Морского шляхетского корпуса о разрешении Степанову перейти в это учебное заведение учителем математики.⁵²⁴ Академия не стала его задерживать, и с ноября 1765 г. Степанов вступил в указанную должность. Можно предполагать, что запрос был сделан по инициативе Котельникова, преподававшего математику в Морском корпусе и пожелавшего взять себе в помощь известного ему Степанова.

Стрежнев Николай Иванович

Родился в Петербурге в 1737 г. Сын солдата Преображенского полка. В феврале 1751 г. по «челобитью» отца был принят в Академическую гимназию «на пробу»,⁵²⁵ а через два месяца по репорту профессора С. П. Крашенинникова «за прилежание и понятие» зачислен на казенное содержание.⁵²⁶

19 февраля 1760 г. на основании аттестации профессоров И.-А. Браунд, Н. И. Попова, К.-Ф. Модераха и адъюнктов Н. Н. Мотониса и Г. В. Козицкого Стрежнева произвели в студенты.⁵²⁷ Своей специальностью он избрал ботанику, но занимался усердно анатомией и химией, считая, «что все упражняющиеся со славою ученые люди в ботанике занимались также медициной и принадлежащими к ней другими науками».⁵²⁸ В августе 1762 г. Стрежнев обратился в Академию наук с ходатайством о предоставлении ему заграничной командировки, ссылаясь на отсутствие в Академии наук профессора натуральной истории. Прошение разбиралось на экстраординарном собрании Академии наук 9 августа 1762 г., во время болезни Ломоносова. По предложению профессора И.-Ф. Миллера Академической канцелярии было предложено «о Стрежневе теперь еще определения не чинить, но дать ему время, покажет ли он чрез год больше успехов и о себе надежды». В 1765 г. Стрежнева «по рассмотрению профессорскому» назначили к переводам в Ведомственную экспедицию, а в 1768 г. по указу Сената определили в помощники к консультанту генерал-прокурора князю А. А. Вяземскому.⁵²⁹

⁵²¹ Там же, № 827, л. 73.

⁵²² Там же, № 476, л. 238—238 об.

⁵²³ Там же, ф. 3, оп. 1, № 292, л. 281—281 об.

⁵²⁴ Там же, № 292, л. 282.

⁵²⁵ Там же, р. I, оп. 70, № 2, л. 74; ф. 3, оп. 1, № 150, л. 215.

⁵²⁶ Там же, лл. 216—217.

⁵²⁷ Там же, № 471, л. 24.

⁵²⁸ Там же, № 270, л. 36 об.

⁵²⁹ Там же, № 539, л. 346 об.

Тамаринский Фадей

Родился в Петербурге в 1733 г. Обучался в Александро-Невской семинарии. 6 апреля 1748 г. был отобран М. В. Ломоносовым и И.-А. Брауном для определения в Академический университет.⁵³⁰ 10 мая того же года выдержал испытание и стал студентом.⁵³¹ В Академическом университете Тамаринский пробыл пять лет и выбыл осенью 1753 г.⁵³² Сведений о его университетских занятиях и о его дальнейшей судьбе в Архиве Академии наук не обнаружено.

Телегин Аврам Исаевич

Родился в Петербурге в 1745 г. Сын барабанщика Астраханского пехотного полка. 14 декабря 1754 г. по «челобитью» отца был принят в Академическую гимназию, «на пробу»,⁵³³ а в 1755 г. за прилежание и успехи, засвидетельствованные инспектором К.-Ф. Модерахом, зачислен в казеннокоштные гимназисты. 26 августа 1764 г. на основании аттестации профессоров И.-Э. Фишера, И.-А. Брауна и С. К. Котельникова Телегина произвели в студенты.⁵³⁴ 13 июня 1765 г. он, по его же прошению, был уволен из Университета и определен в Главную дворцовую канцелярию «к приказным делам».⁵³⁵

Терентьев Игнатий

Родился в Новгороде в 1729 г. Сын церковного пономаря. Обучался в Новгородской семинарии. В 1748 г. поступил в Академический университет.⁵³⁶ К концу учебного года показал весьма посредственные успехи по всем предметам, кроме математики.

После трехлетнего пребывания Терентьева в Университете инспектор И.-Э. Фишер признал, что Терентьев «всего способнее быть может учителем при Гимназии, ибо он, хотя не должного понятия, однако жития изрядного» и годен обучать младший арифметический класс.⁵³⁷ Преподавая в Гимназии, Терентьев продолжал ходить на лекции профессора И.-А. Брауна по философии и заниматься языками. В 1758 г. он обратился с просьбой исключить его из числа студентов и определить «настоящим при Гимназии учителем с производением жалованья против прочих учителей, дабы он тем побуждаем был к наивысшей ревности и прилежанию в отправлении положенной на него должности». Считая, что от Терентьева, как по его летам, так и по природным его дарованиям, нельзя ожидать успехов в науке, Академическая канцелярия постановила удовлетворить его просьбу. 12 декабря 1758 г. Терентьев

⁵³⁰ Там же, № 114, л. 214.

⁵³¹ Там же, № 457, л. 102.

⁵³² Там же, № 465, л. 25 об.

⁵³³ Там же, р. 1, оп. 70, № 2, л. 93 об.

⁵³⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 121.

⁵³⁵ Там же, № 290, л. 143; Протоколы Конференции, т. II, стр. 539.

⁵³⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 114, л. 185 об.

⁵³⁷ Там же, № 153, л. 335.

был исключен из Университета и зачислен в штат Академической гимназии. В должности учителя арифметики он оставался до смерти, последовавшей 26 февраля 1761 г.⁵³⁸

Торбеев Семен

Солдатский сын. В 1764 г. по прошению отца был принят в число казеннокоштных учеников Академической гимназии, в которой обучался четыре года. По отзывам учителей, он «был прилежен и вел себя добропорядочно», обучался математике, географии, рисованию, латинскому, русскому, немецкому и французскому языкам. В 1768 г. его послали в «физическую экспедицию», снаряженную Академией наук под наблюдением академика Д.-И.-А. Гильденштедта «для исследования по государству натуральных вещей». В экспедиции Торбеев находился семь лет, приобретая под руководством Гильденштедта хорошие познания. В Архиве Академии наук сохранилась следующая характеристика, выданная ему 10 ноября 1775 г. Д.-И.-А. Гильденштедтом: «Студент Семен Торбеев, воспитанник гимназии Академии наук, находившись под предводительством моим с 1764 года при физической экспедиции, исполнял во время семилетнего путешествия должность свою исправно. В физических науках приобрел изрядные успехи и добрым своим поведением всегда оказывал себя весьма похвальным, в чем по должности свидетельствую».⁵³⁹ По возвращении из экспедиции Торбеев не остался на академической службе и 26 ноября 1775 г. был уволен из Академии наук.⁵⁴⁰

Федотьев Василий Иванович

Родился 9 апреля 1740 г. в Петербурге. Сын садового мастера. 12 января 1750 г. поступил в Академическую гимназию «на пробу»,⁵⁴¹ а в апреле того же года по представлению инспектора И.-Э. Фишера за прилежание и успехи принят на казенное содержание.⁵⁴² 19 января 1760 г. Федотьева произвели в студенты на основании хорошей аттестации профессоров, публично экзаменовавших выпускных гимназистов в Академическом собрании.⁵⁴³ В Университете он занимался изучением «философии, красноречия, древностей, химии и анатомии». После смерти Ломоносова Федотьев подал заявление с просьбой об увольнении из Университета по собственному желанию и об определении его к переводам. 26 июня 1765 г. за отсутствием штатного места академического переводчика он был отчислен от Академии наук и направлен в Герольдмейстерскую контору Правительствующего сената для определения «в другую команду».⁵⁴⁴

⁵³⁸ Там же, № 260, л. 335.

⁵³⁹ Там же, р. I, оп. 100, № 2.

⁵⁴⁰ Там же.

⁵⁴¹ Там же, оп. 70, № 2, л. 67 об.

⁵⁴² Там же, ф. 3, оп. 1, № 140, л. 261 об.

⁵⁴³ Там же, № 471, л. 24. Аттестаты профессоров Фишера, Брауна, Попова, Модераха, Котельникова и Румовского — там же, № 825, лл. 19—24.

⁵⁴⁴ Там же, № 290, лл. 145, 149.

Родился в Москве в 1723 г. Происходил из разночинцев. Обучался в Московской славяно-греко-латинской академии.⁵⁴⁵ В 1748 г. для продолжения образования поступил в Академический университет, но вследствие недостаточной подготовки и плохого поведения пробыл в нем только один год. 12 апреля 1749 г. по указу, присланному из Москвы Г. Н. Тепловым, Фрязина исключили из Университета «за беспорядочные и бесчинные поступки и невнятность в науках», а 29 апреля того же года отправили обратно в Москву.⁵⁴⁶

Шпынев Герасим Андреевич

Родился в Петербурге в 1741 г. 16 февраля 1749 г. поступил в Академическую гимназию.⁵⁴⁷ В студенты произведен 26 января 1760 г.⁵⁴⁸ Главным предметом своих занятий Шпынев избрал медицину и занимался анатомией у адъюнкта А. П. Протасова до отъезда последнего в Страсбург в 1762 г. В начале августа того же года Шпынев обратился с ходатайством в Академическое собрание о командировании его за границу для дальнейшего усовершенствования в хирургии, мотивируя свою просьбу тем, что после отъезда Протасова «здесь в той науке дальних успехов получить не может».⁵⁴⁹ Однако экзаменовавшие его профессора не сочли возможным удовлетворить его ходатайство ввиду того, «что он, Шпынев, в языках и в фундаментальных науках мало успел».⁵⁵⁰ Тем не менее Ломоносов решил направить его по врачебной дороге и, приняв совет профессора химии И.-Г. Лемана, знавшего Шпынева и согласившегося рекомендовать его «искусному анатому и оператору Г.-Ф. Мелену», направил его 13 августа 1760 г. в Медицинскую контору для обучения в госпитале «под добрым смотрением хирургической науке».⁵⁵¹

13 июня 1765 г. Шпынев, согласно поданному им прошению, был отчислен от Академии и определен на службу в Медицинскую коллегия.⁵⁵²

О последующих годах жизни Шпынева никаких прямых сведений не сохранилось. О нем встречается лишь беглое упоминание в мемуарах Гавриила Добрынина, из которых видно, что Шпынев под конец своей жизни служил в Могилеве вторым секретарем Могилевской провинциальной канцелярии и был особенно приметен, как «ученик славного Ломоносова, человек с латынью, с немецким языком и со стихотворством».⁵⁵³

⁵⁴⁵ Там же, № 114, л. 206.

⁵⁴⁶ Там же, № 458, лл. 132—133; Материалы, т. IX, стр. 745.

⁵⁴⁷ ААН, р. I, оп. 70, № 2, л. 62.

⁵⁴⁸ Там же, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 32.

⁵⁴⁹ Там же, № 270, л. 34.

⁵⁵⁰ Протоколы Конференции, т. II, стр. 485—486.

⁵⁵¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 473, л. 235.

⁵⁵² Там же, № 290, лл. 139, 141—142, 148.

⁵⁵³ Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная (1752—1827). Русская старина, 1871, т. IV, стр. 15.

Родился в 1728 г. в селе Мологинкове, близ г. Котельнича Вятской губернии.⁵⁵⁴ Сын пономаря. Окончив Киевскую академию и получив прекрасное образование за границей, он работал в 1751—1753 гг. в Академии наук, где для обучения натуральной истории был «придан» к профессору С. П. Крашенинникову. В мае 1753 г. при поддержке последнего Щепин получил командировку в Лейден для усовершенствования в ботанике: его прочили в преемники тяжело больного Крашенинникова.⁵⁵⁵ Однако, когда Крашенинников умер (в 1755 г.), его профессорская вакансия была замещена выписанным из-за границы И.-Х. Гебенштрейтом, а на должность адъюнкта при нем назначен тюрингенский ученый И.-Т. Кельрейтер, в то время еще ничем не заявивший о себе в ботанике.⁵⁵⁶ Что касается Щепина, то когда в июне 1756 г. Медицинская коллегия выразила желание перевести его в свой штат, Академическая канцелярия тотчас же ответила на это согласием, потребовав только возместить ей расходы по заграничной командировке Щепина. Эту сделку Ломоносов называл «продажей» Щепина. В лице последнего Академия потеряла превосходно образованного натуралиста и выдающегося педагога.

Юдин Иван

Родился в Петербурге в 1742 г. Сын гренадера Преображенского полка. 13 сентября 1752 г. был принят в Академическую гимназию.⁵⁵⁷ 24 декабря 1761 г. по решению экзаменационной комиссии был произведен в студенты.⁵⁵⁸ Благодаря отличным способностям Юдин выделялся среди академических студентов и 2 июля 1764 г. был представлен Ломоносовым для продолжения изучения математических и физических наук за границей.⁵⁵⁹ Как известно, рассмотрение даного вопроса было отложено из-за болезни Ломоносова и решено лишь после его смерти — 30 мая 1765 г. Академическое собрание постановило верить Юдина вместе со студентом Иноходцовым надзору А.-Л. Шлёцера и отправить их вместе с ним в Германию.⁵⁶⁰ 16 июня 1765 г. оба студента выехали из Петербурга и 14 августа прибыли в Геттинген.⁵⁶¹

Учебный план занятий Юдина был составлен по совету профессора Геттингенского университета А.-Г. Кестнера. Юдину предлагалось слушать у него чистую и прикладную математику и механику, у профессора Мейстера — геометрию, у профессора Гольмана — физику и введение в философию, у профес-

⁵⁵⁴ В. В. Куприянов. К. И. Щепин — доктор медицины XVIII века. Медгиз, М., 1953, стр. 14.

⁵⁵⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, лл. 280—281, 303—304, 308, 313—332; № 464, лл. 321—323.

⁵⁵⁶ Там же, № 700, лл. 181—182; № 128, лл. 173—191.

⁵⁵⁷ Там же, р. I, оп. 70, № 2, л. 83 об.

⁵⁵⁸ Там же, ф. 3, оп. 1, № 827, л. 73.

⁵⁵⁹ Там же, № 282, л. 271.

⁵⁶⁰ Протоколы Конференции, т. II, стр. 538, 540.

⁵⁶¹ См. путевой дневник Иноходцова и Юдина: Журнал происшедших приключений в нашем поезде из Санктпетербурга в Геттинген 1765 года. стр. 376—383.

сора Кольма — французский язык.⁵⁶² Кроме того, профессор Кестнер предложил Юдину в летнее время заниматься у него практической астрономией в обсерватории.⁵⁶³ Геттингенские профессора высоко ценили прилежание Юдина и с большой похвалой отзывались о нем, как об образцовом студенте по успехам и поведению.⁵⁶⁴

13 июня 1767 г., после двухлетнего пребывания за границей, Юдин вернулся в Петербург.⁵⁶⁵ Преждевременная смерть, последовавшая 30 ноября 1768 г., прервала его научную деятельность.⁵⁶⁶ Юдин успел закончить только один труд — перевести с немецкого подлинника вместе со своим товарищем Петром Иноходцовым два тома «Универсальной арифметики» Л. Эйлера, содержащих в себе «образы алгебраического вычисления и правила решения уравнений». Книга вышла в русском переводе в 1768—1769 гг., раньше немецкого оригинала, затем была переиздана в 1787—1788 гг. и в новом, но неполном переводе вышла в 1812 г.

Яремский Филипп Якимович

Родился в 1729 г. в деревне Сабля Новгородской губернии. Попов сын. Первоначальное образование получил в Новгородской семинарии, откуда вынес знание латинского языка. В 1748 г. был отобран профессором В. К. Тредиаковским в академические студенты.⁵⁶⁷ Вскоре Яремский проявил большую склонность к гуманитарным наукам и блестящие ораторские способности. Он выступал на всех публичных экзаменах с речами от имени студентов и читал сочиненные им «приветственные» и «благодарственные» стихи, посвященные от Университета президенту К. Г. Разумовскому. Речи и стихи Яремского на латинском языке с его же переводами сохранились в делах Архива Академии наук.⁵⁶⁸ На выпускном экзамене в 1753 г. Яремский показал знание во всех областях гуманитарных наук, причем его ораторские и стихотворческие способности были отмечены особо профессором И.-Э. Фишером.⁵⁶⁹ На публичном диспуте, состоявшемся 7 сентября 1753 г. «в присутствии разных знатных особ и многих слушателей»⁵⁷⁰ Яремский читал речь о философии Цицероновой и свои латинские стихи.⁵⁷¹ 23 декабря он был утвержден в звании

⁵⁶² Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, им самим описанная, стр. 385.

⁵⁶³ Там же, стр. 372. См. также репорты и доношения Юдина в Академию наук: ААН, ф. 3, оп. 1, № 287, лл. 73, 116, 122, 135—138.

⁵⁶⁴ Там же, р. V, оп. К-18, № 1, л. 1.

⁵⁶⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, № 537, л. 170—170 об.

⁵⁶⁶ Там же, № 539, л. 340.

⁵⁶⁷ Там же, № 114, л. 185.

⁵⁶⁸ Там же, № 174, лл. 41—42.

⁵⁶⁹ Там же, № 137, лл. 747—754. Благодарственные стихи президенту, сочиненные Яремским от имени студентов, напечатаны М. И. Сухомлиновым: Материалы, т. IX, стр. 683—685. Речь на публичном экзамене в 1750 г. — там же, т. X, стр. 703—706.

⁵⁷⁰ Об этом сообщали «Санкт-Петербургские ведомости» 10 сентября 1753 г.

⁵⁷¹ См. «Дело об устройстве в Академии наук вместо публичной ассамблеи диспута студентов под предводительством Брауна»: ААН, ф. 3, оп. 1, № 181,

магистра философии.⁵⁷² 13 апреля 1754 г. Ломоносов возбуждал вопрос о назначении Яремского конректором Академической гимназии,⁵⁷³ но на эту должность был определен Н. Н. Поповский, которого Ломоносов рекомендовал в ректоры названной Гимназии.

В феврале 1755 г. Яремский вместе с Поповским и Барсовым были по требованию И. И. Шувалова переведены в Московский университет.⁵⁷⁴ Из сохранившегося расписания учебных занятий в Московской гимназии на зимний семестр 1757 г. известно, что «магистр Филипп Яремский занимался по 2 часа риторикой, просодией, синтаксисом латинского языка, изъясняя примечания достойных и трудных вещей у авторов и моральных сентенций».⁵⁷⁵ О литературной деятельности Яремского сведений не сохранилось.

лл. 105, 148—150, 160—163. Печатный экземпляр тезисов к публичному диспуту студентов: там же, лл. 223—225.

⁵⁷² Там же, № 464, л. 699.

⁵⁷³ Ломоносов, ПСС, т. 10, стр. 10.

⁵⁷⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 466, л. 60.

⁵⁷⁵ Расписание опубликовано: С. В. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX вв., т. I. СПб., 1912, стр. 226—227.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии наук СССР.
АН	— Академия наук.
Академический регламент	— Регламент имп. Академии наук и художеств в Санктпетербурге. СПб., 1747.
Биллярский	— Материалы для биографии Ломоносова. Собраны экстраординарным академиком П. Биллярским, СПб., 1865.
Ламанский	— В. И. Ламанский, Ломоносов и Петербургская Академия наук. Материалы к столетней памяти его. 1765—1865 года, апреля 4 дня. М., 1865.
Ломоносов, ПСС	— М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений. тт. 1—10, Изд. АН СССР. М.—Л., 1950—1959.
Материалы	— Материалы для истории имп. Академии наук, тт. I—X. СПб., 1885—1900.
МГУ	— Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Пекарский	— История имп. Академии наук в Петербурге, Петра Пекарского, тт. I—II, СПб., 1870—1873.
Протоколы Конференции	— Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год, тт. I—IV. СПб., 1897—1911.
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи.
Сухомлинов	— История Российской академии М. И. Сухомлинова, вып. I—VIII. СПб., 1874—1888.
ЦГАДА	— Центральный Государственный архив древних актов в Москве.
ЦГИАЛ	— Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.
-

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Абрамов И. В. 82, 130—131.
 Абузов Григорий 38.
 Адлер Ягон 13, 14.
 Адодуров В. Е. 33—36, 42, 43, 61.
 Аламбер (д'Аламбер) Ж.-Л. 161.
 Алексей Михайлович 16.
 Алехов А. Н. 22.
 Алер Поль 106.
 Алзинг (Алсинг) 33, 35, 36.
 Алламан И.-Н.-С. 149, 151.
 Альбинус Ф.-Б. 150, 151.
 Альвар (Альварес) Эммануэль 104.
 Ананьев Иосиф 11.
 Андреев А. И. 12, 21, 24, 29.
 Аничков Д. С. 116.
 Антонов Семен 109, 131.
 Апраксин Ф. М. 15, 18.
 Арескин (Эрескин) Роберт 24.
 Афонин И. И. 116.
 Ахенвалл (Ахенвальд) Готфрид 189.
 Багрянский М. И. 143.
 Байер Г.-Э.-Т. 28, 35, 53, 54, 57, 58, 60.
 Бак И. 160, 161.
 Бакланова Н. А. 12.
 Бакмейстер Л.-И. 124, 125, 138, 164.
 Бакунин П. П. 158.
 Барабашев Н. И. 17.
 Барков И. С. 65, 73, 131—133.
 Барковский Иван 132.
 Барсов А. А. 65, 70, 73—77, 102, 133—135, 160, 190, 197, 207.
 Барсов А. С. 11, 40, 168.
 Баумер фон Карл 44, 45.
 Башилов Семен 178.
 Бекенштейн И.-С. 32—35.
 Белокуров С. А. 27.
 Белявский М. Т. 5, 85, 182.
 Беринг Витус 69.
 Бернулли Даниил 32, 33, 35, 56.
 Бернулли Николай 32.
 Берх В. 15.
 Бестужев-Рюмин А. П. 27.
 Беттигер Франц 159.
 Бецкой И. И. 124, 141.
 Бидлоо Говард 22.
 Бидлоо Николай 22—24.
 Бидпай (Пиальпай) 140.
 Биллярский П. С. 43, 50, 62, 77, 79, 88, 93, 97, 115, 117, 130, 141, 183.
 Блида Л.-И. 53.
 Блок Г. П. 6, 58.
 Блондель Франсуа 19, 21.
 Блюментрост Л.-Л. 27, 30—32, 37, 53.
 Бобровникова В. К. 5.
 Бобынин В. В. 145, 146.
 Богомоловский Иоаким 8.
 Богословский М. М. 12.
 Боровский Я. М. 193.
 Бороздин А. К. 5.
 Бранденбург Н. Е. 14.
 Братковский (Елисеев) И. Е. 65, 71, 72, 75—77, 136.
 Браун И.-А. 3, 65, 66, 69, 70, 75, 77—79, 88, 93, 96, 97, 103, 109, 110, 113, 115, 127, 128, 133, 134, 146, 147, 155, 156, 159, 160, 163, 171, 174, 180, 183, 184, 191, 192, 198, 199, 201—203, 206.
 Брауно Эрнест 19.
 Брейтгаупт И. Ю. 27.
 Брызгалов Петр 38.
 Брюс Я. В. 12—14, 20.
 Будилович А. С. 43.
 Буксбаум И.-Х. 32.
 Буле де 102.
 Бург И.-Ф. 106.
 Бургав см. Каау-Бургав.
 Бутов И. 5.
 Бутурлин И. И. 27.
 Бухаринов А. 200.
 Бухвостов Николай 116.
 Бухнер Иоганн 19.
 Буцковский 33, 35, 36.

* Цифры, напечатанные курсивом, указывают на страницы текста, где приведены краткие биографии студентов Академического университета.

- Бычков А. А. 22.
 Бюльфингер Г.-Б. 32, 37, 53.
 Бюргер Михаил 32.
 Бюффон Ж.-Л.-А. 170, 187.
 Бюшинг А.-Ф. 142, 189.
- Вавилов С. И. 9.
 Вальх Б.-Г. 138.
 Васильев Федор 109.
 Веденский П. И. 65, 101, 103, 136—137, 196.
 Веденский С. И. 103, 137—138, 174.
 Вейде А. А. 12, 13.
 Вейтбрехт Иосия 35, 39, 49, 53.
 Венедиктов Василий 109, 123, 128, 138—139, 187, 188.
 Вергилий Марон Публий 10, 68, 105, 113.
 Веселовский И. П. 27.
 Веселовский Павел 28.
 Веселовский Ф. П. 27.
 Вестфельд Ф. Г. 188.
 Вивес И.-А. 143.
 Вильде И.-Х. 49, 50.
 Виниус А. А. 13.
 Виноградов Д. И. 11, 38.
 Винсгейм Х.-Н. 49, 67.
 Вертот Рене Обер 162.
 Винтер Эдуард 25—27.
 Вишнеvский Д. 8, 9.
 Владимирский-Буданов М. В. 5.
 Влакк Адриан 16.
 Вобан Себастиан 19, 21.
 Водопьянов Андрей 127.
 Войков Лука 11.
 Волков А. 38.
 Волков Б. А. 65, 73, 76, 77, 101, 139—140.
 Волков Д. 176.
 Волков Самсон 141—142, 164.
 Воль 33, 36.
 Вольтер (Аруз) Ф.-М. 91, 107.
 Вольф фон Карл 33—36.
 Вольф фон Фридрих 33—36.
 Вольф Христиан 3, 10, 34, 44, 45, 50, 51, 91, 105, 113, 139, 140, 156, 158, 162.
 Волянский Андрей 9.
 Воронцов М. И. 4, 99.
 Воронцов Р. И. 165.
 Воронцов С. Р. 148.
 Воронцовы 148, 165.
 Воскресенский Г. В. 10.
 Вохе 35.
 Врех фон 27.
 Вяземский А. А. 173, 201.
- Габинский Павел 11.
 Гаврилов Михаил 39.
- Гагарин Тимофей 115.
 Гамалея С. И. 142—143.
 Гамбергер 188.
 Гамильтон 33—36.
 Гарнак Яков 102.
 Гатерер Ж.-Х. 138.
 Гаубиус И.-Д. 149, 150.
 Гвин Стефан 12, 15—18.
 Гебенштройт И.-Х. 110, 111, 165, 198, 199, 205.
 Гейман Х.-А. 69.
 Гейнекций И.-Т. 69.
 Гейнзиус Готфрид 49, 50, 99.
 Геллерт Х.-Э. 49, 50.
 Гембицкий Степан 11.
 Гешкель И.-Ф. 71.
 Геннади Г. Н. 133, 184.
 Герасимов Назар 65, 81, 101, 124, 125, 143, 149.
 Герварт И.-Г. 82.
 Геринг И.-К. 57.
 Герман И.-Ф. 152, 169.
 Герман Христиан 62.
 Герман Яков 32.
 Геце 33, 35.
 Гильдемшtedт Д.-И.-А. 203.
 Гинтер И. Я. 19.
 Гиппократ 76, 139.
 Глебов П. 20.
 Глюк Эрнст 26, 27, 53, 58.
 Гмелин И.-Г. 35, 39, 53.
 Гмелин С.-Г. 178, 189.
 Гнучева В. Ф. 17, 157, 175, 179, 180, 185, 186.
 Годенти Петр 100.
 Голберг (Гольберг) барон Людвиг 133, 162.
 Голиков И. И. 15.
 Голицын В. В. 27.
 Головин М. Е. 124, 144—146, 149, 184.
 Головин Н. Ф. 41.
 Головин Ф. А. 15.
 Головкин А. Г. 9, 32.
 Головкин И. Г. 9.
 Головкин Г. И. 27.
 Голощеков Антон 109.
 Гольдбах Христиан 32, 58.
 Голубцов И. И. 11, 40, 49, 62, 105.
 Гольман 156, 157.
 Голятин Иван 11.
 Голятин Федор 11.
 Гоп 150.
 Горацкий Флакк Квинт 10, 68, 73, 97, 105, 113, 114, 133.
 Горин А. Н. 102, 109, 122, 146.
 Горланов Л. П. 38, 101.
 Горленко Андрей 33, 34.
 Горлецкий (Горлицкий) И. С. 11, 40.

Горн Виллиам 24.
Готшед И.-К. 106.
Грайс Ричард 12, 15.
Гран Питер 14, 82.
Грибель 151.
Григорович Вениамин 9.
Гриммель И.-Э. 175, 179.
Гришов А.-Н. 79, 134, 159, 174, 180,
192, 198.
Гросс Х.-Ф. 32, 34, 35, 53.
Грот Я. К. 189.
Гульт фон (Захар Захарович) 24.
Гурьев Иван 127.
Гурьев М. М. 120.
Густав Адольф 143.
Гюбнер Иоганн 26.
Гюнтер И.-Х. 107.

Д'Аламбер см. Аламбер.
Данилевич 10.
Данилов М. В. 20.
Дашкова Е. Р. 144, 145.
Дёвович Семен 79, 170—171.
Де-Буле см. Буле.
Де-Кулон см. Кулон.
Де-Лави см. Лави.
Де-Лабом см. Лабом.
Делабрюйер 178.
Делиль И.-Н. 32, 40.
Делиль-де-ла-Кройер Л. 35, 39.
Денисьевский М. 14.
Десницкий С. Е. 116.
Дидро Дени 161.
Дмитрид Ростовский 11.
Добровольский Петр 65, 146—147.
Добрынин Г. И. 204.
Домашнев С. Г. 126, 143, 144, 152,
155, 165.
Доможиров Степан 116.
Дубровский А. И. 65, 73, 101, 147—
148.
Дуденкова А. И. 148.
Дудин П. О. 87.
Дьяков Федор 115, 116.
Дювернуа И.-Г. 24, 32, 33, 35.

Евклид 16.
Екатерина I 32, 34, 52, 99.
Екатерина II 120, 123, 124, 142,
143, 154, 170, 163, 178, 190.
Елачич Франц 147.
Елизавета Петровна 40—43, 90, 132.
Елисейев А. А. 75.
Елисейев И. см. Братковский
Епифанов П. П. 12, 14.
Ерлен 167, 177.

Забелин С. Г. 116.
Завадовский П. В. 190.

Земарасев В. 125.
Захаров Я. Д. 187.
Зборовский С. В. 116.
Зерцалов Иван 13.
Зотов К. Н. 19.
Зотов Н. М. 27.
Зыбин Е. И. 14.
Зубов В. П. 8, 10, 134.
Зуев В. Ф. 124, 149—154.

Иванов Гур 109, 155.
Иванов Лука 38.
Игнатъев С. Л. 41.
Ильинский Иван 11, 33—36.
Иноходцев П. Б. 102, 109, 122—124,
131, 137, 145, 149, 155—158, 166,
174, 201, 205—206.

Каау—Бургау (Бургау) Авраам 36,
67, 78, 110.
Калиновский Стефан 10.
Каниц Ф.-Л. 107.
Кантемир А. Д. 11, 33—36.
Катилина Луций Сергей 132.
Каргополов Андрей 127.
Катон младший Марк Порций Ути-
ческий 68.
Квашнин-Самарин Василий 55.
Кветницкий Феофилакт 10.
Кельрейтер И.-Т. 148, 205.
Келлер Иоганн 76, 185.
Керро 153.
Кестнер А.-Г. 156, 158, 205, 206.
Кикин А. В. 18.
Клейнфельд Готфрид 33, 35, 36.
Клейнфельд Мартин 33, 35, 36, 49.
Клементьев В. И. 65, 71, 72, 74,
158—160, 192.
Коврин Михаил 40, 41, 49.
Коган Ю. Я. 161.
Кожик Яков 100, 124, 132, 149.
Козельский Ф. Я. 79.
Козельский Я. П. 79, 160—162.
Козницкий Г. В. 102, 109, 112, 114,
146, 166, 173, 174, 178, 201.
Козлов И. Ф. 119.
Колсун Джон 12.
Коль И.-П. 32.
Коменский Я. А. 61.
Кондамин Ш.-М. 99.
Кондоиди Панаюта (Павел Захаро-
вич) 33—36, 42, 124.
Константинов А. А. 75, 76, 162—163.
Концевич Герман 10.
Копецкий Иероним 9.
Кордье Матюрен 107.
Корнелий Непот 106.
Коробкина С. 160, 161.
Корф И.-А. 40, 41, 56—59, 89, 108.

- Корчмин В. Д. 12.
 Костыгов Василий 127, 142, 163—164, 188.
 Косыгов 161.
 Котельников С. К. 6, 28, 49, 50, 78, 108, 113, 117, 120, 124, 127, 128, 131, 138, 146, 156, 171, 174, 176, 183, 185, 186, 188, 196, 197, 201—203.
 Кравет 15.
 Крайский Порфирий 10.
 Крамаренков В. И. 165.
 Крамер А.-Б. 33, 35, 36, 53.
 Крамер Г. 26.
 Крауц Готлоб 105.
 Кратцштейн Х.-Г. 67, 75, 147, 159, 180, 192.
 Крафт Г.-В. 35, 39, 42, 49, 50, 53, 58, 61, 62, 74, 98, 105, 107.
 Крафт Л.-Ю. 144.
 Крачковский И. Ю. 149.
 Крашенинников Василий 124, 132, 149.
 Крашенинников С. П. 11, 38, 69, 77, 79—83, 124, 146, 149, 155, 168, 180, 192, 201, 205.
 Кревиер Луи 162.
 Кременецкий Иван 11.
 Корчмин В. Д. 12.
 Крузиус Христиан 49, 50, 66, 68, 73, 180.
 Крупенников Г. П. 105, 166.
 Кувичинский Анатолий 10.
 Куглер 177.
 Кугорн 21.
 Кузнецов Василий 62.
 Кузнецов С. 109, 122, 166—167.
 Кулон де 14.
 Кулябко Е. С. 6, 74, 76, 88, 112, 126.
 Куприянов В. В. 9, 205.
 Курас Гильмар 105.
 Курбатов А. А. 15.
 Курций Руф 105, 106.
 Кутузов А. М. 143.
 Лави де 100.
 Лабом де Ф. 102.
 Лазарони Г. 133.
 Ламанский В. И. 43, 46.
 Ланге Н. 33, 35.
 Лаппо-Данилевский А. С. 29.
 Лебедев В. И. 11, 40, 49, 104, 105.
 Лев 33, 35.
 Легкой Д. Д. 101, 103, 109, 122, 123, 167.
 Легкой Никита 127.
 Лейбниц Г.-В. 10.
 Лелий 68.
 Леман И.-Г. 114, 115, 186, 204.
 Ланж 102.
 Леонтьев Александр 168.
 Лепехин И. И. 30, 126, 127, 168—170, 187.
 Лерхе И. И. 147.
 Леруа П.-Л. 39, 62.
 Лефорт П. Б. 27.
 Левий Тит 105, 114.
 Линцевский Гервасий 9.
 Липский В. И. 24.
 Лихтен 102.
 Лихуды 9, 11.
 Лобысевич А. К. 79, 170—171.
 Лобштейн И.-Ф. 151, 152, 169.
 Ловиц Г.-М. 131, 157.
 Локк Джон 182.
 Ломоносова Е. М. 162.
 Лоренц И.-М. 177.
 Лосовиков Иван 65, 76, 77, 171.
 Лузанов П. 54.
 Луковников Андрей 109, 171.
 Луллия Раймонд 9.
 Любименко И. И. 151.
 Любецкий Н. И. 149.
 Мавродин В. В. 6.
 Магницкий (Магнетский) Иван 33—36.
 Магницкий Л. Ф. 15—17, 19, 34, 35.
 Манжос Яков 115, 172.
 Мансон Иоганн 19.
 Мартини Христиан 32, 34.
 Марциал Мара Валерий 10, 106.
 Матвеев Андрей 38.
 Матвеев В. А. 109, 172—173.
 Матесон Андрей 33.
 Мейер Ф.-Х. 32, 53.
 Мелен Г.-Ф. 204.
 Менке И.-Б. 31.
 Меншуткин Б. Н. 16, 71.
 Мигалевич Софроний 10.
 Миллер Г.-Ф. 5, 32, 35, 38, 39, 42, 54, 64, 66, 67, 69, 70, 74, 77—80, 84, 85, 88, 89, 92—94, 96—98, 109, 112, 120, 132, 141, 147, 148, 162, 179, 183, 186, 198—200.
 Миллер Г.-Ю. 62, 100.
 Миллер И.-Ю. 109, 173.
 Милович Иван 79.
 Миних фон Б.-Х. 21.
 Михельсон 102.
 Мозгейм И.-Л. 107.
 Миль Хиллард 49.
 Миних фон Б.-Х. 21, 54.
 Модерах К.-Ф. 80, 85, 88, 89, 93, 96, 97, 100—103, 106, 109, 110, 117, 136, 137, 173, 201—203.
 Модзалевский В. Л. 143.
 Модзалевский Б. Л. 50, 145, 163.

- Модзалевский Л. Б. 78, 132, 180—182.
 Модзалевский Л. Н. 44.
 Мозер фон Ф.—К. 162.
 Мокеев Д. Е. 101, 109, 173—174.
 Мольер (Поклен) Ж.-Б. 107.
 Монтеские Ш.-Л. 165, 178.
 Монтескоия см. Монтеские.
 Мотонис Н. Н. 101, 102, 109, 166, 201.
 Мошков Иван 174.
 Мула Фридрих 49, 50.
 Муррай И.-Ф. 138, 156, 157, 188.
 Мутон Х. 140.
 Мюке 33—36.
 Мюллер см. Миллер.
 Надоржинский Денис 33, 34, 35.
 Нартов А. Н. 40, 41, 42, 50, 53.
 Нарышкин А. Л. 11, 19.
 Нарышкин В. Ф. 26.
 Непот Корнелий 105.
 Неронович Иннокентий 10.
 Нестор Печорский 133.
 Никомерд 76, 139.
 Никон 178.
 Новиков Н. И. 143, 182.
 Новосильцов В. Я. 56.
 Ньютон Исаак 16.
 Овенс Н. 35, 36.
 Овидий Назон Публий 10, 106, 165.
 Осуфьев А. В. 119.
 Орлов В. Г. 125, 128, 138, 164, 178, 186.
 Орлов Г. Г. 99.
 Ортгизе Г.-Е. 53.
 Оррио (Ори) Ю.-Ф. 100.
 Остерман А. И. 36, 41, 56.
 Оттвай 162.
 Охтенский Ф. А. 174—175.
 Павинский Григорий 65, 70, 77.
 Павинский Е. А. 65, 175, 179, 196.
 Павлов-Сильванский Н. П. 12, 21, 29.
 Поган де Б.-Ф. 21.
 Пагнин Петр 38.
 Паллас П.-С. 142, 149, 153, 154, 164, 169, 186.
 Папельбаум 33, 35, 36.
 Пассек В. В. 88.
 Пастухов П. И. 190.
 Пашке Готфрид 33, 35, 36.
 Паузе И.-В. 27.
 Паульсен Фридрих 26.
 Пекарский П. П. 11, 16, 32, 37, 39, 40, 42, 43, 53, 55, 64, 74, 76, 77, 80, 83, 112, 125, 141, 144, 184.
 Пенчко Н. А. 5, 6, 78, 115, 166, 172.
 Пеплие 107.
 Перетц В. Н. 27.
 Петр I 8, 9, 11—17, 19—27, 29—31, 37, 38, 40, 41, 54.
 Петр II 54, 58.
 Петр Федорович 49.
 Петровский И. П. 109, 176.
 Пештич С. Л. 6.
 Пизоны 105.
 Пильпай см. Бидпай
 Плавт Тит Макций 10.
 Плиний Секунд Кай (старший) 113.
 Поленов А. Я. 176—179, 189.
 Поленов Д. В. 177, 189.
 Полидорский Иосиф (Осип) 65, 103, 146, 179—180.
 Политанский Константин 9.
 Полоцкий П. Я. 116.
 Полоцкий Симеон 9.
 Поляков Андрей 38.
 Пономарев С. И. 43.
 Поп Александр 83.
 Попов Н. И. 11, 39—41, 49, 67, 77, 109, 114, 128, 147, 159, 175, 180, 185, 192, 198, 201, 203.
 Попов Федор 38.
 Поповский Н. И. 65, 73, 75—78, 83, 84, 102, 105, 134, 147, 160, 166, 180—182, 196, 197, 207.
 Пост 33, 35, 36.
 Постников П. В. 12, 22.
 Почка Антоний 9.
 Предтеченский А. В. 6.
 Прейсер Сигизмунд 116.
 Протасов А. П. 28, 49, 50, 78, 108, 111, 112, 114, 128, 177, 204.
 Прытков (Прыткой), Иван 124, 149, 164.
 Прыткой см. Прытков.
 Публий Теронций Африканский 184
 Пуфендорф С. 19, 34, 179.
 Пушкин А. С. 58.
 Пфеффингер И. 169.
 Пыпин А. Н. 140.
 Рагузинский Савва 11.
 Разумов Алексей 141, 182—183.
 Разумовский К. Г. 51, 52, 63, 64, 84—87, 96, 107, 117, 119, 121, 123, 160, 167, 171, 180, 192, 206.
 Райков Б. Е. 6, 146, 149, 150, 151, 153, 154.
 Расин Ж.-Б. 107.
 Раскин Н. М. 72, 159.
 Рейтер 14.
 Рейхмут Иоганн 27.
 Ремезов Петр 33, 34.
 Рененкампф фон Г.-Д. 33, 34, 36.
 Рененкампф фон Я.-Г. 33, 34, 36.
 Ржевский А. Л. 164.

- Римплер 21.
Рихман В.-Г. 109, 183—184.
Рихман Г.-В. 4, 49, 50, 52, 66, 69, 70, 74, 75, 78, 124, 133, 134, 147, 149, 180, 183—185, 192.
Рихман Ф.-Г. 124, 184.
Рождественский С. В. 11, 21, 123, 163, 207.
Роллен (Роллень) Ш. 162.
Ротгаккер Иоганн 79, 83.
Ртищев Ф. М. 7.
Румовский С. Я. 65, 70, 72, 74—76, 101, 119, 127, 128, 131, 133, 157, 175, 184—187, 196, 197, 199, 203.
Рымша П. И. 79.
- Савич Григорий 9.
Саллустий Крисп 68, 132, 165.
Салтыков Ф. С. 24.
Сальхов У.-Х. 160, 199.
Самарин Н. М. 160, 161, 164.
Сандифор Эдуард 150, 151.
Сатаров 33—36.
Сатаров М. П. 16.
Сатаровы 35.
Сафонов Петр 11.
Светов В. П. 90, 109, 123, 128, 178, 187—190.
Севастьянов А. Ф. 126.
Сегнер И.-И. 74.
Семенников В. П. 143, 154, 165, 178.
Сенека Луций 10, 106.
Сент-Илер 18.
Сергеев В. К. 19.
Сиверс П. И. 19.
Сигезбек И.-Г. 49.
Синский Федор 184.
Сковорода Г.-С. 9.
Сковронские 56.
Скорняков-Писарев Г. Г. 12, 19, 24.
Сменцовский М. Н. 9.
Смирнов В. И. 74, 76.
Смирнов Иван 115—116.
Смирнов С. К. 9.
Снегирев И. М. 163.
Собакин М. Г. 11.
Соболь С. А. 22, 134, 186.
Соколов И. П. 149.
Соколов Ф. К. 65, 190.
Сократ 77.
Соловьев Леонтий 65, 91.
Сопиков В. С. 142, 164.
Софронов Михаил 65, 70, 71, 74—76, 101, 133, 174, 191—200.
Спада 180.
Спенер Ф. Я. 27, 58.
Старков Семен 40, 41, 49.
Стафенгаген И.-И. (Иван Иванович) 74, 138, 164.
- Степанов П. В. 109, 200—201.
Стехман 33, 35, 36.
Страхов П. И. 90, 102.
Страшевский Алексей 38.
Стрежнев Н. И. 109, 201.
Стриттер И.-Г. 125, 189.
Строгановы 66, 100, 118.
Струков Д. П. 13.
Студинский М. В. 65, 77, 101, 124, 125, 149.
Сужи Пьер 82, 132.
Сумароков А. П. 190.
Сухомлинов М. И. 4, 44, 45, 50, 76, 126, 135, 152, 156—158, 169, 184, 186—190, 206.
Сушков Н. В. 115, 166, 172.
- Тамаринский Фаддей 202.
Татищев В. Н. 11, 21, 25, 148.
Тауберт И. И. 6, 42, 76, 83, 85, 99, 112, 115, 117—120, 122, 124, 127, 128, 131, 133, 138, 140, 146, 155, 166, 170, 177.
Тацит Публий Корнелий 105, 179, 187, 189.
Телегин А. И. 109, 202.
Теплов В. Е. 196.
Теплов Г. Н. 40, 43, 49, 63, 67, 70, 74, 80, 85, 92, 94, 117, 119, 170, 197, 204.
Тереньев Игнатий 65, 101, 202—203.
Теренций Афр Публий 10.
Тодорский Симеон 9.
Толстой Д. А. 4, 32, 33, 57, 73, 75, 81, 100, 103, 124.
Торбеев Семен 203.
Тредиаковский В. К. 64, 67—69, 73, 93, 136, 139, 146, 147, 158, 171, 180, 184, 190, 191, 206.
Третьяков Василий 38.
Третьяков И. А. 116.
Трускот (Трускотт) И. Ф. 175, 179.
Тумик см. Тюммиг.
Тургенев И. П. 143.
Тюммиг Л.-Ф. 34, 50, 70, 91, 105, 113, 140.
- Фарварсон Эндрию (Андрей Данилович) 12, 15—19.
Фаренгейт М.-Ф. 33, 35, 36.
Федоров Алексей 55.
Федорович Г.-Ф. 28, 112, 114, 120, 127, 128, 167, 176, 177.
Федоровский И. Н. 65, 71, 72, 77, 192.
Федотьев В. И. 109, 203.
Федр 133.
Фельтен П.-А. 33—36.
Феодосий Великий 143.
Феофан Прокопович 8, 28.

- Фермор Виллиам 180.
 Фик Генрих 21.
 Фиттинггоф фон В.-П. 33—36.
 Фишер Иван 62.
 Фишер И.-Э. 57, 63, 66, 69, 73, 75, 79, 80, 88, 92, 93, 96, 97, 100, 113, 115, 125, 133, 134, 137—139, 143, 146, 167, 171—174, 180, 182, 183, 191, 202, 203, 206.
 Флешье (Флешер) Эспри 143.
 Флоринский Кирилл 79, 184.
 Формей И.-Г. 99.
 Франке А.-Г. 25—27, 58.
 Фрейганг Густав 49.
 Фрейтаг 21.
 Фридрих II 178.
 Фрязин Иван 65, 204.
 Фусс Н. И. 187.
 Хвостов Александр 184.
 Цветаев Д. В. 12, 22.
 Цейгер М.-Э. 110, 199.
 Целларий см. Целлариус.
 Целлариус (Целларий) Х. 69.
 Цицеров Марк Тулий 68, 77, 105, 113, 206.
 Чадов Александр 40, 49.
 Ченакал В. Л. 16.
 Черкасский А. М. 41.
 Черняховский Павел 9.
 Чернышев Э. Г. 143.
 Чирнгаузен Э.-В. 139, 171.
 Чистович И. А. 8, 28.
 Чистович Я. 23.
 Шафиров П. П. 27, 40, 41.
 Шаховской А. А. 163.
 Шванвиц Мартин 58.
 Шванвицы (Шванвичи) 58.
 Шевырев С. П. 182.
 Шенинг Иоганн 101.
 Шепфлин И.-Д. 103, 167, 177.
 Шефер Иоанн 114.
 Шиллинг 33—36.
 Ширинский-Шихматов Иван 116.
 Ширинский-Шихматов Николай 116.
 Шишкерев И. Ф. 49, 179.
 Шихарт 133.
 Шлецер А.-Л. 119, 122—125, 127, 128, 138, 146, 156, 172, 187, 188, 205, 206.
 Шляпкин И. А. 11.
 Шмидт Я.-Ф. 175, 179.
 Шнейдер 33, 35, 36.
 Шофин см. Шоффен.
 Шоффен Давид Этьен 162.
 Шпангенберг И.-К. 3, 79.
 Шпенер Ф.-Я. 25.
 Шперк В. Ф. 21.
 Шпилевский Тихон 125.
 Шпильман Я.-Р. 152, 169.
 Шпынев Г. А. 109, 122, 204.
 Штейнбах К.-Э. 106, 107.
 Штелин Я. Я. 39, 84, 85, 112, 117, 140, 170, 178.
 Штельцель И.-Г. 190.
 Штенгер И.-Г. 81, 82.
 Штранге М. М. 6.
 Шток 14.
 Штрубе-де-Пирмонт Ф.-Г. 66, 69, 112, 180, 192.
 Шу-Кинг 199.
 Шуберт Ф. Ф. 187.
 Шувалов И. И. 3, 4, 83, 84, 89, 93, 166, 172, 181, 182, 207.
 Шувалов П. И. 21.
 Шумахер И.-Д. 31, 33, 37—43, 49, 50, 52, 54, 61, 63, 67, 68, 70, 74, 76, 79, 81, 83—85, 92, 94, 108, 137, 141, 159, 168, 171, 176, 182, 191, 192, 196, 197.
 Щепин К. И. 9, 205.
 Щипанов М. Я. 161.
 Щукин Степан 109, 122, 128.
 Эбергард И.-П. 3, 79.
 Эйзен Иоанн 143.
 Эйлер И.-А. 150, 151, 153, 186.
 Эйлер Леонард 35, 39, 56, 58—61, 76—79, 99, 101, 136, 139, 144, 145, 157, 158, 185—187, 192—194, 196, 197, 206.
 Эйхлер Г.-В. 33, 35, 36.
 Энс (Энц) Аврам 33—36.
 Эпинус Ф.-У.-Т. 62, 74, 109—111, 115, 190, 192, 199.
 Эразм Дезидерий Роттердамский 104.
 Эрескин см. Арескин.
 Эрнест (Эрнести) И.-А. 114.
 Эстерман Генрих 100.
 Ювенал Децим Юний 10.
 Юдин Иван 109, 122, 123, 156, 205—206.
 Юнкер Г.-Ф. 39.
 Юстиниан Великий 34.
 Юсупов Б. Г. 41.
 Юшкевич А. П. 16, 61, 76, 78, 185.
 Яблонцов Иван 11.
 Яворский Стефан 10.
 Ягужинский фон Х.-Г. 33, 36, 56.
 Яремский Ф. Я. 65, 70, 73, 75—77, 83, 84, 102, 134, 197, 206—207.
 Яхонтов Д. Л. 55.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Учебные заведения в России до основания Академии наук	7
Глава II. Первые годы учебной деятельности Академии наук	29
Глава III. Основание Академического университета и борьба М. В. Ломоносова за его реорганизацию	63
Глава IV. Учебные заведения Академии наук в введении М. В. Ломоносова	86
Приложение:	
Краткие биографии студентов Академического университета (1747—1765 гг.)	130
Список сокращений	208
Именной указатель	209

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА КУЛЯБКО

М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук

*Утверждено к печати Институтом истории естествознания
и техники Академии наук СССР*

Редактор Издательства *Е. И. Михлин*. Художник *В. В. Грибакин*

Техн. редактор *М. Н. Кондратьева*. Корректоры *Н. И. Журавлева, А. И. Кау* и *И. А. Кириллова*

Сдано в набор 12/XII 1961 г. Подписано к печати 15/II 1962 г. РИСО АН СССР № 19-3В.
Формат бумаги 60 × 90/16. Бум. л. 63/4. Печ. л. 13 1/2 = 13,5 усл. печ. л. + 7 вкл. Уч.-изд. л. 16,49 + 7 вкл. (0,72). Изд. № 1553. Тип. зак. № 443. М-36033. Тираж 2000.

Цена 1 р. 13 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР

Ленинград, В-164, Мельниковская лин., д. 1

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
35	24 сверху	нуками	науками
81	14 „	„неблаговолено б	„неблаговолено ль
87	6 „	sep	seu
91	19 „	т. е. основание	то есть основание
93	16 снизу	представляло	представляло
137	3 сверху	П. И. Иноходцова.	П. Б. Иноходцова.
144	2 „	Митигорской	Матигорской
157	9 „	geodeticum de	geodeticum de
167	5 „	Легкой Дмитрий Романович	Легкой Дмитрий Дмитриевич
173	14 „	Г. А. Козицкого	Г. В. Козицкого
201	15 снизу	И. -Ф. Миллера	Г. -Ф. Миллера
213	Правый столбец, 26 сверху	Поповский Н. И.	Поповский Н. Н.

Е. С. Кулябко.